

Андрей
Каминский

Проект "Плеяда"

Annotation

Оккультно-эротический трэш на тему альтернативной истории. Действие произведения происходит в том же АИ-мире, что и в «Рейхсколдуне», мире, где СССР терпит сокрушительное поражение от «обновленной Оси»: Третий Рейх, Британская Империя, Япония и Италия, со всеми их союзниками. Красная армия откатилась за Урал и ведет оттуда полупартизанскую войну на два фронта: против наступающего с запада Вермахта и против японских и канадских войск на Дальнем Востоке. В отчаянных попытках спасти сталинский режим НКВД проводит тайные исследования на сверхсекретном Центре в Сибири, стремясь соединить последние достижения науки с тайными знаниями монгольских шаманов. Но «красным Франкенштейнам» противостоит японское «Общество Черного Дракона», направляющее куноити Илту Сато в осаждаемую союзниками Читу.

— Город захвачен!

Слова, прозвучавшие как приговор, сопровождал разрыв очередной бомбы, рухнувшей где-то наверху. Даже в безопасности бункера, на глубине семи метров, стены содрогнулись, посыпалась штукатурка, опасно мигнула тусклая лампочка над потолком. Однако стоявшая возле стола пара — лысоватый мужчина в белом халате и молодая девушка в гимнастерке — казалось, даже не заметили этого, впившись встревоженными взглядами в скуластое лицо высокого мужчины в форме НКВД. Иссиня-черные волосы покрывала пыль, на лбу кровоточила свежая ссадина.

— Сопrotивление наших войск в Чите практически сломлено — бойцы сражаются за каждую улицу, но силы слишком неравны. Северную часть города заняли канадцы, с востока и юга входят японцы с маньчжурами, с запада — семеновцы и прочая контрреволюционная сволочь. Я с трудом ушел от конных патрулей, но думаю, через час-полтора они будут здесь.

— Тогда чего же мы ждем, товарищ Борсоев?! — взволнованно произнес мужчина в белом халате, — нам надо уходить! Быстрее!

Под глазами крикнувшего пролегли черные круги, лицо осунулось, делая ещё более заметным крючковатый нос.

Нквэдэшник вымученно усмехнулся.

— Я бы и рад, товарищ Губельман. Увы, доктор это не так просто сделать. Секретный аэропорт разбомблен, наш пилот убит. Да и если бы он остался цел — небо кишит «Харрикейнами», нас бы сбили, едва мы поднялись с земли. Да и не доберешься сейчас до аэропорта — никто не ждал, что Чита падет так быстро? Улицы кишат разъездами монголов и казаков, а это то еще зверье. Всех подозрительных они расстреливают на месте, а в «подозрительные» у них попасть легче легкого.

— Но что-то же можно сделать!?! — взволнованно произнесла девушка, — Матвей, то есть товарищ Борсоев, мы же не можем... — она прервалась на полуслове, спрятав лицо в ладони. Чекист хмуро посмотрел на красивую девушку, на трясущиеся под кителем плечи и выбившуюся из-под фуражки светлую косу. Тяжело вздохнул и покачал головой.

— Наши еще удерживают эту часть города, — глухо произнес он, — часа полтора у нас есть. У меня приказ товарища Берии — ничто из того, с чем тут работали не должно достаться японцам или канадцам. Нужно уничтожить все материалы и документацию.

— Все?! — изумленно выдохнул доктор Губельман, испуг и растерянность в карих глазах за толстыми стеклами очков на мгновение сменил гнев, — это ведь работа десяти лет!

— Это приказ товарища Берии, — отчеканил работник органов, — выполняйте, Губельман! И вы, товарищ Севастьянова, тоже.

Понурившись, сгорбившийся доктор повернулся к массивному несгораемому шкафу и начал доставать оттуда стопки документов, бросая их на пол в угол. Борсоев вместе с молодой блондинкой вынимал из соседнего шкафа пробирки и колбы, разбивая их о каменный пол. Запах нашатыря, спирта, разных реактивов наполнил воздух, едкие пары, поднимавшиеся от пролитых на полу луж, разъедали слезящиеся глаза. Со звоном разбилась о пол большая банка, из которой выкатилась заспиртованная человеческая голова. Лаборатория на глазах становилась похожа на бойню: пол был залит кровью и слизью, из

расколотых склянок вываливались отрубленные конечности, похожие на человеческие, но поросшие черной шерстью, тут же валялись внутренни органы и какие-то вовсе неопознаваемые груды плоти.

Последней из глубин шкафчика была извлечена большая колба со спиртом. Прежде чем разбить ее Борсоев смачно глотнул прямо из горлышка, после чего обильно полил сваленную в угол груды и жажнул колбу о пол. Чиркнул спичкой, глядя как весело занимаются пламенем пропитанные спиртом бумаги.

— Ну, что теперь товарищ Борсоев, — Губельман шагнул вперед, — теперь мы можем идти?

— Не торопитесь доктор. Время у нас еще есть.

— Вы знаете, как выбраться отсюда? — девушка умоляюще посмотрела на невозмутимого чекиста, в ее больших голубых глазах светились одновременно страх и надежда.

Еще два глухих разрыва послышались наверху.

— Да, товарищ Севастьянова, знаю — кивнул Борсоев, — хотя это и будет нелегко. В свое время здесь построили подземный ход, выводящий прямо в тайгу. О нем знали только пять человек, четверо из них уже мертвы. Я пройду через тайгу, но не вы.

— Что? — непонимающе уставился на него Губельман.

— Вы не пройдете тайгу, доктор, признайте это, — Борсоев поднял руку, в которой тускло блеснул наган, — будьте уверены, что партия не забудет как вы пожертвовали собой ради Родины и Революции.

— Прекратите эти шутки! — Губельман шагнул вперед. Рука чекиста чуть заметно дернулась, раздался выстрел. Низенький доктор скорчился, ухватившись за живот, сквозь белую ткань проступило красное пятно. Прозвучал второй выстрел и Губельман повалился в пылающий в углу костер. Борсоев развернулся к бледной от ужаса девушке.

— Извините, товарищ Севастьянова. Но вы тоже не пройдете тайгу.

— Нет, — выдохнула та, переводя растерянный взгляд с черных ботинок доктора на стоявшего перед ней чекиста, — нет, я...не надо.

— Прости, Наташа — Борсоев поднял пистолет, направляя его в сторону девушки, — я не могу допустить, чтобы ты попала к японцам.

— Нет, — как заведенная повторяла Наташа, — Матвей нет, нет, нет...

Неожиданно ее глаза расширились еще больше, устремившись за что-то позади чекиста. Борсоев развернулся навстречу бесшумно проскользнувшей в лабораторию черной тени. Дальше все произошло так быстро, что русская девушка не успела уловить последовательность событий: тусклый блеск стали, выстрел и в этот же момент, стоявший перед ней рослый чекист словно стал ниже ростом. Что с ним случилось, Наташа поняла лишь тогда, когда ей под ноги окатилась отрубленная голова.

Обезглавленное тело еще какое-то время стояло, покачиваясь, а потом тяжело рухнуло. За ним обнаружилась то, что закрывал спиной чекист — худощавая фигура, затянута в черный костюм и маску с прорезями для глаз. В руках у нее был узкий меч с еще капающей с него кровью. Вытерев его об одежду поверженного врага, убийца в черном вложил оружие в ножны на спине и шагнул вперед. На пути незнакомец брезгливо отпихнул ногой отрубленную кисть, еще сжимавшую пистолет — выстрел прозвучал уже после удара мечом. Рука в черной перчатке поднялась, снимая маску и обнажая красивое женское лицо. Азиатские черты резко контрастировали с ярко-синими глазами, весело глядящими на

перепуганную Наташу.

Затянутый в черную кожу палец поднесся к полным губам.

— Тссс! — улыбнулась незваная гостя. В тот же момент ее рука метнулась вперед, подобно атакующей змее, тонкие пальцы коснулись шеи Наташи и все заволочло тьмой.

Часть первая: «Адская кухня»

— Как писал классик наших союзников: «Стремясь к лучшему, мы часто портим хорошее».

Высокий японец в цветастом халате с драконами, передал через стол фарфоровую чашечку с подогретым саке, затем налил себе и, поуютнее устроившись в кресле, с наслаждением пригубил.

— Не могу сказать, что меня целиком устраивают результаты вашей миссии, но полностью провальной ее тоже назвать нельзя, Сато-сан. В конце концов, «Кокурюкай» знал, кого сюда посылать. До сих пор о вас были наилучшие отзывы и если уж вам не удалось выполнить возложенную на вас миссию, значит на то были веские причины.

Собеседница японца — красивая молодая женщина в белом кимоно, вежливо кивнула, отхлебнув саке из своей чашки и, по так и не изжитой русской привычке, подцепила из ближайшей тарелки кусочек сасими из кальмара. Она уже достаточно знала сидевшего напротив нее человека — настоящего великана для японца, с пышными «кайзеровскими» усами — чтобы понимать, что отнюдь не благодушие характера заставляет его столь вежливо общаться с молодой девушкой, да еще и «хафу». Генерал-лейтенант Сиро Исии, руководитель «Маньчжурского отряда 731», никогда не утруждал себя восточными церемониями с теми, с кем он мог не считаться. Но, к своему счастью, Илта Сато была на слишком хорошем счету у высших руководителей «Кокурюкай» — «Общества Черного Дракона», незримого спрута запустившего щупальца в элиту из элит Страны Восходящего Солнца — ее министров, высших военных чинов, крупнейших промышленников. Хотя Сиро Исии и сам состоял в этом обществе, те, кто послал сюда Илту Сато стояли неизмеримо выше него- и в самом «Кокурюкай» и во всей Империи. Поэтому «папаша Сиро» и проявлял несвойственную ему вежливость.

— Я понимаю ваше разочарование, сансэй, — Илта еще раз отхлебнула саке и потянулась палочками к тарелке с рисом, — но увы, даже мои возможности имеют предел. Честно говоря, вся эта затея была авантюрой внутри еще большей авантюры — наступлении на Читу. Большевики держали тут слишком большие силы, Квантунская армия смогла взять город только потому, что они не ждали, что после Урги мы пойдем сразу на север. Но все равно, нам пришлось попотеть. А этот чертов бункер охранялся сильнее чем что бы то ни было в городе. Если бы вы знали чего мне стоило незамеченной пробраться во все эти катакомбы, разыскать лабораторию, где я чуть с порога не получила пулю в лоб.

— Да, я понимаю, — улыбка Сиро Исии стала чуть шире, от чего не стала искренней, — я читал ваш отчет. И все же попади вы туда хотя бы на полчаса раньше.

Илта развела руками — тут ей крыть было нечем.

— Из-за спонтанности этого наступления, — произнесла она, — меня швырнули туда как-то наспех. Я толком и не успела разобраться, что же мне стоит искать.

— По правде сказать, — сказал Сиро Исии, — для меня это тоже стало неожиданностью. После того, как Приморье было очищено от большевиков, а последствия нашей работы — нейтрализованы, предполагалось, что мы сосредоточимся на Китае. Однако вскоре стало известно, что Советы разрабатывают свой биологический проект...как там он называется?

— «Плеяда».

— Занятое название. Судя по известным нам фактам данный проект — тогда он носил иное название — начал работу еще в середине двадцатых. Вовлечены в него было множество ученых — медиков, биологов, иммунологов. Я не буду сейчас называть имен, но это достаточно известные люди в своей сфере. Вроде к работе над проектом привлекались Институт переливания крови, Государственный институт экспериментальной медицины в Москве и ряд аналогичных учреждений. Большого нам узнать не удалось — несколько наших агентов пропали без вести, а потом и вовсе любая информация о проекте перестала поступать — будто его закрыли. Лишь сравнительно недавно нам удалось узнать, что проект существует и поныне — причем работают над ним у нас под носом, в Чите.

— Что же все-таки изучали там? — невольно заинтересовалась Илта.

— Никто не знает, — развел руками Сиро, — однако судя по привлекаемым кадрам, разрабатывалось там что-то весьма близкое к нашим исследованиям. Возможно, они хотят отплатить нам той же монетой или затевают что-то еще более пакостное. Если бы вам удалось раздобыть нужную документацию — я бы мог сказать вам больше. Сейчас, похоже, придется начинать все с нуля.

— Не совсем, Сиро-сан, — Илта вновь прихлебнула из чашки, — вы разве забыли? У нас есть пленник, вернее пленница.

— А, эта русская, — Исии махнул рукой, — да, хоть что-то, вы правы. Хотя сомневаюсь, что она много знает. Кто она вообще такая?

— Наталья Севастьянова, — ответила Илта, — доктор, совсем недавно приступила к работе. Ей всего двадцать два года — у Советов в последнее время дикий кадровый голод. А поскольку «Плеяда»- проект НКВД, то и она сейчас в звании лейтенанта.

— И чем она занималась в Чите? — спросил Исии.

— Этого я не пока не знаю, — покачала головой Илта, — все что мне о ней известно — имя и звание. Но уже то, что она оказалась в том бункере, рядом с руководителем местного филиала — о многом говорит.

— Филиала? — Исии хищно подался вперед, — я думал, в Чите находится Центр.

— Он был там, — кивнула Илта, — еще до войны. Потом его перенесли куда-то в Сибирь, тут оставили филиал.

— А она знает, где находится этот Центр? — спросил Сиро.

— Должна знать, — пожалала плечами Илта, — надо будет ее расспросить подробнее. Чувствую, выяснится много интересного.

— Что же, возможно вы и правы, — пробормотал себе под нос глава «отряда 731», — ну, у нас найдется достаточно способов разговорить ее.

— С вашего разрешения, сансэй, — произнесла девушка, — я бы хотела сама поработать с Натальей Севастьяновой.

— Поработать? — Сиро Исии подозрительно посмотрел на Ильту, — зачем?

— Хотя бы на случай если она и вправду знает, где Центр. Тогда она может понадобиться нам как проводник, а для этого она должна быть живой и более-менее здоровой. В эффективности ваших методов допроса я ни минуту не сомневаюсь — как и в том, что после них Наталья долго не проживет.

— Хм, — Сиро изогнул косматую бровь, — но ведь мы не можем быть уверены и в ее надежности, как проводника. Кто знает, что взбрдет ей в голову, когда она окажется поблизости от своих?

— Поэтому я и прошу вас позволить мне поработать с ней, — настойчиво продолжала

Илта, — после ваших методов допроса она, даже если и выживет, то затаит злобу, а то и покончит с собой. Таким как она большевики основательно загаживают мозги. Я как следует промою ей их, так что она станет сотрудничать добровольно и с удовольствием.

— Вы и вправду думаете, что сделаете это? — Сиро с интересом посмотрел на девушку, — не много ли на себя берете, Илта-сан?

— Нет, — сказала Илта, отгоняя зароившиеся в голове сомнения, — думаю, у меня все получится. Прошу дать мне возможность, как можно чаще бывать с ней наедине. И пусть она поменьше видит ваших людей — они ее будут только пугать.

— Выходит и мне к ней лучше не подходить? — уточнил Сиро.

Илта молча кивнула, про себя подумав, что уж кто-кто, а «папаша» тут является последним человеком, способным внушить пленнице спокойствие.

— Жаль-жаль, — покачал головой Сиро, — честно говоря, я бы не отказался поучаствовать в перевоспитании большевистской шлюшки в духе верности Императору. Тем более, если она доктор — у нас найдется немало общих тем для разговора.

— Мужчине от женщины обычно нужна не болтовня, Сиро-сан — Илта томно потянулась, как бы случайно распустив пояс, так что приоткрывшееся кимоно показало Исии, что под ним у его гостыи ничего нет. По тому, как блеснули глаза начальника «отряда 731» Илта поняла, что «папаша», известный сластолюбием, попался на крючок. Он и раньше делал ей намеки, но Илта пользуясь своей «неприкосновенностью» делала вид, что не понимает намерений Сиро. Однако с Натальей он был в своем праве — в его власти было не допустить Илту к ней, сославшись на неудачу миссии в Чите. Чтобы Илта получила свободу рук в работе с советской пленницей, «папаша» должен был получить «отступное».

Девушка встала с кресла, скидывая кимоно. Сиро ощупывал ее похотливым взглядом — стройная, поджарая Илта, не была плоской, как большинство японок. Стальные мускулы перекатывались под смуглой кожей, но фигура оставалась женственной: крепкие груди, округлые ягодицы, длинные ноги. Коротко подстриженные черные волосы обрамляли овальное лицо с высокими скулами и слегка раскосыми ярко-синими глазами, делавшими ее столь непохожей на азиатских девушек и от этого-еще более привлекательной. Переступив через сброшенное на пол кимоно, Илта шагнула к Исии, усаживаясь к нему на колени. Жадная мужская рука по-хозяйски прошла по ее прелестям, толстые пальцы больно выкрутили нежный сосок. В ответ девушка впиалась в губы японца долгим жадным поцелуем. В голове ее мелькнула мысль как легко было бы сейчас применить испытанный прием куноити: вырвать корень языка, заставив Исии захлебнуться в собственной крови. Сиро, не догадываясь о кровожадных мечтаниях своей партнерши, оторвался от ее губ и раздвинул колени, сталкивая Илту на пол. Она раздвинула полы халата и слепая змея с набухшей от крови головой протолкнулась меж девичьих губ — половой орган Исии настолько же превышал средние японские размеры, насколько он сам был крупнее среднего японца. Однако Сиро недолго наслаждался оральными ласками, вынув член изо рта куноити и шлепнув ее пару раз по щекам, японец рывком поставил девушку перед собой. Илта, обхватив ногами бедра Сиро, насадилась на его член хлюпающей от влаги промежностью. Исии встал, опрокидывая стул и, продолжая удерживать девушку на весу, повалил ее на мягкий ковер. Ему не нужны были затянутые прелюдии и предварительные ласки — Исии привык к грубому, почти насильственному соитию и Илта старалась не разочаровать «папашу». Острые ногти пропахивали кровавые борозды вдоль невидимых линий нажимая на точки усиливающие мужское возбуждение и мужскую силу. Удовольствие превращалось в

сладкую пытку, боль и наслаждение смешивались воедино и Исии Сиро буквально вколачивал в голубоглазую демоницу свое «орудие», стремясь к тому, чтобы все быстрее закончилось и одновременно не желая этого.

Наконец он разрядился в нее и без сил опрокинулся на спину. Уставшие, но довольные любовники расслабленно лежали на полу. Рука Сиро Исии лениво гладила грудь девушки.

— Ну что же, Илта-сан, — усмехнулся он, — можете считать, что с завтрашнего дня эта русская в полном вашем распоряжении. Надеюсь, ей будет столь же приятно проводить время с вами, как и мне.

Илта Сато криво усмехнулась и потянулась за валяющимся на полу кимоно.

Прошла неделя с тех пор, как Наташу привезли в это ужасное место и с тех пор она сходила с ума от страха и неопределенности. Нет, ее не били, не насиловали, не морили голодом: поместили в уютную камеру, явно предназначенную для большего количества людей — девушка могла выбирать из четырех, прикрученных к полу, кроватей. Кормили ее три раза в день — рис, вареная рыба, мелко порубленная свинина, даже фрукты и сладкие пирожки. Однако вся это сопровождалось полнейшим равнодушием японских охранников, игнорировавших все попытки вступить с ними в разговор. Они же не спускали с Наташи глаз — ночью, когда уставшая от беспрестанного тревожного ожидания девушка смыкала глаза, ее нередко будил фонарь, которым японский охранник светил в смотровое окошко. Несколько раз к ней приходил врач — щуплый японец в роговых очках с медсестрой-маньчжуркой. На ломаном русском ей задавались вопросы о здоровье, достаточно профессионально, как она могла заметить, однако попытки хоть как-то прояснить свою судьбу, были встречены ставшим уже привыкшим полнейшим равнодушием.

Она была здесь не одна — из-за стены справа и слева временами слышались какие-то звуки: приглушенные стеной разговоры, крики, плач, проклятия на разных языках. Время от времени из коридора доносились звуки открываемой двери, команды на японском, звуки ударов и удаляющиеся шаги.

Наташа уже поняла куда попала — в читинском отделении «Плеяды» «Маньчжурский отряд 731» был чуть ли не главной страшилкой, существованием которого во многом и оправдывалось появление проекта. Она помнила, как японское наступление на Дальнем Востоке предварялось вспышками эпидемий среди солдат и гражданских, как она, тогда еще совсем молоденькая студентка медицинского университета сбивалась с ног, ухаживая за больными. Уже позже, попав в «Проект» Наталья узнавала жуткие истории: о бесчеловечных опытах над русскими и китайскими коммунистами, о культивации самых опасных штаммов заболеваний, с помощью которых японские империалисты стремились поставить на колени Страну Советов. Конечно, она еще многого не знала — например, что приносимые ей сладкие пирожки были избавлены от обязательной для остальных заключенных «начинки» из бактерий чумы или тифа. Однако и того, что Наташе было известно, наполняло ее ужасом и отвращением вперемешку с тревогой за собственную участь.

Тревога эта усилилась еще больше, когда на восьмой день заключения, ей не принесли, как обычно, завтрака. Был пропущен обед и ужин — похоже, что ее собирались морить голодом. Подобная перемена не предвещала ей ничего хорошего — и Наташа еще долго вертелась на кровати, только под утро сомкнув глаза.

Разбудил ее шум открывающейся двери и какое-то дребезжание. Удивленная девушка увидела, как охранник вкатывает в комнату небольшой столик на колесиках. На нем

красовались блюда, накрытые серебряными крышками и небольшой кувшинчик. Тут же лежали столовые приборы, стояли фарфоровые чашечки и блюдца.

— Все в порядке, Такаши, можешь идти, — послышался из-за спины японца молодой женский голос. Японец поклонился и отошел в сторону, пропуская в двери вновь пришедшего. Вернее — пришедшую. Глаза Наташи округлились.

— Ты?! — выдохнула она, с удивлением и ненавистью рассматривая виновницу своего появления в этом кошмарном месте. В японской военной форме идеально подогнанной по ее стройной фигуре, с короткой стрижкой на европейский манер, в элегантных сапожках сейчас она мало напоминала черный призрак, возникший перед испуганной Наташей в дверях разгромленной лаборатории. И только глаза — по-азиатски узкие, по-европейски полные глубокой, насыщенной синевы, оставались пугающе узнаваемыми.

— Это я, — кивнула девушка, широко улыбаясь Наташе, словно давно не виденной подруге, — здравствуйте товарищ Севастьянова.

Тот, которым это было сказано, буквально сочился радушием, но за ним особенно за словом «товарищ» даже неискушенная в восточных играх словами Наталья, уловила скрытую насмешку.

— Извини, что я так поздно, — девушка прошла по комнате от двери до стены — да, тесновато у тебя? Ну ничего, это исправимо. Можно присесть? — она остановилась рядом с Наташей, глядя на нее сверху вниз. Русская девушка машинально кивнула, все еще опасливо кутаясь в тонкое покрывало. Ее гостя беззаботно плюхнулась рядом на кровать.

— Поставь сюда, ага — девушка кивнула второму японцу появившемуся рядом с все еще жмущемуся у дверей Такаши. В руках у вновь прибывшего был небольшой чемоданчик, который он поставил рядом с кроватью.

— А теперь оба — брысь отсюда! — она добавила несколько фраз на японском. Непрерывно кланяясь, оба прислужника исчезли за дверью.

— Надоели уже, — доверительно произнесла она, оборачиваясь к Наташе, — ну что перекусим? Ты ведь еще не завтракала сегодня?

— Сутки не кормили, — неохотно кивнула Наташа, невольно приюхиваясь к соблазнительным запахам из-под крышек с блюдами.

— Стажеры, — снисходительно поморщилась девушка, — что с них взять. Ну, так что есть будешь? Тут правда японское все: сасими из тунца, мисоциру, суп со свининой, тофу, рис. Но на голодный желудок сойдет.

Говоря все это, девушка снимала с блюд крышки и аппетитные запахи, расходящиеся по комнате заставили Наташу сглотнуть голодную слюну. Рядом с ней враг, она в логове врагов — но есть, несмотря на это, хотелось все сильнее. Опасливо косясь на гостью, Наташа все же подседа рядом и робко взяла с тарелки ломтик сасими.

— Ты же понимаешь, тут обслуга вся с деревни, привыкла по чашке риса в день есть.

Забыли только, что не все могут так жить. Хорошо, что я хоть поинтересовалась, заставила их тебе поесть принести.

— Спасибо, — Наташа проглотила кусок рыбы и настороженно покосилась на гостью, уминавшую суп, — не стоило обо мне так беспокоиться.

— Ну как же, — девушка посмотрела на плененную докторшу широко распахнутыми глазами, — я, что для того, тебя от сбрендившего комиссара спасала, чтобы ты тут от голода умерла? Давай ешь.

Формально, конечно, она была права — как не крути, если бы не эта фурия в черном,

Борсоев застрелил бы Наташу. Вот только в благородстве помыслов своей спасительницы молодая докторша сильно сомневалась. В памяти всплывали отрывочные, бессвязные воспоминания о пути по КВЖД из Читы в Харбин. Впервые после бункера Наталья очнулась на лежанке в купе. Слышался мерный стук колес, под потолком мерцала тусклая лампочка. В ее свете Наташа увидела девушку в черном костюме, рассеяно пролистывающую ее офицерскую книжку. Увидев, что пленница проснулась она гибким, упругим движением поднялась на ноги и шагнула вперед, доставая из небольшой аптечки на поясе шприц с прозрачной зеленоватой жидкостью. Наташа пыталась отбиться, но ее сопротивление было пресечено несколькими ударами по болевым точкам. Она почувствовала резкую боль в бедре и ее сознание вновь заволочло тьмой. Такое повторялось трижды — два раз в поезде и один в автомобиле, на заднем сиденье которого, словно куль с мукой, валялась обессиленная Наташа. Последнее, что она видела перед собой — огромный забор с колючей проволокой, окруженный глубоким рвом. Из раскрывшихся ворот навстречу им выбегали японские часовые, но далее Наташа не успела рассмотреть — ее стражница увидела, что пленница очнулась и вновь достала шприц. От очередного сна Наташа проснулась уже в камере. Сейчас же в ее мыслях царила полная невнятица — что может означать такое пристальное внимание к ней? Зачем она понадобилась этой странной женщине?

Та, тем временем, откупорила бутылку, разливая по чашкам прозрачную жидкость.

— Давай выпьем за знакомство, — предложила она, — как тебя зовут я уже знаю. А меня зовут Илта, Илта Сато. Ты надеюсь не в обиде, что я была...неласкова с тобой, доставляя сюда?

— Разве я могу обижаться? — невольно усмехнулась Наташа.

— Да как тебе сказать, — пожалала плечами Илта, закусывая креветкой в кляре, — обижаться можно, но не нужно. Я ведь, в конце концов, тебе жизнь спасла, ты забыла?

— Не забыла, — кивнула Наташа.

— Думаешь, зачем я это сделала? — прозорливо предположила девушка, — и не будет ли тебе от этого хуже? Верно?

— Верно.

— Много думаешь, — убежденно произнесла девушка, — это вредно. Что с тобой будет я тебе и так скажу — ты умрешь, — она посмотрела в разом расширившиеся голубые глаза и рассмеялась, — как и я. Мы все умрем, чтобы ты знала, не думай много о том, что будет дальше. Живи сегодняшним днем — он у тебя не самый плохой.

Наташа покрутила головой и залпом опркинула чашку с sake.

— Я же тоже могу на тебя обижаться, — продолжала девушка, — ты же с НКВД, как я понимаю? Не отнекивайся, я листала твои документы. Мою мать забрали когда в Забайкалье «финских фашистов» ловили. Не слышала про таких? В тридцать втором это было. Мать у меня финка, с шведской примесью, еще при царе ее семья сюда переселилась из Выборгской губернии. Тогда ведь много финнов уезжало — кто в Штаты, кто в Канаду, а кто и в Сибирь. Ну, вот и в Забайкалье человек триста переехало. Тут когда Гражданская шла, японцы стояли ну и был там такой — Сато Танаки, капитан из самураев. Мать красавица была — блондинка, глаза голубые, ну он и взял в любовницы. Говорил, что влюбился, что женится и увезет в Японию. Может, врал, а может и нет — сейчас не разберешь. Убили ведь его — даже не красноармейцы, «партизаны», бандиты, шваль краснопузая. Их-то потом семеновцы с японцами нашли — мало никому не показалось, да отца уже не вернуть. На мать уже конечно всем плевать — кто там знал, что ей обещал японец, кому она нужна? А через

полгода японцы ушли из Забайкалья и Семенов ушел тоже. Мать осталась, а потом и я родилась. Радостно не жили, но хоть как-то выживали, до тех пор, пока Усатый не решил по всей стране фашистов ловить. Долго не церемонились — всех финнов, что тут были, обвинили в связях с финской разведкой, а мать так еще и с японской — хоть она с 20-го ни разу в глаза живого японца не видала. Задержали, а потом и расстреляли в овраге каком-то. НКВД расстреляло. Такие вот дела, Наташа, а ты говоришь обижаться. Уж как меня ваши обидели — извини, врагу не пожелаю. А я вот на тебя не обижаюсь, выпиваю даже. Давай еще по одной!

Она подливала Наташе sake и та, все еще держась настороженно, немного обмякла, за обе щеки уминая непривычные, но вкусные яства. За едой Наташа как-то пропустила как Илта подседа к ней все ближе, прижимаясь всем телом. Даже когда тонкие пальцы погладили ее светлые косы, Наташа сдержалась, хотя и невольно вздрогнула, когда молодая женщина коснулась ее шеи. Впрочем, Илта тут же убрала руку и стала предлагать ей попробовать еще каких-то японских деликатесов, подливая sake из заметно облегчившегося кувшинчика. Наташа, за неимением лучшей альтернативы, продолжила есть и пить. В этот же момент рука Илты, проникнув, под покрывало легла на обнаженное Наташино бедро.

— С ума сошла!!?? — пленница отпрянула от Илты, ее била дрожь — от страха, унижения...и как не странно возбуждения.

— Ты мне кое-чем обязана, забыла? — девушка подседа ближе к пятящейся от нее Наташе, — ты что никогда не была с женщиной?

— Нет конечно! — возмущенно выкрикнула русская девушка, — прекрати!

— Перестань глупая! — Илта положила руку ей на талию, придвигаясь ближе, — так мы быстро подружимся. Ну же, поцелуй меня.

Она попыталась сама поцеловать Наташу, но та, вывернувшись, ухватила тарелку с супом и выплеснула его в лицо Илте. В этот же момент Наташа почувствовала жуткую боль под ложечкой и рухнула на пол, на мгновение, потеряв сознание.

Когда она очнулась Илта уже отходила от двери, где из рук всполошившихся охранников приняла таз с водой, ополаскивая в нем лицо и волосы.

— Ну, ты дикарка! — не то с осуждением, не то с одобрением сказала она, — прелесть. Ну что же раз так, вспомним слова вашего дохлого вождя. Как там — «мы пойдем другим путем»?

— Не смей говорить о Ленине, курва фашисткая! — выдавила с пола Наташа.

— Ой, а что будет!?! — в притворном испуге заломила руки Илта, — Ты, кстати, комсомолка?

— Не твое дело, подстилка японская, — Наташа попыталась встать, но новый удар в солнечное сплетение, заставил ее опять рухнуть на пол, судорожно глотая воздух.

— Лежи, юная ленинка! — усмехнулась Илта, — надо же, а я еще не весь ваш жаргон позабыла.

Пока Наташа корчилась на полу, Илта взяла с пола свой чемодан и достала клубок тонкой веревки. Размотав его, финнояпонка подошла к молодой докторше.

— Знаешь, некоторым японским женщинам нравится «шибари», — доверительно сказала куноити, — может понравится и тебе, давай проверим?

С этим словам она ухватила Наташу за косу и заставила усесться на колени. Попытки вырваться Илта пресекла быстро, просто приставив к горлу девушки нож. Больше Наташа не думала о сопротивлении, всхлипывая от унижения и бессильной злобы, когда Илта срывала с

нее нижнее белье. Глаза ее заблестели, когда она рассматривала обнаженное девичье тело. Илта по японским меркам была вполне фигуристой девушкой, но Наташа превосходила ее по всем параметрам: полные круглые груди, широкие бедра, круглые красивые ягодицы и при этом тонкая талия и длинные ноги.

— Выросла в деревне, да? — Илта погладила по бедру гневно сверкнувшую глазами девушку.

— Руки убери, мразь! — не выдержала юная докторша, — я дочь трудового народа, а не фашистская шлюха! Батя мой и против беляков дрался и против япошек твоих, потом в селе кулаков давил. Он как раз в НКВД служил, таких как ты пачками клал. Ты можешь резать меня на кусочки, можешь отрубить мне руки и ноги, можешь...

— Тссс, — тонкий палец прижался к губам блондинки и та поперхнулась на полуслове, взглянув в синие глаза Илты. Сейчас в них не было уже ни прежней насмешки, ни вожделения — только холодная ненависть.

— Ты, Наташа, о таком поменьше вспоминай, — процедила Илта, — тогда и я кое о чем забуду. Я же не все о себе рассказала, да. После того, как мать расстреляли, меня в закрытый интернат отправили. Как «дочь врага народа». С кураторством НКВД как раз. Рассказать, как начальник местного НКВД из того детдома бордель устроил? Как девок, да и мальцов на их пьянки привозили и что там с ними делали? Много могу рассказать, есть что вспомнить. Меня часто к нему водили — синеглазая японка, экзотика же. Прав нет, защитить некому, чуть что не так — придушат как котенка и в овраге за городом прикопают. Ты что ли меня с собой равнять будешь, комиссарское отродье? Ты мне своего папашу в пример ставить будешь? Тот ублюдок из Москвы, к которому меня той ночью повели уж точно повыше чином был. Да только у меня уж сил терпеть не было — я дочь самурая, а не шмара деревенская. Как полез, я бутылку разбила и ему горло осколком перерезала. А потом в окно и ушла в тайгу — наш детдом на окраине был. Как ходила, что испытала — то тебе точно знать не нужно. Нашелся человек, перевел через маньчжурскую границу, а там нашлись и люди — которые и отца знали и мной заинтересовались — как это так, соплюха, четырнадцати лет от роду, полгода в тайге прожила. Так что не рассказывай мне про свое геройство. А то ведь и впрямь — руки-ноги поотрубаю, скажу, что так и было. Делай, что я скажу — проживешь дольше. Все поняла, большевистская сука?

Она пристально глядела в глаза Наташи и та, сглотнув комок в горле, подавленно кивнула. Илта удовлетворенно хмыкнула.

— Спину выпрями.

Она завела руки Наташи за спину и накрепко связала их, дважды обвязав веревками тело девушки, выше и ниже грудей. Упершись сапогом в плечо Наташи, Илта заставила ее лечь на живот, пропуская свободный конец веревки вдоль спины. Другими веревками она связала вместе бедра, колени и лодыжки девушки, и в завершение загнула на спину ноги, связывая лодыжки и запястья. Все это время Наташа почти не сопротивлялась, только жалобно поскуливая от страха. Наконец Илта выпрямилась с удовольствием рассматривая девушку, упакованную как болонская ветчина в сетке.

— Эта поза называется «Гякуэби», — с удовольствием пояснила она, — очень удобно. Ну-ка, — она засунула сапог под грудь девушки и одним сильным толчком перевернула ее на спину. Наташа вскрикнула от боли, когда вес ее тела переместился на связанные лодыжки. Илта принялась раздеваться, с вожделением поглядывая на беспомощную жертву. Сложив форму на кровати, она опустилась на колени рядом с Наташей.

— Шикарное тело, — она провела рукой по животу девушки. Та дернулась, но смолчала, затравленно глядя на Илту. Та рассмеялась и, наклонившись, взяла губами розовый сосок, а ее рука скользнула между ног девушки. Пальцы Ильты скользнули в увлажнившуюся щель и с губ Наташи сорвался протяжный стон.

— Не наааааахххх, — тело ее выгнулось дугой, но Илта удержала связанную девушку на месте. Иронично посматривая на блондинку-комсомолку, она гладила ее между ног, одновременно лаская ее грудь губами и языком. Наташа ненавидела себя сейчас — тело самым подлым образом предавало ее, откликаясь на эти бесстыдные ласки. Она стонала и поддавалась бедрами навстречу дразнящим пальцам. Однако когда она уже была готова кончить, Илта неожиданно отстранилась.

— Не так быстро, товарищ Севастьянова, — улыбнулась она, со вкусом облизав пальцы.

Подойдя к распаханному чемодану, Илта достала небольшую коробочку из черепахового панциря. На нем виднелись китайские иероглифы. Илта приподняла выпуклую крышку и Наташа невольно вздрогнула, увидев тонкие стальные иглы.

— В нашем организме есть много самых разных точек, — промурлыкала Илта, вновь усаживаясь рядом со связанной девушкой, — и если знать их, можно добиться немалой власти над человеческим телом.

Она провела иглой перед глазами девушки, с удовлетворением смотря, как взгляд испуганной жертвы проследовал за ней. Затем Илта скользнула вниз, прижавшись щекой к животу Наташи. Рука с иглой опустилась на поросший светлым волосом холмик и тут же острие вонзилось в напряженный клитор. Наташа вскрикнула от пронзившей тело боли, но Илта заткнула ей рот поцелуем.

— Это не очень больно, — сказала Илта, оторвавшись от Наташи, — но пока я не выну иглу, кончить ты не сможешь.

Ее язык скользнул вниз по плоскому животу и коснулся истекавшего влагой розового разреза. Последующий час Илта изощренно ласкала связанную жертву — губами, руками и языком; тербила и нежно покусывала набухшие от возбуждения соски, лизала истекающую соком промежность, запускала туда шаловливые пальчики, сама сливаясь в жадных поцелуях с изнемогавшей от похоти комсомолкой. Все это время Илта следила, чтобы не задеть иглу, заставляющую Наташу сходить с ума от страсти.

— Пожалуйста, — наконец сорвался с губ сдавленный выдох, — пожалуйста, Илта.

— Что?

— Дай...дай мне...не мучь меня больше. Пож...пожалуйста.

— Ты поняла, как себя надо вести? Ты будешь ласковой с Илтой?

— Ддд...да, буду. Пожалуйста.

Куноити победно ухмыльнулась и ее пальцы, ухватив иголку, выдернули ее из нежной плоти. Тут же Ильта скользнула вниз, засосав нежные складочки, слегка прикусив клитор и чувствуя, как ее рот наполняется солоноватыми соками — Наташа, мучившаяся столько времени, избавлялась от сжигавшего ее желания.

Ленивым движением сытой тигрицы, Илта поднялась, глядя как у ее ног содрогается, кончая, покорное женское тело. Затем вновь перевернула Наташу на спину и, достав из чемодана небольшой нож, разрешила спутавшие ее веревки. В этот же момент ее босая ступня уперлась в затылок советской девушки.

— И запомни это на будущее, чекистка, — она издевательски подчеркнула последнее слово, — я могу быть очень добра с теми, кто меня не разочаровывает, — ее нога сильнее

давила на Наташин затылок, — и в твоих интересах, чтобы я была доброй.

С этими словами она отняла ногу, шлепнула «чекистку» по голому заду и отошла к кровати, где принялась одеваться. Ничуть не стесняясь, она кликнула из коридора охранников, выкативших наружу стол, со всем, что на нем было. При этом японцы старались не смотреть на обнаженных девушек. Одевшись, Илта посмотрела на Наташу, которая, все еще лежа на полу и морщась от боли, разминала затекшие руки. Насмешливая улыбка появилась на лице куноити.

— Я завтра снова приду, — сказала она, — подумай, о том, как стоит себя вести, чтобы я была доброй. До встречи, красавица.

С этими словам Илта вышла за дверь, которую охранник закрыл за ней на замок. Знакомство состоялось.

Взъерошенная оборванная девчонка раздвигает густые еловые лапы. Босые, исцарапанные ноги ступают на мягкий песок обширного пляжа разделявшего сплошную стену тайги и бескрайнюю водную гладь, уходящую за горизонт. Раскосые, ярко-синие глаза на мгновение радостно вспыхивают — все же она дошла до «славного моря». Дальше... дальше будет видно. Не хочется сейчас думать ни о множестве оставленных позади километров, ни о том от чего пришлось бежать в таежную чащу, ни о том, чего ждать впереди. Хочется просто сесть и спокойно смотреть на эту спокойную воду, на отражающееся в ней безлунное, но усыпанное множеством ярких звезд, ночное небо.

Странно, некоторые звезды горят ярче остальных. Вон те несколько, как их называют? Детдомовцам не преподают астрономию, но почему-то это мерцание наполняет сердце смутной тревогой. И в небе и отражаясь в воде эти звезды становятся все ярче и больше, их лучи падают, освещая небольшой скалистый остров недалеко от берега. Странная тревога наполняет сердце Илты и она быстро растет. Хочется шагнуть назад, спрятаться под пологом леса, но ноги предательски отказываются повиноваться.

Что это? В падающем на остров свете начинают мелькать черные частицы — сначала почти незаметные, потом их становится все больше и больше. Пляшущие словно мотыльки перед костром или снежинки в гуще метели. Вот они сливаются, соединяются во что-то странное, напоминающее человеческую фигуру только больше, уродливее, страшнее. Поросшее шерстью мускулистое тело, маленькие глазки, поблескивающие под массивными надбровными дугами, вздернутая толстая губа, обнажающая крепкие зубы. Где-то она уже видела это чудовище, в каких-то книжках о жарких странах.

Огромная обезьяна скалит зубы, неуклюже переминаясь с ноги на ногу на вершине скал. Странно, этот остров, должен быть далеко, почему же она так хорошо ее видит? Не может же это чудовище быть таким здоровым.

Безобразная тварь чем-то разозлена — она скалится, бьет лапами по камню и себя по голове, прижимает распяленную пятерню к своему уродливому лику...и отнимает обратно, держа в руке волосатый лоскут с капающей с него кровью, свисающими ошметками мяса и комками жира. Вместо звериной морды теперь скалится вымазанный кровью череп, в глазницах ворочаются белки, сплошь покрытые красными жилками. Зубастые челюсти жадно клацают, разрывая в клочья собственный скальп. После огромные лапы начинают рвать с тела куски шкуры, срывая ее, как иной бы срывал в спешке одежду. Вот уже полностью освежеванная обезьяна, перетаптывается с ноги на ногу на вершине острова. Ключья шкуры валяются на камнях и их попирают ободранные лапы.

Голая Обезьяна. Красная Обезьяна.

Откуда-то — не с неба ли, не от дальних звезд? — слышится сначала чуть слышный, затем все усиливающийся рокот. Словно кто-то вверху бьет в огромный бубен — и в такт его ударам, мерзкое чудовище начинает неуклюже танцевать, поворачиваясь вокруг своей оси. Во все стороны летят капли крови, которой сочится каждая пора освежеванного тела. Черный камень влажно блестит, лапы чудовища скользят по нему, но Красная Обезьяна умудряется держаться. Неслышный рокот становится все громче, чудовище двигается все быстрее, с его тела сбегают настоящие ручьи крови, стекающие в озерную воду. Кровавые волны плещутся о берег, с шипением выплескивая на него красную пену.

Илта открыла глаза и резко села на кровати.

Впервые за много лет наемная убийца «Черного Дракона» чувствовала что-то подобное: ее била крупная дрожь, по спине стекал холодный пот. Ее охватил страх, но одновременно и какая-то нервная радость. Несмотря на свою финскую и шведскую кровь, она была и дочерью Востока — дикого Востока, степного и таежного, чей голос слышится в волчьем вое, криках атакующих монгольских конников и ударах шаманского бубна. Она знала все здешние приметы и верила им, также как и снам. И этому сну поверила сразу. Осталось только решить- к чему он был?

Руки Илты слегка дрожали, когда она взяла со столика пачку с английскими сигаретами и, черкнув спичкой, закурила, успокаиваясь. Другая ее рука скользнула под тонкий матрас, нащупывая ножны и рукоять меча. Это еще больше вселило уверенность в Илту. Чтобы не бросало ей сейчас вызов, она будет рада встретить его своей катаной!

Пять пар черных глаз-бусинок как по команде уставились на проволочную сетку, за которой вдруг появились другие глаза — большие и синие. Два удара сердца они мерялись взглядами, потом рот под глазами расплылся в улыбке, обнажившей крепкие белые зубы.

— Осторожнее, Илта-сан, — издал предостерегающий крик полный японец в белом халате, но куноити уже не обращала на него внимания, открывая клетку. К протянутой руке устремилось с десятков острых носов, с непрерывно двигающимися ноздрями. Густые усы щекотали кожу, острые клыки мелькали в опасной близости от растопыренных пальцев. С безмятежной улыбкой Илта Сато смотрела на копошащихся в клетке откормленных серых крыс, затем перевернула ладонь вверх. Крупный пасюк запрыгнул на нее и девушка осторожно вынула руку из клетки, захлопнув дверцу. Серый зверек спокойно сидел у нее на ладони, не пытаясь сбежать или укусить девушку.

— Его можно чем-то угостить, Танаки-сан? — не оборачиваясь, спросила Илта.

— Вообще-то, его превосходительство велел не кормить их сегодня, — с сомнением произнес руководитель исследовательской группы, но подал Илте кусочек сахара. Она поднесла его к носу зверька, который ухватил передними лапками лакомство и начал грызть.

— Эта крыса поймана недавно, — удивленно протянул японец, — и она совсем не ручная. Как у вас получается, Илта-сан?

— Это не так уж трудно, — небрежно улыбнулась девушка, — общий язык с животными порой найти куда легче, чем с людьми. Много их тут у вас?

— Честно говоря, не считал, — пожал плечами Танаки, — они так быстро меняются.

Илта посадила крысу на плечо и двинулась вдоль рядов клеток, выстроившихся вдоль стены. В решетку тыкались непрерывно шевелящиеся ноздри — крысы, мыши, кролики, морские свинки, раскормленные чуть ли не до величины собаки. В смежном помещении

находились стеклянные ящики, накрытые мелкой проволочной сеткой, о которую бились бесчисленные комары, москиты и мошка. В воздухе стоял приторный запах гниющего мяса — в стоящих на полу жестяных банках по облепленным клочками шерсти крысиным скелетам, ползали блохи, высосавшие закрепленных специальными зажимами грызунов до последней капли крови.

Это был виварий «Маньчжурского отряда 731», резервуар, откуда Сиро Исии брал подопытный материал для заражения болезнетворными бактериями. Множество практических вопросов распространения бактериологического оружия изучалось именно тут. Как заразить болезнетворными бактериями крыс и блох и осуществить их контакт с человеком? Каким образом распространить множество живых крыс на территории противника или на передовой? Эти и многие другие вопросы, реализация которых уже стоила жизни многим врагам Японской империи, решались здесь.

Но хотя грызуны шли в расход постоянно, их в «Маньчжурском отряде 731» берегли больше чем людей. Илта читала кое-какие засекреченные документы, повествующие об исследованиях Исии и весьма впечатлилась — как смелостью научных разработок, так и поистине дьявольской жестокостью, с которой ради достижения реальных результатов десятки и сотни людей хладнокровно отправлялись на мучительную смерть. Только воспитанница «Черного Дракона», полукровка и сирота, с душой насквозь вымороженной холодом большевистской Сибири, могла испытывать при взгляде на это не страх, не отвращение, но некое извращенное удовлетворение. Она знала, чем обеспечиваются исследования доктора Исии, но была уверена, что смерть каждого из зверски замученных на опытах — замороженных, расчлененных заживо, умерших в горячке, — не была напрасной. Их смерть приближала гибель того, что Илта считала средоточием всего самого мерзкого, подлого, безобразного, что только есть на Земле.

Совдепии.

Режим, поломавший жизнь девочке, оставивший ее круглой сиротой, избивавший, насиловавший, медленно убивавший Илту, в ее глазах заслуживал самой лютой кары. И кто, как не Сиро Исии, был подходящим исполнителем приговора?

Обойдя весь виварий, Илта подошла к клетке и, сняв крысу с плеча, запустила ее обратно.

— Что с ней будет, Танаки-сан? — обернулась она. Тот пожал плечами.

— Генерал Исии приказал поместить эту клетку в отдельное помещение. Их будут кормить тем, что останется от сегодняшнего «бревна».

Позади скрипнула дверь и в виварий вошел низкорослый японец в новенькой форме.

— Его превосходительство Сиро Исии ждет вас возле лаборатории, — кланяясь, сказал адъютант, — пройдемте, Илта-сан.

— Хорошо, — Илта повернулась к Танаки, — спасибо, что помогли скоротать время.

— Не за что, — он пожал плечами, — заходите еще.

Однако когда Илта вышла за дверь, начальник исследовательской группы не мог сдержать облегченного вздоха. Эта девушка, с ее дьявольскими глазами пугала его чуть ли не больше, чем сам «папаша».

Изможденный, будто высохший, человек, привязанный к кушетке, вновь распахнул рот в отчаянном крике. Ему это явно давалось нелегко — даже сквозь стеклянную стену, за которой стояли Исии Сиро и Илта Сато, было видно, что во рту у подопытного не было

языка. Вокруг него сгрудились сотрудники в белых халатах, масках из нескольких слоев марли, белых шапочках, резиновом фартуке от шеи до щиколоток и резиновых сапогах до колен. Наряд дополняли резиновые перчатки и специальные очки. Илта знала, что перед входом в стерильную камеру, все сотрудники еще и прошли по колено в резервуаре, заполненном раствором карболовой кислоты.

— Он военнопленный? — спросила девушка, с холодным любопытством рассматривая обреченную жертву, словно особо крупного таракана, пришиленного булавкой.

— Шпион, — ответил Сиро, — Олег Тернов, диверсант. Пытался организовать покушение на генерала Ямаду, когда тот был с инспекцией в Харбине. Подвела любовь к азиатским женщинам — его выдала маньчжурская проститутка, которая была нашим агентом. Генерал распорядился, чтобы Тернова передали нам.

Илта перевела взгляд на подопытное «бревно». Выглядел шпион ужасно: кожу покрывали уродливые утолщения, кое-где лопнувшие и превратившихся в безобразные язвы. Один из сотрудников вонзил скальпель в грудную клетку и сделал разрез в форме латинской буквы Y. В том месте, куда немедленно были наложены зажимы Кохера, вскипали пузырьки крови пополам с гноем.

— Чума? — деловито поинтересовалась Илта.

— Она самая, — кивнул Исии, — с него несколько часов кормились заражённые блохи. Не так давно я разработал оптимальный метод размножения бактерий чумы в организме блохи — без ложной скромности скажу, что до меня никто этим не занимался. Заражение произошло так быстро, как даже я не ожидал.

Илта перевела взгляд на происходящее — шпиона-неудачника вскрывали заживо. Он уже не кричал — рот его бессильно раскрылся, глаза закатились голова свалилась набок. Только по судорожно подергивающимся рукам можно было понять, что в этом изувеченном куске мяса ещё теплится жизнь. Тем временем из большого разреза сотрудники ловкими натренированными руками один за другим вынимали изъеденные болезнью внутренние органы: желудок, печень, почки, поджелудочную железу, кишечник. Их бросали в стоявшие здесь же ведра, а из ведер перекладывали в наполненные формалином стеклянные сосуды. Один из врачей скальпелем отрезал кусочки плоти и швырял их в большие чаны с темной жидкостью — питательным бульоном для бактерий. Здесь они продолжают размножение, чтобы потом двинуться по испытанному кругу — в блоху, потом в крысу или человека.

— Одно и то же, — сказал Сиро, словно угадав мысли своей спутницы, — вечный круговорот. Что бактерии, что люди — жизнь их одинаково суетлива и бессмысленна, как колесо Сансары. Большевикизм — та же чума, а этот Тернов, как его носитель — та же бактерия. Разве не благом будет для него получить новое воплощение? Разве не сказал учитель Нитэрэн, что «идя по темным улицам, люди, забывают, что есть прямые пути.» Разве не сокрушался мудрейший монах, что умами людей завладевает ложная вера и некому спасти их от духовной слепоты! Освобождая этого человека от множества заблуждений, разве я не следую Истинной Дхарме Будды?

Илта искоса посмотрела на Сиро Исии — нет, он сейчас не шутил, смотря на лежащий на операционном столе уже стопроцентный труп, светлым взором фанатика. С этой стороны «папаша» еще не открывался — куноити всегда была уверена, что на свете нет и не было более бессердечного и беспринципного карьериста, никогда не отказывавшего себе в радостях жизни. Буквально вчера она опять ходила на «ночное совещание» к генерал-лейтенанту. То, что все эти качества уживаются у Сиро Исии с твёрдой религиозностью,

было для нее неожиданностью.

— Кто знает, — продолжал «его превосходительство», — может через перерождение в теле крысиной блохи, для этого большевика начнется путь к Нирване?

Илта с трудом сдержалась от непочтительного хмыкания и перевела взгляд на операционный стол, где настал черед головы. Один из сотрудников скальпелем сделал разрез от уха к носу и начал снимать кожу. После снятия скальпа в ход пошла пила. В черепе было сделано треугольное отверстие, обнажился мозг. Сотрудник отряда взял его в руки и опустил в сосуд с формалином. Несколько чанов уже были закиданы кусочками плоти с мертвого тела, то же что от него осталось, как уже знала Илта, пойдет на корм подопытным крысам.

— Так что там с вашей подопечной, — сказал Сиро, наконец, повернувшись к девушке, — вы нашли общий язык?

— Похоже на то, — пожалла плечами Илта, — хотя до полного перевоспитания пока далеко. Она еще порой артачится, но я вправлю ей мозги.

— Бамбуковой палкой по пяткам, — хохотнул Сиро, — помните, я рекомендовал вам этот метод? Я бы не отказался поглядеть, как вы ее наказываете.

— Я предпочитаю действовать не только кнутом, но и пряником, — сказала Илта, — с ней не так уж сложно работать. После того, как капитан НКВД застрелил доктора, что работал с ней и чуть не пристрелил ее саму, она находится в полной прострации, не знает на что опереться и откуда ждать помощи. В таком состоянии ей нужен хоть какой-то друг.

— И вы грамотно воспользовались ситуацией, — усмехнулся Исии, — похоже, вы и впрямь знаете свое дело. Корень женьшеня, что мы подмешивали в еду, помог?

— Еще как, — рассмеялась девушка, — она же еще и молодая девка, со здоровыми крестьянскими инстинктами. Тот полубурят, Берсоев был еще и ее любовником. От того у нее и шок — он хотел ее пристрелить, хотя мог вывести из города. Ну, я хоть и не мужчина, но как доставить удовольствие женщине знаю давно.

— Даже не сомневаюсь, — Сиро усмехнулся, — вы не забываете, я тоже хочу на это посмотреть.

— Я помню, Сиро-сан, — Илта с трудом скрыла брезгливую гримасу, — уверяю, вы не будете разочарованы зрелищем. Но сейчас мне хотелось бы вас кое о чем попросить.

— Я слушаю.

— Я бы хотела, чтобы Наталью Севастьянову перевели из камеры для «бревен» в мою комнату. И еще — чтобы вы разрешили мне иногда выезжать с ней в город.

— Вы с ума сошли! — Сиро, наконец, оторвался от созерцания зрелища за стеклом и повернулся к девушке, — вы понимаете, на какой риск мы идем?! И ради чего?

— Сиро-сан, мы же по-прежнему зависим от нее, если все-таки надумаем использовать ее как проводника. Она полностью дезориентирована, но еще не созрела для «предательства»- как ей кажется. Но будьте уверены — я найду к ней ключик. У нее не получится обмануть и, тем более, удрать от меня.

— В этом-то я не сомневаюсь, — буркнул Исии, — я сомневаюсь, что она стоит всей этой возни. Она и вправду знает, где находится то, что нам нужно?

— Знает и неплохо, — кивнула Илта, — не раз там бывала. Это где-то в тайге, к северу от Байкала. Она говорит, что проект «Плеяда», что-то вроде нашего, только предназначен не для создания бактериологического оружия, а для борьбы с ним. В ее задачу входит медосмотр и отбор «добровольцев», на которых испытывали новую вакцину.

— Добровольцы?

— Ну, у них так называется — у Советов же все добровольно, — хмыкнула Илта, — На самом деле это «враги народа» и «предатели», которые, по словам Натальи так искупают свою вину перед Советской властью. Их отбирали и после медосмотра, отвозили в Центр, куда Наташу вызывали пару раз для отчета. Только сдается, мне вакцина тут не причем.

— Почему вы так решили? — спросил Сиро.

— Она говорит, что там было множество закрытых помещений, куда ее не пускали. Людей, на которых испытывали вакцину больше никто не видел — впрочем, их могли пустить в расход, чтобы не болтали. К тому же странно — по ее словам это были все женщины.

— Действительно, — хмыкнул Исии, — чума или холера не будет смотреть на пол.

— Вот именно. Единственный раз ей приходилось обследовать мужчин — и это пожалуй самое странное в этой истории. Говорят, что за полгода до нашего наступления в Монголии НКВД устроило настоящую облаву на местных шаманов — монгольских и бурятских. Человек двадцать свезли в Читу, из самых глухих сел, с дальних кочевий. Медосмотр — Наташа говорит, это ее особенно удивило — был самым беглым, женщин осматривали куда тщательнее. А потом их увезли на север.

— Странно, — Сиро нахмурился, — хотя какое нам дело до них.

— Возможно, именно тут кроется ключ, к разгадке истинных целей «Плеяды», — предположила Илта, — уж шаманы точно не помогут им создавать вакцину. Ну и еще — вы можете не верить в шаманский дар, но поверьте человеку, который родился в Забайкалье и полгода прожил в тайге — это не то, чем стоит пренебрегать в здешних краях.

— Может вы и правы, — задумчиво кивнул Сиро, хотя в глазах по-прежнему читалось скептическое выражение, — так и что это нам дает?

— Пока не знаю. Поэтому я и хочу попросить у вас разрешения съездить в Ургу. Кажется, я знаю, кто там может нам помочь.

— Как это уезжаешь? А как же я? Ты бросаешь меня тут?!

Наташа уселась на кровати, возмущенно глядя на стоящую у двери Илту.

— Я вернусь через несколько дней, — невозмутимо произнесла куноити, — ты даже соскучиться не успеешь. Так что не волнуйся.

— С чего ты взяла, что я буду по тебе скучать? — фыркнула Наташа, — думаешь, я такая наивная дура, что поверю, что ты заботаешься обо мне от чистого сердца? Я тебе нужна — тебе и людоеду, что тут за главного. Просто вижу я как эти узкоглазые облизываются на мои сиськи — из-за тебя на мне почти всегда мало одежды. И чувствую я — только ты за дверь, мне мешок на голову накинут и отволокут туда же куда и этих бедняг из соседних камер. Сколько у вас тут подвалов братской могилой стало?

Илта недовольно посмотрела на Наташу — как только неотвратимость смерти отодвинулась в неопределенное будущее, у советской девушки начал прорезаться характер. Свою роль сыграло и то, что Илта вот уже недели две окружала девушку такой заботой и лаской, что первый урок послушания выветрился из хорошенькой головки Наташи. Она все чаще дерзила, что поначалу веселило Илту, но затем стало раздражать. Видать, с пряниками пора заканчивать.

— Откуда такие фантазии о здешних подвалах, — насмешливо произнесла Илта, усаживаясь, скрестив ноги, на соседней кровати, — по вашей живодерне судишь?

— У нас были мирные исследования, — отрезала докторша, — и участвовали в них лишь добровольцы. От ваших же изуверов защищались — что думаешь, я не помню, как у нас в тылу то чума, то холера, то еще какая-то дрянь вспыхивала. Думаешь, я не знаю, как ваши самолеты сбрасывали «бомбы» из которых зараженные блохи и комары вылетали? Мы тогда с ног сбились, потому что солдаты и офицеры целыми батальонами мерли. Думаешь, не знает никто откуда эта дрянь лезла?

— Это война, красавица, — фыркнула Илта, — тут умирают много и часто, привыкай уже. Если бы победили вы, нам бы было ничуть не лучше.

— Мы не фашисты, — запальчиво воскликнула Наташа, — мы так с пленными не поступаем.

— Ага, вы так поступаете со своими, — раздраженно сказала куноити, — те кого вы в тайгу увозили, поди радешеньки были умереть за Страну Советов?

— Это были враги народа, — упрямо сказала Наташа, — они сами вызвались участвовать в опытах, в обмен на свободу. К тому же ранее вакцина проверялась на обезьянах.

— На обезьянах? — Илта с трудом скрыла волнение. Все моменты недавнего жуткого сна разом всплыли в памяти.

— Недешевое удовольствие, — стараясь сохранять спокойствие, сказала куноити, — разве нельзя было взять обычных крыс?

Наташа презрительно покосилась на финнояпонку.

— Я ведь тебе нужна только затем, чтобы подобраться к последней надежде моей страны не проиграть эту войну. Я была малодушной оппортунисткой, позволившей себе продаться за двойной паек и японские сиськи. Черта с два я тебе скажу еще что-то.

Илта неторопливо поднялась с кровати и подошла к Наташе. Русская, внезапно вспомнив все, невольно шарахнулась от куноити, но та была быстрее, сделав трудноуловимое движение рукой и советская девушка рухнула на кровать без сознания.

— Значит, твое обучение еще не закончилось, — Илта облизнулась, — как мне это нравится!

Очередное пробуждение Наташи состоялось в незнакомом ей помещении. Внимательно осмотреть новую обстановку ей мешала нелепая неудобная поза — совершенно голая девушка сидела верхом на чем-то напоминающим детскую деревянную лошадь, с заостренным клиновидным ребром вместо спинки. Это ребро глубоко врезалось в промежность комсомолки, раздвинув внешние складочки и впиваясь в нежную плоть. Притянуты вплотную к ягодицам лодыжки, короткой цепью соединяясь со скованными за спиной руками. Вокруг колен пропускались кожаные ремни, со свободно свисающими концами, к которым крепились небольшие гирьки. В завершение всего роскошная Наташина коса была протянута вверх и примотана к висящей над потолком люстре. Все это полностью фиксировало советскую девушку на месте, не давая ей не малейшей возможности соскочить или как-то облегчить ее унижительное положение. Все тело ломило, конечности затекли от связывавших их веревок и ремней. Однако самым неприятным было, конечно, деревянное ребро, врезавшееся в промежность.

— Обожаю «деревянную лошадь», — сообщила Илта, сидевшая на стуле у двери, — говорят, в Японии, в средние века, это было лучшее средство, заставляющее христианок отречься от своей веры. Посмотрим, как оно получится с большевизмом.

Советская девушка хотела выругаться но из горла сорвался лишь сдавленный стон. Давление между ног становилось все более нестерпимым, Наташа, вскрикивая, пыталась хоть немного приподняться и облегчить свою участь, однако тяжесть собственного тела заставляло ее опадать назад, еще сильнее вгоняя ребро в истерзанное влагище. Со стороны пытка выглядела довольно эротично — полные груди волнующе подпрыгивали, бедра ритмично двигались, создавая впечатление, что девушка насилует деревянного коня. Все это чрезвычайно возбуждало Наташу, пусть и помимо ее воли. Боль, смешанная с удовольствием охватывала ее тело, по ногам девушки текла влага, заливавшая и всю поверхность деревянного коня, капли стекали и на пол. Раз за разом она кончала, насаживаясь промежностью на ребро, не в силах вырваться из заколдованного круга оргазмов следующих один за другим.

— Илтаааа, — выдохнула Наташа, вертясь и подпрыгивая, — пожалуйстааа.

— И почему тебя вечно надо всему учить, — притворно вздохнула куноити, — ведь можно было просто не спорить. Нет, давай теперь так.

— Пож...пожалуйстааааа. Это невыносимооооо. Я умрууууу...

— Да брось. В былые времена пленницы могли неделю вот так «скакать на лошадке». Думаю, может оставить тебя так до моего возвращения?

— Илтаааааааа! — истощный визг ударил по ушам так, что даже привычная к крикам о пощаде куноити поморщилась.

— Так что там за обезьяны были, говоришь? — девушка демонстративно закурила.

— Я...я не знаю, зачем они нужны были. Говорят...для опытов, перед тем, как людям вакцину вводить. Там...разные были...один черные с гладкой шерстью, другие рыжие, мохнатые. Я их только раз видела, питомник...там в тайге...я ничего не знаю больше... правдаааааааоооох, — речь Наташи прервалась и ее тело задрожало в конвульсиях очередного оргазма.

Илта задумчиво курила, размышляя над тем, чтобы все это могло значить. Пока части голололомки упорно не желали складываться воедино. Женщины. Шаманы. Обезьяны. Вакцина. Что, черт бы их всех побрал, задумали большевики?

Она вздохнула, загасила сигарету в фарфоровой пепельнице, встала и принялась отвязывать свою жертву от деревянного коня. Когда упал последний ремень, Наташа просто повалилась обессиленной грудой на пол, тяжело дыша. Однако долго ей прохладиться Илта не дала.

— Ты получила свое удовольствие, — жестко сказала она, — а кто подумает о моем? Ну-ка, высунь язык.

Она присела над лицом Наташи и та, ученая опытом прежних любовных игр запустила язык во влажные лепестки Илты. До этого только куноити осуществляла такие ласки, но сейчас, памятуя о том, как ей было хорошо и Наташа старалась наверстать упущенное, вминаясь лицом во влажную сочную мякоть. По внутренней стороне бедер Илты и подбородку Наташи стекал густой любовный сок, наполнявший воздух терпким запахом возбужденной женской плоти. Распаленная неумелыми, но жаркими ласками, Илта упала вперед, нырнув головой между бедер девушки и одновременно зажимая своими бедрами ее голову. Теперь уже пришел черед советской девушки стонать и корчиться. Куноити была столь искусна в доставлении удовольствия, что и после «скачки» на деревянной лошади, Наташа кончила, одновременно с Илтой.

Чуть позже они лежали на кровати куноити, обмениваясь ленивыми поцелуями. Наташа

с интересом рассматривала комнату Илты — вопреки ожиданиям, чуть ли не более аскетичную, чем ее камера. Узкая кровать у стены, небольшой столик, на котором рядою с пачкой сигарет стояла фарфоровая пепельница. Только книжная полка у стены, люстра над потолком и портрет микадо на стене показывали, что эта комната не принадлежит очередной узнице «дьявольской кухни».

— погоди, — прервав очередной поцелуй, сказала Илта, — давай я тебе кое-что покажу.

Что-то в ее голосе было такое, что Наташа поняла — на сегодня с любовными играми покончено. Куноити гибким движением поднялась с постели и, не одеваясь, подошла к столику, под которым лежал уже знакомый Наташе чемоданчик.

— Мне тут кое-какие документы принесли, — сказала она, — нашли в бункере недавно. Берсоев видимо, хотел их уничтожить, после того как избавится от вас, но не успел, — куноити достала из чемодана тонкую папку, — знакомы эти имена? — спросила она, передав папку Наташе. Та пролистнула несколько листков, просмотрела записанные в столбиках таблицы женские инициалы, цифры, даты.

— Да, — кивнула она, — это женщины, которые не могли принять участие в эксперименте по состоянию здоровья. Мне сказали, что их вернули обратно в колонию.

— Их не могли никуда вернуть, — хмуро сказала Илта, — все-таки какая ты наивная. Ваш Центр — сверхсекретный объект, оттуда подопытные не возвращаются. Там в списке одно место указано, под Титовской сопкой. Там мы и нашли за сотню безымянных могил. Некоторые пришлось вскрыть. Вот фотографии — она кинула на колени оцепенелой Наташе большой пакет из желтой бумаги.

— Нет, — выдохнула она, ненавидяще глядя на ту, с кем совсем недавно сплеталась в любовных объятьях, — я не верю, ты лжешь.

— Почитай. Посмотри.

Наташа лихорадочно пролистывала документы — перед глазами мелькали знакомые имена, знакомые подписи, утверждавшие страшный приговор вынесенный ею. На фотографиях перед ней мелькали кости, черепа с узнаваемыми круглыми отверстиями во лбу, обрывки платяев. В одну из фоток Наташа вглядывалась особенно долго, а потом надрывно всхлипнула.

— Что там? — Илта осторожно взяла из рук девушки так впечатлившую ее фотку. Там был скелет, присыпанный черной землей. На шейных позвонках на полуистлевшем шнурке болтался простой латунный крестик.

— Девчонка...Алена, — шептала Наташа, — из семейских, за что и арестовали. Все плакала, боялась, что убьют, я ее успокаивала, говорила, что все будет в порядке. Слабенькая она была и по женской части не все ладно, я отказ и написала...кто же знал, что все так обернется. Помню, все за крестик этот держалась, отдавать не хотела, говорила, что от бабушки достался. Думала, что уберезет, а не уберез, вот...

Наташа замолкла, ее плечи тряслись. Илта молча села рядом и обняла тихо плачущую девушку, раздавленную осознанием всего ей содеянного. Прежний мир ее окончательно рухнул и единственный человек, на которого она могла положиться была загадочная азиатка с глазами цвета неба. Трясаясь и всхлипывая, Наташа прижималась к груди Илты, а та гладила ее по густым светлым волосам, шепча слова утешения.

Острые скалы вздымаются к ночному небу, словно стремясь достать до звезд. Где-то

негромко журчит ручей. Внизу, у подножия скал простирается бескрайний таежный океан, впереди стелется узкая тропинка, уводящая в гору.

Босоногая девчонка с черными волосами и синими глазами осторожно ступает по холодному граниту. Надо идти вперед, надо — по тропе, освещенной путеводной звездой, вернее звездами. Вот они — мерцают шестью холодными огоньками в небе, выделяясь среди остальных. Что-то она должна вспомнить про них, что-то очень важное, что крутится в голове, но в последний момент выскользывает, словно скользкий таймень из рук неумелого рыбака ныряет обратно в омут.

Неважно. Она вспомнит. Потом.

Журчание неведомого ручья становится громче. Тропинка делает крутой поворот, и девчонка оказывается в большом ущелье, по краям которого стекают тонкие струйки, где-то внизу сливающиеся в подземный поток. Что-то привлекает Илту в этих потоках — слишком густые для воды, слишком темные. Машинально она подставляет руку под ручеек и ее ладонь заполняется алой жидкостью.

Кровь.

В ночную тишину, до сих пор нарушаемую лишь журчанием ручья, вдруг врывает новый звук. И тут же за ним — чуть слышный ехидный смешок. Сама не отдавая себе отчет в своих действиях, Илта начинает подниматься. Ее лохмотья намокают от крови и грязи, но она упорно карабкается вверх, цепляясь за ветви папоротников и скользкие камни.

Сверху снова раздается стон, потом еще и еще — со всех сторон в ее уши вползает вкрадчивый шепот, стоны, всхлипы. Илта ощущала легкие, почти невесомые касания по лицу и телу, словно ее окружали незримые призраки.

А в лицо нестерпимо ярко бьет свет шести звезд, напоминающих сейчас скорей небольшие луны. И, заглушая стоны и всхлипы, все громче слышится ехидный смех.

Вот Илта поднялась. Перед ней небольшая площадка, со всех сторон окруженная каменными стенами, покрытыми широкими трещинами. Из них растут ветви кустарников, на которых колышется что-то большое и белое, вроде множество простыней.

А в меж огромных камней ворочается безобразное существо, покрытое черной шерстью. Что-то белое мелькает меж расставленных кривых ног — или все же лап — и все тот же стон доносится оттуда и одновременно со всех сторон.

Илта невольно делает шаг вперед и чудовище поворачивается — медленно, как и положено в кошмарном сне. Это все та же черная обезьяна, скалящая огромные клыки. В неуклюжих лапах колышется что-то напоминающее сверток бело-красной ткани — только что необычайно плотной. Тягучие капли падают на камень.

Оторопелая Илта вдруг понимает, что в руках у твари. Это человеческая кожа и содрана она с женщины — девушка видит длинные черные волосы, волокущиеся по камню. Чудище держит человеческую кожу за «ноги», а за его спиной возвышается куча освежеванных тел, все еще слабо шевелящихся меж камней. И от этой груды изувеченной плоти стекают ручейки крови, чтобы слиться внизу в один поток.

Толстые губы раздвигаются, обнажая крепкие зубы и вновь разносится идиотское хихиканье. И словно вторя ему, вновь разносится приглушенный стон. Илта затравленно осматривается по сторонам — теперь она видит, что за «простыни» развешаны на кустах. Все те же, содранные заживо кожи — женские кожи, вот и не замеченные ею сразу волосы шевелит ветер. И приглушенный жалобный стон идет именно из черных дыр-«ртов». И от развешенной в лапах чудовища кожи слышится такой же стон.

А сверху все сильнее светят шесть неведомых звезд — уже почти так светло как днем.

Чудовище чем-то взволнованно — его лапы сильнее теребят окровавленный сверток, глаза налиты кровью. Вот обезьяна отшвыривает кожу в сторону и, вскинув голову к звездам, издает оглушительный рык. Эхом ему слышится со всех сторон приглушенный стон. Чем сильнее вопит чудовище, мотая безобразной башкой и молотя себя в грудь, тем сильнее от колышущихся на ветру кож разносится беззвучный шепот.

Чудовище уже не смотрит на Илту — оно молотит себя в грудь огромными кулачищами, будто хочет пробить грудную клетку. Из пасти вылетают кровавые брызги, толстые пальцы впиваются в волосатую шкуру, отрывая от нее куски.

Стоны убитых и рык чудовища сливаются в один мерзкий звук и словно в ответ ему то ли с гор, то ли с неба доносятся размеренные удары шаманского бубна. Под его воздействием чудовище успокаивается, в его движениях появляется некий ритм. Вскоре уже обезьяна неуклюже танцует меж скал, продолжая сдирать с себя куски кожи — как человек, скидывал бы одежду.

Красная Обезьяна пляшет в свете звезд.

Последний лоскут кожи отлетает в сторону и чудовище опускается на четвереньки. Налитые кровью глазные яблоки поворачиваются в сторону Илты, слышится идиотское хихиканье — и чудовище, загребая лапами идет к девушке. Вслед ему несутся женские стоны.

Надо бежать, но ноги Илты словно приросли к камню. Какая-то неведомая сила тянет ее вперед, принуждая опуститься на четвереньки. Кожа на лице стягивается и колется жестким волосом, губы сами собой раздвигаются, язык нащупывает неожиданно прорезавшиеся острые клыки. Илта падает навстречу жуткой твари, опускаясь на мягкие лапы, поросшие черной шерстью.

И просыпается, с трудом сдержав крик. Сердце бешено колотится, кажется, еще немного и оно разорвет грудную клетку.

— Что такое, — сонно пробормотала Наташа, проснувшись от резкого движения куноити, — что случилось, Илта?

— Тшшш, — Илта нежно поцеловала девушку в губы, — все нормально. Спи, давай.

Успокоенная Наташа заснула. А Илта до утра так и не сомкнула глаз.

Вот уже три месяца, как столица Монголии была освобождена от советских войск, однако в окрестностях города по-прежнему было беспокойно. Хотя после взятия Урги советско-японский фронт откатился к Монгольскому Алтаю, вряд ли кто мог четко определить линию противостояния. Тем более, что с обеих сторон действовали не только регулярные армии, но и гвардии монгольских нойонов, возвращавшихся в прежние владения, казачьи отряды, китайские, советские и монгольские «красные» партизаны, наконец, просто банды, не причисляющие себя ни к одной из воюющих сторон. То казаки с «белыми» монголами прорывались чуть ли не к границе с советским Казахстаном, то красные партизаны доходили до пределов Маньчжоу-Го. Все они убивали, грабили, проводили диверсии по заданию советского или японского правительств и вообще всячески старались, чтобы монголы не решили, что война в здешних краях закончилась.

Михаил Поляков, Асылбек Садвакасов и Жамбын Очирбат бандитами себя не считали, хотя у населения Урги, скорей всего, было иное мнение на этот счет. Эти трое были единственными уцелевшими из диверсионной группы посланной советским командованием для покушения на тринадцатилетнего Богдо-гэгэна, месяц назад вступившего на престол в

Урге. Вместе с ним планировалось ликвидировать и утвержденного японским командованием регента — атамана Забайкальского казачьего войска Георгия Семенова. Двойное убийство планировалось совершить у статуи Черного Махакалы, два года назад изготовленного в Маньчжоу-го специально для торжественного возведения в Урге. Неделю назад статую Четырехрукого торжественно водрузили на пьедестал на холме Зайсан-Толгой, чему накануне был посвящен торжественный молебен. Вот во время его лютого классового врага и представителя реакционного феодального духовенства должна была постигнуть кара трудового народа.

Однако революционная месть не состоялась — диверсию раскрыли еще на подготовительном этапе, после прибытия диверсантов в Ургу. Как это получилось — капитан Поляков не знал, подозревая предательство одного из осведомителей. Большая часть группы была арестована, бежать удалось только троим советским агентам, укрывшимся на вершине горы Богд-Хан-Уул, примыкавшей к Урге с юга. По местным преданиям некогда здесь провел зиму сам Чингис-хан, набираясь сил перед походом на тангутов, посему гора считалась священной. Поляков плевать хотел на монгольские суеверия — куда больше ему нравилось то, что тут их никто не собирался преследовать. Очирбат, бывший лейтенант армии МНР не хотел подниматься на гору и Полякову пришлось провести небольшую лекцию о вреде религиозных пережитков, неуместных у настоящего коммуниста. Казах Асылбек поддержал командира, после чего пристыженный Очирбат больше не спорил.

Склоны горы покрывали обширные леса, перемежаемые безлесными прогалинами. В свое время Чингис-хан запретил любую охоту в здешних местах, но запреты монгольского феодала были не в авторитет бойцам РККА. Впрочем, стрелять они все же не решались, опасаясь быть услышанными. Поэтому их ужин составила только пригоршня ягод брусники да вода из ближайшего родника. Голодные и угрюмые красные партизаны сидели на опушке леса, не решаясь выходить на открытое пространство. Говорить не хотелось — в голову лезли мрачные мысли о судьбе схваченных товарищей, которых, без сомнения, прихвостни японского милитаризма обрекли на лютую смерть. Михаил Поляков тоже скорбел, однако, как старший группы он еще ломал голову, как выбраться к своим. Дельных мыслей не появлялось и от этого командир чувствовал себя даже более подавленным, чем остальные.

— Товарищ Поляков, — голос Очирбата отвлек его от тягостных раздумий, — сюда кто-то идет.

— Что?! — командир рывком вскинул голову, почуяв как по спине пробежал неприятный холодок. Из чащи на другой стороне прогалины выходил некто, явно направляющийся в их сторону. За собой на привязи путник вел какое-то животное.

— Уходим? — встревожено спросил Асылбек.

— Погоди, — отмахнулся Поляков, внимательно вглядываясь в неожиданного гостя. Тот беззаботно приближался, не подозревая, что за ним напряженно наблюдают три пары глаз. Уже было видно, что он невысок, довольно субтильного телосложения, что не мог скрыть потрепанный пастушеский дээл, перехваченный черным кушаком. Через плечо идущего свисал большой мешок. Но особенно привлек взгляды оголодавших красноармейцев шедший за пастухом на привязи черный барашек.

— Похоже, что он один, — пробормотал Поляков, — странно, что он тут делает на ночь глядя?

— И почему он идет пешком и на кой черт ему баран? — добавил казах.

— Я же говорил вам, — повторил Очирбат, — это священная гора, гора духов. Парень,

наверное, хочет принести им жертву.

— Ну что же, — нехорошо ухмыльнулся Поляков, — мы, я думаю, ничем не хуже духов. Пусть идет сюда, а мы подождем. Помните — не стрелять.

— Слушаюсь, товарищ капитан, — улыбнулся Очирбат, доставая из-за пояса большой нож. В руке Асылбека также появилась финка — отмотавший перед войной небольшой срок за хулиганку, казах и по сей день не оставил уголовных замашек.

Пастушок, тем временем, входил в лес. Был он молод и, как с удивлением заметил Поляков, с довольно тонкими, для монгола, чертами лица. Что-то в его глазах показалось Полякову странным, однако почти сразу же его внимание отвлек баран — большой, жирный, с лоснящейся черной шерстью. Сглотнув слюну, красный командир шагнул навстречу застывшему пастушку.

— Стой, парень, — сказал Поляков по-монгольски, — поможешь голодным?

— Что вам нужно? — голос был высокий и тонкий, даже для мальчишки.

— Жрать хотим, того и нужно.

— Это вас сегодня ловили в городе?

— Ловили, ловили, да всех не выловили, — мрачно усмехнулся Поляков, — хорош болтать. Оставляй барана, оставляй мешок и проваливай.

Видно вид у него был достаточно свирепый, поскольку парень безропотно положил мешок на землю, кинул привязь с животным Полякову и шагнул назад. Тут же он натолкнулся спиной на вышедшего из-за деревьев Асылбека.

— Здорово, малец — ослабилась тот. Широченная ладонь ухватила пастушонка за подбородок, задирая голову вверх, блеснуло лезвие.

То, что происходило далее, напоминало дурной сон или замедленную съемку. Садвакасов полоснул финкой по горлу незадачливого пастушка, но лезвие встретило... пустоту. Гибкий, словно угорь, парень словно нырнул вниз, выскользнув из рук казаха. Слово змеиная кожа — нет, не угорь, гадюка! — слетели пастушеские лохмотья, что позволило красноармейцам сделать сразу два открытия.

— Это девка! — воскликнул Асылбек.

Из-за спины у затянутой в черный костюм девушки, торчала рукоять меча. Увернувшись от метнувшегося к ней Очирбата, девушка кувыркнулась через голову и вскочила на ноги, выхватывая меч. «Катана — неожиданно вспомнил Поляков, — японцы называют ее катаной». Меч свистнул, и голова не успевшего выпрямиться Очирбата, покатила по земле. Поляков, опомнившись, выхватил пистолет, но нажать на курок не успел — девушка прыгнула в воздух, сжавшись в комок и уходя с линии огня. Приземлившись на ноги, она махнула рукой — от бедра и вперед — и командир красноармейцев, выпучив глаза, осел на землю, держась руками за горло. Из него торчал, наполовину утонув в кадке, четырехконечный сюрикен.

Перепуганный Асылбек кинулся бежать, но тут же почувствовал как у него подкосились ноги и он повалился ничком в жухлую листву — катана рассекла ему сухожилия под коленями. Сжав зубы от невыносимой боли, казах перекатился на спину и выхватил пистолет, разряжая в обидчицу всю обойму. Илта спаслась только резко откинувшись на спину, почти коснувшись головой земли. Согнувшись в коленях, она резко крутанулась на пятках вокруг своей оси. Выставленный меч лишь на миг задержался на неосторожно поднятой кисти — и она, вместе с пистолетом отлетает в ближайšie кусты.

Илта гибко выпрямилась — как выпрямляется согнутое молодое деревце — не спеша

вытерла меч пучком листьев и подошла к зажимавшему окровавленный обрубок Асылбеку. Присела на корточки, с любопытством рассматривая свою жертву.

— Может оставить тебя так, — глаза Илты напоминали лед на зимних озерах, — так ты может и проживешь до середины ночи — пока тебя не найдут волки. Что думаешь?

Умоляющий взгляд, полный смертельного ужаса, был ей ответом. Куноити презрительно хмыкнула и поднялась на ноги. Меч поднялся и опустился и еще одна голова покатила по земле. Илта огляделась по сторонам и выругалась.

— Ищи теперь эту глупую скотину, — раздосадовано произнесла она.

«Глупая скотина» оказалась недалеко — убежавший во время схватки черный баран, зацепился веревкой за колючий куст и теперь стоял там, весь дрожа. Успокаивающе погладив его, Илта привязала его к дереву и вернулась к месту схватки. Подобрал мешок, она собрала с поля брошенное красноармейцами оружие, тщательно обыскала трупы, но не нашла ничего интересного. Подойдя к Полякову, она распорол на нем гимнастерку, обнажая голое тело. Новый взмах катаной рассек поверженного врага от левого плеча до правого бока. Илта, присев рядом, запустила руки в разрез, вытаскивая оттуда еще теплую печень. После блужданий по тайге, ей было легко перенять самурайский обычай «кимотори» и веру в то, что, съев сырую печень поверженного противника, получаешь новый заряд смелости.

Прожевывая кровоточащие, дымящиеся парком куски и облизывая окровавленные пальцы, Илта вдруг почувствовала, что она тут не одна. Чьи-то внимательные, недобрые глаза смотрят ей в спину, чьи-то губы жадно причмокивают. Чуть слышно хрустнула подсухая ветка, послышались шаги. Очень явственно цокнули копыта.

Илта подхватила последний кусок и, не оглядываясь, бросила через плечо.

— Кто бы не был ты, — спокойно произнесла она, — возьми и ступай. Мертвое к мертвым, живое к живым.

Позади послышалось жадное чавканье. Илта не торопясь облизала окровавленные пальцы, поправила на спине катану и не спеша двинулась прочь. Краем глаза она успела заметить, как позади нее к мертвым телам метнулись черные уродливые тени.

Уже позже, Илта вышла из леса на очередную поляну, почти у самой вершины Богд-Хан-Уула. Здесь стояла небольшая желтая юрта, возле которой горел костер. Перед ним сидел, побрасывая хворост в огонь, пожилой человек в черном халате.

— А я-то думал, — произнес он, не подымая глаз, — кто придет раньше — ты или эти трое?

— Им стоит благодарить богов, что я встретила их раньше, — усмехнулась Илта, привязывая барана рядом с юртой и присаживаясь у костра, — здравствуй, Бэлигтэ Хар-боо.

— Пей чай, Унэгэн — старик в черном халате протянул закопченную пиалу Илте. Сам сел напротив нее, прихлебывая из своей посуды зеленый чай. Илта тоже пригубила и слегка поморщилась — она уже успела отвыкнуть от монгольского чая, больше напоминающего суп: с молоком, солью, бараньим жиром и протертым вяленным мясом.

— Давно ты не гостила у меня, — усмехнулся старик, — уже чай мой тебе не по вкусу.

— Твой чай хорош Бэлигтэ-боо, — Илта отхлебнула большой глоток, — просто я отвыкла от степной пищи. А то, что не была у тебя столь давно — как-то времени не выдавалось. Два месяца назад уже собиралась в Мэнцзян, но не удалось — пришел приказ за подписью самого тэнно и мне пришлось отправиться в Гуандун. Прости, — Илта покаянно

склонила голову.

— Я не обижаюсь, — махнул рукой старик, — ты молодая и красивая девушка, отважный боец, вхожий в Белую юрту потомка Балдан-Лхамо, владыки восточных островов. Зачем тебе дряхлый шаман, которого Эрлэн-хан заждался во дворце из черного железа?

— Ты так говорил и когда мы впервые встретились, Хар-боо, — подмигнула ему Илта, — но я, помню, что ты и тогда говорил неправду. Может ты и старый, но совсем не дряхлый. Пусть поразит меня Номун-хан, если в одном твоём мизинце не было тогда больше мужества, чем в жирных телах ублюдков из НКВД.

— Я тогда подобрал тебе правильное имя, — рассмеялся Бэлигте, — настоящая лиса.

— Не я, а ты льстишь мне сейчас, — в тон шаману ответила Илта, — в Кодзё я была только раз, когда император давал аудиенцию всем отличившимся в Кантоне. Не уверена, что он меня помнит. Но сейчас не только я, но и Он, нуждается в тебе, Бэлигтэ Хар-боо. В Империи никогда в этом не признаются, но я-то знаю, что им сейчас нужна твоя сила и мудрость. Как была нужна мне, когда ты подобрал в тайге тощую дикую девчонку и привел в свою юрту. Я помню, все то хорошее, что ты сделал для меня, чему учил и что рассказывал. И потом, когда «Черный Дракон» принял меня под свое крыло — я не забывала, кому обязана жизнью.

Старик молча сидел, слегка прикрыв глаза, слегка покачиваясь в такт своим собственным мыслям. Было даже не понятно слышит ли он Илту, сжато рассказывающую обо всем, что она узнала за последний месяц. Но вот она закончила и Бэлигтэ хар-боо открыл глаза.

— За полгода до встречи с тобой — неторопливо произнес он, вороша палкой угли в костре, — когда Водяная Обезьяна только вступала в свои права, НКВД в Бурятии устраивало облавы на тех, кто умеет говорить с духами. Многих схватили и больше никто их не видел, другие бежали — кто в Монголию, где началось Хубсугульское восстание, кто-то в Маньчжоу-го или уходил в лес. Среди последних был и я.

Илта внимательно слушала старика.

— Облава шла не только среди бурят — мой дух в обличье ворона летал далеко на север, где говорил с шаманами саха, скрывавшимися в тайге. Они говорили, что большевиков особенно интересует одно место в горах Сынныр — Хара-Худаг, Черный Колодец, пропасть под водопадом, что изливается в море Бар-Тенгиз, на котором стоит дворец Эрлэн-хана. Даже самые сильные из черных шаманов не решались камлать там.

— И ты тоже, Бэлигтэ хар-боо? — спросила Илта, — из всех, кто говорит с духами я не знаю никого сильнее тебя.

— Не знаю, сколь я силен, — усмехнулся старый шаман, — пусть я и двадцать лет назад прошел через все девять врат посвящения и стал «Тэнгэрийн пшбилгатай заарин боо»- всегда может найтись тот, кто сильнее. Однако у Хара-Худаг сам Эрлэн-хан установил запрет для всех шаманов, сколь угодно сильных. Уже тогда говорили, что там, у входа в Нижний мир, большевики собираются что-то строить.

— Наташа говорит, медицинский центр, — задумчиво сказала Илта.

— Твоя девочка слепа, слуха и глупа, как и все они. Таким как она легко вложить в голову любую ложь. Но ведь ты не такова, Унэгэн? Ты чувствуешь это?

— Конечно, учитель. Я тебе не все еще рассказала — и Илта вкратце пересказала шаману содержание своих снов. Бэлигтэ хар-боо, вновь замолчал и закрыл глаза, раскачиваясь на месте, казалось полностью погруженный в свои думы.

— Твоя девочка глупа, — повторил он, — но те, кто затеял все это — безумны. Я давно чувствую, что там за Байкалом, творится что-то непотребное. Когда я отдал тебя людям из «Кокурюкай», а сам ушел к князю Дэ Вану, то и там чувствовал пагубу идущую с севера. Я пока не знаю, какие силы пробудили большевики, но я уверен, что они не смогут им противостоять, когда придет время. Вернувшись из Калгана в Ургу я советовал богдо-гэгэну и атаману принести жертвы Махакале, дабы он ограждал Халху от зла идущего с Севера. Странные вещи говорят ныне духи и Владыка Ада, разгневан на тех, кто крадет его слуг.

— Ты поможешь мне? — настойчиво спрашивала Илта, — ты покажешь мне то место?

— Уже очень давно никто не пытался идти на Хара-Худаг, — покачал головой старый шаман, — но, похоже, что слишком многое изменилось в подлунном мире. Я могу воззвать к духам шаманов, что были арестованы НКВД двенадцать лет назад, чтобы они рассказали, как нашли смерть. Следующей ночью я буду камлать.

— Спасибо, Бэлигтэ Хар-боо, — склонила голову Илта, — . Вот, — она приподняла мешок, — я помню, что к шаману не идут с пустыми руками. Тут с десяток плиток чая, шоколад, оружие, что я отобрала у тех красных и много чего еще.

— Ты зря беспокоилась, Унэгэн, — усмехнулся шаман, принимая мешок, — даже, если бы все не было так серьезно — неужели ты думаешь, что я откажу в помощи маленькой женщине, что позволила старому шаману в последний раз почувствовать себя мужчиной? А ханшин принесла? — уже другим тоном, спросил Бэлигтэ.

— Да, учитель, — рассмеялась Илта — целую бутылку. Хотя я, как и двенадцать лет назад не могу понять, как тебе нравится эта гадость.

— Это все потому, что ты ничего не понимаешь в хорошей выпивке, — заверил ее шаман, доставая из мешка большую бутылку с мутной жидкостью — ханшин, жуткое китайское пойло из проса, гороха и черного риса. Шаман откупорил ее и сделал большой глоток из горла, после чего вопросительно посмотрел на Илту. Та обреченно вздохнув, допила чай и протянула опустевшую пиалу, подумав, что удачно успела перекусить.

Камлание началось следующей ночью — на небольшой поляне на противоположном склоне горы. Хотя Бэлигте хар-боо и недавно поселился тут, видно было, что место давно «намоленное»: посреди поляны виднелось большое кострище, стоящие рядом два дерева были обвязаны многочисленными разноцветными ленточками. Еще одно деревце — невысокую тоненькую березку — шаман срубил в лесу и укрепил в земле рядом с уже разожжённым Илтой костром. В свое время она часто помогала черному шаману в свершении обрядов и сейчас куноити убедилась, что и за тринадцать лет старые навыки ничуть не забылись. Девушка украсила разноцветными ленточками березу, символизирующую Тоороо — мировое древо, соединяющее земной, небесный и нижний миры. Именно к корням этого дерева и должен спуститься Бэлигте хар-боо, чтобы умолить Эрлэн-хана, выпустить на время духов убитых шаманов.

Сам черный шаман тем временем принялся за приведенного Илтой барана — жертву Владыке Мертвых. Упирившееся и блеющее всю дорогу животное, на поляне стояло на удивление спокойно, даже когда острый нож полоснул его по горлу. Впрочем, удивить это могло только человека, ни разу не бывавшего на подобных обрядах — Илта знала, что животные, предназначенные в жертву, в момент заклания не испытывают волнения и страха; их душа покидает тело еще до того как к нему прикасается жертвенный нож. И забой и разделка туши проводилась на тщательно выделанной лошадиной шкуре — ни одна капля

крови не должна была упасть на землю до жертвоприношения. Шкуру барана вместе с головой шаман нахлобучил на палку недалеко от костра, а мясо было сложил в два больших котла с родниковой водой, уже кипевшей на втором костре. Вместе с мясом варилась и кровяная колбаса — засунутые в кишки изрубленные сердце и печень, залитые кровью.

Бэлиgte уже облачился шаманское одеяние — черный удэл, черные же штаны и сапоги. Седые волосы прикрывала черная шапка — майхабши, с тремя нашитыми глазами из черной, белой и красной материи. Этими нашитыми очами на мир будет смотреть онгон — дух-покровитель шамана. Поверх шапки красовалась железная шаманская корона с двумя рогами, делавшая Бэлиgte хар-боо подобным тому, к кому он собирался обратиться. На груди шамана висело медное зеркальце-толи, с пояса свисал кнут-бардаг с вплетенными в него уменьшенными копиями разных предметов: оружия, кузнечных орудий, лестницы, веревки, стремени, багра, лодки и весла, пуг. Все эти предметы нужны черному шаману, чтобы перемещаться в иных мирах.

Илта набросила на шкуру барана черную косынку и подожгла главный костер с костями барана. Бэлиgte уже стоял перед ним, ударяя в бубен-хас гортанно распевая молитвы:

Пришел я к тебе Эрлэн-хан,
Сээг, сээг, сээг!
Дабы почтить тебя,
Правитель Справедливейший!
О Быкоглавый!
О Черновласый!
Отец наш, во дворце из черного железа пребывающий,
Пищу кровавую поедающий!
Наставник шаманов, Владыка Закона
Услышь меня и не побрезгуй дарами.
Сээг, сээг, сээг!

Голос его становился все громче и сильнее, сливаясь с шумом неожиданно поднявшегося ветра — знак того, что духи узнали о камлании и начали собираться вокруг. Сидевшая рядом на корточках Илта, ударяла в собственный бубен, повторяя за шаманом слова молитвы. Как и Белгете, она призывала духов-покровителей места, леса, призывала и дух Чингиса, что и поныне царил на горе, объявленной им же священной. Илта- Унэгэн, вспоминала своих духов-помощников, вызванных шаманом, еще тогда, когда он впервые привел на тайное камлание в таежной чаще худую исцарапанную девчонку, с глазами молодой волчицы, уходящей от облавы. Сейчас, напевая уже знакомые песни, могучая воля черного шамана подхватывала ее словно горный поток — щепку. Для нее, не бывшей шаманкой, подобное путешествие могло быть смертельно опасным, но сейчас она не чувствовал ни страха, ни сомнений, Илта пела слова обряда, повторяя за шаманом и чувствовала, как вслед за ним взлетает ввысь по склону Мирового Древа, в ночное небо, усыпанное крупными звездами.

Вверх? Почему вверх? Им же нужно вниз, в Царство Мертвых? А там вверху над

мировым деревом- что это за звезды зацепились за его крону, мерцая холодным, столь ослепительно-белым светом? Сколько их...раз, два, три, четыре, пять, ше...Нет ничего не видно, свет их столь ярок, что кажется непроглядной чернотой. Илта хочет отвести глаза, но не может — ее словно приковывает эта неестественная, слепящая «свето-тьма», что становится все более близкой, все более насыщенной, принимая некую форму.

Хриплый оглушительный вопль доносится сверху — вопль не могущий принадлежать ни человеку, ни зверю, ни богу, ни демону. Илта почему-то в этом уверена, хотя не так уж часто ей приходится общаться с богами и демонам. И все же, то, что спускается сверху — не из их числа, что-то совсем другое — древнее, безжалостное...голодное. Все больше оно приобретает знакомые очертания — уже слишком хорошо знакомые.

Исполинская обезьяна из ее снов спускается вниз по Древу, перебирая всеми четырьмя лапами. Толстые, словно бревна, пальцы оканчиваются кривыми черными когтями, в распахнутой пасти блестят острые зубы. Чудовище сейчас не свежует себя заживо, но на покрытой черной шерстью морде одна за другой проступают кровоточащие язвы, сжирающие кожу и мех огромной обезьяны. И снова окровавленный череп, покрытый обрывками мышц и вымазанный кровью, лязгает клыками и алые струйки текут вниз по мировому древу исторгаясь из всех пор на теле уродливой твари. Из пасти Красной Обезьяны тоже течет кровь смешанная со слюной, прожигает бороздки в коре Тоороо, поганя и скверня само мироздание.

И еще тут холодно. Шулмус их подери, почему тут так холодно, словно в самый лютый мороз в забайкальской тайге? Илта чувствует как хрустит на зубах замерзающая слюна, как пальцы ее примерзают к коре. Эрлэн-хан, помо...

Оглушительный рев слышится снизу и тут же рядом вспыхивают языки пламени, от которых изморозь разом оттаивает. Рев повторяется — в нем слышится разом мычание разъяренного быка, рык тигра, шипение огромной змеи, кваканье исполинской жабы. Из глубины поднимается окруженная языками пламени черная фигура с головой быка и оскаленной пастью. Рядом, расправив полы черного халата, словно огромная летучая мышь несется уже знакомая фигура. Шаман здесь, значит все будет норма...

Когтистая лапа смахивает ее с мирового древа и Илта падает вниз. Странно совсем не страшно — может потому, что она видит, как отвратительная морда красной обезьяны искажается в страхе, как она с невероятной быстротой пятится задом, растворяясь в сиянии шести звезд тускло мерцающих в вышине.

Илта очнулась распростертой на земле — она «упала» в свое собственное тело. Вскочив на ноги, куноити оглянулась на черного шамана, сидевшего недвижно будто статуя. Илта хотела было спросить все ли с ним в порядке, но тут же прикусила язык — она хорошо знала, что будет если посторонний попытается прервать шаманский транс. Пусть сам придет в себя — невеликих знаний Илты хватало, чтобы увидеть, что пока с душой и телом Бэлигте харбоо ничего страшного не происходит. Хотя ее била дрожь, когда она вспоминала о мерзком чудовище ползшим вниз по мировому древу.

Она посмотрела вверх — там среди множества звезд она безошибочнохватила те шесть. Сейчас они уже ничем особенным не выделялись среди прочих звезд и все же Илта хорошо понимала, что это впечатление обманчиво. Небесные тела простительно не знать девчонке из НКВД-шного детдома, смотревшей свои страшные сны. Но с тех пор кругозор Илты расширился, запас знаний увеличился многократно и кубики головоломки уже сложились в узор — или запутались еще больше.

Шесть звезд.

Плеяды.

Илта не знала, сколько времени она просидела у костра, подкидывая ветки, пока Бэлигтэ хар-боо не зашевелился и не сел прямо. Он отложил бубен, который до сих пор держал на коленях, и, не открывая глаз начал читать благодарственные молитвы Владыке Мертвых. Одновременно он завершал жертвоприношение — брызгал водкой, кидал в сторону леса куски вареной баранины, потом брызгал молоком, угощал Эрлэн-хана сладостями. Когда кости барана сгорели, Илта бросила в костер палку с головой и шкурой, затем березку с разноцветными ленточками. Наконец шаман произнес завершающие слова и устало опустился на землю. Илта тем временем раскладывала на лошадиной шкуре вареное мясо и колбасу в жестяных мисках, нарезанный хлеб, разливала по кружкам водку с ханшином. Все это тоже проводилось с определенной целью — разделение трапезы с духами, как бы закрепляло все, что происходило сегодня.

— Что же все-таки мы видели? Хар-боо? — допытывалась Илта у черного шамана. Тот молча налил в кружку ханшин, — залпом выпил, после чего подцепил ломтик вареной колбасы.

— Мир богов и духов, — прожевав, произнес он, — сложнее, чем обычно думают о нем люди. Многие считают, что в подземном мире таится зло, что зол его Владыка, которого мы называем Эрлэн-ханом, японцы Эммой, а русские — Сатаной. Но мы, шаманы, знаем, что Владыка Закона — строг, но справедлив. Он вдохнул в человека душу и научил ковать железо. Нет, Эрлэн-хан, не враг людям. Подлинное зло пребывает в небесах.

Бэлигте хар-боо, плеснул себе еще ханшина, закусил вареной бараниной с хлебом. Илта тоже налила в кружку водки и залпом выпила. Поморщилась и потянулась за колбасой.

— Как русские называют те звезды? — спросил Бэлигте.

— Плеяды, — ответила Илта, сразу поняв о чем речь.

— Мы их называем Мечитом, — сказал шаман, — это злой дух в обличье обезьяны. Пастухи и поныне верят, что двигаясь по небу он насыпает болезни на скот и людей, зимой посылает мороз, а летом — засуху. Когда Мечита изгнали с земли, он поднялся на небо, распавшись на семь звезд. От них тогда исходила такая стужа, что мог замерзнуть весь мир, но божественный стрелок, Эрхий-мерген сбил одну из звезд и холод уменьшился.

— Зло приходит с неба, — передернула плечами Илта, невольно вспомнив жуткий мороз на мировом древе, — ты сам веришь в это, Бэлигтэ хар-боо?

— Даже в куче навоза порой можно найти алмаз, — усмехнулся черный шаман, — мне ли не знать о том. Тот, кого пастухи именуют Эрхий-мергеном, был на самом деле Эрлэн-ханом, изменившим облик. В начале времен он изгнал Мечита с земли и воспретил возвращаться. Говорят, — добавил шаман — именно у Черного Колодца произошла та битва.

— Так что же, большевики поклоняются там этому Мечиту? — спросила Илта.

— Мечиту нет смысла поклоняться, — покачал головой шаман, — ему не нужны жертвы, подношения и обряды. Он живет лишь болью и скорбью, насылая на землю хлад, глад и мор. И те, кто творит это на земле, торят путь Небесной Обезьяне.

— Уж что-что, а глад и мор большевики творить умеют, — передернула плечами Илта.

— Да, — кивнул шаман, — Мечит не нуждается в почитании, но можно воспользоваться его силой, если творить что-то приятное Обезьяне. Можно даже заставить

сделать ее что-то во благо — если принести жертву тем, кто удержит Мечита в узде. Но красные не признают богов или духов, они считают, что Мечит принесет им победу, ничего не потребовав взамен. Глупцы надеются укротить тигра-людоеда голыми руками, даже не зная с какой стороны у него хвост, а с какой — голодная пасть.

— Тебе удалось поговорить с духами шаманов? — спросила Илта.

— Да, — старик налил полную кружку и залпом выпил, — с теми, у кого верность Эрлэн-хану оказалась выше страха смерти. Их расстреляли, но Владыка принял их во дворце из черного железа. Но иные оказались слишком малодушны, побоявшись за себя, родных или за свой народ — духи говорят, что комиссары угрожали поголовным истреблением бурят. Теперь отступники камлают в этом центре — никто не знает для чего.

— Ни для чего хорошего, — буркнула Илта, — у них не так уж много времени. Рано или поздно Япония договорится с Британией и Германией о наступлении вглубь Сибири и большевизм будет раздавлен. Сейчас их спасти может только чудо.

— Вот они и метнулись к Мечиту, — кивнул Бэлигте, — уж не знаю, как марксизм объясняет его существование. Но они не понимают, в какую пасть лезут.

— Ты пойдешь со мной? — с надеждой спросила Илта, — ты знаешь где этот Черный Колодец?

Черный шаман мрачно смотрел на угасающие угли костра.

— Я не знаю, — глухо сказал он, — и не могу. Не один Эрлэн-хан запретил камлать у Хара-Худаг, запрет был наложен по решению всех владык — и небесных и земных, нарушить его не может и сам Эрлэн, ибо он — Владыка Закона. Те шаманы, что камлают там еще получают свое от Хозяина Мертвых, даже если большевики и сохраняют им жизнь.

— Это вряд ли, — с сомнением произнесла куноити.

— Если я пойду туда, — сказал шаман, — и вступлю с ними в битву у Черного колодца — никто не знает чем это может кончиться. Нет, это должен делать не шаман.

— Кто же тогда? — растерянно произнесла Илта.

Бэлигте задумчиво ворошил палкой угли костра.

— Унэгэн, — внезапно спросил он, — ты помнишь нашу первую встречу?

— Конечно, — удивилась Илта, — как это можно забыть? Я блуждала по тайге не ев почти неделю — истощавшая, уставшая, когда вдруг вышла к твоему костру. Тогда я уже почти мечтала о пуле, которая положит конец моим страданиям.

— Я бы выстрелил, — спокойно произнес шаман, — за мной ведь тогда тоже шла охота. Я бы стрелял — если бы увидел человека. Но из леса вышел не человек.

— Что? — недоумевающее спросила Илта, — о чем ты?

— Я говорю о том, что видел своими глазами, — бесстрастно повторил шаман, — а видел я «галта хара унэгэн», огненно-черную лисицу. Ту кого мы именуем «собакой Эрлэн-хана».

Только когда ты упала у костра, я увидел, что передо мной человек, а не зверь.

Илта раскрыв рот слушала шамана, неторопливо пережевывавшего кусок колбасы и запивавшего ханшином. Машинально она налила себе еще водки.

— Тогда я понял, что ты находишься под особым покровительством Владыки Закона, — продолжал Бэлигте, — то, что он показал мне тебя в лисьем обличье, было особым знаком. Тогда я и назвал тебя Унэгэн, хотя ты и ломала голову — за что?

— Да, — кивнула Илта, — о черной лисице я не подумала, а так — ну не рыжей же я масти.

— Мать та, что нужно, — усмехнулся шаман, — но дело не в ней. Ты хитра, изворотлива и кровожадна, как лесной зверь. Я знаю, что в Кокурякай тебя обучала принцесса Айсин Гёро, которую японцы именуют кицунэ, лисицей-оборотнем. Но ты выше ее — ты Гончая Владыки Мертвых, Сука Ада. Там где могущественнейшим из шаманов положен запрет, Эрлэн-хан спустит с цепи Гончую. И Черная Лисица перегрызет горло Красной Обезьяне.

Илта мрачно посмотрела на Бэлигте хар-боо и залпом выпила водку, даже не закусив. В голове метались разные мысли, она не могла понять шутит старый шаман или говорит всерьез. Все сказанное казалось безумной фантазмагорией, пьяным старческим бредом — и все же, глубинным, звериным своим чутьем куноити понимала, что это правда. И это понимание давило на нее каменной глыбой всей возложенной на нее ответственности.

— Среди шаманов, согласившихся на условия красных, есть один кого ты должна особо опасаться, — меж тем продолжал шаман, — Иван Сагаев, мой лучший ученик. Духи сказали, что он работает с большевиками добровольно. Иван однажды убил на охоте черную лисицу и с тех пор Эрлэн-хан отвратил от него свой лик. С тех пор Сагаев ищет защиты у Небесной Обезьяны.

Шаман много чего еще говорил своей ученице, забыв про недопитый ханшин. Илта угрюмо кивала, стараясь не пропустить ни одного слова. Над головами небо серело и бесшумно пролетали совы, ловя последние мгновения уходящей ночи.

Наутро Илта уже была в Урге. Самолет, что отвезет ее обратно на базу «Маньчжурского отряда 731», должен был прилететь только через пару часов, так что от нечего делать Илта решила побродить по городу. Григория Семенова, знакомого ей по Харбину, сейчас не было в городе — он срочно выехал в Читу, в окрестностях которой подняли голову красные повстанцы. С Богдо-гэгэном Илта не была знакома, да и не о чем было ей говорить с «живым богом». К счастью у нее была офицерская книжка, свидетельствующая о том, что Илта Сато является старшим лейтенантом Японской императорской армии. Японских военных тут уважали, поэтому и Илта могла почти беспрепятственно бродить по городу, не опасаясь что ее остановит казачий патруль.

Ноги сами собой ее вынесли к Зайсан-толгою. Четырехрукий желтоволосый Махакал отлитый из черной меди грозно взирал с вершины холма город тремя красными глазами, символизирующими прошлое, настоящее и будущее. В руках грозный бог держал череп, копье, меч и знамя победы — дваджу. Скульптуру обрамляло огромное кольцо около трех метров высотой и почти тридцать метров в диаметре. Оно было установлено на трех опорах, как древний традиционный национальный очаг «гурван-тулагын — чулуу», символ жизни монголов, которую защитили японские и казахи освободители. С внешней стороны кольца стояли четыре скульптуры, ориентированные по четырем сторонам света. Это были те, кто указом богдо-гэгэна ныне почитались как карающие длани Махакалы, проводившие в жизнь Его волю.

Илта медленно обошла скульптуры, склонив голову перед грозным богом. Губы ее шептали мантры, тонкая узкая ладонь на мгновение прислонялась к груди каждого из Четырех — воителей и правителей, объявленных псами Разрушителя Миров.

Чингиз-хан. Хубилай. Даян-хан. Унгерн фон Штернберг.

Перед последним изваянием Илта несколько задержалась, вглядываясь в аристократическое узкое лицо, так отличающееся от ликов остальных Дланей

Четырехрукого. Странно, но Илта чувствовала некую таинственную связь с этой «легендой русского Харбина». Может потому, что он был рожден у берегов того же далекого западного моря, где появилась на свет мать Илты. А может и из-за того поистине священного безумия, что так удачно передал приглашенный из Германии скульптор, изображая глаза неистового барона. Именно он, единственный из Четырех воевавший с теми же врагами, с которыми шла война и сейчас, был вторым после Чингиз-хана, воплощением Махакалы, наиболее почитавшимся в Урге. Именно рядом с Унгерном стояла бронзовая коновязь к которой во время праздника привязывали священных коней. Впрочем, в иные, особо торжественные дни, коновязь служила для менее безобидного действия — об нее ломались хребты приносимых в жертву Махакале.

Пока это свершилось только один раз — когда сюда привели захваченных в плен Хорлогийна Чойбалсана и Георгия Жукова, которого после неудач на Западном фронте разжаловали в комкоры и отправили на восток. Здесь опальный командарм попытался повторить победу 1939-го, даже бой наступавшим японцам был дан все на том же Халхин-голе. Грандиозное танковое сражение шло два дня и до последнего было неясно, кто возьмет верх. Дело решили подоспевшие на вторые сутки канадские части, советско-монгольские войска были окружены и разбиты. Пленников содержали сначала в тюрьме Урги, а после прибытия в столицу статуи Махакалы, свершилось и жертвоприношение. Случайно или нет, но умирающий комкор закончил жизнь в ногах у белогвардейца.

Илта вспомнила стихи Арсения Несмелова. В свое время Илте тогда было поручено «разрабатывать» Российскую фашистскую партию и она часто общалась с талантливым русским поэтом.

И яростью,
бредом ее истомясь,
кавказский клинок,
— он уже обнажен, —
в гниющее
красноармейское мясо, —
повиснув к земле,
погружает барон.

Опущенный к земле клинок был, правда, явно не кавказский — Илта достаточно хорошо разбиралась в холодном оружии, чтобы понять, что немецкий скульптор скорей вспомнил о тевтонских предках барона — потому тот и держал обращенный вниз западный меч. Врезультате Унгерн выглядел неким «крестоносцем» среди азиатских завоевателей, но это странным образом только подчеркивало целостность скульптурной композиции. А в день, когда свершалась казнь, сходство со стихами стало и вовсе законченным.

«Гниющее красноармейское мясо». Хорошо сказал поэт!

Невольно вспомнилась сцена в лаборатории «Отряда 731». Впрочем, и те из красных, кто пока считает себя живыми, немногим отличались для Илты. Большевизм, по ее глубокому убеждению был порчей, заразой, всей гнилью мира — и сейчас она склонила

голову, шепча благодарственные молитвы неукротимому борцу против красной чумы.

От ее мыслей Илту отвлек звук мотора. Она подняла голову, как раз, чтобы увидеть как к Урге спускается хорошо знакомый ей «Накадзима». Куноити развернулась и зашагала в сторону той части города, где располагался японский аэродром и базировался японский контингент. По дороге она гадала, как отреагирует Сиро Исии на то, о чем может поведать ему Илта.

В отсутствии Илты Наташа жила в ее комнате, постепенно свыкаясь с окружающей обстановкой. Ее по-прежнему охраняли, но уже менее навязчиво, позволяя выходить в коридор и даже во двор, следя лишь за тем, чтобы русская девушка не заходила туда, где ей появляться не стоило. Впрочем, Наташа и не собиралась гулять по «кухне смерти». Бежать она тоже не пыталась — куда, зачем? К своему неудовольствию, девушка начала замечать, что окружающие ее буржуазные удобства ей начинают нравиться. К ней даже приставили служанку — пожилую монголку, с грехом пополам болтающую по-русски. С ее помощью Наташа немного благоустроила аскетичную комнату Илты: на тумбочке появилась расписная циновка, на которую была водружена ваза с цветами, на стенах появилось несколько картин.

Один раз к Наташе заглянул сам Сиро Исии — привыкший бодрствовать ночами, он пришел когда девушка собиралась отойти ко сну. Хорошо зная кто этот великан-японец, докторша побледнела как смерть, ожидая самого худшего. Однако «папаша» был достаточно доброжелателен: поздоровался, расспросил о ее прежней жизни, немного поговорил с Наташей на медицинские темы, так что девушка отошла от первоначального страха. Даже расхрабрилась настолько, что когда Сиро Исии собираясь уходить, спросил, не нужно ли ей чего, попросила небольшой радиоприемник. Японец пообещал распорядится и ушел, не забыв, напоследок, мазнуть Наташу взглядом, после которого девушке захотелось принять душ.

Однако пока Сиро Исии не торопился с претворением своих желаний в жизнь, а распоряжения его все же очень быстро выполнялись — наутро на столе в комнате Илты появился небольшой преемник. Сейчас она крутила ручку, пытаясь поймать какую-нибудь русскоязычную волну. Им оказалось эмигрантское радио в Харбине:

«Всего десять дней осталось до официального визита главы Даманьжоу-диго императора Сюаньтуна Кэндо в Хабаровск. Визит будет приурочен к трехлетию освобождения союзными войсками столицы русского Приамурья от большевистской власти. Вместе с императором Хабаровск ожидает командующего Квантунской армией Ямада Отодзо, командираа Второго (Амурского) канадского корпуса Гая Саймондса, Походного атамана дальневосточных казачьих войск, регента Монгольского государства Григория Семенова и других официальных лиц. Ожидается, что во время визита императора в Хабаровске пройдет торжественный парад новейшей военной техники, состоится обращение Кэндо к жителям Хабаровска. Уже сейчас в город съезжается народ со всех освобожденных земель, в связи с чем предприняты усиленные меры безопасности...»

— Красиво жить не запретишь, я смотрю — раздался веселый голос от двери. Наташа

подкинулась — в комнату входила улыбающаяся Илта. Последующая реакция русской девушки удивила не только куноити, но и саму Наташу, с радостным криком повисшую на шее уфиннояпонки. Та аж пошатнулась — все же Наташа была заметно выше и крупнее изящной куноити.

— А говорила, скучать не будешь, — усмехнулась Илта, расцепляя руки девушки у себя на шее и усаживаясь с ней на кровать, — ну, рассказывай, что тут было без меня.

Наташа коротко рассказала все, что тут было в отсутствие Илты — собственно и рассказывать было особо нечего. Единственно, что серьезно тревожило Наташу — это возможные поползновения со стороны Сиро Исии.

— У него и так баб столько, что и десятерым хватит, — махнула рукой Илта, — не волнуйся, я тебя в обиду не дам. Уж как-нибудь перебьется, старая обезьяна, — она увидела, как округлились глаза Наташи, — так его за глаза подчиненные называют.

— А он похож, — хихикнула девушка.

— Есть такое, — не стала спорить Илта, — но вообще его так называют в знак уважения. Обезьяна же у японцев считается символом хитрости и ума, а уж и того и другого Сиро Исии не занимать. И именно поэтому он не тронет меня, а значит и тебя, — особенно если ты дашь ему то, что он хочет, — куноити посмотрела на побледневшее лицо Наташи и скупое усмехнулась, — нет, это не то, что ты подумала.

Наташа грустно кивнула — умом она понимала, что рано или поздно этот разговор должен был состояться, хотя она и ужасно не хотела этого.

— Там куда ты ездила, — спросила она, — тебе что-то удалось выяснить?

— Да, — кивнула Илта, — удалось. Рассказывать долго, да и вряд ли ты сможешь во все это поверить. Одно могу сказать — все, что тебе рассказывали про ваш Центр ложь. То, что задумали большевики — много хуже того, что творится здесь. Императором клянусь, покровителем моим Эрлэн-ханом и памятью матери, что я не вру.

— Я верю тебя, — чуть слышно произнесла Наташа. Сама не зная почему, она и правда верила сейчас Илте, даже не из-за ее слов — из-за тона каким они были сказаны.

— Ты можешь остановить это, — глядя в упор в глаза девушки, произнесла Илта, — от твоих слов зависит то, как скоро кончится эта чертова война. Поверь от этого будет лучше всем — даже тем, кто и сейчас живет и воюет за «власть Советов». Не советов уже эта власть, а вот чья — тебе лучше и не знать. Расскажи про Центр, будь нашим проводником — ты поможешь и себе и всем, кого знаешь и любишь.

Наташа глянула на Илту, закусив губу, — куноити только что не слышала, как мысли в ее голове несутся вскачь, словно табун монгольских лошадок.

— Я помогу тебе, — наконец сказала Наташа, — я долго думала, пока тебя не было. И решила рассказать все, что знаю о Центре, если понадобится — и показать все что нужно. И сделаю это не только потому что я верю тебе — но еще и потому, что я знаю, что тем, кому я верила раньше, верить нельзя. Меня использовали, мне лгали, меня хотели убить. И они добились своего — теперь я тоже хочу, чтобы тот проклятый режим провалился в Ад.

Она подняла голову и взглянула в глаза Илте и теперь уже та поняла — Наташа не врет.

— Я тебе про отца тоже не все рассказала, — тихо добавила она, — его еще в тридцать восьмом расстреляли, как «троцкиста». Был грех, пересекались в Гражданскую с Львом Давидовичем — батя того не стыдился, но и не болтал особо. Говорили, что шпион, что «фашист», что на англичан работал — и я поверила. Поверила им, будь они прокляты!!!

Наташа уронила голову на руки и зарыдала. Илта успокаивающее погладила ее по

голове.

— Послезавтра Сиро Исии выезжает в Хабаровск, — произнесла она, — он должен быть на празднике, рядом с Ямадой. Оттуда, наверное, и двинут на ваш Центр. Я упростила Исии разрешить тебе выехать в Хабаровск. Хоть погуляем перед марш-броском по тайге.

Она слегка боднула головой Наташу и с облегчением увидела, как на заплаканном лице появляется слабая ответная улыбка.

.....

В преддверии Императорского парада Хабаровск напоминал разворошенный муравейник. Быстро отстроенная после взятия канадскими и японскими войсками три года назад, ныне столица Приамурского края, напоминала исполинскую ярмарку. С любого мало-мальски заметного объекта в городе свисало с полдюжины различных флагов. Больше всего было конечно японских и маньчжурских, за ними шли британские и канадские флаги, а также российские триколоры. Попадались и знамена богдо-гэгэгэнской Монголии и флаги Забайкальского края и даже «жовто-блакитные прапоры» с нанесенным у древка зеленым треугольником — флаг Зеленого Клина.

Весь город словно превратился в одну большую ярмарку — уставший от войны народ с восторгом встречал масштабное празднование. Ничего подобного не могли припомнить даже старожилы. Центральные улицы, по которой должен был проехать кортеж Пу И вместе с высокими гостями, держали правда под особым присмотром, за то чуть поодаль буквально кипела жизнь, открывались всевозможные лавки, магазины, кафе и рестораны, толпились люди все рас и вер: японцы, русские, англичане, казаки, украинцы, монголы, маньчжуры, эвенки. Рестораны японской и китайской кухни, соседствовали с хлебосольными русскими трактирами и украинской корчмой, а для союзников-англичан даже открылось несколько пабов. Зачастую под прикрытием всех этих заведений, действовали иные, более предосудительные — опиекурильни, игральные дома и, конечно же бордели — от элитных, предназначенных для высших сановников и военных чинов союзных армий до самых дешевых публичных домов доступных даже удачливому таежному зверолову.

Посмотреть на церемонию и поучаствовать во всем этом — приехало множество народу, так что за эти дни население Хабаровска увеличилось, по меньшей мере, втрое. Соответствующей была и охрана — помимо традиционных казачьих и японских патрулей прибыли подразделения Королевской канадской конной полиции и отряды гуркхов. В случае провокаций предусматривалось, что на помощь охранным частям придут и военные части.

— Натка, ну где ты?! — Илта завертела головой, ища куда-то запропавшую подопечную. Обнаружилась она, впрочем, быстро — стоя у охотничьего прилавка, девушка вертела в руках шкурку черного соболя, о чем-то спрашивая стоящего тут же старого эвенка. Сморщенный узкоглазый зверолов, подобострастно улыбаясь, расхваливал свой товар и Наташа уже тянулась к карману, где лежали врученные ей накануне Илтой сто иен.

— Эй, ты что? — Илта ухватила Наташу под локоть. — Сколько? — спросила она старика на языке таежного народа. Эвенк назвал цену и брови куноити невольно поползли вверх.

— Ну, ты даешь, дед — она покачала головой, — пойдем отсюда.

— Но... — слабо попробовала возразить докторша, тоскливо смотря на соболий мех.

— Пойдем-пойдем, — решительно сказала Илта, — так ты все деньги в первый день

спустишь. Он втридорога дерет, поверь человеку, который в тайге мало негод прожил. У меня тут есть знакомые охотники, они за полцены мех продадут. А пока нам надо в гостиницу.

Проталкиваясь через торговые ряды, обе девушки двинулись к их временному пристанищу. Наташа, невольно заразившаяся царившей вокруг суматохой, то и дело порывалась купить какую-нибудь безделушку, что Илта приходилось всячески пресекать. С одной стороны она понимала Наташу — росшая сначала в сибирской деревне, потом в суровых условиях военного времени, с постоянной экономией буквально на всем, девушка оказалась неподготовленной к множеству соблазнов, начисто отсутствующих в СССР. Однако денег у обеих было немного, а в Хабаровске им предстояло провести еще дней пять.

Гостиница, в которую они вселились, была, конечно, не самой лучшей, но вполне приличной. Содержал ее сын первогильдейца, некогда бывшего одним из самых зажиточных людей в Хабаровске, но потерявший все в революцию. Все что удалось сохранить хабаровскому купцу — триста золотых империалов, с коими он и сбежал в Маньчжурию, открыв новое дело. Когда японские и канадские части вошли в Хабаровск, кое-кому из эмигрантов, а также их потомков удалось добиться признания прав на свою бывшую собственность. И вот уже с полгода двухэтажный гостиничный дом «Даурия» принимал постояльцев.

Получив ключ девушки разместились в двухместном номере — Илта как нарочно выбрала тот, что «для молодоженов».

— Не знаю как ты, а я чертовски голодна, — пожаловалась Илта, плюхнувшись на кровать, — может, сходим перекусим?

— Я только за, — кивнула Наташа, — только избавь меня наконец от вашей восточной кислятины. Тут же полно мест, где подают нормальную еду.

— Какие мы привередливые стали, — рассмеялась Илта, — русской кухни захотелось?

— Или украинской, — пожала плечами Наташа, — мне и то и то родное. Отец русак, коренной сибиряк, а вот мать хохлушка, с Полтавщины. Так что мне пойдут и борщ и щи и галушки и расстегаи.

— Ну, раз так, — Илта подмигнула, — при гостинице есть одна забегаловка, как раз для тебя. Но сначала, — она порочно улыбнулась, — давай расслабимся после долгой дороги.

— Ты неисправима, — рассмеялась Наташа, когда куноити, ухватив девушку за талию, увлекла ее на кровать, подминая под себя и впиваясь в губы долгим жадным поцелуем.

— Итак, нам обеим по тарелке борща со сметаной, ей расстегай с осетриной и налимьей печенкой, — ты же хотела рыбный пирог верно? — и соленых грибочков. А суши у вас точно нет, да? Ну, тогда мне сало по-домашнему и блины с икрой.

Половой — светловолосый парень в косоворотке и белых штанах подпоясанных кушаком — понятливо кивал, записывая указанные блюда, украдкой косясь на двух красивых девушек, увлеченно изучающих меню, где вычурным шрифтом с «ятями» были расписаны названия блюд..

— Пить что-нибудь будете? — спросил он, делая пометки в блокноте.

— Ты будешь пить? — спросила Илта у Наташи.

— Не знаю, — она пожала плечами, — смотря что.

— Что у вас тут есть? — обратилась Илта к половому.

— Водка, горилка, — начал перечислять тот, — сладкое розовое вино есть, ханшин.

— Ханшин пей сам, — решительно оборвала его Илта, — водочки принеси графинчик.

— А мне розового вина, если можно, — попросила Наташа.

— Хорошо, — черкнул у себя в блокноте половой, — можно нести?

— Ага, давай — усмехнулась Илта и, когда парень развернулся, игриво ущипнула его за зад, — ты же не заставишь девушек ждать?

Половой выдавил вымученную улыбку и поспешил укрыться в дверях кухни. Илта откинулась на спинку стула, на ее лице расплывалась довольная улыбка.

— Я думала, японцы сало не едят, — заметила Наташа.

— Едят, — рассмеялась Илта, — это у нас называется бутабара, мясо с живота свиньи. Правда в Японии его не солят, а варят или жарят, но коль уж этот трактир называется «Славянским»- будем чтить ваши традиции. А вообще, если честно, давно хочу побывать в каком-нибудь ресторанчике финской кухни.

Наташа рассеяно кивнула, с любопытством оглядываясь по сторонам. Трактир «Славянский» никак не дотягивал до элитного ресторана, но он существенно выигрывал даже по сравнению с закрытыми буфетами НКВД, не говоря уже об общесоветских заведениях общепита. Изящная лепнина покрывала отделанные мрамором стены, тут же висели картины с разнообразными сценами из дореволюционной России, в том числе и портреты Николая Кровавого с черной лентой. Рядом с ними висели различные пейзажи и батальные сцены, причем, как с удивлением заметила Наташа на паре картин были морские сражения, где крейсера под Андреевским флагом обстреливали из пушек крейсера под знаменем Восходящего Солнца. Историю Российской империи в таких пределах Наталья знала и вопросительно посмотрела на Илту.

— Ага, она самая, — кивнула куноити, — русско-японская. Тут как бы заповедник старого режима и хозяин это всячески подчеркивает. Японцы к этому спокойно относятся — дело прошлое, да и редко они сюда заходят. Хотя, их-то тут будет особый почта, обслужат лучше чем кого бы то ни было.

Это Наташа уже успела прочувствовать. Дело даже не в отношении половых в косоворотках и вышиванках — им в конце концов положено быть вежливыми с клиентами. Совсем по-другому вел себя тучный бородатый мужик, если бы не новенький английский костюм, весьма походивший на купца со старых агитационных плакатов. Подойдя к столику он довольно развязно пригласил только вошедших девушек присоединиться к их компании. Компания сидела через пару столов за жареным целиком поросенком и двумя графинами водки — трое таких же поддатых немолодых мужчин и несколько хихикающих девиц. Но гонор «купчины» стух, когда Илта, нехорошо сощурившись, тихо сказала ему несколько слов, а потом показала невзрачную книжицу с вытесненными иероглифами и драконом на первой странице. Бородач оторопело посмотрел на девушек, пробормотал несколько слов извинения и поспешно ретировался за свой столик, где начал взволнованно перешептываться с собутыльниками.

Подошедший половой поставил на стол бутылку с вином и графин с водкой, рюмку и бокал, тарелки с холодными закусками.

— Ну, давай — Илта налила себе полную рюмку.

— Вздрогнули, — в тон ей ответила Наташа, наполняя свой бокал до половины и чокаясь с Илтой. Нацепила на вилку соленый грибочек и принялась жевать, продолжая осматривать трактир. В целом публика здесь вполне соответствовала общему антуражу — старорежимного вида люди, дореволюционные одежды, даже разговоры, насколько сумела

заметить Наташа, касались в основном прошлого. Молодежи было немного и она держалась особняком — если не считать девиц в кричащих нарядах, облепивших сорящих деньгами «купчин». В этом плане наблюдался полный интернационал — среди проституток были, как и явные славянки, так и столько же явно выраженные азиатки — китайки или корейки. Вели себя они совершенно одинаково, впрочем, и их клиенты были довольно однообразны в своем поведении: один за другим поднимали тосты, ругались с половыми и между собой, громко хлопали выступавшей пышногрудой певице в открытом платье, чуть хрипловатым голосом, исполнявшим незнакомую песню.

За первой стопкой последовала вторая, потом третья под принесенные половым расстегай и блины с икрой. Илта, привыкшая к водке еще со времен обрядовых трапез на шаманских ритуалах выглядела вполне трезвой, а вот Наташа, хоть и пила вино неожиданно захмелела. Возможно, сыграло свою роль и то, что здесь в беззаботной и понятной обстановке, как-то отступила напряженность держащая докторшу весь последний месяц. Было в этом трактире что-то умиротворяющее и одновременно будоражащее кровь, какое-то бесшабашное веселье — безыскусное, безыдейное, просто от так полноты жизни — то о чем давно забыли и думать в Советской стране. И было, в общем, не совсем понятно, зачем все это тридцать лет назад понадобилось уничтожить под корень. Эти же мысли Наташа высказала и Илте.

— Да это может выглядеть мило, — снисходительно сказала куноити, — но они все живут прошлым. Умом-то они понимают, что империя умерла, что на одной ностальгии долго не проедешь, но сердцем-то они все еще где-то тридцать лет назад. Даже их дети порой заражаются этой ностальгией. Увы, это отработанный материал. Японская, Британская и Германская империя позволили им вернуться в родные края, кто-то даже добился признания своих прав, но в целом — увы. Они слишком стары, слишком заскорузлы, ваша революция научила их дико бояться перемен. Не на них будут опираться Япония и Британия в построении Нового Порядка на Дальнем Востоке.

— На кого же тогда? — невольно заинтересовалась Наташа, вновь наливая вина.

Илта молча кивнула в сторону группы молодых людей в черных рубашках, сидевших особняком. Как успела заметить Наташа, стол их был гораздо скромнее, чем у большинства посетителей.

— Фашисты? — недоверчиво протянула докторша.

— Пока это, конечно, клоуны, — пренебрежительно сказала Илта, — обезьяны дуче. Я общалась с их лидером — мало мне попадалось мужчин, столь беспомощных как Константин Родзаевский. Но большой их плюс в том, что они уже не заикливаются на прошлом, ищут что-то новое для русского народа. Те из них, кто понимает, что ходить строем и придумывать лозунги не главное — идет в бригаду Асано, устраивает рейды на советскую территорию, учится у тех из белых офицеров, кто готов жить не только прошлым, но и будущим. Вроде того же Семенова.

— Он разве фашист? — спросила Наталья, потягивая вино.

— Нет, — Илта опрокинула очередную стопку и захрустела огурцом, — он на ножах с Родзаевским. Русские фашисты хотят построить Русское корпоративное государство — под эгидой Японии, разумеется, — а Семенов хочет Монголо-казачью федерацию — Халха, Мэнцзян, Забайкальское и Амурское казачьи войска, в перспективе — Тува. Верховным правителем «возрожденной Монгольской империи» станет богдо-гэгэн, а поскольку Семенов сейчас регент, — Илта развела руками — сама понимаешь.

— Скорей всего, — продолжала Илта, — Япония поставит на Семенова. У него есть армия, есть авторитет, сейчас у него есть уже и свое государство, даже два — Халха и Забайкалье. А фашисты пока из себя ничего особенного не представляют. «Старорежимники», что сейчас сидят во всех этих городских управах и думах, их к власти стараются не подпускать. Ну и потом у них тут есть еще один соперник.

— Украинцы? — быстро среагировала Наташа. Нельзя сказать, что все сказанное было для нее чем-то новым — многое из того, что говорила Илта им регулярно говорилось на разнообразных политинформациях, где со всей марксистско-ленинской убедительностью растолковывалось, что нарастающие противоречия между империалистами в скором времени приведут их к краху. В это Наташа уже не верила, реально ознакомившись с положением дел по ту сторону фронта, однако кое в чем, надо полагать, политруки были правы. И в том, что казачество не подпустит русских фашистов к своей сфере влияния. И в том, что между разными поколениями русских мигрантов существует определенный конфликт интересов. И, наконец, то, что у них всех (кроме, пожалуй, казачества) имелся общий враг — украинские националисты, мечтающие построить свое государство: Зеленый Клин, Зеленую Украину. Мечта, впервые вспыхнувшая еще в Гражданскую войну, сейчас получила новый импульс, что естественно не нравилось тем, кто мечтал о построении «Фашистского Приморья». Ситуация получилась патовая: русские — фашисты и прочие белоэмигранты обладали преимущественным влиянием в городах — особенно вдоль Уссурийской железной дороги, от Владивостока до Хабаровска. Украинцы же обладали столь же высоким авторитетом в сельской местности.

— Вот они, легки на помине, — усмехнулась Илта, кивнув на что-то за плечом Наташи. Та обернулась — в трактир входили очередные молодчики в черном, только вместо свастики и триколора у них были желто-голубые повязки с тризубом.

— Что будет драка? — с интересом спросила Наташа, заметив как смурнеют лица украинцев при виде родзаевцев.

— Нет, не думаю, — покачала головой Илта, — где угодно, но не тут. Во-первых, это все-таки «Славянский трактир», тут подают блюда и русской и украинской кухни, песни опять же и украинские и русские поют. Нейтральная территория, короче. Ну, а потом — вон видишь у некоторых нашивки рядом с тризубом?

Наташа присмотрелась — у нескольких дружинников рядом с тризубом алел небольшой прямоугольник в углу которого виднелся совсем уж крохотный «Юнион Джек».

— Канадцы?

— Они самые, — хмыкнула Илта, — канадские украинцы вернее. Ну, ты же знаешь, — она не закончила фразу, но Наташа и так поняла о чем она. Если на русских фашистов ставила Япония, контролировавшая города вдоль железной дороги, то на украинцев ставила Британия и ее доминион. Тем более, что Канада имела козырь в виде «своих» украинцев из которых массово вербовались «добровольцы» в помощь Зеленому Клину. Между двумя империями был установлен негласный договор — кто кого курирует на Дальнем Востоке. Получалась сбалансированная схема, в которой Япония и Британия, получали свою, сферу влияния, ограниченную сферой влияния союзника.

Украинцы все еще мерялись вызывающими взглядами с родзаевцами, когда в трактир вошло еще с десяток человек. С первого взгляда было видно, что ни украинцами, ни вообще славянами они не были, что подтверждала знакомая всему Приморью форма Королевских канадских ВВС. Вслед за молодыми летчиками, рассаживающимися за отдельным столиком,

в трактир зашел высокий крепкий старик в штатском. Голубые глаза, смотрели молодо и задорно, седые усы лихо закручивались вверх.

Глаза Илты расширились от удивления.

— Роберт? Роберт Маккинес?!

— Мисс Сато?! Черт возьми, какая встреча!

Канадцы и украинцы с удивлением смотрели, как их пожилой спутник со смехом заключил в объятия красивую девушку евроазиатского вида. Рядом с ней он казался огромным словно шатун-гризли.

— Черт бы тебя побрал, Илта, у тебя жизней больше, чем у кошки, — взволнованно произнес старик, усаживаясь за столик рядом с девушками, — когда я узнал, что ваше сумасшедшее командование направило тебя в Наньнин, я готов был вытрясти душу из генерала Андо. Послать девчонку в самое пекло, у меня просто нет слов...

— Все нормально, Боб, — улыбнулась Илта, — как видишь, я жива, чего нельзя сказать о... — она резко оборвала фразу.

— Ну да, конечно, — тот, кого назвали Маккинесом, сделал заказ половому и развернулся к Илте, — восстание резко оказалось обезглавленным. И слышал я, что небольшую группу японских офицеров отличившихся в Гуанси принимал тэнно. Говорили, что вроде их даже награждали, хотя кого и за что, разумеется, молчок. Вот не думал я...

— Вот не думайте и дальше, мистер Маккинес, — оборвала его Илта, — много думать вредно, я как-то говорила об этом Наташе. Кстати, познакомьтесь — Наталья Севастьянова, мы с ней приехали из Харбина. Так что говорите лучше по-русски.

Илта не стала уточнять откуда именно из Харбина приехали они с Наташей, равно как и то в каком статусе она там пребывала. Впрочем, Маккинес и не стал задавать вопросов, видимо приняв русскую девушку за обычную эмигрантку.

— Эта синеглазая кошка уже прокричала мое имя на весь трактир, — на сносном русском языке обратился к Наташе канадец, — но я все-таки представлюсь еще раз. Роберт Маккинес, военный корреспондент в Приамурском Канадском Корпусе. Пишу всякую пафосную чепуху для наших домохозяек о подвигах канадских парней в войне против большевизма. Им в радость, а мне в удовольствие — пусть Империи будет хоть какая-то польза от старой перечницы вроде меня.

— Не прибедняйтесь, мистер Маккинес, — усмехнулась Илта, — там, где мы познакомились, вы доказали, что неплохо помните, с какой стороны держать «Арисаку». И помню, как вы порывались вести репортаж с передовой, самым бессовестным образом наплевав начитателей, ждущих очередного поэтического сборника. Вы даже обо мне не беспокоились — а я бы точно не простила себе, если бы не уберегла «канадского Киплинга».

— Я уже достаточно пожил, чтобы не цепляться за жизнь, — махнул рукой Маккинес, — а тосковать по мне будут разве что критики, которым придется искать новую жертву, чтобы вонзить в нее ядовитые зубы.

— Не прибедняйтесь, Боб, — повторила Илта, — Мистер Маккинес, — она обернулась к Наташе, — одновременно Редьярд Киплинг, Джек Лондон и Эдгар По Канады.

— Не ври девочке, — Маккинес подмигнул Наташе, — а то она и вправду подумает, что сидит рядом с какой знаменитостью. Я всего лишь посредственный рифмоплет, золотые годы которого давно позади.

— Я надеюсь, что Индокитаю вы посвятили парочку бездарных стихов? — спросила Илта.

— Да, нацарапал на досуге, — кивнул Роберт, — у стариков много свободного времени. Маккинес прокашлялся и негромко начал читать:

Меня учили: «Не убей»,
И были мне близки
Слова о том, чтоб на людей
Не поднимать руки.
И я не ведал о войне,
Но в некий час вожди
Булатный меч вручили мне,
Сказав: «Теперь иди.

Врага своей родной страны
Ступай разить в строю.
Убийства в мирный день грешны,
Но праведны в бою.
Топчи же трупы, как стерню,
Ступай, благословлен
Церковным клиром на резню:
Войны суров закон.»

Убить почетно на войне —
Я, не жалея сил,
Врага с иными наравне
Разил, разил, разил...
Бесстрашно я шагал в дыму
Среди других рубак,
Но этих правил не пойму...
Христе, подай мне знак!

Маккинес замолчал, принимая от полового тарелку с аппетитными бефстроганов с вареной картошкой и солеными огурцами. Рядом половой поставил вторую рюмку, которую кунюити тут же наполнила из своего графина.

— Как и всегда жизненно — после недолгого молчания произнесла Илта, — Случайно это не навеяно разговором в том ресторанчике в Кантоне? Когда мы спорили о различиях в западном и восточном мышлении на примере японских и канадских солдат?

— Ну, я об этом думал еще раньше, — усмехнулся Маккинес, — я же не первый год на востоке. Но тот разговор и впрямь стал побудительным толчком. Наши солдаты ведь и впрямь воспитывались в христианских семьях, все читали Евангелие, все помнят заповедь, о которой я написал в стихах. И все равно им приходится убивать — убивать много, убивать хорошо, убивать, чтобы не убили их самих. И ведь у всех них, у нас в голове по-прежнему эти заповеди. Убивать плохо, но плохо и быть дезертиром, плохо не выполнять долг перед

Империей. Говорят, что Бог не любит убийств, но священники Его именем благословляет войны. Японцам проще — у них Бог и Император един, они могут услышать от него самого, что им следует делать. Поэтому японцы убивают, не рефлексируя, не испытывая угрызений совести, для них убийство и даже самоубийство не смертный грех, а богоугодное дело. И вот я думаю — может красным могут противостоять только ТАКИЕ? Большевики отвергли бога и выиграли свою революцию, а те, кто выступал против в большинстве своем думали также как и герой моего стихотворения. Может и вправду — чтобы победить Дьявола нужен иной, более сильный?

— Я помню, вы читали, — задумчиво произнесла Илта.

В том странном, странном путешествии
Был мной услышан странный звук.
Там Дьявол с банджо в подземелье,
Играл под костный перестук.
И в вальсе кружатся скелеты,
Веселье мертвых — не живых!
И гоблины из темных щелей,
Сердито плятятся на них

— Я читал это не только тебе, — усмехнулся Маккинес, — но и самому Маккензи Кингу. Ты ведь знаешь, что он увлекается спиритизмом?

Илта ограничилась вежливым кивком, хотя знала она о пристрастиях канадского премьера побольше Роберта Маккинеса. Ей приходилось краем уха слышать и о жутковатой истории, в которую вылилось увлечения канадского лидера.

— С точки зрения христианства, все это — колдовство, — продолжал Маккинес, — японцы тоже почитают множество богов и духов — кто они не демоны с христианской точки зрения? В Германии, как я слышал, на оккупированных восточных территориях возрождают какую-то дремучую архаику. Против тех, у кого вместо морали одна «классовая борьба» и «революционная необходимость» наверное, и вправду может выстоять что-то такое. Дремучее, архаичное, людоедское — но с танками, линкорами и самолетами.

— Война настраивает вас на философский лад, — рассмеялась Илта, — но хотя у меня и совершенно нехристианское мышление, сильно увлекаться восточной мифологией, я бы не советовала. Она не так хороша, как представляется западному сознанию.

— Мне ли о том не знать, мисс Сато, — сказал канадец, — я ведь десять лет провел в Китае.

— Я помню, — кивнула Илта, — вы же оттуда вынесли свою любовь к восточным учениям.

— Да, — усмехнулся Маккинес, — после десяти лет в Пекине и Нанкине, я увлекся восточной философией и весьма невзлюбил китайцев. Особенно — китайцев-коммунистов.

— А где вы так научились говорить по-русски, — вдруг спросила Наташа, — в Харбине?

— Не только, — покачал головой Маккинес, — я же был еще и в Москве. Еще до войны в начале тридцатых. Побывал и у Кремля и в Мавзолее, даже отстоял в очереди желающих

почтить памяти Вождя. Тогда я и понял, что все эти разговоры про «прогрессивность» большевистских воззрений — очередная ложь коммунистической пропаганды.

— Большевик всегда врет, — убежденно сказала Илта, — большевик не может не лгать. Ты согласна со мной, Наташа? — она обернулась к русской девушке. Та, застигнутая врасплох, нерешительно кивнула — несмотря на все, что она узнала и пережила за последний месяц, несмотря на принятое решение, разрыв с прошлым давался ей нелегко.

— Под прикрытием марксизма и прочей социалистической шелухи таится самый грубый фетишизм, — продолжал Маккинес, — примитивнее гаитянского вуду или местного шаманизма. Там хотя бы есть вера в своих владык Земли, Неба и Ада. У большевиков же нет ничего, кроме мумии их дохлого вождя. И это самое страшное — основа советской военной силы, самого СССР как государства всего лишь кусок протухшей мертвечины.

— Помнится, вы даже стихотворение написали, — сказала Илта.

— Да, — кивнул Маккинес, — и мне после этого запретили въезд в СССР.

— А прочтите, — вдруг попросила Наташа.

— Как скажете, — кивнул Маккинес, — хотя это не самое приятное чтение.

Он замолчал, собираясь с мыслями и начал негромко читать:

Ленин спит в саркофаге, реют красные флаги, и трудяги, к плечу плечом,
Словно крысы, входя — ищут нюхом вождя, прощаются с Ильичом.
Смотрят пристально, чтоб бородку и лоб в сердце запечатлеть:
Вобрать до конца в себя мертвеца, который не должен истлеть.
Серые стены Кремля темны, но мавзолеей — багров,
И шепчет пришлец из дальней страны: «Он не умер, он жив-здоров».
Для паломников он мерило, закон, и символ, и знак и табу:
Нужно тише идти: здесь спит во плоти их бог в хрустальном гробу.
Доктора в него накачали смолу — для покоя людских сердец,
Ибо если бог обратится в золу, то и святости всей — конец.

Он говорил и Наташа, словно оцепенев, ловила каждое его слово. Она знала, то, что не знали ее собеседники — в Новосибирске, новой столице Советской России, и поныне в подвалах местного облкома, стоит гроб с вывезенным из Москвы телом Вождя. И что сам Сталин и Берия и многие другие высшие партийные и военные чины приносят перед ним клятву о продолжении дела Мировой Революции. Она вспоминала пьяные байки Берсоева и других энкавэдэшников о том, что перед мумией как-то особо изощренно казнят оппортунистов и врагов народа, изменников делу Маркса-Энгельса-Ленина.

С молоком матери она впитывала то, что лежащий в том гробу мертвец — главная святыня всех советских людей, Тот чьей волей создано самое справедливое в мире государство. И эту волю она, равно как и вся советская молодежь, должна воплотить в жизнь. Сейчас то, что казалось ранее прописными истинами, предстало совсем в ином свете. Тот, кто читал сейчас все это, не знал, что его стихи доносятся до ушей недавней комсомолки. Маккинесу не было нужды вести пропаганду — ведь он думал, что находится среди своих. Он читал то, что думал, то, что видел и Наташа чувствовала жуткую правду,

скрытую в этих строках, падающих в ее душу подобно свинцовым плитам на дно колодца:

На Красную площадь меня занесло — поглядеть на честной народ,
На всякое Марксово кубло, что к Мавзолею прёт:
Толпится там москаль, грузин, туркмен, татарин-волгарь,
Башкир и калмык, латыш и финн, каракалпак и лопарь,
Еврей, монгол, киргиз, казах; собравшись из дальних мест,
Толпа стоит со слезами в глазах, этакий ленинский съезд.
Сколько лет прошло, а их божество закопать еще не пора,
Они — будто плакальщики того, кто умер только вчера.

— Всегда забавлял этот отрывок, — усмехнулась Илта, — я ведь, получается, плоть от плоти того «кубла». Мне так в детдоме говорили — мол, отец из японской военщины, мать финская шпионка, а советская школа сделает из тебя советского человека.

— Ну, прости — развел руками Маккинес, — написал то, что написалось. Но, сказать по правде, ты последний человек, которого я бы стал отождествлять с «ленинскими плакальщиками».

— И это правильно, — сказала Илта, из глаз ее исчезла всякая насмешка, — поэтому я и не обижаюсь. Я люблю этот ваш стих Роберт, потому, что он лишний раз подчеркивает мое отличие от советских. Я не сталинский манкурт, как вся эта красная свора и НКВД не удалось заглушить во мне голос крови. Я читаю Калевалу и «Кодзики», я чту память воинов-самураев и героев Зимней войны, я преклоняю колени перед Аматаэрасу и если могла — принесла бы жертву Тапио и Хийси. Я помню, советские — нет!

— За это и выпьем, — Маккинес поднял рюмку с водкой. Наташа тоже подняла свой бокал и залпом опрокинула его, почти не отдавая отчета в своих действиях. Мысли ее стали неповоротливыми от выпитого вина, перед глазами все поплыло и Наташа не сразу поняла, что плачет: обо всем ее прежнем существовании, столь бессмысленно-жестоком, о судьбе множества ее сверстников выживающих под властью прикрывающихся именем народа кучки лицемеров, поклонявшихся гнилому трупу. Внезапно пришло понимание, что то, что там — не имеет будущего, что даже если бы эта война пошла по-другому и СССР остался победителем, никакого коммунизма никто не построил и закончилось бы все это, так же как и началось — в крови, грязи и всеобщем предательстве. Осознание этого буквально раздавило Наташу — и она плакала пьяными, злыми слезами над потерянным поколением.

После еще одного бокала, Наташа совсем расклеилась и Илта отвела ее в номер, раздев и уложив спать. Поначалу она попыталась заняться ней любовью, но всегда охотно отзывающаяся на ласки, сейчас блондинка лежала бревном. Выписывая языком круги на пупке советской девушки, Илта чуть со злости не вцепилась зубами в нежную плоть, услышав сверху тихое сопение. Выругавшись, она вскочила с кровати и, быстро одевшись, выскользнула за дверь, не забыв запереть ее. То, что портье внизу дал им два комплекта ключей, Илта запомнила — сейчас ее мысли были заняты другим. Алкоголь усилил ее сексуальное возбуждение, требующее разрядки. Ей вспоминались молодые канадские

летчики, особенно их командир — высоченный майор с светлыми волосами и синими глазами. Она заметила его, еще когда канадцы рассаживались за столиком, однако ее отвлек Роберт Маккинес, да и не хотелось ей при Наташе оказывать кому-либо знаки внимания. Однако сейчас Илта считала себя вправе весело закончить сегодняшнюю ночь.

Внизу гуляние шло всюду — на сцене певиц сменили экзотические танцовщицы, извивающиеся под старомодный патефон, богатые постояльцы и их спутницы громкими криками выражали свое одобрение... Русские фашисты и украинские националисты, подогретые спиртным, бросали все более неприязненные взгляды друг на друга, слышались порой и оскорбительные реплики — пока еще «в воздух». Однако до драки дело не доходило — русские явно не желали втягиваться в драку с «зеленоклинниками», за которых бы не замедлили заступиться их заокеанские собратья, что вылилось бы и в столкновение уже с канадскими летунами. Тем же явно не улыбалось втягиваться в «славянские разборки» — в преддверии ожидающегося международного события, отношение к затеявшим драку было бы весьма суровым — как со стороны правоохранителей, так и армейского командования. Сами канадцы были явно настроены просто отдохнуть, насладившись славянской и азиатской экзотикой.

— Можно присоединиться? — Илта под села к канадцам, выбрав тот стул, на котором сидел куда-то отлучившийся офицер, — подружке пора на боковую, а я бы еще погуляла. Никто не возражает? — она ослепительно улыбнулась канадцам и молодые летчики невольно заулыбались в ответ.

— Что будешь пить? — спросил Маккинес.

— Наверное, то же, что и все, — пожал плечами Илта, — что вы заказывали?

— Что можно заказывать в русском трактире, как не водку? — послышался голос у нее за спиной и Илта, развернувшись на стуле, увидела нависавшего над ней майора. Вблизи он казался еще привлекательнее — закатанные по локоть рукава летной формы обнажали мускулистые руки, поросшие светлыми волосками. Да и все остальное производило впечатление — разворот плеч, волевой подбородок, четко очерченные губы. Один в один «белокурая бестия» с пропагандистских плакатов Рейха, только что среди реальных немцев Илта не припоминала столь совершенных образчиков нордической расы. В свою очередь и канадец с удовольствием рассматривал сидевшую на его месте девушку, явно оценив своеобразные черты лица и изящную сочную фигурку. Две пары синих глаз встретились и одновременно Илта и летчик улыбнулись друг другу.

— Я, похоже, заняла ваше место, мистер...

— Ван Гельт, — представился канадец, — Питер ван Гельт. Пустяки, мисс Сато.

— О, вы знаете мое имя? — удивилась Илта.

— Я взял смелость назвать его капитану, — подал голос Маккинес, — когда он спросил, откуда я знаю самых красивых девушек этого города.

— Вы как всегда мне льстите Роберт, — рассмеялась Илта, — но все же, как мы будем делить место за столиком?

— Я думаю очень просто, мисс Сато, — с этими словам Ван Гельт подхватил ее на руки и, не успев кунойти опомниться, как она уже сидела на коленях довольного канадца. На столик тем временем половой поставил очередной графин с водкой и большое блюдо с жареным мясом.

— Полеты порой возбуждают зверский аппетит, — усмехнулся Питер, нарезая мясо и накладывая порцию Илте. Маккинес тем временем разливал водку по рюмкам.

— Я кстати, так и не поинтересовалась, откуда вы? — спросила Илта, накалывая на вилку кусок мяса, — мы с Робертом слишком увлеклись общими воспоминаниями.

— Четыреста двенадцатая эскадрилья Королевских Канадских ВВС, — отрапортовал Ван Гельт, — может, слышали, мисс Сато?

Девушка кивнула — да об этом подразделении она слышала. Базировавшаяся в Благовещенске и Мохэ эскадрилья вместе с четвертой дивизией Квантунской армии и Амурским казачьим войском считалась передним краем союзной обороны на Дальнем Востоке. По крайней мере, так было до взятия Читы, где именно Четыреста двенадцатая эскадрилья обеспечивала поддержку с воздуха.

— Только что вернулись из Благовещенска, — подтвердил Маккинес, — думаешь, почему я с летчиками хожу? Вчера весь день вместе с ними в кабине «Харрикейна» провел — «Таймс» заказал мне статью на разворот.

— Так вы в увольнении? — спросила Илта у ван Гельта.

— Со вчерашнего дня, — сказал он, — в Благовещенске дежурит другая смена.

— Как там вообще сейчас? — спросила Илта, как бы ненароком ерзая на коленях летчика и ощущая ягодицами его возросший — в самом буквальном смысле — интерес.

— Скучно, — усмехнулся летчик, изо всех сил стараясь оставаться невозмутимым, — с тех пор как пала Чита, советские налеты почти прекратились — у красных теперь ближе Иркутска нет аэродромов. Говорят, что Семенов хочет нашего перевода в Читу, но Гамов тянет резину, как обычно.

Илта хмыкнула — атаман Амурского казачьего войска Иван Гамов, союзник Семенова еще со времен Гражданской войны, не мог открыто выступить против человека, который и поныне считался Походным атаманом всех дальневосточных казаков. Однако и оголять оборону Благовещенска Гамову было бы не с руки — к северу от земель Амурского войска начинались земли, слабо контролируемые кем бы то ни было, но служащие источником рейдов «красных партизан». Учитывая относительную немногочисленность сосредоточенных тут сил, на счету была каждая боевая единица.

— Не знаю еще, что решит командование Корпуса, — пожал плечами Питер, обнимая Илту за талию, — перебазировка в Читу дело муторное. Хотя я бы и не отказался, в Благовещенске сейчас стало довольно скучно. Но Маккензи Кинг не особо хочет класть жизни канадских парней за «Новую Монгольскую империю».

— А ты, кстати, «канадский парень»? — спросила Илта, — имя у тебя...

— Я канадец, — усмехнулся Питер, — мои предки приехали в Америку из Леувардена, еще когда Нью-Йорк именовался Нью-Амстердамом. После Американской войны за независимость они переселились в Канаду, вместе с иными голландскими лоялистами. Так что я канадский голландец в черт знает каком поколении.

— Выпьем и за это, — подхватил Маккинес, незаметно подмигнув Илте. Та подмигнула в ответ, отметив про себя, что престарелый поэт явно не сердится на нее за внимание к ван Гельту. В конце концов, Маккинес был и стар и давно женат. Меж тем летчик лихо выплеснул водку в рот и, развернувшись, впился в губы Илты жадным поцелуем. Та мгновенно откликнулась на него, сплетаясь языками и просто млея от прикосновений рук канадца. Остальные канадцы тоже не остались без спутниц — с десяток «ночных бабочек» разной расы, возраста и степени привлекательности уже облепили летчиков. Воспользовавшись, всеобщей суматохой Илта и Питер тихо ретировались.

Минут через двадцать они поднялись на второй этаж «Даурии» — оказалось что номер

канадского майора отделяли всего две комнаты от номера Илты и Наташи. Срывая на ходу одежду с себя и своего партнера, куноити принялась опускаться, покрывая быстрыми поцелуями грудь и живот Питера. Ее пальцы торопливо расстегивали ширинку брюк, высвобождая наружу затвердевшую плоть.

— Ого! — невольно выпалила финнояпонка, когда ее старания, наконец, увенчались успехом. Перед ее лицом покачивалось наглядное подтверждение нордического расового превосходства — ни у славян, ни у французов, ни, тем более, у азиатов, Илта не встречала подобных размеров. Губы девушки приоткрылись, с трудом пропуская в рот набухшую сизую головку, умелый язык заскользил по упругой, скользкой плоти. Сильная рука легла на черные волосы, насаживая голову Илты на массивный ствол и ритмично двигая бедрами. Илта приноровившись к привычному темпу, впивалась ногтями в бедра любовника, находя знакомые кнопки для «игры» на любимом «музыкальном инструменте»- мужском теле. Слегка сбив волну возбуждения, Илта, выпустив канадский член из губ, выпрямилась и откинулась на кровать, увлекая Питера за собой. С нечленораздельным рычанием ван Гельт вошел в нее резко и сильно. Тут же его бедра словно оплели стальные кольца — обхватив ногами канадца, куноити ожесточенно насаживалась на то, что в фривольной китайской поэзии именуется «нефритовым жезлом». Пальцы Илты не находили себе места — то терзая смятую простыню, то теребя набухшие соски, с искусанных губ срывались звуки больше напоминавшие лисий лай, нежели задохнувшийся от страсти женский голос. Она сейчас и ощущала себя не человеком, но черной лисицей, которую брал полярный волк с голубыми глазами.

Два хищника, два победителя сошлись на любовном ристалище и никто из них не желал сдаваться первым. Вот тело Илты выгнулось дугой, гибким движением поясницы она подкинула себя вверх и продолжила скачку на подхватившем ее под ягодицы ван Гельте. Обхватив его руками и ногами, куноити впиалась в него словно некая помесь паука и пиявки, терзая ногтями спину. Оба любовника одновременно подвели друг друга к беззвучному и сокрушительному взрыву, волнами удовольствия растекавшемся по телам скользким от пота и крови из многочисленных царапин. Ван Гельт рухнул на кровать, придавив Илту, кричавшую от накрывшего их обоих сокрушительного оргазма.

Наташа со стоном разомкнула потяжелевшие веки и огляделась по сторонам. В голове шумело, во рту было сухо как в пустыне Гоби. Она потянулась к столику, на котором стоял графин с водой, но к ее разочарованию он был почти пуст. С трудом поднявшись и накинув на плечи первое попавшееся тряпье, девушка подошла к двери. Дрожащей рукой она дернула дверную ручку на себя и обнаружила, что заперта в комнате.

— Ссука, — простонала Наташа уткнувшись лбом в дверной косяк, даже не понимая, кого она сейчас имеет в виду — Илту или себя. Из глубин памяти услужливо вынырнуло нужное воспоминание и девушка, порывшись в разбросанной по кровати одежде, выудила запасной ключ. Повернув его в замке, она нацепила гостиничные тапки и вышла в коридор, собираясь пройти туда, где как она видела утром, растапливали самовар. Чай — самое то, что было нужно сейчас ее иссушенному организму.

Проходя мимо одной из дверей, она услышала, за ней звуки, недвусмысленно свидетельствующие о том, чем занимаются в той комнате. Наташа, хмыкнув, хотела пройти мимо, когда ей послышалось что-то знакомое в доносящихся из-за двери сладострастных вскриках, перемежаемых стонами и всхлипами. До боли знакомый женский голос,

задохнувшись от страсти, что-то выкрикивал по-японски, перемежая это отборным русским матом. В ответ незнакомый мужской голос отвечал на английском — судя по интонации тоже ругательства.

Скорей машинально Наташа толкнула дверь — та неожиданно оказалась незапертой. На смятых простынях гостиничной кровати, прижатая поджарым мужским телом извивалась женщина, которую она узнала сразу. Полные губы были искусаны в кровь, на теле проступали синяки от вдавившихся в них пальцев.

Наташа застыла, чувствуя себя так, будто ей с размаху врезали поддых. Снова предательство — от единственного человека, которому она только что начала доверять. Всклипнув от преисполнившей сердце лютой обиды, она замотала растрепанной головой и выскочила в коридор. Занимающаяся любовью парочка ее так и не заметила.

Наташа сбежала вниз по лестнице и, провожаемая удивленным взглядом портье, выскочила на улицу. Прохладный вечерний воздух, остудил шумящую голову, отчасти вернув Наташе способность к соображению. И все равно чувство щемящей обиды и досады — в первую очередь на себя — не оставляло русскую девушку. Илта не имела права так поступать! То, что Наташа позволила себе выпить лишнего это еще не повод... Да она сама сейчас же... Что она себе тоже нормального мужика не найдет? И пошли бы все эти харбинские изуверы со своими секретными планами и заданиями.

Размышляя так, глотая слезы обиды, Наташа уже не очень разбиралась, куда и зачем она идет. Осмотревшись по сторонам она догадалась, только когда вокруг стало уж очень темно. Оказалось, что она в сердцах свернула в какой-то переулок, причем сейчас она даже не была готова сказать, в какой стороне находится «Даурия». Хотя, вот позади слышатся быстрые шаги — кто-то тоже идет по своим делам. Сейчас она спросит...

— Наталья Севастьянова? — послышался чуть ли не над ухом резкий женский голос.

— Да, я — протянула девушка, оборачиваясь, пока еще скорее удивленная, чем встревоженная тем, что тут ее кто-то знает.

Вспыхнуло пламя спички, поднесенной к дешевой местной папиросе. Огонь осветил резкие женские черты, орлиный нос, пронзительные черные глаза. Что-то очень знакомое почудилось Илте в этих чертах — что-то от чего за километр веяло угрозой.

— Отлично, — усмехнулась женщина, выдохнув табачный дым в лицо закашлявшейся девушке, — действуйте товарищи, — произнесла она, обращаясь к кому-то позади Наташи.

Блондинка открыла было рот, чтобы закричать, когда сильная рука ухватила ее за горло и на ее лицо легла тряпка, воняющая хлороформом.

*В произведении использованы стихи Роберта Сервиса(перевод Евгения Витковского), Томаса Маккинеса и Арсения Несмелова

Часть вторая: На дне Черного Колодца

Возле стоящей на берегу Амура бревенчатой фанзы горел небольшой костер. Перед ним присел на корточки седоватый китаец в потрепанной одежде, помешивающий в висящем над костром котелке резко пахнущее варево. Временами он поглядывал на человека, зажатого в стоящем на земле хитроумном устройстве, напоминающем что-то среднее между кроватью и узким ящиком, с разъемными стенками из двух половинок. В стенках виднелись отверстия для рук, ног и головы, не дававшие пленнику пошевелиться, еще один деревянный зажим сдавливал поясицу. Обнаженное тело покрывали многочисленные порезы, по которым, оставляя на коже кровавые следы, ползали всевозможные насекомые — от мелких мошек до крупных черных жуков. Особенно же много было мух — крупных, с блестящими зелеными телами.

Из-за крови, грязи и обильно покрывшего тело гнуса невозможно было определить возраст или расовую принадлежность съдаемого заживо. В темных глазах читалась смертная мука, из заткнутого грязной тряпкой рта слышалось сдавленное мычание.

Воздух переполнял запах экскрементов — вполне ожидаемым, поскольку испражняться скованному пленнику оставалось только под себя. Запах же приманивал к пытаемому все новых летающих и ползающих тварей. Каждую минуту человек ощущал как тысячи маленьких лапок неустанно переступают по коже, как в обнаженные раны вонзаются тонкие хоботки и сотни мельчайших челюстей вгрызаются в его тело, вызывая невыносимый зуд.

В воздухе стояло неумолчное ровное гудение.

Китаец посмотрел на закипающее варево, удовлетворенно хмыкнул, сняв котелок с огня, и зачерпнул жестяной кружкой содержимое — густую жижу из ягодной мякоти и мелких косточек. Вразвалку он подошел к пленнику, протестующе замычавшему когда китаец, вырвав кляп и зажав связанному нос, начал подносить к распахнутому рту кружку.

— погоди, Яо! — раздался голос, — если от твоей дряни его пронесет снова, мы сами задохнемся от вони.

Китаец послушно отошел, уступая дорогу пружинисто поднявшейся на ноги молодой женщине, сидевшей чуть поодаль от костра. Потревоженный гнус с резким жужжанием поднялся в воздух, образовав большое облако, когда она подошла к скованному пленнику. Синие глаза встретились с темными и слабая улыбка искривила полные губы.

— Ты сам понимаешь, Чен, — тихо сказала Илта, — я все равно узнаю, что мне нужно. Ты, правда, до этого уже не доживешь — если и будешь отмалчиваться дальше, тебя отнесут к болотам и оставят в этих колодцах. Тебе самому не интересно, от чего ты помрешь: от гангрены, заражения крови или тебя раньше сожрут насекомые?

Лицо приговоренного перекошилось от боли и страха.

— Самое смешное — продолжала Илта, — те кому ты служишь, не оценят твоё самопожертвование. Тебя использовали и выбросили, как рваный башмак, твои друзья сбежали, а отвечать будешь ты. Пари держу, Советы не предупреждали, что могут бросить тебя подыхать в куче собственного дерьма. Расскажи, что знаешь — и тем облегчишь свою участь. Будешь говорить, Чен?

Плененный китаец затравленно посмотрел на нее и обреченно кивнул. Илта улыбнулась, достала сигарету и, прикурив от углей костра, пустила струю дыма, прогоняя полчища насекомых.

— И не вздумай врать, — почти доброжелательно сказала она, — я ведь все равно почую ложь. И тогда ты точно пожалеешь, что родился на свет.

Китаец разлепил опухшие губы и слабым голосом начал говорить.

Илта зевнула, ерзая на кресле и с трудом сдерживая желание сомкнуть глаза. С тех пор как пропала Наташа, прошло трое суток, за которые куноити удалось поспать от силы часа два. Как раз сейчас она хотела немного отдохнуть, однако неожиданно Сиро Исии вызвал ее для доклада — ночью, по своей всегдашней привычке. О пропаже пленницы «папаша» узнал еще в Синьцзине, где по приказу генерала Ямады несколько дней читал лекции военным медикам Маньчжурской Императорской армии. Вернувшись в Хабаровск, Сиро Исии приказал Илте явиться в гостиницу, в которой остановился сам. По прибытии куноити узнала у адъютанта, что «его превосходительство» сейчас занят и просит ее обождать внизу. Выглядело это явным издевательством, однако Илта и не ожидала ничего другого — сейчас она была не в фаворе у начальника «Отряда 731».

Ныне посланница «Кокурюкай» изнывала от недосыпа на одном из мягких диванов, коими был уставлен холл «Астории»- лучшей из гостиниц послевоенного Хабаровска. Интерьер тут был побогаче «Даурии», однако Илта почти не замечала окружавшей ее роскоши, также как и портье-японца, с интересом рассматривавшего девушку.

С ведущей со второго этажа мраморной лестницы послышались женские голоса, шутки, смех. Илта вскинула голову — кому кроме нее не спится в четыре часа ночи?

Оживленно что-то обсуждая, по лестнице спускались трое молодых женщин в роскошных нарядах. Уже по ним можно было догадаться о роде занятий девушек, даже если бы Илта и не знала одну из них — изящную японку в разноцветном кимоно и похожим на маску набеленным лицом. Накрашенные алой помадой губы изогнулись в улыбке при виде Илты. Та улыбнулась в ответ — Юрико Камасита, одна из самых шикарных юдзе Маньчжоуго, чьи услуги могли позволить только высшие чины Квантунской армии. В умении вести беседу, слагать стихи, исполнять традиционные танцы Юрико не уступала гейшам, при этом выполняя и сексуальные услуги, порой весьма замысловатого свойства. Илте не раз доводилось иметь дело с Юрико — и по работе и ради удовольствия.

Вторая проститутка была красивой, но мало чем примечательной китайкой, а вот третья невольно привлекла внимание Илты: высокая стройная блондинка, в шелках, кружевах и мехах, с жемчужным ожерельем на изящной шее. Точеный аристократический профиль, тонкие кисти и пальцы рук, слегка презрительный взгляд огромных серо-зеленых глаз — в этой девушке за версту чувствовалась порода. Илте знала, что в борделях Шанхая и Харбина, были не такой уж и редкостью дочери русских дворян, не нашедших средств к существованию и вынужденных перебиваться подобными заработками. Однако у тех дворянских дочек, с кем имела дело куноити, не было и половины такого высокомерия, которое излучало, казалось, все существо этой девушки. Если она и была проституткой то самой, что ни на есть «элитной».

Заметив любопытство девушки в потрепанной японской форме, блондинка ответила ей взглядом полным ледяного презрения. Ее губы шевельнулись, будто «дворянка» собиралась сказать какую-то колкость, однако Юрико торопливо что-то зашептала на ухо своей спутнице. Глаза той округлились и она бросила менее надменный взгляд в котором смешались интерес и легкий испуг. Илта усмехнулась — будь у нее больше времени, она бы с удовольствием разъяснила аристократке кто тут настоящая «элита».

Вслед за девушками появилась еще одна фигура, увидев которую Илта поднялась с дивана, уже не обращая внимания на шепчущихся проституток. С одной русской блондинкой она уже связалась — да так, что теперь непонятно как все это расхлебывать.

— Его превосходительство Сиро Исии, ждет вас — произнес адъютант.

Илта кивнула и двинулась вверх по лестнице, краем уха отметив, что шепоток девушек стал оживленней — похоже, они вернулись как раз оттуда, куда направлялась куноити. Сиро Исии явно высказывал ей свое нерасположение, соизволив принять агента «Кокурюкай» только после веселья с тремя шляхами. Интересно, его адъютант принимал в этом участие или ждал под дверью? Скорей второе — о Сиро Исии рассказывали много пикантных историй, но в них ни разу не упоминались его пристрастия к распространенному в самурайской среде пороку.

Подобные мысли помогали Илте отвлечься от предстоящего разноса — обещавшему быть очень жестким. Они поднялись на второй этаж и, пройдя по коридору, остановились перед одной из комнат. Адъютант позвучал и, дождавшись нетерпеливого отклика, распахнул дверь в номер.

— Прошу, — произнес он. Илта небрежно кивнула и шагнула внутрь.

Чем бы не занимался Сиро Исии с тремя девушками, по его внешнему виду это было не определить. На нем был его обычный мундир генерал-лейтенанта японской армии, застегнутый на все пуговицы, как на параде. Обычно в таком виде он появлялся во время собраний в Большом лекционном зале «Отряда 731», где, расхаживая по сцене, рассказывал подчиненным о значимости их работ для Японской империи. Точно также он мерил сейчас шагами номер и, сидящая на аккуратно прибранной кровати Илта, невольно хмыкнула, представив, как Сиро Исии всю ночь читает лекции о методах бактериологической войны трем проституткам. Ухмылка исчезла с лица девушки также быстро, как и появилась — сейчас точно было не время для шуток.

— Я очень разочарован в вас, Илта, — «сан» куда-то исчезло, — вашим непрофессионализмом, вашим легкомыслием. Я поверил вам, позволив испытать ваши методы на этой русской сучке — и каков результат? Очугившись поблизости от советской территории, она сбегает, воспользовавшись вашей пьяной распущенностью! И ее трудно винить — грех было не воспользоваться таким случаем. Вы и только вы виноваты в том, что важнейшие научные сведения потеряны для нас — теперь большевики, разумеется, примут все меры предосторожности, чтобы информация о «Плеяде» не досталась Японской империи. Думаю, что в скором времени они переведут свой Центр вглубь Сибири, где он будет недостижим для нас — и опять-таки из-за вашего чистоплюйства. Нужно было сделать из этой лицемерной твари «бревно»- пусть она и подохла бы, но перед этим мы выколотили из нее все, что она знает. Но я поверил вам — и вот результат! Мне придется писать рапорт генералу Ямаде и поверьте — я не стану вас выгораживать. Можете сразу делать харакири — после того, как командование узнает о вашем проступке даже участь «бревна» покажется вам не самой страшной.

Сиро Исии продолжал изрекать свои обвинения, угрозы и зловещие намеки, меряя шагами комнату. Илта прекрасно понимала его состояние — как бы он не пытался представить сейчас Илту единственной виновницей происшедшего, у армейского командования неизбежно возникнут вопросы и к «его превосходительству». Вряд ли генерал-лейтенант жаждет давать на них ответы и сейчас, пока он устраивал разнос Илте,

его изворотливый ум одновременно упорно искал выход.

— Это не первый ваш провал во всем этом деле, — продолжал Сиро Исии, — но там, в Чите и впрямь были экстремальные обстоятельства. Теперь я ясно вижу, что дело не в них, что вам изначально нельзя было поручать эту миссию. Сейчас, когда эта девчонка сбежала...

— Я прошу прощения, Сиро-сан, — Илта все-таки исхитрилась вставить слово среди потока обвинений, — но она не сбежала. Наталью Севастьянову похитили.

— Я не снимаю с себя ответственности за происшедшее, — продолжала Илта, — это моя вина и мне ее исправлять. Собственно я уже начала это делать.

— Каким, интересно образом? — глянул исподлобья Исии Сиро.

— Вы знаете, что мне уже приходилось работать в этом городе, — произнесла Илта, — и кое-какие связи у меня остались. Используя их, мне и некоторым моим...помощникам удалось выйти на одного человека. Китаец, большевистский агент, глубоко законспирированный, обычное дело для Хабаровска. Однако задание, в которое его втянули товарищи по партии, оказалось настолько важным, что Чена буквально вынудили засветиться. Он собирался бежать на север, но его удалось перехватить.

— И что же вы узнали? — скептически хмыкнул Исии.

— Как я уже говорила — ответственности с себя не снимаю. Однако, надо заметить, что в истории с Наташей произошла цепь трагических случайностей. Большевистское подполье в Хабаровске существенно активизировалось в преддверии праздника — судя по всему, готовилось покушение на его Величество. Для этого и была прислана группа диверсантов из Советской Сибири. Командовать был назначен человек из того самого Центра. Наш пленник видел его только один раз, мельком — вернее ее.

— Женщина? — Сиро Исии поднял бровь.

— Да, — кивнула Илта, — он говорит лет сорока, глаза темные, одета в черные штаны и черную кофту, явно не славянка.

— Он не знает ее? — спросил Сиро.

— В том-то и дело, что нет, — кивнула Илта, — такому как он и не положено знать о Центре. Собственно он и по сей день не знает — это я предполагаю, что женщина с ним связана.

— Почему вы так решили?

— Очень просто, — ответила Илта, — большевики как раз сделали вылазку в город, где эта женщина и увидела меня с Наташей. Пленник говорил, что ее буквально затрясло от волнения — она разом приказала свернуть все планы насчет Кэндо и захватить Наташу. Кто еще мог понимать всю важность этой пленницы, что побоку был пущен план покушения? Ну и совпало с этой дурацкой историей в гостинице. Честно скажу, я просто не думала, что ее тут кто-то узнает и была уверена, что в гостинице она в полной безопасности. Собственно так бы и было, если бы Наташа спокойно проспала остаток ночи или я отобрала у нее ключи. К тому же я была недалеко.

— Только вы были очень заняты, — язвительно произнес Сиро.

— Да, — развела руками Илта, — кто же мог знать, что Наташа будет такой впечатлительной. Портье сказал, что она слетела с лестницы, чуть не свернув шею. Думаю, она проснулась, вышла зачем-то в коридор и наткнулась на комнату ван Гельта. Ну и в слезы, это в ее характере. Выскочила на улицу — в лапы большевикам.

— Откуда вы можете знать, что это все не было спланировано заранее? — спросил Сиро, — что она заранее не договорилась с ними?

— У нее не было времени с кем-то договориться, — покачала головой Илта, — если не считать того момента, она все время была со мной. Да и наш пленник говорит, что похищение вышло почти спонтанно — они дежурили возле гостиницы, сами еще не зная, как приступить к делу. И тут такая удача.

— А ваш пленник не врет? — недоверчиво спросил Исии Сиро.

— Поверьте, он был не в том положении, — усмехнулась Илта.

— Допустим, но ведь вы сейчас не в таком положении? — прищурился Исии Сиро, — как я могу знать, что вы не вводите меня в заблуждение, пытаетесь оправдаться?

— Вы можете подозревать, что угодно, — пожала плечами Илта, хотя внутри нее все взбурлило от злости, — но даже если вы заберете меня в Пинфань и вытрясете душу вместе с потрохами — вы только потеряете время, а материалы Центра останутся вам недоступными. И это не избавит вас от неприятных разговоров с начальством.

— Вы так говорите, будто можете предложить альтернативу, — скривился Сиро Исии.

— Могу, — кивнула Илта, — хотя это потребует быстрых действий. Если даже они и решат перевести свой Центр в безопасное место, на это потребуется время. Может они вообще ограничиться тем, что усилят его охрану. И если приближение армии они обязательно заметят, то небольшую группу, могут и проглядеть.

— Вы серьезно? — Сиро Исии недоверчиво посмотрел на Илту.

— Более чем, Сиро-сан, — кивнула куноити, — Я достаточно разговаривала с Наташей об этом Центре и уже примерно представляю, где он находится. Нужных людей я наберу сама — я ведь говорила, что у меня есть тут кое-какие связи. Даже если большевики и предупреждены, столь быстрой реакции они не ждут. Если поторопиться — мы можем застать их врасплох.

— Кучка людей против напичканной оружием и людьми сверхсекретной базы большевиков, — пожал плечами Исии Сиро, — это даже не смешно.

— У нас нет выхода. И в любом случае — вы ничего не теряете.

Сиро Исии с сомнением качал головой, меряя комнату огромными шагами. Девушка испытующе смотрела на него, почти физически ощущая, как в генерал-лейтенанте идет борьба между осторожностью и честолюбием. Неожиданно он развернулся, встав перед девушкой и заложив руки за спину.

— Через сорок четыре дня, — произнес он, — Империя празднует 2605-летие со дня основания. За два дня до праздника на стол Императору ляжет отчет обо всем, что произошло за год. За неделю до этого я должен отчитаться генералу Ямаде об этом деле — оно его весьма интересует. Итого у вас ровно месяц Илта-сан, на все, что, как вы считаете, вы можете сделать. Если через месяц не появится конкретных результатов — можете не появляться больше ни в Хабаровске, ни в Харбине, ни где-либо в Японской Империи. Потому что в моем отчете будет написано, что срыв задания произошел по вашей вине, а вы перебежали к большевикам. Устраивают вас такие условия?

Илта молча кивнула.

— Можете идти, Илта-сан, — Сиро Исии развернулся и подошел к столику, где стояла початая бутылка сётю, — у вас не так много времени. И помните — без конкретных свидетельств о «Проекте Пляда» единственное место, в котором мы можем встретиться — это та лаборатория, в которой вы уже бывали. Только на этот раз вы будете по другую сторону стеклянной стенки. Ступайте!

Илта молча поклонилась и вышла вон.

Илта спускалась по лестнице, собранная и напряженная, словно гончая на охотничьей тропе. Несмотря на внешнее спокойствие, внутри нее все кипело от злости и обиды, хотя женщина-ниндзя понимала, что Сиро Исии был вправе высказывать претензии в столь резком тоне. Однако и ее расчет оставался верным — при всех своих должностях и званиях, «папаша» обладал «авантюристической жилкой», предпочитая рискнуть и получить все, нежели оправдываться перед Ямадой, как проштрафившийся стажер. Илта не сомневалась, что в случае провала Исии Сиро выполнит все свои угрозы, но это как раз волновало ее меньше всего. Она не собиралась проигрывать — и оставаться при этом в живых. Несмотря на усталость и недосыпание она прикидывала кого набирать в команду, каким путем будет легче добраться до цели, что взять с собой.

За этими размышлениями она и спустилась в холл. Портье вскинул на нее удивленный взгляд, явно не ожидая, что девушка спустится до утра, однако Илта не обратила на него внимания. Краем глаза куноити отметил, что диван, на котором она сидела, не пустует, однако и это обстоятельство оставило ее равнодушным. Илта взялась за ручку входной двери, собираясь выйти на улицу, когда сзади послышался мелодичный женский голос.

— Как же так, Илта? Я так постарела, что ты перестала узнавать старую подругу?!

Этот негромкий, слегка насмешливый оклик, подействовал на Илту точно удар током. Медленно она повернулась на каблуках, упираясь взглядом в хрупкую, как тростинка, изящную женщину, сидевшую на диване, небрежно закинув нога за ногу. В форме и фуражке капитана имперских ВВС, небрежно попыхивавшую тонкой сигарой, ее можно было принять за молодого офицера, пусть и чересчур субличного. Томная улыбка играла на алых губах, в темных глазах вспыхивали бесовские искорки, когда женщина осматривала стройную фигурку Илты взглядом пресытившегося ловеласа.

— Разве тебя можно забыть, Йошико-сан? — ответная улыбка расплылась на лице Илты, покачивая бедрами, подходившей к дивану, — как же я могла не догадаться, что ты уж точно не упустишь тут свое.

Женщина рассмеялась и гибким кошачьим движением привстала, ухватив куноити за талию и увлекая себе на колени. На глазах у ошеломленного портье обе женщины слились на диване в страстном поцелуе.

— Заказывай, Сато-сан, — Илте вручили меню в красивом красном переплете, — тут богатый выбор, не ошибешься. Голодна ведь наверное?

Илта рассеяно кивнула, листая страницы, где четкими японскими иероглифами было вытеснены названия блюд. Есть ей и вправду хотелось, но намного больше ей хотелось спать — Илта вновь чувствовала, как ей на плечи свинцовой тяжестью наваливается усталость. Однако пока у нее были причины оставаться в гостинице. Вернее причина — сидевшая напротив хрупкая женщина в форме летчика Императорского воздушного флота. Без фуражки, она меньше походила уже на смазливую молодого офицера и больше — на симпатичную тридцатилетнюю женщину. На самом деле Кавасима Йошико было уже под сорок, из которых более двадцати лет она работала в разведывательной службе Квантунской армии, которой с 1931 года руководил главный покровитель Йошико — генерал Кэндзи Доихара. Именно он в свое время заметил молодую девчонку, даже не японку, маньчжурку — пусть и родом из Цинов.

После Синьхайской революции юную принцессу Айсин Гёро Сяню, удочерил японский

бизнесмен Нанива Кавашима, давший девушке свою фамилию и новое имя — Йошико. Он же отдал приемную дочь на обучение в японскую разведку, таким ее асам, как Танака Рюкичи и Кэндзи Доихара, сделавших из юной принцессы ту, кого стали суеверно называть «кицунэ»- «лисица-оборотень». Именно она соблазнила, подчинив японским интересам, «молодого маршала» Чжан Сюэляна, военного диктатора Маньчжурии. Тогда же она научилась водить самолет, став чуть ли не первой женщиной-пилотом в Империи. После того, как Чжана взорвали агенты НКВД и Маньчжурия оказалась на грани коммунистической революции, Йошико вкралась в доверие к будущему императору Маньчжоу-го, тогда еще принцу Пу И. Вернее, она соблазнила императрицу Вань Жун — в семнадцать лет маньчжурскую принцессу изнасиловал отчим и с тех пор Йошико Кавасима куда легче сходилась с женщинами, нежели с мужчинами. Через красавицу-даурку, Йошико убедила родича принять предложение, сделавшее в итоге Пу И императором. Когда в Маньчжурии началось новое восстание — на этот раз против японцев, Йошико организовала летучий карательный кавалерийский полк в несколько тысяч сабель беспощадно уничтожавший китайских красных партизан. Набранный в отряд всякий сброд из дезертиров и уголовников беспрекословно подчинялся своей госпоже, испытывая перед ней настоящий суеверный страх — и как перед «лисицей-оборотнем», но еще больше — из-за знания принцессы Айсин Гёро маньчжурского шаманизма. Именно на этой почве сблизилась она в свое время со Бэлигте Хар-боо — разведывательная служба Квантунской армии уже тогда присматривалась к различным недовольным Советской властью. И именно бурятский шаман передал на воспитание Йошико Кавасима диковатую лесную девчонку со странными голубыми глазами. Неутомимая кицунэ превратила угловатую воспитанницу советского детдома в настоящий бриллиант в сокровищнице кадров японской разведки. Именно с Йошико Кавасима Илта впервые познала женскую любовь, именно японская разведчица обучила Илту приемам, выученным самой Йошико в секретной школе ниндзюцу в Токио. Маньчжурская принцесса в свое время и вывела Илту на высший Совет «Общества Черного Дракона». Руками Илты были устранены несколько политических деятелей, стоявших на пути «Кокурюкай». Йошико была покровительницей Илты, а за ее спиной стоял Кэндзи Доихара, словно паук, опутавший разведывательной сетью Маньчжурию, японскую Монголию и русское Приморье.

И, разумеется, что когда Йошико Кавасима пригласила Илту Сато в работающий круглосуточно ресторан «Астории», украдкой зевавшая куноити не могла ей отказать.

— Ну что, выбрала? — Йошико вопросительно подняла брови.

— Да, — кивнула Илта, — наверное, я возьму маринованных осьминогов и суши.

— Здесь есть кое-что получше, — улыбнулась Йошико, подзывая официанта и указывая на что-то в меню. Японец кивнул, с уважением посмотрев на Йошико.

— Что там? — Илта перегнулась через стол, беря из рук Йошико меню и ища то, что заказывала принцесса. Найти оказалось несложно — данное блюдо стояло отдельно от остального списка, выделяясь более крупным, замысловатым шрифтом. Илта присвистнула, ее брови поползли вверх.

— Ты и вправду будешь это есть? Здесь?!

— Почему бы и нет, — пожалла плечами Йошико, доставая из сумки золотой портсигар, — у меня хватит денег, чтобы оплатить за нас обоих.

— Ты же первый день в этом ресторане! Уверена, что тут есть знающий повар?

— Ты что боишься? — уголками губ улыбнулась принцесса, — тебя никто не

заставляет.

— Вот еще, — Илта демонстративно отдала меню официанту и кивнула, — едали и не такое.

Йошико пожала плечами, закуривая длинную папиросу.

— Будешь? — спросила она, протягивая открытый портсигар. Илта кивнула, принимая тонкую дамскую сигарету и прикуривая от зажженной Йошико спички.

— Выпьем? — приподняла бровь Йошико. Илта, помедлив, кивнула. Японская разведчица подозвала другого официанта и взяла у него меню.

— Я, пожалуй, выпью sake, а ты? — спросила она у Илты.

— Еще не знаю, — пробормотала куноити, разглядывая меню, — о тут даже есть авамори. Принесите мне графинчик пожалуйста, — сказала она официанту.

— Как ты можешь пить эту дрянь? — поморщилась Йошико.

— Пристрастилась когда возвращалась в Токио, — усмехнулась Илта, — через Окинаву.

— Испортила вкус, — покачала головой Йошико, — смотри, еще твои канадские друзья приучат тебя виски пить.

Подошедший официант поставил на столик бутылку sake и графин с окинавским напитком, расставил высокие бокалы и блюда с закусками: суши, морская капуста..

— Ну, за встречу, — Йошико подняла свой бокал и Илта чокнулась с ней.

— Уютно тут, — куноити обвела взглядом шикарный ресторан, почти пустой ночью, — почти как в Токио. Да и там такое меню не везде найдешь.

— Ну, а ты как думала? — снисходительно улыбнулась Йошико, — знаешь, кто заселяется в эту гостиницу?

— Ну, раз уже ты здесь, то можно догадаться, — пожала плечами Илта.

— Я отвечаю за безопасность Кэндо, — кивнула принцесса, — поэтому я и тут. Я слышала, ты раскрыла заговор с покушением? Тебя представить к еще одному ордену?

— Оставь, — махнула рукой Илта, — моей заслуги в том нет. Разве что в том, что я притащила сюда эту русскую дурочку, а заговорщики сочли ее столь важной птицей, что ради ее захвата даже махнули рукой на императора Маньчжоу-го.

Илта спокойно говорила об этом Йошико — от нее, как и от ее начальника не было смысла таить что-либо. К тому же во всей Империи больше, чем маньчжурской принцессе куноити доверяла только самому Тэнно.

— Значит, для них безопасность проекта значит куда больше, чем жизнь Кэндо, — задумчиво произнесла Йошико, — это, наверное, оскорбительно для Маньчжоу-го. И это оскорбление мы не можем спустить большевикам с рук, как ты считаешь?

— Безусловно, — кивнула Илта. Больше она ничего не сказала, потому что подошел официант. Еще раз поклонившись обеим девушкам, он принялся расставлять на столике фарфоровые тарелки украшенные перламутровыми ломтиками рыбы, тонкими настолько, что сквозь них просвечивал узор на посуде. Яство выглядело вполне аппетитно, но Илта знала сколько народу в Японии ежегодно отправляется в чертоги Эмма-о отведав такой рыбки. Фугу — одно из самых дорогих блюд японской кухни, приготовляемое из бурого иглобрюха, нежнейшая плоть которого пропитана смертельным ядом. Только повара высочайшей квалификации, прошедшую специальную подготовку, допускались к приготовлению опасного блюда. Илта надеялась, что в гостинице, принимающей столь высоких гостей, в ресторане будет работать именно такой повар. Куноити не боялась смерти, но ей очень не хотелось уходить, оставив тут незаконченные дела. Тот, к кому она попадет,

не обрадуется, что она так легкомысленно закончила свою жизнь. Однако и отступать уже было поздно — Йошико уже насадила на вилку рыбный ломтик и положила его рот. Илта последовала ее примеру, разжевывая тающую во рту плоть, смакуя каждый кусочек.

— Ну, рассказывай, — произнесла Йошико, утолив первый голод. Илта кивнула, быстро и сжато рассказав все японской разведчице. Йошико молча слушала, не перебивая.

— Такая, в общем, история, — завершила Илта, закончив рассказ и наливая себе авамори.

— Ясно, — протянула Йошико, — а тебе и впрямь не позавидуешь.

— Знаю, — махнула рукой Илта. Сейчас «папашины» угрозы и намеки казались ей чем-то далеким и малозначительным. Ее охватило глубокое умиротворение, было комфортно, по телу разливалось приятное тепло. Самое то чувство, говорят, которое охватывает любителей фугу — тех, кто остается жив, чтобы рассказать о своих ощущениях. Высший пилотаж — оставить в блюде яда ровно настолько, чтобы посетитель почувствовал наркотическое опьянение, но остался жив.

— На «бревна» он тебя, конечно, не пустит, нет у него таких полномочий, — продолжала Йошико, — но усложнить жизнь может изрядно. Он ведь не врал — Ямада и впрямь заинтересован в успешном завершении этого дела. Насколько мне известно, он расспрашивал Сиро Исии о «Плеяде» и когда вызывал в Синьцзин. К счастью для него и для тебя наш «доктор Смерть» уже знал, что пташка выпорхнула из клетки и не стал говорить, что близок к успеху. Как-то сумел оттянуть время, выкроив этот месяц. В противном случае, твои проблемы начались бы сегодня — вернее уже вчера.

— То есть он мне оказал услугу, — рассмеялась Илта, — а я даже не поблагодарила.

— Не стоит, — улыбнулась Йошико, — он спасал прежде всего себя.

— Да я уж догадываюсь, — хмыкнула Илта, подхватив с тарелки очередной рыбный ломтик и сворачивая его в трубочку, — в любом случае — Наталья Севастьянова? — послышался чуть ли не над ухом резкий женский голос.

- Мне от этого не легче, — сказала она, откусывая кусок от рыбной «папироски». По ее телу вновь разлилось тепло, в губах и языке почувствовалось покалывание, сопровождавшееся легким онемением.

— Ты и впрямь думаешь, добраться за месяц до этого Центра? — пуская изящные колечки дыма, спросила Йошико, — через тайгу, наугад, не зная толком где и что искать?

— Я должна, — мотнула головой Илта, — или я и впрямь годна только на «бревна». Я опростоволосилась так, как никогда в моей жизни и большевики воспользовались моей промашкой. Я или верну им этот долг сполна — или умру там.

«Если конечно не помру от фугу этой ночью»- закончила она про себя.

Йошико неотрывно смотрела на свою подопечную и по ее бесстрастному лицу нельзя была понять — то ли она обдумывает сказанное, то ли ее мысли под воздействием фугу и алкоголя витают где-то далеко. Наконец ее губы изогнулись в улыбке.

— Ты всегда была упрямой, — рассмеялась она, — говорят, в стране финнов все такие. Ты всегда шла до конца и что самое интересное — у тебя часто получалось задуманное. Это знает и генерал Доихара — может, поэтому он распорядился помочь тебе.

— Помочь? — Илта с любопытством посмотрела на свою наставницу.

— Многие из тех, с кем имеет дело Доихара-сан, хотели бы знать, что затеяли большевики, — усмехнулась Йошико, — и их круг не замыкается на Ямада Осодзо.

Илта понимающе кивнула, не став расспрашивать дальше. Они выпили еще немного,

закусывая ядовитой рыбой.

— Ты уже знаешь, кого возьмешь с собой? — сменила тему Йошико.

— Примерно, — кивнула Илта, — у меня было время, чтобы освежить тут кое-какие знакомства. В ближайшие пару дней я соберу группу.

— Хорошо, — сказала Йошико, — можешь обещать им что хочешь от имени Квантунской армии — в пределах разумного, разумеется. Своих людей мы тоже предоставим.

— У вас много тех, кто знает тайгу? — хмыкнула Илта. Даже в легкой наркотической эйфории ей пришлось не по душе мысль, что за ней будут присматривать люди Доихары.

— Найдутся и такие, — ответила Йошико, — ты сама знаешь, что в «бригаде Асано» хватает эвенков и нанайцев, да и русских звероловов. Собирай тех, кого считаешь нужным, но перед тем, как отправится в лес, отчитайся передо мной, поняла?

Илта кивнула, но не удержалась от недовольной гримаски. Йошико рассмеялась.

— Мне всегда нравилось твое своеволие. Заканчивай со своим финским индивидуализмом, привыкай заново к дисциплине. Я смотрю, Сиро Исии совсем распустил тебя.

Говоря это, принцесса бросила беглый взгляд на красующиеся на изящном запястье часы «Seiko» и черные брови взлетели вверх.

— Мне пора.

— Мы не поднимемся наверх? — разочарованно протянула Илта.

— Извини, — развела руками Йошико, — малыш Генри Пу, через двадцать минут будет в Хабаровске, я должна его встретить. Кстати, я выдала тебе секретную информацию.

Илта усмехнулась — только Йошико могла себе позволить столь фамильярно отзывать о своем коронованном родственнике, причем, как поговаривали, не всегда в его отсутствие. Куноити вздохнула, понимая, что ее наставница и впрямь не может остаться.

— Ладно, не грусти, — улыбнулась Йошико, — мы еще увидимся до твоего отбытия. А чтобы тебе не было скучно этой ночью, — принцесса загадочно усмехнулась, — в твоей комнате тебя ждет сюрприз.

С этими словами она быстро, порывисто поцеловала девушку в губы, мимоходом взъерошила ей волосы и встала из-за стола, оставляя на нем приличную стопку купюр. Илта вздохнула допила авамори и, зажевав последний ломтик, тоже двинулась к выходу.

Смесь фугу и алкоголя взбодрила Илту — спать больше не хотелось, всю дорогу до своей гостиницы она пребывала в эйфорическом возбуждении. Не то, чтобы она совсем потеряла бдительность — некоторые рефлексy вьелись так глубоко, что их не могло перебить и наркотическое опьянение. Однако и настоящее и будущее сейчас воспринималось в радужном цвете — существующие проблемы казались, малозначимыми и легко преодолимыми, а предстоящее путешествие — волнующим и интересным. Чуть ли не вприпрыжку Илта вбежала в холл «Даурии», поднялась на второй этаж, подошла к своему номеру и взялась за ручку двери.

И тут же замерла.

Дверь была не заперта.

Приподнятое настроение Илты вмиг сменилось обычной настороженностью. Она прислушалась — в комнате явно кто-то был. И этот «кто-то», похоже и не думал скрываться: Илта услышала как по полу простучали каблуки, затем услышала скрип матрасных пружин

— ее неожиданный гость сел на кровать. Вернее гостыя — до Илты донесся слабый аромат дорогих духов. Довольная улыбка расплылась по лицу куноити, когда она вспомнила, где сегодня она встречала это благоухание. Уже не таясь, она толкнула дверь и шагнула внутрь.

Что-то белое, пахнущее все теми же духами, буквально вспорхнуло с кровати. На Илту надменно и в то же время с некоторым испугом глянули серо-зеленые глаза.

— Я ждала вас, — белокурая красавица с дворянским профилем, почтительно, но с достоинством склонила голову.

— Я вижу, — Илта откровенно оценивающе рассматривала угадывающееся под шелковым платьем роскошное тело. Девушка спокойно встретила ее взгляд, но в ее глазах мелькнуло что-то похожее на раздражение. Илта усмехнулась, невольно вспомнив Наташу. Однако расслабляться не стоит — мало ли кем может оказаться на самом деле эта «барышня».

— Как ты попала в номер? — спросила куноити.

— Вот, — девушка протянула сжатую в кулак руку и раскрыла ладонь. На ней лежал ключ.

— Портье выдал мне его, — пояснила девушка.

— Не помню, чтобы в этой гостинице позволялось такое, — насторожилась Илта.

— Его очень хорошо попросили, — улыбнулась блондинка.

— Кто же? — поинтересовалась Илта, уже догадываясь об ответе.

— Тот, кто не привык к отказам, — девушка даже несколько снисходительно посмотрела на Илту, — мы так и будем болтать всю ночь?

Куноити усмехнулась: нет, эта гордячка ей положительно нравится. Судя по всему, еще одна воспитанница Йошико и видно не зря она провела сегодняшнюю ночь именно с Сиро Исии. Принцесса Айсин Гёро хочет держать под контролем всех, кто занимается «Плеядой» и выбирает для этого разные методы. Что же, так еще интересней.

Илта несколькими небрежными движениями скинула верхнюю одежду, оставшись голой по пояс и, покачивая бедрами, двинулась к блондинке.

— Тебя как зовут? — мурлыкнула она.

— Ольга, — все еще пытаюсь сохранить былое высокомерие, ответила девушка, однако в глазах ее мелькнуло некое беспокойство, — Ольга Волкова.

— Очень приятно, — усмехнулась Илта, подойдя почти вплотную. Ольга хотела отстраниться, видимо, увидев в глазах куноити, что-то напугавшее ее. Однако Илта была быстрее.

— Что ты делаешь!?! — взвизгнула аристократка, когда тонкие, но сильные пальцы вцепились в ее сложную прическу. Не обращая внимания на крики девушки, Илта заломила ей руку и толкнула на кровать. Не успела Ольга опомниться, как Илта уже сидела сверху, одной рукой продолжая заламывать руку, а второй задирая подол.

— Не таааак, — возмущенный крик сменился протяжным вздохом, когда рука Илты протиснулась меж стройных ножек. Тонкие пальцы скользнули во влажную щель и куноити самодовольно улыбнулась, чувствуя как в такт движениям ее пальцев дергается напряженное тело. Придавив коленом заломленную за спину руку Ольги, Илта ухватила освободившейся рукой ее за подбородок, заставляя вздернуть голову.

— Всегда мечтала отыметь русскую шлюху благородных кровей, — прошептала она на ухо Ольге и рассмеялась, заметив как гневно блеснули глаза девушки. Однако вскоре гнев в них сменило иное выражение — проворные пальцы все еще двигались внутри нее, вырывая

из уст Ольги протяжные стоны. Илта рассмеявшись, прикусила мочку нежного розового ушка.

— Ты больнаааааххх, — вырвалось из алых губ. Илта перекинула растрепавшуюся копну волос через голову Ольги и, не в силах сдерживаться, впилась зубами в белую шею. Сейчас она чувствовала себя пантерой, вцепившейся в загривок тонконогой важенке. Отпустив Ольгины волосы Илта одной рукой разрывала полупрозрачную ткань, с трудом подавляя желание рвать зубами и ногтями открывающуюся ей белую плоть. Ольга похоже не соображала, что дорогое платье превращается в попросту лохмотья — ее тело дрожало под жадными ласками, истекающие влагой стенки конвульсивно сокращалась вокруг вторгшихся в нее жадных пальцев. Наконец, протяжный громкий стон вырвался с искусанных в кровь губ, когда Ольгино тело содрогнулось от наступившего оргазма.

Довольно улыбаясь, Илта поднялась на ноги, снимая штаны и сапоги. Лежащая на кровати Ольга перевернулась на спину, одновременно стягивая разорванную одежду.

— Попробуй себя, — Илта поднесла к губам девушки все еще мокрые от слизи пальцы. Похотливо поглядывая на нее, дворянка тщательно облизала их. Илта рассмеялась.

— Надеюсь, ты нашла чем меня удивить, — усмехнулась она, — поднимая со столика дамскую сумочку, — а то пока все удовольствие получаешь ты.

Она не церемонясь, вытряхнула на стол содержимое Ольгиной сумочки, где среди дамской мишуры оказался закругленный и утолщенный с обеих сторон искусственный фаллос из слоновой кости.

— Я вижу, ты подготовилась к встрече, — усмехнулась Илта, — видать Йошико хорошо тебя проинструктировала. Ну, что же это будет забавно.

Последующие час или полтора прошел под знаком самого разнузданного разврата, который вряд ли когда видели стены «Даурии». Принявшая доминирование куноити, Ольга обернулась донельзя раскованной шлюхой, с готовностью выполнявшей все прихоти Илты. Губы их обследовали тела друг друга от мочек ушей до пальчиков на ногах, искусственный член многократно побывал в обеих дырочках каждой из девушек, вынимаясь лишь затем, чтобы освободить дорогу искусным пальцам или жадным язычкам, слизывающим капли терпкого любовного сока. Прекрасные девичьи тела сплетались в страстных объятиях, сокрушительные оргазмы следовали один за другим, пока, наконец, изможденные девушки не рухнули на кровать.

Чуть позже Илта лежала на подушке, прислоненной к спинке кровати, борясь с вновь подступающим сном. Рука ее лениво ворошила светлые волосы Ольги, прижавшейся щекой к смуглому бедру.

— Ты и вправду дворянка? — зевая, спросила куноити.

— Угу, — кивнула Ольга, — чистейших кровей, хоть сейчас пробу ставь. Отец генерал, мать до замужества даже фрейлиной при императрице была.

— А тут как оказалась? — невольно заинтересовалась Илта. Ольга пожала плечами.

— Да, как и все, — отец у Колчака служил в Гражданскую. В девятнадцатом отпросился в отпуск, чтобы жену в Харбин вывезти — знал Хорвата еще до войны. Возвращаться не стал — Восточный фронт повалился, чехи Колчака сдали. Поселился тут, да и помер скоро, от ранений. Ну, а потом и я подросла.

— Чтобы пойти в шлюхи? — усмехнулась Илта, — с дворянской честью как?

— А никак, — хмыкнула Ольга, — жить всем охота, некоторым даже красиво. Мать бы и сама пошла, только старовата уже. Ее то в фрейлины сам Григорий Ефимович протолкнул,

а до того она в его общине «богородицей» была, там уж всякое было. Я то с ранних лет с «людьми Божьими» в радениях участвую, мне проще, чем многим.

— Ах, вот оно что? — с интересом протянула Илта. О русской хлыстовщине она знала от эмигрантов, но никак не думала встретить в Маньчжурии приверженцев этой секты.

— Ну да, — воодушевленно кивнула Ольга, — в Харбине уже несколько «кораблей» есть, а теперь и тут будет. Йошико на наших радениях часто бывает — говорит, чем-то на их веру похоже. Она говорит — надо побольше молодежи в общину привлекать. Будем всю эту пионерско-комсомольскую ораву отворачивать от большевизма Любовью Христовой.

Илта усмехнулась — ну да, политика Японской, так же как и Британской империи и Третьего рейха, основывалась, среди прочего и на использовании религиозного многообразия населения бывшего СССР, в частности и деятельности различных сект. Так что хлыстовство, с его экстатическими «радениями» и впрямь могло прийтись по душе маньчжурской шаманке и резиденту японской разведки Йошико Кавашима. Мысли ворочались в голове тяжело, думалось вяло. Илта зевнула еще раз, глаза у нее слиплись окончательно. Положив руку на затылок Ольги, она легонько подтолкнула ее вперед. Та, поняв, что от нее требуется, коснулась языком увлажнившейся плоти. Засыпая под ласкающие движения языка между ног, Илта еще успела подумать, что если она и умрет сегодня от яда фугу, последние минуты ее жизни будут весьма приятными.

Наташу разбудил жесткий тычок в бок.

— Выспалась, сучка?! — послышался сверху холодный голос, — поднимайся, приехали!

Наташа открыла глаза, сонно оглядываясь по сторонам. Она лежала на тощем, набитом соломой матрасом, валяющимся прямо на грязном полу. Из распахнутого над ней круглого окна поддувал прохладный ветерок, заставляющий Наташу зябко ежиться, кутаясь в рваное тряпье. Из окна слышался негромкий плеск воды, а пол под Наташей слегка покачивался — уж третий день пленница и ее похитители поднимались на небольшом пароходе вверх по Зее.

Над Наташей стояла невысокая, сухопарая женщина, с крючковатым носом и ненавидящими темными глазами. Несмотря на жару, поверх обычной гимнастерки была наброшена черная кожаная куртка, схваченная широким поясом на талии. Черные с уже пробивавшейся сединой волосы охватывала красная косынка. Неуклонно проигрываемая война вновь воскресила типаж более чем двадцатилетней давности — красной комиссарши времен Гражданской войны, беспощадной и фанатичной фурии с маузером наготове.

— Разве уже Зея? — хмуро произнесла Наташа и выглянула в окно.

— В Зею нам нельзя, — отрезала женщина, не забыв ожечь девушку ненавидящим взглядом, — пойдем бережком. Ну, давай, подымай задницу! Разожралась на буржуйских харчах!

Наташа зло покосилась на женщину, но послушно встала.

Три дня назад Наташа очнулась после того, как ей на лицо набросили тряпку с хлороформом в переулке. Превозмогая страшную головную боль, девушка все же нашла в себе силы приподняться на локтях и осмотреться по сторонам. Ошеломленно помотала головой — она словно вернулась во времени на месяц назад. Под ней была жесткая лавка, за окном слышался стук колес поезда, а на скамье напротив сидела черноволосая женщина, рассеяно листавшая тоненькую книжечку. На минутку Наташу охватил иррациональный страх — неужели все это было лишь причудливым сном, привидевшимся ей после

похищения из Читы? Неужели настоящий кошмар только начинается.

Заметив движение на койке, женщина приподняла голову и глянула на Наташу. Та поняла сразу две вещи: во-первых, все прошедшее не было сном — женщина была значительно старше Илты, одета в обычный наряд небогатой горожанки из Хабаровска или Благовещенска, а в руках держала не документы Наташи, а тонкое собрание «Избранных цитат Ленина». Во-вторых, Наташе было бы сейчас лучше снова оказаться на пути в логово Сиро Исии, чем угодить в руки Алисы Барвазон, фанатичной коммунистки и безжалостной садистки.

Сейчас Наташа видела ее второй раз в жизни — первый был во время одного из вызовов в Центр. Девушка тогда предъявляла документы на проходной, когда Алиса проходила мимо. На Наташу она бросила лишь беглый взгляд, но даже от него у девушки прошел мороз по коже и она, поспешно отдав честь — у женщины были майорские ромбы на петлицах — поспешила проскользнуть в коридор. Позже, от Берсоева Наташа узнала, что Борвазон — доверенное лицо Сталина, из отборных палачей НКВД. Совсем молоденькой девушкой вступив в РКП (б), уже в Гражданскую «товарищ Борвазон» прославилась расстрелами белых офицеров в Крыму, под руководством самой Землячки. Чем она занималась после этого ходили слухи, один мрачнее другого — известно лишь, что в конце двадцатых Алиса Борвазон закончила спецшколу ОГПУ, а с началом войны оказалась в Особой группе НКВД под руководством Павла Судоплатова. Последний, кстати, был захвачен в результате совместной операции Абвера и МИ-6, при подготовке покушения на атамана Краснова, после чего выдан правительству Украинской державы, где осужден за убийство Евгения Коновальца и расстрелян. Вместе с Судоплатовым бандеровцы ликвидировали всю его группу — Алиса была чуть ли не единственной, кому удалось бежать за линию фронта. Как-то ей удалось оправдаться от обвинений в измене, после чего она и была назначена на должность заместителя руководителя Центра, как и она назначаемого НКВД. Поговаривали, что Вождь прислал ее для лучшего контроля над важным партийным проектом. Видно помимо официальной должности, у ее назначения были и иные, секретные цели — вряд ли она прибыла в Хабаровск именно по Наташину душу. Сейчас глядя в эти ненавидящие черные глаза, девушка могла только проклинать свою эмоциональность, приведшую ее в лапы этой фурии.

За стенами купе послышались шаги, прозвучал негромкий смех и несколько слов на японском. Не успела Наташа даже подумать о том, чтобы позвать на помощь, как Алиса, ухватив с койки подушку, метнулась к пленнице. Ее локоть надавил на горло Наташи и докторша почувствовала, как через прижатую подушку в ее живот тычется дуло.

— Пикнешь, сучка, пристрелю! — прошипела Алиса, ее лицо исказилось лютой злобой.

— Я бы тебя в расход пустила еще в переулке, — продолжала шипеть Алиса, — пару пуль в живот и подыхай в собственном дерьме. Ты мне нужна живой, но попробуешь сбежать, — застрелю прямо тут, подстилка фашистская! Больше они от тебя ничего не узнают, поняла мразь?!

Ее словоизлияния прервал стук открывающейся двери. Алиса рывком обернулась, удерживая пистолет у Наташиного живота. Вошедший в купе был невысоким крепким мужчиной, с русой бородой и серыми глазами. Одет он был также как все в этих краях и все же — по глазам, по манере держаться Наташа поняла, что этот человек не из местных.

— Все в порядке? — отрывисто спросила его Алиса.

— Вполне, — кивнул мужик, усаживаясь на край кровати, — часа через два будем в

Благовещенске, может даже раньше.

— Хорошо, — кивнула Алиса, — а что там за япошки были?

— Канцелярская крыса и какая-то шлюшка, — пренебрежительно сказал вошедший, — ничего особенного. В соседнем вагоне едет двое японских солдат и трое казаков, но, похоже, по своим делам, не по нашу душу.

— Хорошо, — кивнула Алиса, — но ты посматривай за ними. Значит так, слушай меня внимательно, — повернулась она к Наташе, — для начала не вздумай врать и оправдываться, все равно бесполезно. Все видели, как ты с этой японкой чуть ли не под ручку ходила, видно, что она тебя не насильно за собой таскала.

Несмотря на ужас своего положения Наташа усмехнулась — врать она не собиралась с самого начала.

— Сама знаешь, что у нас для изменников полагается, — продолжала Борвазон, — но шанс у тебя есть. Расскажешь честно, все что было с тобой, что ты рассказала, что сама видела — будешь жить. Срок тебе, конечно, дадут, но небольшой — ты молодая, неопытная, мозги тебе заморочить раз плюнуть. Расскажешь честно — лично попрошу, чтобы сильно не наказывали. А за молчание — по закону военного времени.

Наташа мучительно размышляла над всем сказанным. Ее охватило сильнейшее искушение — признаться сейчас, раскаяться в предательстве. Она понимала, что даже если ее помилуют жизнь, на которую ее обрекут, может оказаться похуже смерти, но все-таки. Все ее молодое, цветущее тело молило о жизни, она содрогалась при мысли о черной яме с грудой костей, подобной той, в которую по ее нечаянному приговору отправили сотни девушек. Приговор, который на самом деле вынесли такие как вот эта...

Наташа глянула в уставившиеся на нее с нетерпением черные, слегка навывкате глаза, на побледневшие тонкие губы и с необычайной ясностью осознала, что Алиса врет. Врет, как и все они, обещающие построить рай на земле, но неспособные построить даже Ада. Она почувствовала, как страх уступает место иному чувству — отвращению и презрению к этому существу, из тех же упырей, что и сейчас во имя безнадежно проигранной войны продолжают лгать и убивать, как убили ее отца и пытались убить ее саму.

— Нет, — Наташа не сразу поняла, что говорит вслух.

— Ах ты сука! — лицо Алисы от злости пошло красными пятнами, она замахнулась, но сдержалась. Какое-то время она сверлила Наташу яростным взглядом, а потом ее тонкие губы раздвинула совершенно не понравившаяся девушке улыбка.

— А знаешь, так даже лучше, — усмехнулась энкавэшница, — а то наговорила бы сейчас с три короба, разбирайся потом в твоей брехне. Что, охмурила тебя японская шлюха?

— Ты не поймешь, — Наташа демонстративно отвернулась. Алиса с напарником переглянулись и дружно расхохотались.

— Да ну, не пойму, — сквозь слезы произнесла Алиса, — тоже мне тайна.

Ее рука протиснулась между ног Наташи и та невольно вскрикнула, когда костлявая клешня сдавила ее промежность.

— Все с тобой ясно, шалава, — пренебрежительно сказала Алиса, убирая руку, — ничего, выберемся в более безопасные места, там я найду способ тебя разговорить, не сомневайся. Пока запомни — ты моя падчерица, мы поехали в Хабаровск, но по дороге ты захворала и мы решили вернуться домой. Тебе все время плохо, ты ни с кем не разговариваешь, мало двигаешься и много спишь. Поведешь себя неправильно, знак подашь кому или заговоришь с кем не надо — тут тебе и конец, наизнанку вывернусь, а обратно

япошкам не отдам. Сбежать не надейся — я с тебя глаз не спущу. Пока будем добираться до места подумай над тем, что я сказала — глядишь, целее будешь.

Наташа кивнула, но в сердце ее пробудилась робкая надежда. Она понимала, что рано или поздно ее заставят говорить, но легко сдаваться не собиралась. Наташа нужна НКВД живой — они во что бы то ни стало хотят узнать, что бывшая докторша рассказала японцам о «секретном оружии Сталина». Пытаться здесь на «вражеской территории» ее не будут — так и спалиться недолго, особенно в поезде. А пока они доставят ее в свое безопасное место — многое может случиться. Может, несмотря на угрозы Алисы Барвазон, Наташе удастся сбежать, а может Илта выйдет на их след. Посмотрим, сдюжит ли большевистская овчарка против бывшей советской детдомовцы.

Наташа поняла, что невольно улыбается своим мыслям только заслышав удивленный возглас Алисы.

— Я смотрю, ты повеселела, — хмыкнула она, — это хорошо. Посмотрим, так ли тебе будет весело денька через два. А пока — отдохни немного.

Рука с маузером взлетела вверх и рукоятка больно стукнула Наташу по макушке. Перед ее глазами словно полыхнула яркая вспышка и все погрузилось во тьму.

Благовещенска Наташа так и не увидела — поезд пришел к станции ночью. Все еще полуоглушенную Наташу вывела на перрон Алиса, сопровождаемая ее подручным, которого она звала Петром и молодым парнем по имени Николай, ехавшим в соседнем купе. Видимо, комиссарша нарочно выбирала маршрут, чтобы приехать ночью и меньше привлекать к себе внимания.

У перрона их ждала раздолбанная колымага — Наташа даже не успела распознать марку машины, так быстро ее затолкали внутрь. Водитель — дюжий детина в кожаной куртке — окинул ее любопытным взглядом, но ничего не сказал. С одной стороны от Наташи села Алиса, с другой Петр, Николай сел рядом с водителем и машина тронулась с места.

Наташа не знала, сколько времени они ехали по Благовещенску — ей казалось целая вечность. Но вот они выехали за город и свернули к небольшой роще. Тут водитель и остановил машину.

— Вылезай! — скомандовала Алиса и Наташа, опасливо поглядывая на пистолет в ее руке, вышла наружу. Вслед за ней последовали и остальные большевики. Алиса перекинулась несколькими словами с водителем, после чего он выехал опять на дорогу.

— Ну, пошевеливайся! — Николай толкнул Наташу в спину и та, злобно зыркнув в ответ, пошла меж деревьев. Идти, впрочем, оказалось недолго — метров через десять лес кончился и перед ней открылась речная гладь. Наташа догадалась, что это Зeya, впадавшая в Амур чуть ниже по течению. Над рекой поднимался молодой месяц, оглушительно орали лягушки, все было как-то провинциально пасторально. И лишь по-прежнему упирившийся в бок Наташи ствол револьвера не давал забыть о жестокой действительности.

Внизу на реке появилось какое-то темное пятно, стремительно увеличивавшееся в размере. Вскоре послышалось шипение выпускаемого пара — к берегу подходил допотопный пароход, покрытый облупившейся белой краской. Вдоль борта были черным выписано — «Голец».

Пароход развернулся и остановился у берега. Из рубки выглянул высокий мужик с всколоченными темными волосами. Лицо, некогда возможно и приятное, было изуродовано оспинами. Он окинул взглядом всех присутствующих, особенно задержавшись на Наташе, в

его глазах мелькнул явный интерес.

— Откуда девчонка, Алиса? — спросил он, спуская сходни на берег.

— С Хабаровска, товарищ Шурыгин, — усмехнулась Алиса, поднимаясь на борт, — к японцам хотела перебежать. Везем теперь в Алдан, а там в Якутск, для суда..

Мужчина вновь посмотрел на Наташу, но теперь уже совсем по-другому: в его глазах читалась неприкрытая ненависть.

— Не много чести для японской подстилки? — буркнул он, — притопить тут и дело с концом.

— Нельзя, товарищ Шурыгин, — покачала головой Алиса, — пока она нужна живой. Но, если будет выпендриваться — разрешу поступить с ней как хочешь.

— Моей дочери почти столько же было, — зло сказал капитан, — вот же тварь! Ладно, довезу до Зеи, как и говорили.

С этими словам он развернулся и спустился в рубку. Помимо нее на палубе был небольшой камбуз и две каюты, в одной из которых разместились Алиса и Наташа. В соседней остановились два красноармейца.

— У капитана вся семья погибла под бомбежками, — пояснила Алиса, когда они остались одни, — а сам он оспой болел, которую твои хозяева еще в начале войны распространяли. Японцев он ненавидит, а пособников — тем более. Так что смотри — у него с такими как ты разговор короткий.

Последующие пару дней Наташа сидела в каюте, под неумолчным присмотром то Алисы, то двух ее помощников. Выходить на палубу ей не позволяли и девушке оставалось смотреть в иллюминатор на плещущую воду и берега, на которых то рос густой лес, то мелькали какие-то поселки. Один раз они проплыли даже мимо города — как помнила Наташа, его называли Свободным, однако заходить не стали. Судя по обрывкам разговоров, подслушанным Наташей сквозь сон (когда пленница спала, Алиса и ее красноармейцы были более разговорчивы), пароход должен был довести их до города Зеи — конечного пункта судоходства на одноименной реке, а дальше большевики и их жертва отправлялись своим ходом.

Хозяин парохода зарабатывал на жизнь тем, что отвозил пассажиров с Зеи в Благовещенск — высадив Алису и остальных, он, как поняла Наташа должен был забрать группу канадских золотоискателей. Может ему и приплачивали большевики, но, скорее всего он работал не за страх, а за совесть, искренне ненавидя оккупантов. Судя по всему не один он занимался на Зее подобным извозом — навстречу им то и дело шли разные суда, со многими из которых капитан Шурыгин обменивался приветственными гудками. Пару раз попадались и менее безобидные «кораблики»- Наташа помнила, как вспыхнуло ее лицо надеждой, когда навстречу «Гольцу» двинулся сторожевой катер — явно из состава бывшей Амурской флотилии. Сейчас же над ним развевалась не красная тряпка, а темно-зеленое знамя со Спасом — флаг Амурского казачества. Охранявших Наташу Петра и Николая этот корабль изрядно переполошил — только что мирно дегустируя капитанский ханшин, оба подскочили словно подброшенные пружиной. Сбив девушку на пол, мужики навалились сверху, не давая ей подняться.

— Пикнешь — прирежу, — побежал Петр, приставив к горлу Наташи нож. Для надежности он еще и заткнул ей рот ладонью. Однако неказистый пароход, как видно, не привлек внимания речной полиции и катер проследовал мимо, даже обменявшись гудками. Часа через три на реке появился второй полицейский катер, но все повторилось по той же

схеме.

Похоже ситуация изменилась — подняв Наташу с койки, Алиса собиралась сойти на берег не в Зею, а где-то раньше. В тесную каюту вошли Николай и Петр — с хмурыми, какими-то помятыми лицами, словно с похмелья или недосыпу. Скорее второе — вряд ли Алиса позволила бы им сейчас пить. И действовали они слажено и споро — ловко вздернули Наташу на ноги, скрутили ей сзади руки кожаным ремнем и вытолкали из каюты.

«Голец» пришвартовался к берегу, на который уже были спущены сходни. Капитан Шурыгин стоял у штурвала, на изрытом оспинами лице не отражалось никаких эмоций. Лишь, когда мимо него провели Наташу, в глазах мужчины снова промелькнула жгучая ненависть и он смачно сплюнул за борт. Красноармейцы провели Наташу на берег, вслед за ними легко сбежала и комиссарша.

— Отличная работа, товарищ Шурыгин, — Алиса развернулась к хозяину парохода, — Родина тебя не забудет. Надеюсь, встретимся еще.

— Все там будем, — хмуро ответил капитан, глаза его неотрывно смотрели на реку. Неожиданно на его лице отразилась тревога.

— Черт! В лес быстро!

Из-за одного из островов вынырнул патрульный катер под уже знакомым флагом Амурского казачьего войска. Шурыгин метнулся в рубку, заработал мотор и неказистое суденышко, стало разворачиваться навстречу, стараясь загородить корпусом стоящих на берегу людей.

— Давай в лес! — Алиса грубо толкнула в плечо Наташу, одновременно послав бешеный взгляд остальным. Катер был слишком далеко, чтобы его экипаж мог разглядеть четырех людей на берегу. Так что у «Гольца» были все шансы отделаться легким испугом — с катером их разделял еще почти километр, когда Алиса, с двумя ее подручными, пинками и угрозами загнали пленницу под лесной полог.

Весь день они шли вдоль Зеи, то подходя близко к реке, то удаляясь в чащу. Последнее приходилось делать все чаще: к вечеру разнообразные суда появлялись на реке чуть ли не каждые полчаса — и в одиночку и небольшими группами. Большинство из них были явно гражданскими — даже на берегу слышались разносящиеся по реке пьяные крики на разных языках, звуки музыки. Судя по нескольким презрительно-неприятным замечаниям Алисы, это были золотодобытчики, торопящиеся спуститься к Благовещенску, чтобы сесть на поезд в Хабаровске и успеть на праздник.

Ближе к вечеру на реке стало появляться все больше кораблей под флагом Амурского войска, а когда почти стемнело и на другом берегу реки засветились огни города — видимо той самой Зеи — по реке прошел военный катер под знаменем Восходящего Солнца.

— Назад! — прошипела Алиса, больно вцепившись ногтями в руку Наташи. Та опустила голову, скрывая злорадство при виде явного страха на лице коммунистки. Больше впрочем, причин для радости у девушки не нашлось — теперь ее уводили от реки, по левому берегу которой высокие холмы постепенно переходили в горы хребта Тукурингра, поросшие лиственницей, черной березой и монгольским дубом. Под одним из таких деревьев они и заночевали. Наташу сторожили по очереди, давая выспаться только одному из ее конвоиров. Сама девушка почти не сомкнула глаз — ей было слишком холодно и страшно.

Утром они вновь двинулись в путь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Путь их был не из легких: приходилось то карабкаться вверх, продираясь сквозь заросли

рябинника, смородины и спиреи, то спускаться в долины небольших рек. Порой межгорные впадины разрастались в заболоченные равнины-мари, где приходилось идти с большой осторожностью, чтобы не провалится в трясину обманчиво прикрытую зеленым ковром из мхов. С поваленных лиственничных стволов прыгали большие серые лягушки с кроваво-красными пятнами на животе, переползали ящерицы и углозубы, бесшумно струились болотные змеи. А после марей приходилось опять карабкаться в горы. За все время перехода они останавливались только трижды — перевести дух, перекусить сухим пайком, запивая водой вскипяченной в старом котелке, нашедшемся в одной из сумок.

К вечеру с вершин спустился белесый туман, порой застилавший все так, что Наташа с трудом различала своих пленителей. Она надеялась, что возможно ей удастся сбежать, однако вокруг было слишком темно и страшно, чтобы у Наташи хватило на это духу. К тому же Алиса, понимая о чем думает ее пленница, вцепилась в ее руку словно клешней, время от времени тыкая в бок пистолетом.

Перевалив через очередную, особо высокую гору, трое сотрудников НКВД и бывшая советская докторша спустились к широкой реке, текущей откуда-то с гор. Из разговоров Наташа поняла, что это и есть, неоднократно упоминавшийся Гилюй. Горная река шумела на перекатах и порогах, где-то внизу впадая в Зею. Николай принялся разжигать костер из вынесенного на берег топляка, а Петр и Алиса стояли на берегу. Наташе было позволено сесть и едва ее ноги коснулись земли, она без сил повалилась в густую траву.

Проснулась Наташа от двух вещей: во-первых, продрогнув до костей — пусть кто-то и заботливо перенес ценную пленницу поближе к затухающему костру. Во-вторых, вокруг находилось явно больше людей, чем трое: сквозь шум реки пробивались разные голоса, мужские и женские, трава шуршала от шагов множества ног.

— Говоришь, Семен, Зея на ухах стоит? — послышался голос Алисы.

— Спрашиваешь, — откликнулся незнакомый мужской голос, — две японские роты и казачий полк нагнали. Никого не велят не впускать, не выпускать, розыск объявили. И приметы называют — особенно хорошо девку эту расписывают. И не только военные там, но и охранка японская, Кэмпэйтэй — Шурыгина уже взяли. Вовремя вы мимо Зеи проскочили.

Наташа открыла глаза и увидела, что помимо ее вчерашних спутников ее окружают не меньше десяти мужчин, обвешанных оружием с ног до головы. Большинство было русскими или по-крайней мере славянами, — пару раз ухо Наташи уловило украинский говор. Но были тут и двое китайцев и эвенк, разделывавший у костра тушу какого-то животного. В отличие от своих спутников одетых в разные вариации советской формы, на таежном аборигене был традиционный летний халат эвенков из черного сукна.

«Повстанцы!» — мелькнуло в голове у Наташи. Она знала, что Зея и Тында были крайними форпостами, где оккупационные власти чувствовали себя более-менее уверенно. Дальше на север начинались горы, представлявшие собой своеобразную «подушку безопасности» пролегшую от Зеи до Алдана за которым начинался «Якутский фронт». Собственно фронтом это называлось чисто формально — на самом деле у Советов, ведущих тяжелые бои на Урале и в Прибайкалье, не было возможности держать здесь сколь-нибудь крупные силы. Впрочем, и японцы с канадцами не горели желанием наступать за Становой хребет и дальше по якутской тайге, так что установилось некоторое позиционное затишье. Орудовали тут в основном бесчисленные отряды «красных партизан» с которыми с переменным успехом боролись японские и казачьи каратели.

Алиса стояла у потухшего костра, разговаривая с рослым чернобородым мужиком, в

потрепанной гимнастерке и таких же штанах. Куда лучше выглядела перекинутая через плечо новенькая — явно трофейная — английская винтовка. Рядом с ним стояла женщина, вернее даже девушка — единственная женщина из вновь прибывших. Высокая, стройная, с длинной черной косой, девушка была, похоже, даже младше Наташи. Узкие темные глаза и высокие скулы выдавали китайянку или кореянку, хотя чистокровной азиаткой она не выглядела — кто-то из ее предков явно был славянином.

Почувствовав, что блондинка смотрит на нее, полукровка подняла глаза и у Наташи невольно прошел мороз по коже. Этот взгляд — холодно-бесстрастный, как бы «пустой» был пострашнее фанатизма Алисы или откровенной ненависти капитана Шурыгина. Те, при всем своем отношении, все же видели в Наташе человека. В этом взгляде чувствовалась холодная злоба, отрешенная от всего человеческого вообще.

— Так, когда нам ждать япошек? — спрашивала Алиса у бородатого мужика.

— Не позже полудня, — пожал плечами тот, — хорошо еще, что пока самолетов не было. Тутумэ, — бородатый Семен кивнул в сторону эвенка, — был недавно у Бомнака, говорит — эвенки больше партизан не потерпят. Говорят, что от нас все беды — пустишь на постой, а потом японцы деревни жгут. И еще, якобы объедаем мы их сволочей и оружие плохое даем — канадцы, мол, щедрее гораздо.

— Ясно, — скрипнула зубами Алиса, — значит надо уходить.

— Да, — кивнул Семен, — и поскорее, к Становому хребту. Там вроде пока еще тихо, до аэропорта они не добрались. Поедим, — он кивнул в сторону эвенка насаживающего на деревянные вертела куски капающего кровью мяса, — и пора сматываться.

— Хорошо, — ответила Алиса, — но... пара часов же у нас есть? Я тут хочу наконец с нашей барышней поговорить — она похоже не поняла еще, что с ней не шутят. Да и бойцам полезно будет послушать, о чем она поет.

— Если только в темпе, — усмехнулся Семен, — у нас Сун по таким вещам специалистка.

Он кивнул узкоглазой девице и та, не меняя каменного выражения лица, поднялась на ноги, бросив на Наташу еще один взгляд от которого у девушки неприятно засосало под ложечкой. Не говоря ни слова, Сун зашагала вдоль реки, внимательно вглядываясь в доходивший до пояса папоротник.

— Ее отец — китайский коммунист, а мать советская девушка, комсомолка, — пояснил командир красных партизан, — отец и муж Сун были в Нанкине во время резни, — он улыбнулся, видя как бледнеет Наташа, — понимаешь, да? К японским прихвостням у нее особая любовь. И олень, как нарочно, убит тот, что надо — важенка на сносках. Молока полное вымя. Эй, Тутумэ, — повстанец кинул эвенку несколько слов и тот, обернувшись, заулыбался во весь щербатый рот. Несколько ловких взмахов ножом и он шагнул вперед держа в руках влажно поблёскивающий ком плоти, капающий кровью и какой-то белой жидкостью. Наташа поняла, что это такое и тошнота подступила к ее горлу.

— Не бойся, пить тебя не заставят, — рассмеялась Алиса, — действуйте товарищи! — она кивнула кому-то за спиной Наташи. Девушка почувствовала, как ее плечи словно стиснули железные тиски. Сильные руки опрокинули ее на спину, сорвали одежду, разложив вырывающуюся и плачущую от унижения Наташу на земле. Другие повстанцы сноровисто вбили в землю четыре колышка, к которым примотали Наташины руки и ноги.

— А ничего сучка, — Семен ухмыльнулся, похлопав Наташу по плоскому животу, — эвон как сиськи торчат. Дашь ребятам побаловаться потом?

— Перебьешься, — ухмыльнулась Алиса, — знаю я вас, затрахаете шлюшку до смерти. А мне ее до Центра довести надо. Эй, дай сюда эту штуковину.

Эти слова были обращены к молодому повстанцу, срезавшему стебель камыша. Издевательски улыбаясь в лицо плачущей девушке, Алиса пальцами раздвинула ее половые губы и просунула туда стебель. Наташа вздрогнула всем телом.

— Не, дергайся сучка, хуже будет, — прикрикнула Алиса, — ну-ка, тунгус!

Тутумэ поднес вымя, вырезанное из утробы важенки, и протолкнул набухший сосок в отверстие полого стебля. Руки его сильно сжали ком окровавленной плоти и жирное молоко, смешанное с кровью, заструилось по стеблю. Наташа почувствовала, как внутрь нее заливается вязкая, теплая жидкость, вызывая мерзкое чувство чужеродного заполнения. Алиса залила с поллитра, до тех пор, пока по стеблю не начало течь то, что уже никак не напоминало молоко. Коммисарша медленно вытянула стебель и рассмеялась, когда вслед за ним полилось нечто розово-белое.

— Нравится буренка? — комиссарша подмигнула беспомощной девушке, потом нарочито медленно провела пальцем вдоль половых губ, — ну, где там ваша китаянка?

Из-за спин эвенка, Семена и Алисы появилась Сун. На вытянутой руке она держала небольшую бечевку охватывающей шею серо-коричневой змеи с темными пятнами вдоль брюха. Помертвевшая от ужаса Наташа смотрела, как Сун, подходит к ней. Положив щитомордника на землю, китаянка что-то прошептала, наклонившись, после чего перерезала веревку, освобождая рептилию. Ядовитая тварь плавными движениями скользнула вперед, вползая меж широко разведенных ног Наташи.

— Китайские товарищи знают, как разговорить упрямых шлюшек вроде тебя, — говорила на ухо Наташе Алиса, — ты знаешь, что змеи очень любят молоко?

Наташа молчала, сжимая зубы, загоняя внутрь рвущийся наружу истошный вопль. Ее била крупная дрожь, по коже стекали крупные капли пота. Случайные прикосновения холодной чешуи тела к голой коже, казалось, обжигали, словно раскаленное железо. Пристроившаяся за спиной Алиса приподняла голову Наташи и теперь девушка видела как струится меж ее ног смертоносная лента, как мелькает раздвоенный язык, слизывая молочные капли, как блестят неподвижные холодные глаза.

— Раньше так в Китае казнили неверных жен, — продолжала говорить Алиса, — а ведь ты хуже их — ты изменила не мужу, а Родине, Партии и Вождю. Пожалеешь ты об этом, когда змея заползет в твою развратную дырку? Не в силах выбраться она будет жалить тебя изнутри, ее дерганья разворотят тебя всю и ты сдохнешь в муках — как и заслуживаешь. Ты спасешь свою никчемную жизнь, только если будешь говорить.

Голос большевистской шпионки понизился до сладострастного шепота, костлявые пальцы скользнули на грудь девушки, больно сжав сосок. Однако Наташа почти не заметила этого, потому что как раз в этот момент чешуйчатое тело прикоснулось к внутренней стороне бедра. Она почувствовала, как проворный язычок ощупывает ее половые губы, слизывая вытекавшие из влагалища молочные струйки. Наташа представила, как эта гадина будет биться внутри нее, пытаясь вырваться, как ядовитые зубы будут вонзаться в ее нежную плоть.

— Пожалуйста, — она подняла заплаканное лицо к Алисе, — пожалуйста, прекрати. Я расскажу все, что ты скажешь.

Алиса усмехнулась, подав знак Сун. Блеснул выхваченный из-за пояса нож и вонзился аккурат меж бедер Наташи, припиливая к земле щитомордника. Новый взмах ножа

отбросил в сторону слабо извивающееся тело.

— Так будет с каждой гадиной! — пафосно заявила Алиса, — а теперь колись, сучонка. Учти — если что Сун легко еще парочку змей найдет.

Наташа нервно сглотнула и начала отвечать на вопросы Алисы.

Через пару часов отряд покинул место стоянки, начав переправу через бурлящий Гиллюй. Наташу охраняли двое красноармейцев и, по-прежнему не спуская глаз с пленницы, Алиса. Все это время Наташа пребывала в постоянном напряжении, каждое мгновение ожидая, что Алиса решит пристрелить «изменницу», дабы не задерживать путь. Это был вполне ожидаемый шаг — после того, как Наташа выложила как на духу, все, что произошло с ней, начиная с пленения в Чите, она уже не нужна была Алисе. Но видимо у комиссарши были какие-то резоны оставить Наташу в живых. Хотя и выглядела Алиса раздосадованной — задуманной ею «полевой агитации» явно не получилось, сказанное Наташей не вызвало особого негодования у ее спутников. Даже на лицах сопровождавших Барвазон Петра и Николая, не говоря уже о повстанцах, отражалось скорее недоумение, чем гнев. Наташа даже поймала парочку сочувствующих взглядов. С искренней ненавистью на нее во время этого рассказа смотрела лишь сама Алиса, командир повстанцев Семен и полукровка Сун. Наташа видела разочарование, мелькнувшее в узких глазах, когда Алиса приказала прекратить пытку — Сун явно желала посмотреть, как Наташа корчится в муках. Сейчас она шла в арьергарде отряда, пробиравшегося по скользким камням через гиллюйский брод, и Наташа ежилась, чувствуя на спине сверлящий взгляд. Впрочем, сейчас чувства бывшей комсомолки были вполне взаимными. Когда она только увидела повстанцев — идейных борцов за власть Советов, битых, но не сдающихся — что-то похожее на раскаяние шевельнулось в Наташе и впрямь в тот миг почувствовавшей себя мерзавкой и изменницей. Но после пытки змеей подобные чувства были выжжены из нее напрочь. Те, кто прибегает к таким методам не имеет никакого права говорить, что сражается за «правое дело».

За Гиллюем начались предгорья Станового хребта, перешедшие вскоре в настоящие горы, то покрытые дремучими ельниками, то сплошь безлесные. Несколько раз дорогу пересекали небольшие горные реки, через которые находил брод эвенк Тутумэ. Ночевали тоже в лесу, у разожженного костра, на котором жарили убитых накануне рябчиков. Наташа куталась в тряпье, со страхом оглядываясь на вставшую вокруг стену леса. Из темноты время от времени доносилось уханье сов, издали донесся и протяжный волчий вой. Беззвучные тени со светящимися глазами крались в зарослях, отпрядывая от летящих в сторону раскаленных головень.

Повстанцы — кроме тех, кого Семен назначил в часовые — уже клонились ко сну, когда ночную тишь нарушил еще один звук — одиночный выстрел вдалеке.

— Кто? — вскинулась Алиса. Семен покачала головой, по отряду пробежал тревожный шепот.

— Может, Пашки Смольникова ребятки? — вполголоса предположил кто-то.

— Смольников сейчас у Ягынди партизанит, — покачал головой Семен, — а Ругинского еще в прошлом году японцы выпотрошили, а отряд его по елкам развешали. Может, конечно, эвенки охотятся, а может и кто с востока еще пришел.

— Или с юга, — многозначительно протянул один из повстанцев, рыжий рябой детина со страшным шрамом через всю щеку, — проверить бы надо.

— Надо, — кивнул Семен, — вот ты, Артем и проверишь. Сун, Тутумэ, Салимов —

пойдете с товарищем Петровым, посмотрите, кто это по нашим лесам без спросу шастает.

Рябой Артем — судя по всему, помощник или заместитель Семена, — осклабился при слове «наши леса», но возражать не стал. Вскоре разведчики исчезли в густом лесу.

За время их отсутствия Наташа даже успела прикорнуть под взволнованный шепот вокруг. Спала, впрочем, она недолго — вскоре ее грубо растолкал Николай. Она бы и проснулась и так — слишком большой шум поднялся вокруг.

— Японцы! — взволнованно говорил Артем, — большой отряд человек двести, не меньше. Японцы и казаки, еще и несколько эвенков будет. Чуть не засекли, хорошо хоть Тутумэ совой гугукнул, вроде поверили. Уходить надо!

— Черт! — Семен с силой опустил сжатый кулак на колено, — накликала, Алиса!

— А ты, товарищ Порханов, что думал — презрительно покосилась комиссарша, — что Победы добьешься, полицаев по окраинам отстреливая, да пароходы с золотишком грабя? А как настоящее большое Дело завязалось, так и поджилки затряслись?

— Ничего у меня не затряслось, — буркнул Семен, — только уж больно скверно все оборачивается. Ты уйдешь, и поминай как звали, а нам тут расхлебывать.

— Уходить надо отсюда, товарищ Порханов, — рыжий заместитель покачал головой, — давай доведем девок до базы, самолета ихнего дождемся, а там уйдем на север.

— Как только мы улетим, базу придется сжечь — покачала головой Алиса, перед этим зло зыркнув на Петрова за «девок», — после идите куда хотите.

На том и порешили. Спать в эту ночь больше никому не пришлось — отряд, спешно уничтожив следы ночевки, двинулся через ночной лес. На душе Наташи было одновременно и радостно и тревожно — освобождение было рядом, но это и означало, что Алиса в любой момент может пристрелить ее, выполняя свое обещание.

К утру отряд подошел к перевалу, на котором стояла, укрытая среди деревьев, сторожевая вышка. Спустившийся красноармеец видно был предупрежден о подходе повстанцев. Обменявшись несколькими словами с Алисой и Семеном, он побледнел, узнав о японцах. Едва красные партизаны прошли дальше, он метнулся вверх, торопясь передать по радиации тревожные вести.

Внизу обнаружилась небольшая долина, укрытая со всех сторон горами. Еще сверху Наташа увидела прямоугольник летного поля. Рядом с ним стояло несколько строений, над самым большим из которых развевался красный флаг.

Пожилой комбриг, командовавший местным гарнизоном, отреагировал на тревожную весть, столь же нервно, как и солдат на вышке. Даже с повстанцами сил защитников базы было недостаточно, чтобы надеяться отбиться от превосходящих сил противника. Комбриг сообщил и иную новость, которая заставила помрачнеть уже Алису — пару дней назад над хребтом видели «Харрикейн». Правда, довольно далеко от базы, но все равно — если к делу подключили канадскую авиацию, весь план Алисы мог пойти насмарку. Хорошо еще, что здешние места довольно далеко от любых авиабаз Оси.

Командующий базой вызвал по радио самолет — как поняла Наташа помощь ожидалась из самого Центра. В ожидании ее комбриг, Алиса, Семен и еще парочка местных военных чинов коротала время за распитием бутылки коньяка под вяленого гольца. На Наташу никто особо внимания не обращал, но она поняла, что бежать бесполезно — дверь сторожило не менее дюжины солдат.

К полудню снаружи послышался ровный гул, приближающийся с каждой секундой. Комбриг встревожено выглянул в окно.

— Товарищ комбриг, — в дверях появился черноволосый парень в форме связиста, — наш самолет просит разрешения на посадку.

— Успели, — выдохнул комбриг и, к удивлению Алисы, размахисто перекрестился. Алиса неприязненно покосилась на него, но промолчала.

Когда они вышли наружу, на поле приземлялся «АНТ-7», к которому и направилась Алиса со своей пленницей. Рядом с ней шли все те же Петр с Николаем, а также комбриг, которого Алиса называла «товарищем Аркадьевым».

— Когда мы улетим, базу уничтожите, а сами можете уходить, — поясняла она понурившемуся командующему, — раз японцы так близко, то рано или поздно найдут это место. Вы, — она обернулась к двум чекистам, — уходите с партизанами. Осядете в Тынде, я потом найду способ с вами связаться.

Петр с Николаем понуро кивали, явно не в восторге от перспективы и дальше рисковать жизнью, бегая по горам. Они подошли к самолету, из кабины которого выглядывала голова в летном шлеме — летчик наблюдал, как работники базы заливали в баки авиационное топливо. Алиса толкнула Наташу к трапу, и, пихая ее в бок пистолетом, заставила подняться. Внутри их встретил долговязый чернявый мужик.

— Эта что ли вражина? — спросил он у Алисы, с интересом разглядывая Наташу.

— Она самая, — подтвердила Барвазон.

— Понятно, — кивнул он, — ну, красивая, руки протяни.

Наташа сделала это и ей тут же смотали запястья.

Алиса шагнула вслед за ней и чернявый собирался закрыть дверь, когда что-то привлекло его внимание.

— А это еще кто та... — слова его оборвались странным звуком, тело его как-то странно дернулось и чернявый стал медленно вываливаться наружу.

— Черт! — Алиса метнулась к выходу, но тут же отпрянула обратно, захлопывая дверь, — Максим, взлетай быстро!

— Что случилось! — спросил летчик, заглядывая внутрь кабины, — что с Олегом?

— Убит, — выдохнула Алиса, пальцы ее судорожно сжимались, — добрались все-таки, черт бы их побрал! Японцы!

Лицо летчика побледнело, и он мигом исчез в кабине. Мгновение спустя заработал мотор, после чего самолет медленно двинулся вперед. Что-то стукнуло по обшивке и Наташа поняла, что это пули. Снаружи уже слышались крики и выстрелы. Алиса прижала Наташу к стенке кабины, в темных глазах полыхала ненависть. Неожиданно в ее руке блеснуло что-то — Наташа с удивлением увидела, что это не пистолет, а нож.

— Чем угодно клянусь, — прошипела она, — живой им в руки не попадут не ты, ни я. Даже стрелять не буду — кишки выпущу, чтобы ты тут подыхала.

Глаза ее выпучились, голос стал визгливым, почти срывающимся на крик. Наташе стало одновременно и страшно и противно.

— Хватит пугать, сучка жидовская! — презрение пересилило страх, — о своей шкуре подумай. В Маньчжурии, таких как ты любят на фарш пускать.

Лицо Алисы исказилось, казалось, вот-вот она пырнет ножом Наташу. Но тут, наконец, самолет оторвался от земли. Алиса расслабилась, отбросила нож в сторону. Тут же в ее руках появился пистолет, которым она больно ткнула Наташу в бок.

— Садись туда, — она показала на скамейку в салоне, — и чтобы тихо мне.

Наташа презрительно усмехнулась, вызвав у Алисы новый приступ бешенства — она

наотмашь хлестнула девушку по лицу, затем, помахав пистолетом, комиссарша молча указала Наташе на скамейку. Сама же она расположилась напротив, держа пистолет наготове. Впрочем, Наташа не собиралась сопротивляться — едва опустившись на скамейку она поняла, что у нее слипаются веки. Усталость бессонной ночи и беспрестанного перехода по здешним местам, навалилась на нее и девушка провалилась в глубокий сон без сновидений.

Проснулась она уже в Центре.

Некогда это была обычная горная долина надежно укрытая со всех сторон скалистыми хребтами. С севера сюда водопадом спадала бурная горная река, еще одна, поспокойнее устремлялась вниз с востока. Слившись в один поток, они несли свои воды на юго-запад, чтобы где-то там закончить свой путь в Байкале.

На северной стороне ущелья, прикрываемые водопадом, располагалось несколько черных провалов — входы в исполинские пещеры уводящие в скальную толщу. О них ходили самые жуткие слухи среди бурят, эвенков и даже проживавших на северо-востоке якутов. У костров юрт в баргузинских степях, в лесных убежищах таежных звероловов шепотом рассказывали страшные сказки о том, как из сердца гор поднимаются на поверхность покрытые шерстью злые духи, коих якуты называли абаасы, эвенки харги, а буряты шолмосами и шухдерами. В свете полной луны пляшут они на вершинах гольцов, наполняя воздух бездумными криками и завываниями, пожирают младенцев украшенных в отдаленных селах и сходятся с железноклювыми демоницами закидывающими на плечи длинные груди. Даже самые сильные шаманы бурят и эвенков, не решались камлать там, где положил запрет Тот, Кого на разных языках именовали Эрлэн-ханом, Харги и Улу Тойоном.

Буряты называли это место Черным Колодцем, «Хара-Худаг», эвенки Харгитуй (Дом Харги), русские же поселенцы звали Чертовой Долиной.

Никто из местных не осмеливался ходить в те края, почему даже точное местонахождение Чертовой Долины было никому не известно. Но лет двадцать назад все изменилось. С запада и с юга, от больших городов летели стальные птицы, по Байкалу шли тяжело нагруженные суда, везшие диковинные механизмы, краны, стальные буры, цемент и тонны взрывчатки. А через тайгу с севера, под конвоем вооруженных до зубов красноармейцев, шли худые изможденные люди — сотни и тысячи «врагов народа», угодивших в жернова карательной машины только потому, что кому-то обитающему в красном замке посреди огромного города, понадобилось пригрести к рукам Хара-Худаг.

Огромную часть хребта Сынныр объявили заповедной зоной, отселив всех кто обитал в немногочисленных деревеньках и туземных становищах, под страхом смерти запретив приближаться к секретному объекту. День и ночь вдаль в горах гремели взрывы, небо оглашал самолетный гул и неслышимые человеческому уху сигналы неслись «из глубины сибирских руд» донося в Красный Замок весть, что все идет «по плану» и даже в духе эпохи — с опережением оно.

Огромные дамбы охватили кольцом долину, отведя от нее течение обеих рек. Частично они были пущены в новые русла, частично вода в них разлилась, затопив окрестные ущелья и ледниковые впадины. Так Хара-Худаг оказался в центре большого искусственного озера соединенного с Большой землей только большой широкой насыпью, да воздушным сообщением. Стены дамб ошетинились заборами обвитыми змеями колючей проволоки, огромные прожектора заливали долину ярким, слепящим светом, солдаты НКВД день и ночь

дежурили на подступах к Центру. В самой же долине, словно вынырнув из речных вод, возник целый город — пародия на Китеж, Красная Атлантида.

В южной части долины располагался аэропорт, тут же стояли казармы красноармейцев и подсобные хозяйства. Север долины занимал Центр — огромное здание в форме неправильного пятиугольника, окруженное еще одним забором с колючей проволокой и дополнительным кольцом охраны. На поверхности была только меньшая часть сооружения — основной массив скрывался в скальной толще, где ранее были легендарные пещеры. Там, в недрах гор и разрабатывался таинственный проект «Плеяда».

А вниз по течению рек, вплоть до самого Байкала еще долго вымывало кости и черепа тех, кто превратился в лагерный прах во имя торжества советской науки.

Самолет привез Алису и Наташу в Центр, когда солнце уже клонилось к закату. На поле их встретило несколько сотрудников НКВД, тут же взявших под козырек «товарищу Барвазон». В их сопровождении, как с почетным караулом обе женщины сели в подъехавшую небольшую машину, повезшую их к огромному серому зданию. При виде его Наташа невольно вздрогнула — она была тут уже два раза, но тогда Центр не казался ей столь зловещим. Залитый лучами заходящего солнца он выглядел черным монументом в облаке крови.

Они прошли через знакомую ей проходную, где Барвазон предъявила документы щекастому капитану НКВД, скупой ответила на несколько формальных вопросов о ее спутнице. Капитан с интересом глянул на Наташу, козырнул и распорядился выделить несколько человек из охраны для сопровождения.

В прежние свои посещения Наташа, вместе с доктором Губельманом, сворачивала направо, поднимаясь по лестнице на второй этаж. Там располагалось что-то вроде больницы: врачи и медсестры в белых халатах, стерильная чистота помещений, резкий запах нашатыря и разных лекарств. Тем же была и аудитория, в которой юная докторша читала доклад перед местными медиками. Однако сейчас они проследовали не направо, а прямо. В конце зала, укрытая за большой колонной, располагалась неприметная серая дверь. За ней обнаружился длинный узкий коридор, освещенный тусклыми лампочками. Вдоль стен тянулись прямоугольники дверей с зарешеченными окошками сразу давшими понять Наташе, куда она попала.

Возле одной из дверей Алиса остановилась и кивнула одному из провожатых. Тот загремел вынутыми из кармана ключами, открывая дверь. Наташу впихнули внутрь небольшой камеры, едва достигающей пяти шагов в длину и трех — в ширину. Чуть ли не половину камеры занимала узкая кровать, привинченная к полу, с наброшенным поверх тонким пледом. Над потолком мигала лампочка — такая же тусклая, как и в коридоре.

— Отдыхай пока, товарищ Севастьянова, — процедила Алиса, — пока время есть.

С этими словами она развернулась, вслед за ней захлопнулась и дверь.

Наташа прошла по камере, выглянула в окошко, потом со вздохом опустилась на кровать. Лежа на спине, она бездумно уставилась в потолок, по которому ползали черные тараканы. Было видно, что когда-то потолок белили, но сейчас штукатурка осырела и отслаивалась — видно отведенные от долины воды как-то просачивались сюда. Но вряд ли условия содержания узников сильно заботили здешних тюремщиков.

Странно, но Наташа была почти спокойна — прекрасно понимая, что далее с ней не будет ничего хорошего, тем не менее, это почти не вызывало у нее страха. Не то, чтобы она была безразлична к своей судьбе, но ее ближайшее будущее вызывало у девушки скорее

живой интерес, перерастающее в нетерпеливое ожидание. Она давно поняла, что все что ей говорили раньше про вакцину — сказка для дурачков. Сейчас Наташа уже сама поражалась своей наивности — как она могла поверить в то, что махина, отгроханная в такой глуши будет строиться для исследований, для которых бы хватило возможностей крупного медицинского вуза. Она с нетерпением ждала развязки, чтобы узнать, наконец, чем на самом деле занимается «Центр». О том, что правда ей могла понравиться еще меньше, чем слышанная доселе ложь, Наташа как-то не подумала.

А еще она думала об Илте. Здесь, в ставшем ей совершенно чуждым окружении, где казалось, сами стены дышали враждебностью, мысли о молодой женщине стали единственной отрадой пленницы Центра. Воспоминания о времени проведенном рядом с Илтой нахлынули с такой силой, что Наташа могла лишь удивиться тому, как много в ее жизни стала значить финнояпонская куноити.

Черные короткие волосы, синие смеющиеся глаза, стальные мускулы, играющие под бархатистой кожей... Сейчас Наташе ее поступок в Хабаровске казался глупой выходкой избалованной взбалмошной девчонки. Разве Илта была ей чем-то обязана? Разве у Наташи было право запрещать ей получать удовольствие с кем-то другим, пока сама она валялась бесчувственным бревном на кровати? И если Илта все же сумеет выволить ее отсюда (а в том, что куноити сейчас занята именно разработкой планов спасения Наташа не сомневалась ни на минуту) то первое, что ей придется сделать со своей нерадивой подопечной — как следует ее наказать. Наташа вспомнила, как наказывала ее Илта раньше, еще в «Маньчжурском отряде 731» и неожиданно почувствовала, как между ног у нее повлажнело. Даже здесь в сырой камере чекистских застенков молодая цветущая плоть девушки жадно требовала внимания. Не вполне отдавая себе отчета в своих действиях, Наташа запустила руку в потрепанные мужские штаны, которые она носила все это время. С трудом сдерживая стоны, Наташа, извиваясь всем телом, рьяно ласкала себя, представляя, что это делает Илта.

За этим приятным занятием, Наташа не сразу услышала лязг дверного засова. Наташа отдернула руку, но было поздно — вошедший охранник, высокий грузный мужик оторопело уставился на растрепанную девушку на кровати. В свою очередь Наташа едва сдержалась, что не скривиться от отвращения — вошедший был на редкость уродлив: скошенные глаза мутно-желтого цвета, узкий лоб, выставленные наружу желтые зубы, мясистый угреватый нос. Взлохмаченные рыжие патлы лоснились от жира. Новенькая форма НКВД сидела на нем как на корове седло. В одной руке у охранника была связка ключей в другой жестяная миска с мутным варевом.

— А я то думаю, — присвистнул он, ставя миску на пол и вразвалку подходя к кровати — и чего енто, сучка такая спокойная — не кричит, не плачет! А ей тут хорошо, оказывается, она тут тихо сама с собою! Понятное дело, у тех узкоглазых разве найдешь мужика нормального?! Ну, что лялька, бросай баловство, попробуешь рабоче-крестьянской елды!

— Нет! — Наташа шарахнулась к стене, — пошел вон! Я буду кричать!

— Кричи, — заржал охранник — тут много кто кричит, никто и внимания не обратит. Ну, покажешь чему у япошек научилась, блядь фашистская!?

Наташа пыталась упираться и кричать, когда здоровый как медведь охранник, стянул ее за ноги на пол. Девушка хотела вцепиться ногтями в отвратительную рожу, но охранник одной своей лапищей перехватил обе ее руки, развернул спиной к себе и заставил опуститься на четвереньки. В этот момент на ее шею с силой опустилось ребро ладони, от чего Наташа

чуть не потеряла сознание. Она уже не сопротивлялась, когда энэквадист, пыхтя от вожделения, запустил пальцы в ее кунку, грубо раздвигая нежные складочки. Затем он вынул руку, но Наташе от этого легче не стало — толстый как сосиска палец протолкнулся в ее заднепроходное отверстие, заставив ее заорать от боли. Не обращая внимания на крики своей жертвы, верзила охранник смазывал анус ее женскими соками.

— Таких как ты в кунку брать нельзя, — пропыхтел охранник, — она тут другим достается. Хорошо что черт сделал бабе две дырки. Хоть и нет его, черта, а все равно хорошо.

С этими словами он подтянул выше наташины бёдра, сильными руками раздвинул пышные белые ягодицы, прижался всем телом, и одним мощным толчком вошел. Девушка зарыдала от боли и стыда — подобные действия всегда ассоциировались у нее с чем-то грязным, предельно унижительным. Огромная дубина разрывала ее на части, пробивая, как казалось Наташе, ее внутренности до желудка. Она кричала, пока не сорвала голос, пыталась вырываться, но бугай-охранник цепко держал ее за бедра, размашисто вгоняя свой кол. В какой-то миг боль стала настолько невыносимой, что девушка потеряла сознание, все еще осознавая, что ее продолжают насиловать.

Когда она очнулась, охранник уже стоял у двери, гремя ключами.

— Ты поешь там, — он усмехнувшись кивнул на стоящую на полу миску, — не вздумай расплескать — языком заставлю с пола собирать. А если что понравилось — зови. Нас тут трое, зови Фрола Астахова, меня то есть. Повторим, если хочешь.

Он мерзко хохотнул и вышел за дверь, через мгновение, зазвенев ключами. Наташа, преодолевая страшную боль, встала и, ковыляя, легла на кровать, ощупывая зад из которого сочилась вязкая жидкость. Наташа в бешенстве стукнула кулачком по кровати, ее тело содрогалось от злых беззвучных рыданий.

Уже позже, когда боль слегка стихла, Наташа ковыляя спустилась с кровати и подняла с пола миску с уже остывшей бурдой. Боль, стыд и унижение переполняли ее, но и они отступали на второй план перед ненавистью. Теперь Наташа хотела не просто выбраться отсюда, она жаждала уничтожения этого вертепа. И осознание бессилия, ничтожества перед поднявшейся тут машиной наполняло ее бессильным бешенством.

За ней пришли скоро. Снова лязгнул засов и в комнату вошел давешний знакомец — Фрол и еще один охранник, столь же уродливый, но не рыжей, а темно-каштановой масти. Вдвоем они вывели Наташу в коридор и провели в душ. Фрол при этом держался так, будто и не было ничего — обычный конвоир, с равнодушно-пренебрежительным отношением к узнице. Стоя озябшими ногами на покрытом грибок кафельном полу и моясь куском хозяйственного мыла под чуть теплыми струйками, Наташа думала о том, что еще за мерзости готовит ей это проклятое место.

Рядом на лавке лежала чистая одежда — что-то белое, весьма напоминающее больничный халат. Несколько поколебавшись, Наташа все же одела его — ее собственную, пропахшую потом, грязную одежду у нее отобрали еще перед входом в душевую.

— Оделась? — буркнул Фрол и внезапно гадко улыбнулся во весь свой щербатый рот, — настоящая красавица стала.

— Ага, мне это недолго, — неожиданно для себя самой съязвила Наташа, — это тебе хоть неделю отмывайся, краше не станешь.

Фрол застыл с открытым ртом, а его напарник не стесняясь, заржал.

— Умная стала? — зло сказал охранник, — ну ничего, посмотрим, как ты запоешь там,

куда попадешь скоро. Давай, шевели ножками.

Наташа ожгла его ненавидящим взглядом, но пошла вперед. Они прошли еще несколько коридоров, затем поднялись по лестнице, оказавшись в новом коридоре — более коротком, чем предыдущий. Заканчивался он большой железной дверью, чуть ли ни на всю стену. Фрол нажал на красную кнопку и большая створка бесшумно отъехала в сторону.

— Давай, проходи — сказал Фрол и Наташа шагнула вперед, отметив про себя, что ее конвоиры ведут себя менее уверенно, будто боясь того, что ждет их наверху.

Кабина лифта плавно устремилась вверх, после чего остановилась, и двери бесшумно раздвинулись. Сейчас они находились в более благоустроенном месте — тщательно отполированные стены коридора, ковры на полу, даже картины на стенах. Наташа узнала некоторые: «Восстание на броненосце Потемкин», «Ходоки у Ленина», Сталина с бурятской девочкой на руках — сейчас, говорят, Марксина Князева отправилась вслед за репрессированным отцом по обвинению в участии в деятельности «Монгольской фашистской организации». В специальных нишах стояли мраморные бюсты — Маркс, Ленин, Сталин — словно идолаи некоей религии.

Коридор и тут закончился массивной дверью — только не железной, а из мореного дуба. С двух сторон от нее стояли подтянутые молодые офицеры, в новенькой с иголки формы и с кожаной португеей на бедре. При виде охранников у обоих как по команде появилось на лицах одинаково брезгливое выражение.

— Вот, — подобострастно улыбнулся Фрол, — привели вражину.

— Вижу, — кивнул чернявый парень, с явной примесью китайской крови. Его напарник напротив выглядел чистокровным русаком — голубоглазый со светло-русыми волосами и россыпью веснушек на курносом лице. Он приоткрыл дверь и с некоторой даже галантностью пригласил Наташу внутрь. Не оглядываясь, та шагнула вперед.

За дверью обнаружилась большая комната, с яркими лампами и шикарным персидским ковром на полу. Прямо напротив Наташи возвышался массивный стол, над которым красовался вырезанный в стене барельеф с наложенными друг на друга профилями большевистской Четверницы: Маркс-Энгельс-Ленин-Сталин. Над ними был растянута большой красный флаг.

Шагнув вперед, девушка заметила какое-то движение по бокам. Оказывается, возле двери стояли еще двое НКВДистов и Наташа почувствовала, как они напряглись при ее виде.

— Не волнуйтесь товарищи, — послышался громкий голос, — пусть она теперь волнуется. Садитесь, товарищ Севастьянова. Разговор будет тяжелым, хотя и долгим.

За столом под изображениями вождей сидела колоритная тройка. В центре ее находился худощавый мужчина с мелкими чертами лица и бегающими карими глазами. Темные волосы уже начинали редеть, хотя на вид этому человеку едва-едва перевалило за сорок. На петлицах суконной гимнастерки красовались три ромба комиссара ГБ второго ранга. Это был Евгений Свечкарев, официальный руководитель Центра, отвечающий за разработку проекта «Плеяда».

Слева от него сидела Алиса Барвазон одетая по форме майора НКВД. При виде Наташи она брезгливо скривила губы, однако девушка даже не посмотрела в ее сторону. Ее внимание привлек третий из сидящих за столом — невысокий бурят лет сорока пяти, с пробивающейся сединой в черных волосах. Вместо формы на нем был синий бурятский халат и шапка из шкуры какого-то незнакомого зверька. Халат украшали вышитые золотом изображения причудливых созданий напоминающих помесь чертей и обезьян. Бесстрастные черные глаза

казалось, смотрели куда-то вдаль, тонкие губы что-то беззвучно шептали, пока пальцы перебирали четки из змеиных черепов.

Какое-то время они молча мерялись взглядами, потом Свечкарев нарушил молчание.

— Ну, что стала столбом Севастьянова — сказал же, проходи, садись, — он указал на стоящий перед столом одинокий стул, — или стыдно стало? Или совесть проснулась, а Севастьянова?

Наташа не торопясь, прошла к стулу и уселась глянув в глаза Свечкареву. Превозмогая страх, она даже нашла в себе силы усмехнуться.

— Нет, не стыдно, товарищ Свечкарев, — произнесла она, — чего стыдится-то? Того, что Борсоев меня пристрелить не успел — так в том извините, не виноватая я. Или того, что ввали мне вы товарищ комиссар, вся контора ваша ввали? И про отца моего и про Центр этот да и про врагов наших много чего недоговаривали.

— Ишь, как запела контра! — скривился комиссар, — ввали ей, скажите цаца какая. Про отца своего, троцкистское отродье, молчала бы — вон ведь где нутро гнилое вылезло, яблочко от яблони рядышком упало. А то, что не рассказывали тебе многого — значит тебе и знать то, не положено. Невелика птица, пигалица, — он хохотнул своей рифме.

— Может и не велика, товарищ Свечкарев, — кивнула Наташа, удивляясь своей наглости, — да вот только если бы знала я, что мой диагноз столько девчонок под Титовскую сопку подведет — так лучше бы мне тогда и самой застрелиться, чем в проекте вашем участвовать. А что батя с Троцким в Гражданскую общался — так было дело, много кто с ним тогда ручкался. Вон комиссарша наша — неужто не знала совсем, единокровника?

— Ах, ты сука! — прошипела Алиса, ее лицо пошло красными пятнами — да я тебя...

— Спокойно, товарищ Барвазон, не нервничайте, — успокаивающе приподнял руку Свечкарев, — мы все знаем вас как проверенного товарища. Чего еще ждать от врага народа, кроме гнусной клеветы на честного коммуниста, — при этом взгляд Свечкарева слегка вильнул и Наташа поняла, что он отметил реакцию Алисы на обвинение в троцкизме.

— А тебя Севастьянова, значит внеклассовый гуманизм заел? — обратился он к девушке, — жаль врагов народа стало? Каждый день наши солдаты, летчики, разведчики рискуют жизнью, добровольно жертвуют собой — а ты каких-то девок жалеешь?

— Тех, кто добровольно на смерть идет, то одно, — гнула свое Наташа, — хотя если так дело пойдет и дальше, скоро так весь СССР сточится. А девок тех ни за грош угробили.

— А японцы твои так не делают? — презрительно бросила Алиса.

— А японцы паиньками и не прикидываются, — парировала Наташа, — они о самом гуманном строе и светлом будущем не говорят, не лицемерят как наши. Потому и не так мерзко.

— Мерзко ей! — возмущенно воскликнул Свечкарев, — чистенькой остаться хотела? Ладно, вижу с тобой говорить не о чем. Товарищ Барвазон, — последовал кивок в сторону Алисы, — уже доложила, как с тобой побеседовала и что ты ей рассказала. Отпираться сама понимаешь, бесполезно — так что будь добра повтори для всех. А мы послушаем.

При этих словах молчавший доселе бурят впервые поднял глаза на пленницу и от этого холодного бесстрастного взгляда Наташе стало неуютно. Ну, раз они все знают — запирается смысла нет. Наташа откашлялась и принялась рассказывать. Говорила она долго, заметив, что бурят прислушивается к ее словам внимательней всех. Свечкарев время от времени оборачивался к нему, словно ища поддержки и каждый раз бурят кивал головой в меховой шапке..

— Ну, что не врет? — обернулся чекист к буряту, когда Наташа, наконец, закончила. Тот отрицательно покачал головой и Наташа вдруг поняла кто он. Шаман! Бурятский шаман, вроде тех, о которых говорила Илта. И тут, в цитадели «самого прогрессивного в мире учения» прислушиваются к «мракобесу», «представителю реакционного духовенства». Нет, прав был Маккинес, большевизм — просто форма фетишизма, самых примитивных верований человечества — и ничего более.

Поняла она и еще одно — пока этот шаман не подтвердил сказанное, они не могли быть уверены в ее словах. И Алиса тоже была не уверена. А там, на берегах Гилноя — она тешила свой садизм на пару с азиаткой Сун. И новая волна омерзения захлестнула девушку.

— Ну, что же с тобой все ясно, — продолжал Свечкарев, — настала пора, наверное, удовлетворить и твое любопытство. Тебе предстоит общество одной очень важной персоны... в некотором роде знаменитости. Товарищ Барвазон, — вполоборота он обернулся к комиссарше, — надеюсь, вы уже сообщили Доктору?

— Он ждет ее, товарищ комиссар государственной безопасности, — улыбнулась Алиса, — причем с большим нетерпением.

Наташа заметила, что даже на лицах НКВДистов мелькнула тень страха, когда они услышали это звание, произнесенное со значимостью королевского титула. Что же, черт возьми, они ей готовят?

— Не будем заставлять Доктора ждать, — Свечкарев кивнул охранникам и они встали за спиной Наташи, — вы жаловались, что от вас скрывают правду? Сейчас вы ее узнаете, хотя это вас и не обрадует. Ад — курорт рядом с местом, куда вас проводят.

Ее вывели из комнаты оба энквэдэшника, передав с рук в руки еще двум людям в форме. Наташу провели по коридору обратно к дверям лифта. Лифт медленно полз вниз, причем, насколько могла понять девушка, спускался он куда глубже того места, где было ее узилище. Наконец дверь бесшумно отъехала в сторону и перед глазами Наташи предстал очередной темный коридор. В свете из кабины лифта можно было обнаружить разноцветные провода, проходящие под самым потолком. Похоже, они забрались глубоко внутрь тех самых легендарных пещер. Из коридора тянуло странным запахом — смесью сырости, мокрой шерсти и сладковатого запаха разлагающейся плоти.

— Эй, есть кто живой! — крикнул над ухом у Наташи один из ее провожатых. Она подняла глаза и заметила странную вещь — по лбу у чекиста стекла тонкая струйка пота. Похоже, он чего-то боялся. И тут же страх объял и ее — кто же обитает в здешних подземельях, кого боятся даже эти закоренелые убийцы?

Словно в ответ из глубины коридора послышалось невнятное бормотанье и во тьме нарисовались неясные фигуры медленно ковыляющие к лифту. В этот же момент кто-то в лифте с силой уперся в плечи девушки и чуть ли не выпихнул ее наружу. Она обернулась — как раз, чтобы увидеть, как другой чекист нажимает красную кнопку, закрывающую дверь в кабину. Лифт унесся вверх и Наташа осталась в темноте, ожидая неспешно подступающие темные фигуры. Что-то подсказывало, что бежать бесполезно, да она бы сейчас и не смогла — ее ноги дрожали и подкашивались, так что едва хватало сил стоять на ногах. Чьи-то крепкие пальцы сжали ее локти и Наташа удивленно охнула — руки новых конвоиров были в перчатках.

Ей уже казалось, что весь этот Центр состоит из одних коридоров и ее переводят из одного в другой. Наташа пыталась разглядеть стражников, но было слишком темно. На них была вроде форма сотрудников НКВД, но к ней добавился такой странный элемент как

перчатки, да и сидела она на конвоирах как-то неестественно. Странной была и походка, к которой девушке волей-неволей приходилось приспособливаться. Из уст конвоиров не раздавалось ни одного слова, только невнятное бормотание, вслушиваясь в которое Наташа обливалась холодным потом. Неужели ее передали душевнобольным?

И еще один момент приводил ее в ужас — как только эти провожатые приблизились к ней, запах гниющей плоти и мокрой шерсти стал столь сильным, так что девушку слегка подташнивало.

Наконец и этот коридор закончился железной дверью, из-за которой раздавались невнятные звуки. Один из провожатых Наташи стукнул в нее и произнес фразу — прозвучавшую вроде бы и членораздельно, но девушка не смогла разобрать ни слова. Однако за дверью поняли — послышался лязг и дверь бесшумно отворилась.

Внутри было все также темно — только мерцали разные огоньки, света которых было достаточно для конвоиров, судя по всему прекрасно видящих в темноте, но никак не для самой Наташи. Комната была заставлена шкафами и столами, воняло звериной шерстью, падалью и экскрементами.

Но напугал Наташу настоящий гвалт, поднявшийся едва они вошли, — кто-то кричал, в ответ ему раздавался почти человеческий плач и тут же — истерический смех. Не обращая внимания на этот шум молчаливые провожатые Наташи, повалили ее на один из столов, привязав руки и ноги к ножкам. После этого они удалились, однако один щелкнул выключателем и над девушкой вспыхнула большая лампа.

Щурясь от яркого света, Наташа осматривалась по сторонам. Она находилась в некоей помеси научной лаборатории, анатомического музея и мини-зверинца. На столах стояли многочисленные микроскопы и другие приборы, пробирки, колбы, заполненные разного рода жидкостями, большие стеклянные банки где в формалине плавали части тел — человеческие и звериные. Чем-то это напоминало лабораторию в Чите, однако здесь экспонатов было на порядок больше. В стеклянных шкафах стояло множество приборов, другие шкафы переполняли книги по анатомии, зоологии, антропологии и, как не странно, по этнографии и истории.

Однако все эти детали отступили на второй план, когда глаза Наташи привыкли к свету и она смогла увидеть источник непрекращающегося шума. Дальняя стена лаборатории была сплошь уставлена клетками, в которых кривлялись, кричали и показывали на нее пальцами большие обезьяны — то мохнатые и рыжие, то гладкошерстные и черные. В темных глазах устремленных на Наташу читалась целая гамма чувств, самым безобидным из которых было любопытство. Наташа уже видела этих зверей в Центре, но то была парочка клеток со зверями, которых им показывали там наверху, как образец удачного применения вакцины. И те обезьяны вели себя тихо, видимо усмиренные успокаивающими средствами. Здесь же они вели себя куда активнее — кричали, трясли решетку, а один большой черный самец усевшись на корточки и теребя свои мужские достоинства смотрел на Наташу взглядом, живо напомнившим ей охранника Фрола. Наташу уже было трудно смутить чем-либо, но сейчас она с отвращением отвернулась.

— Ай-яй-яй, какое непочтение к нашим родственникам, — раздался откуда-то сзади мягкий, укоряющий голос, — разве у советской девушки могут быть такие предрассудки?

Послышалось негромкое звяканье, потом негромкое шуршание. Кто-то сидел за столом позади нее, заставленный пробирками и колбами. Кто-то кого Наташа не могла видеть.

— Впрочем, вас сложно осуждать, — продолжал говорить этот некто, — увы, немногие

прониклись истинно революционным пониманием дарвинизма. Люди пренебрежительно относятся к нашим ближайшим родственникам по планете, а ведь у них, неиспорченных классово́й борьбой и эксплуатацией, есть чему поучиться.

Наташа вертела головой пытаясь разглядеть обладателя голоса, но без особых успехов.

— Кто вы? — наконец произнесла она.

— Я? — послышался добродушный смешок, — моя личность не столь значительна, чтобы о ней стоило много говорить. Я лишь слуга Госпожи Науки, которому был предоставлен шанс перевернуть все представления человечества о мире да и о самом человеке тоже. Сказать по правде, я не очень верю в учение господина Маркса, но я благодарен советской власти за то, что она дала мне шанс отринуть замшелые предрассудки и нелепые запреты, дабы показать миру величие человеческого разума. Вы же сами врач, вы должны понимать.

Наташа по-прежнему крутила головой, хотя уже и поняла, что это бесполезно. Взгляд ее остановился на большом портрете висевшем над столами — человек с седым венцом волос на голове и с внимательно глядящими серо-голубыми глазами на тонком, худом лице строго смотрел на Наташу. Где-то она уже видела этот пронзительный взгляд, эти внимательные глаза, в которых горел неутомимый пламень познания.

— Я вижу вас заинтересовал мой портрет, — сказал ее собеседник, — таким я, впрочем, был довольно давно. Еще когда в Африке добывал материал для опытов — кое-что от тех первых экспериментов, осталось со мной и сейчас — вернее кое-кто. Увы, в Африке мне пришлось свернуть деятельность, но к счастью, мне предоставили все возможности для работы тут. Проклятая болезнь чуть не вогнала меня в гроб, так что пришлось пойти на некоторые жертвы. Впрочем, наверное это и жертвой нельзя назвать — ведь опыт прошел удачно. Вы молоды, красивы и вам, наверное, покажется чрезмерной цена вопроса, но поверьте, когда старость начнет брать свое, вы подумаете иначе. У меня не было выбора — без инъекции определенной витальной силы, я бы умер в Казахстане. А так — получилось удачная инсценировка. Хотя в каком-то смысле ее тоже можно считать смертью. Смертью и воскресеньем.

Раздался дребезжащий смешок. Что-то шевельнулось за колбами — Наташа поняла, что это венчик седых волос. Что-то она должна была вспомнить, что-то очень важное.

— В статусе умершего есть свои плюсы, — продолжал ее собеседник, — это и заставляет человека больше задуматься о смерти. Раньше я считал поповским вздором любые разговоры про загробную жизнь, однако пообщавшись со здешними товарищами — особенно с товарищем Сагаевым, я изменил свое мнение. Легенда о Мечите прелюбопытна и, если отбросить от нее все наносное, вычленив рациональное зерно...

Собеседник Наташи продолжал что-то бубнить, но она уже не слушала его, пытаясь сосредоточиться на воспоминаниях. Где-то она уже видела этого человека, причем ровно такой же портрет. Где-то что-то слышала именно в связи с обезьянами.

— Я вижу, вы заскучали, моя дорогая, — ставший громким голос вернул Наташу к действительности, — это не беда. Думаю, больше нам с вами скучать не придется. Мы ведь коллеги, моя дорогая Натали, и думается вам будет небезынтересно принять участие в грандиозном эксперименте, который я провожу уже двадцать лет. Принять участие не на десятых ролях, как раньше, даже не зная толком, ради чего вы стараетесь, но в полной мере осознав всю важность и ответственность нашей работы. Я уверен, мы сработаемся.

Седой венчик покачнулся и поднялся вверх — тот, кто сидел за колбами встал и шагнул

вперед. Истошный крик вырвался из уст Наташи, ибо она вспомнила, кем был человек с портрета. Илья Иванов, гениальный российский и советский ученый, мастер искусственного оплодотворения, выступивший в свое время со смелой, граничащей с безумием идеей, о скрещивании человека с человекообразными обезьянами. Наташа помнила, как ей рассказывали о нем на медицинских курсах, добавляя при этом, что к величайшему сожалению великий советский ученый скончался в 1931 году в Казахстане от кровоизлияния в мозг.

Но теперь она видела, что это была очередная ложь. Неясно как, но Илья Иванов сумел обмануть смерть, одновременно блестяще доказав свою гипотезу. Наташа это понимала с необыкновенной ясностью, глядя на выходящее из-за стола голое существо поросшее седоватой шерстью, с лицом, причудливо сочетавшее человечесьи и звериные черты. Тонкие губы раздвинулись, обнажая крепкие зубы и из пасти уродливой твари послышалось уханье, на которое отозвался многоголосый хор запертых в клетках обезьян. Но при этом серо-голубые глаза смотрели все так же строго, как и с портрета Ильи Иванова, русского Франкенштейна сотворившего свое чудовище из самого себя.

Часть третья: Лесные бродяги

С тихим шелестом раздвинулись ветви рододендронового куста и по дну неглубокого оврага, пригнувшись, пробежал невысокий человек в забрызганной грязью советской форме. Ухватившись за стебли китайского лимонника оплетающего, он вскарабкался наверх, сбросил с плеча винтовку и упал в густую траву. Желто-карие глаза внимательно оглядывали пройденный им путь.

Ждать пришлось недолго — из кустов с криком взлетел широкорот, блистая на солнце темно-зеленым оперением, и одновременно на дно оврага бесшумно спрыгнул высокий широкоплечий мужчина одетый в форму британских командос. Оглядываясь назад, напряженно вслушиваясь в лесные шорохи, он двинулся вперед. Лицо засевшего в засаде осветилось довольной ухмылкой, он навел ствол на шедшего по дну оврага человека, но тут же поморщился — высокая трава могла помешать удачному выстрелу. Тогда, уже не скрываясь, стрелок встал в полный рост. Лицо идущего в овраге окаменело, его рука дернулась к поясу с кобурой, но зависла в воздухе — он понял что не успевает. Человек на обрыве ослабил и сплюнул, поднимая ружье. Несколько дней его, вместе с товарищами преследовали как бешеных собак и вожаком этой гончей своры был тот, кто стоял сейчас под прицелом в овраге. Сегодня они весь день выслеживали друг друга — обманывая, обходя, устраивая засады. Стрелок на обрыве не торопился стрелять, наслаждаясь бессильной злобой на лице врага.

Раздался выстрел, но человек в овраге оставался стоять на месте, на его лице отражалось искреннее удивление. Тому же, кто целился в него из берданки пришлось гораздо хуже — с аккуратной дыркой во лбу он медленно опускался на землю.

Боец обернулся — из чащи невысоких лиственниц поднимался монгольский дуб с широкими ветвями, где казалось и вовсе негде спрятаться человеку. Тем не менее, сейчас оттуда спускалась молодая женщина в серой, обтягивающей одежде. В одной руке она держала еще дымящийся пистолет-карабин системы «Маузер». Спустившись на землю, она спрыгнула в овраг и подошла к спасенному ей человеку.

— Ну, что пан Свицкий, — усмехнулась девушка, — я же говорила, что мы управимся с этим делом еще до темноты, — она указала рукой на клонящееся к закату алое солнце.

На дне оврага горел костер, над которым, на импровизированном вертеле из древесных прутьев поворачивался убитый еще днем заяц. У костра сидело двое — высокий мужчина в форме командос и молодая женщина с раскосыми синими глазами.

— В общем, именно так и обстоят сегодня дела, — говорила Илта, поворачивая над костром капающую жиром дичину, — сейчас мне просто позарез нужен человек, знающий те места, а еще лучше — несколько таких людей. Ты же сам бежал из Бамлага, ты знаешь Сынныр и теперь мне нужна твоя помощь, Василь.

Сидящий у костра человек неопределенно пожал плечами и протянул руки к костру — ночи здесь даже летом были холодны.

— Не знаю, насколько я могу быть тебе полезен, — сказал он, — Сынныр большой. Да, иные зэки болтали, что в горах строится некий сверхсекретный объект. Говорили еще, что тех, кого отправляли на тот объект так и сгинули, но мало ли чего болтают. Кто-то из зеков говорил, что в сороковом Миротворения начнется, что и им верить теперь?

— Ну, уж в Центр точно можно верить, — усмехнулась Илта, — проект «Плеяда» существует, черт бы его побрал! Кто-то из тех кто им заведует, увел у меня из под носа девчонку, и пусть Эмма-о, будет мне порукой — я не успокоюсь пока не отплачу им сполна!

Василь Свицкий иронически покосился на взволнованную девушку, хмыкнул, но промолчал, начав снимать с вертела куски мяса.

— У меня мало времени и еще меньше людей, — продолжала Илта, — сам понимаешь, дело секретное. Ты знаешь те места, я — нет. Мы с тобой неплохо работали раньше, да и сейчас хорошо получилось. Квантунская армия гарантирует щедрое вознаграждение каждому, кто окажет мне помощь. Деньгами, протекцией, можем оплатить билет до Одессы, а там уже до твоего Львова рукой подать.

— Прекрати, — поморщился Свицкий, — это пошло, в конце концов! Я бы помог тебе и без этих подачек, хотя бы потому, что ты не первый раз спасла мне жизнь. Если бы это зависело от меня, я бы уже сегодня пошел с тобой. Но, как ты знаешь, я человек подневольный.

— Знаю, — кивнула Илта, — но это уже не твоя забота. С твоим руководством я договарюсь сама.

Василь Свицкий с интересом посмотрел на нее, но ничего не сказал. Снимая кусок зайчатины, он передал один из них Илте, во второй впился зубами сам.

— Я, воїн Української Повстанчої Армії, взявши в руки зброю, урочисто клянусь своєю честю і совістю перед Великим Народом Унраїнським, перед Землею Зеленого Кліна, перед пролитою кров'ю усіх Найкращих Синів України...

К юго-востоку от Хабаровска начинались живописные предгорья Сихотэ-Алиня, где покрытые лесом холмы перемежались лесными долинами и прогалинами. Здесь на небольшой лесной поляне стояла группа мужчин от двадцати до сорока лет. Одеты они были в канадскую форму, однако вместо британской кокарды на шапке с отворачивающимися наушниками красовался тризуб, а на левом рукаве — «жовто-блакитную» повязка с надписью «Зеленій Клін». Все они стояли полукругом у импровизированного алтаря — небольшого столика, покрытого расписной скатертью. На ней лежал искусно вырезанный из дерева трезубец, с хищно заостренными наконечниками. Возложив на него правую руку, воины читали слова присяги:

Буду мужнім, відважним і хоробрим у бою та нещадним до ворогів землі української.

Буду чесним, дисциплінованим і революційно-пильним воїном.

Слова эти бойцы повторяли за крепким седоусым стариком, в отличие от остальных облаченного в зеленовато-серый мундир, шаровары с лампасами и фуражку с красным околышем. На ней, впрочем, красовался все тот же «тризуб», так же как и на рукаве мундира виднелся шеврон — желто-голубой флажок с зеленым треугольником. Знамя таких же расцветок мерно колыхалось и в руках стоящего за спиной старика смуглого парня с резкими, «орлиными» чертами лица, облаченного, несмотря на жару в папаху и черкеску с

газырями.

— Суворо зберігатиму військову і державну таємницю. Буду гідним побратимом у бою та в бойовому життю всім своїм товаришам по зброї.

По краям поляны, выстроившись в каре, стояли воины, обмундированные также, как те и кто давал присягу перед алтарем. На плечах все держали винтовки — не далее, как сегодня утром использовавшиеся по прямому назначению. Место было беспокойное — в горах еще укрывались разного рода «партизаны»- отрезанные от своих остатки советских частей, китайские повстанцы, дезертиры и просто бандиты. Время от времени они пытались проводить «красный террор» за которым следовала решительная и беспощадная расправа. Именно так получила боевое крещение группа канадских украинцев, прибывших на помощь «Зеленому клину» и сейчас приносящих «Присягу украинского националиста». Успех их сегодняшней операции свисал с ветвей стоящего на краю поляны монгольского дуба — с десятков человек в советской и китайской форме. Не доходя до этого дуба каре размыкалось, крайние солдаты стояли от него не меньше чем в пяти шагах. Собственно сейчас под деревом сидел только один человек, отмахивавшийся от слетавшихся на мертвечину мух.

Это была Илта. На ней была форма рядового японской армии и издавека, со своими короткими волосами, куноити вполне могла сойти за смазливую паренючку-полукровку. Задумчиво жуя травинку, она смотрела как приносятся заключительные слова присяги.

Коли я порушу, або відступлю від цієї присяги, то хай мене покарає суворий закон української Національної Революції і спаде на мене зневага Українського Народу.

Оглушительным винтовочным залпом приветствовали своих новоявленных братьев стоящие в каре солдаты. Ряды их расступились и к алтарю вышел бородатый мужчина в облачении священника Украинской Грекокатолической церкви — прибывший из Реджайна отец Антоний. Илта перехватила его недоверчивый, даже испуганный взгляд и усмехнулась про себя — похоже священник что-то знал о ней. Илте даже показалось, что он порывался перекреститься, но сумел сдержаться. Впрочем, тут были иноверцы и помимо нее, пусть и не столь экзотичные — например, стоящий за спиной старика чеченский конвой. Да и сам глава украинских националистов и по сей день оставался в той же вере, в которой был крещен шестьдесят с лишним лет назад, в станице Новониколаевской. Донской казак Борис Хрещатицкий, еще в Гражданскую был выбран атаманом Зеленого Клина. После эмигрировал в Европу, где поступил во Французский Иностраный легион, служил в Сирии, где дослужился до командира чеченского эскадрона. После поражения Франции, не желая служить ни Третьему Рейху, ни Французскому Государству Хрещатицкий принял предложение канадских властей возглавить украинцев Дальнего Востока. Вместе с ним подались и многие из чеченцев его эскадрона. Престарелый атаман, местная легенда, оказался той самой фигурой, что смогла объединить и местных украинцев и пришедших

канадских эмигрантов и даже тех западных украинцев, которых еще в 1939-40 годах Сталин отправлял валить лес в сибирские и дальневосточные лагеря. С началом англо-японского наступления, заключенных принялись угонять на запад, а то и просто расстреливать, однако в иных лагерях узники подняли восстание, сумев продержаться до подхода союзников. Освобожденные западные украинцы стали инициаторами создания местного отделения Дальневосточной организации украинских националистов, главой которого и был выбран Хрещатицкий. К аббревиатуре ДОУН прибавились еще две буквы (ЗК), что официально означало «Зеленый Клин», но, учитывая недавнее лагерное прошлое многих активистов, такое определение послужило причиной ряда недвусмысленных определений, полуплутистых, полужаргонных.

И именно этот контингент, вернее один вполне конкретный его представитель вызывал особый интерес куноити.

Меж тем служба подошла к концу и канадские украинцы, смешались со своими соратниками, одобрительно похлопывающих их по плечу. Другие уже разжигали костер, разделявали тушу убитого где-то здесь кабана, появились караваи хлеба и прочая снедь, бутылки с горилкой. Торжественная часть кончилась, начиналось празднование.

Хрещатицкий не участвовал в этом — выстояв службу и обменявшись парой слов со священником, он, в сопровождении нескольких чеченцев, направился в сторону Илты. Та гибко поднялась на ноги, почтительно поклонившись.

— Ну, здравствуй доньку, — сказал атаман, — давно не виделись.

— Мое почтение, пан атаман, — ответила в тон Илта, — не так уж давно, и года не прошло.

— Не часто меня навещают такие красавицы, — усмехнулся он, — тут и год покажется вечностью. Решила проведать старика?

— Вроде того, — осторожно кивнула девушка, — проведать. Есть же, что вспомнить.

— Это да, — атаман улыбнулся, но глаза его оставались серьезными, — да и сегодня ты нам подмогла изрядно. Коль вместе воевали, так и пировать вместе начнем? Вон хлопцы кабанчика зарубили, сало будем есть, мясо жареное, горилку пить. А не хочешь свинины, так Доку с Шамилем, — он кивнул на двух чеченцев из конвоя, — сегодня гурала завалили. Шашлыка поешь, чем плохо, а? — он подмигнул девушке и довольно рассмеялся, вслед за ним смех подхватили и горцы. Илта покачала головой.

— Поем, пан атаман, — сказала она, — только перед этим надо кое-какие дела обсудить.

— Значит все-таки дела, — кивнул атаман, — ну понятно, что не просто так ты с нами в рейд попросилась. Что, генералу Ямаде нужны наши хлопцы для маньчжурских краснюков? Или тут не Ямада, а Доихара руку приложил?

— Кто приложил, тот приложил, — на минуту отвела глаза Илта, — сейчас вас прошу я. И не все Войско Украинское мне нужно, — только один человек.

— Ну, уж одного хлопца я для красавицы не пожалею, — усмехнулся казак, — еще, поди и очередь выстроится. Могу и не хлопца, могу джигита целого, вон хоть Шамиля бери, — он кивнул одному из чеченцев и тот шагнул вперед, сверкнув белыми зубами Илте. Та криво улыбнулась в ответ и обратилась опять к Хрещатицкому.

— Мне Свицкий нужен, пан атаман. Где-то на месяц.

— Свицкий, — медленно выдохнул Борис Хрещатицкий, заметно посмурнев, — вот оно значит как? — он оглянулся на своих людей. Разом выцепил взглядом человека о

котором шла речь — тот внимательно смотрел на атамана и Илту, явно догадываясь о чем идет речь.

— Вот чего ты с ним в рейд попросилась, — покачал атаман головой, — а почему он?

— Он с Бамлага бежал, — пожал плечами Илта, — пробирался как раз по тем местам, через которые и я пойду. Я там не была никогда, а он знает что и как. Да и вообще, человек к лесам и горам привычный.

— Тут вишь какое дело, — покачал головой казак, — Свицкий мне и самому нужный. Он же пока его в сороковом Совете не зацапали, был ответственным за идеологию в каком-то там курене, с Бандерой чуть ли не на ты общался. Да и воевал в лесах изрядно, опыт большой. Считай, он тут у меня и за политическую подготовку в ответе и за боевую. Такими людьми не разбрасываются и к черту на кулички не отпускают. Так что звиняй, конечно, доньку, но...

— Так вы тоже звиняйте, пан Хрещатицкий, — немного раздраженно сказала Илта, — только и я уже не соплюха малолетняя, чтобы отшивать так легко. Должок за вами сегодня, отплатить надо.

— Должооок? — сощурился атаман, — это ты про них что-ли, — он кивнул на болтающихся на дубу партизан. Илта кивнула, оборачиваясь к повешенным.

— Второй и пятый, — атаман посчитал трупы и хмыкнул, — за двух краснюков цельного Свицкого отдавать? Маловато будет.

— В лесу еще парочка гнить осталась, — парировала Илта, — мы сюда живых тащили. Кроме одного, — она указала на мертвое тело, висящее отдельно от других. В отличие от других висел он вниз головой и даже отсюда была видна аккуратная круглая дырка в темени.

— Максим Ковалев, красный командир, — Хрещатицкий усмехнулся, — крови немало пролил, сволочь краснопузая. И его, что тоже ты?

— Ага, — кивнула Илта, — я. И причем, если бы я вовремя не поспела, Свицкого своего вы бы и так и так потеряли. Спросите его, пан атаман, коль мне не верите.

— Тебе-то я верю, — посмурнел Хрещатицкий, — но...

— А коль вам и этого мало, — Илта вынула из-за груди бумагу с штемпелем в виде хризантемы и поднесла ее Хрещатицкому. Тот пожал плечами.

— Тут просят оказать содействие, — он сделал упор на слово «просят», — Зеленый Клин присягнул королю Эдуарду и Маккензи Кингу, а не Хирохито и Генри Пу И. Мь конечно союзники, но...

— А вот еще, — Илта достала из внутреннего кармана, еще один документ, протягивая его атаману. Тот тут же изменился в лице, глянув на печать и подпись.

— Вот оно значит как? — протянул он, — видать, и вправду дело серьезное.

Илта пожал плечами — она и сама не знала как Йошико удалось выбить этот документ у канадского командования. Однако было видно, что свое действие он возымел.

— Ладно, раз так, — кивнул атаман, — забирай Василя. На сколько надо, на столько и забирай. Только уж потом верни обратно, — добавил он.

— Постараюсь, — кивнула Илта. Долетевший ветер донес до ни аппетитный запах почти готовой свинины и радостный гомон бойцов, — ну что, а теперь можно и перекусить.

Возле фанзы на берегу Амура снова горел костер, над которым, установленный на две рогулины, как и раньше грелся котелок. Однако на этот раз доносящиеся запахи были куда соблазнительнее, чем от тошнотворного варева, что несколько дней назад варил китаец Яо.

Сам он тоже сидел рядом, помешивая варящуюся рыбную похлебку. Кроме него возле костра сидела Илта и еще двое человек. Первым был молодой скуластый парень одетый в штаны из оленьей кожи и легкую замшевую куртку. Короткие черные волосы, несмотря на лето, прикрывала шапка из шкуры гурана, с небольшими рожками. Именно по головному убору в свое время и называли этот народ, причудливую смесь русских с бурятами, эвенками и монголами — гуранами. Рядом сидел темноволосый коренастый мужик средних лет, в такой же куртке и штанах. Широкое лицо окаймляла кудрявая бородка, серые глаза настороженно всматривались в ночную тьму. Возле него на земле лежала старенькая берданка.

Яо взял с земли большую ложку, осторожно попробовал закипающее варево, удовлетворенно хмыкнул и снял котелок с костра. Бородатый мужик достал из большой сумки на поясе прозрачную бутылку с мутноватой жидкостью, сделал большой глоток и, закашлявшись, передал ее молодому гурану.

— Ну так что, Юра, — настойчиво произнесла Илта, — ты согласен?

— Ты, малая, погодь, лошадей не гони, — буркнул мужик, выхватывая из котелка кусок рыбьего мяса и отправляя его в рот. Прожевав, он взглянул на Илту.

— Ты, малая, конечно тут в законе, что и говорить, — начал он, — где ты, а где мы ползаем — это все понятно. Но вот за что я тебя уважаю — что не зазналась, хоть и взлетела высоко. А потому выслушать сможешь, буром сразу не попрешь.

Бородатый мужик на мгновение прервался, когда к нему вернулась бутылка с ханшином, сделал большой глоток, зачерпнул ухи и смачно запил.

— Сынныр, я конечно знаю, — кивнул он, — отсюда далековато, конечно, но мы с Иваном — он кивнул на гурана, — и подальше в тайгу забирались. Ты же помнишь, сама в асановские рейды ходила.

— Помню, — кивнула Илта, принимая из рук гурана бутылку и делая большой глоток. Она и вправду хорошо знала Юрия Мирских, одного из лучших следопытов здешних краев, охотника и браконьера. Еще до войны он бежал из ГУЛАГА, перейдя на сторону японцев. Именно он, вместе с проводниками-эвенками, вел вглубь тайги отряды, собранные атаманом Семеновым и японским полковником Асано, именно им удавалось проникнуть вглубь вражеской территории, совершая самые дерзкие теракты и благополучно отойти обратно. Илта несколько раз сопровождала его в этих рейдах, доходящих чуть ли не до границ Якутии. Мирских был одним из первых, о ком она вспомнила, собираясь в опасное путешествие.

— Я бы тебе помог, конечно, — продолжал Юра, — ты, хоть и мелкая, но человек надежный. Только вишь какое дело — не работаю я нынче ни на Асано, ни на Кавасиму, ни даже на Доихару. С тех пор как меня в Хабаровске объявили в розыск, я и скрываюсь по лесам — как при коммунях, ей богу. Какое мне теперь дело до твоих япошек?

Илта пожала плечами и достала из-за пазухи сложенную бумагу, развернула и протянула Юрию. Тот внимательно вчитался, хотя из трех написанных на японском, русском и маньчжурском вариантов текста, мог прочесть только один.

— Вот значит как, — усмехнулся он, — простили мне того австралийца?

— Простили, — кивнула Илта, — хотя, по правде сказать, повел ты себя как свинья. На кой черт ты прицепился именно к нему? Что не мог найти на приисках кого-то не столь заметного? Это же сын генерала!

— Молодо-зелено, — хмыкнул Мирских, — не убил же я его, в конце концов. Дал по башке золотишко забрал — с кем не бывает. Вперед наука была бы. Кто же знал, что он очухается так быстро, что меня увидит и запомнит.

— Лучше бы прибил, — проворчала Илта, — а то чуть на международный скандал не наскочили. Хорошо еще, что этот генеральский сынок уехал в свою Австралию, а отца его перевели на юг. В общем, замяли это дело, а тебе по такому случаю — полная амнистия... если выполнишь то, о чем тебя просят.

— Понятно, — протянул браконьер, складывая бумагу и готовясь убрать в карман.

— Подожди, — остановила его Илта, — глянь на другую сторону.

Юрий перевернул бумагу и недоуменно вскинул брови — на обратной стороне документа была карандашом нарисована некая цифра.

— Что это?

— Это сумма, — улыбнулась Илта, — ну, вознаграждение, что вам причитается.

— О как! — Юрий невольно расплылся в улыбке, — это всем?

— Это каждому. В иенах.

— Что там? — молодой гуран хотел посмотреть на документ, но Мирских уже сложил его вчетверо и спрятал на груди.

— Это то, что сделает нас богачами, — усмехнулся он, — я же могу взять напарника?

— Хоть десять, — пожала плечами Илта.

— А это лишнее, — рубанул Юрий, — хватит и одного Вани. Ты тоже в доле, Яо — торопливо обратился он к китайцу. Тот улыбнулся и кивнул, прикрыв узкие глаза.

— Да уж, про него не забудьте, — сказала Илта, — если бы он не расколол того коммуняку, ничего этого не было. За это ему еще отдельная премия будет, от Доихары.

— А что с тем Ченом стало кстати? — поинтересовался Иван.

— Да ничего, — пожала плечами Илта, вылавливая из котелка кусок рыбы, — вкальвает на Сахалине, лет через пять выйдет, может быть. Я держу слово — даже такому как он.

Она замолчала, вновь принимая из рук Яо бутылку ханшина и делая небольшой глоток. В голове зашумело и девушка с жадностью набросилась на остывающую уху. Меж тем китаец вынес из фанзы несколько кусков сушеной оленины.

— Я слышал об этом Черном Колодце, — говорил подвыпивший Иван, — еще дед рассказывал, он с шаманами дружбу водил, сам камлал понемногу. Говорил, что темное то место, мрачное. Никому не советовал туда идти, говорил, унесут шолмосы.

— Я тоже кое-что слышал, — ответил Мирских, — попы говорили, что там сам черт трон свой возгрудил. Хотя, если там большевики окопались — черту делать нечего.

— Черт-черт, — задумчиво проговорила Илта, на ее лице играла легкая улыбка, — как там в Библии пишут. Нельзя изгонять бесов силой Вельзевула?

Мирских развел руками — кержак по рождению, он в силу жизненных неурядиц уже изрядно подзабыл Писание.

— Ну, мне Христос не указ, — сказала Илта, — так что я все-таки попробую.

При этих словах ее губы искривила такая улыбка, что следопыт передернул плечами и украдкой перекрестился.

Это был небольшой остров на Амуре, в пяти километрах от Хабаровска. Весной в время разлива реки, его отделяло от берега почти сто метров, однако летом, когда вода спадала, туда можно было добраться почти вброд по засохшей густым камышом топкой грязи. Остров покрывал густой лес, но у южного берега, там, где неспешно катила свои воды великая река, простиралась обширная прогалина. Там стояла небольшая избушка, которую, в

зависимости от сезона, использовали то рыбаки, то охотники, то лесорубы.

Однако сегодня ночью здесь были совсем иные люди.

Перед самой избушкой горели костры — огненное кольцо, раскинувшееся чуть ли не на всю прогалину. С треском взлетали искры, угасая в ночном небе и отблеск яркого пламени падал на черную воду. У самого леса под огромным вязом с пышной листвой лежала освежеванная туша, тут же была воткнута в землю и палка с насаженной на нее свиной головой. В мертвых глазах отражался отблеск костров — казалось убитый боров наблюдает за происходившим на поляне.

А наблюдать было за чем.

В центре кольца из костров стоял алтарь — небольшой каменный куб, покрытый маньчжурскими письменами. Еще чжурчжэни, приносили тут жертвы богам и духам, перед походами в земли киданей и Сун, здесь же совершали обряд и основатели империи Цин Нурхаци и Абахай. Позже, когда центр маньчжурского государства окончательно перенесся в Китай, алтарь был заброшен, лишь изредка посещаясь отдельными шаманами. С приходом в эти земли России и особенно после того, как она стала Советской, древнее капище окончательно предали забвению.

Однако сейчас алтарь вновь украшали глиняные и костяные фигурки различных божеств, по бокам горели масляные фонари — в виде лягушки, орла, рыбы и прочих животных.

Вокруг алтаря сидели четыре молодые женщины. Йошико Кавашима облачилась в костюм маньчжурской шаманки: шапка-екса, с прикрепленными медными фигурками птиц и маленькими колокольчиками, украшенная орнаментом куртка, медное зеркальце на груди. Красную юбку-хушхун охватывал широкий кожаный пояс с рядом длинных, конусообразных подвесок из железа и медных бубенцов. На коленях у японской разведчицы лежало блюдо с тонко нарезанными рыбными ломтиками, обложенных кусочками почти растаявшего льда. Рядом стояла медная чаша с прозрачной водой.

Напротив маньжурской принцессы сидела распутная аристократка Ольга Волкова, одетая не в пример проще — в белую льняную рубаху почти до пят, с широкими рукавами. На ее коленях лежал пучок свежесрезанных розог.

Третьей из девушек, сидевших вокруг алтаря, была Илта Сато. На ней был только монгольский черный халат, лицо покрывал густой слой белил, глаза подведены черными тенями. На коленях у девушки лежал маньчжурский шаманский бубен-имчен обтянутый с наружной стороны кожей косули и колотушка украшенная яркими лентами. Из-за спины девушки виднелась рукоятка верной катаны.

Прислонившись к алтарю сидела еще одна женщина, на этот раз просто нагая. Свет масляных фонарей и отблески пылающих костров создавали причудливую игру света и тени на скуластом лице. Длинные волосы окутывали тело женщины до талии, сквозь черные пряди проглядывали розовые соски. Глаза ее были совсем пустыми, не выражавшими ни единой мысли. Если бы у костра вдруг оказалась Наталья Севастьянова ей бы пришлось изрядно поднапрячься, чтобы опознать в этой сомнамбуле ее недавнюю мучительницу — русско-китайскую партизанку Сун.

Илта не участвовала в травле беглецов, хотя ей и ужасно хотелось. Приказ Йошико, тем не менее, был категоричен — вне зависимости от того, удалось бы захватить похитителей Наташи или нет, вряд ли это предотвратило утечку информации. Именно поэтому Илта спешно собирала группу, готовясь к рейду — дорога была каждая минута. Что же до

преследователей, то они получили приказ не особо усердствовать в захвате Наташи и ее похитителей — еще неизвестно, как бы на пропажу своей оперативной группы отреагировали Советы. Японцы преследовали иную цель — уходя в спешке большевицкие агенты невольно вывели из тени свои подпольные группы. В руки японской контрразведки попало несколько большевистских агентов — прежде всего выданных китайцем Ченом. Дальше покатился снежный ком — кульминацией японских успехов стал захват тайного советского аэродрома и ликвидация «отряда Порханова», одного из самых неуловимых красных командиров Амурского края. В живых удалось захватить немногих, в том числе и Сун. После того, как из нее была вытянута вся информация, русокитайнку хотели пустить в расход, однако Йошико Кавашима неожиданно попросила предоставить ее в свое распоряжение.

Кавашима подцепила кусочек рыбьей плоти, поднеся его ко рту. Нараспев она произнесла:

До начала начал
Земля была покрыта водой, небеса были покрыты водой,
Повсюду словно одно огромное море,
Волны переливались словно «толи».

Прервалась, отправляя в рот рыбный ломтик — все то же фугу — и передавая фарфоровое блюдо Илте. Йошико вынула из складок юбки пачку папирос и, откинувшись на спину, прикурила у ближайшего костра. Глаза ее затуманились, по поляне пронесся слабый запах опиума. «Золотая летучая мышь», фирменные сигареты Доихара Кэндзи — начальник разведки Кантокуэкэн изрядно обогащался, среди прочего, и на торговле наркотиками.

Меж тем Илта читала следующее четверостишие шаманского гимна:

В этих тягостных условиях
Трудно было жить чему-либо живому.
В суровой борьбе за выживание почти все люди были истреблены,
Они скитались, не имея места, где могли бы приютиться.

Она положила в рот рыбный ломтик и, закатив глаза от удовольствия, принялась жевать. Блюдо проследовало к Ольге, в то время как сама Илта принимала из рук Йошико сигарету с опиумом, также прикуривая от костра. Меж тем уже Ольга нараспев произносила:

Издалека приплыла Священная Морская Львица,
Её послал на помощь небесный шаман.
Она посадила на спину мужчину и женщину.
Люди добрались до острова и там, в пещере, родили потомство.

Текст читался все быстрее, блюдо с ядовитой рыбой пустело с устрашающей поспешностью, так же как и сгорали опиумные сигареты. Илта чувствовала, как ее тело охватывает необычайная легкость, сама она впадает в уже знакомую эйфорию, с особой чуткостью воспринимая все происходящее. Также, видимо, чувствовали себя и остальные девушки — голоса их звучали все громче, все воодушевленней, глаза возбужденно блестели. Напротив, прислонившаяся к алтарю Сун, никак не реагировала на все происходящее, полностью отрешившись от окружающего мира. Впрочем, подобное состояние было вполне понятным, если учесть, что перед началом обряда, красную партизанку несколько часов насильно опаивали опиумной настойкой.

Звонкие женские голоса взлетали в ночное небо, достигая вершин экзальтации. Вот Йошико, отбросив в сторону опустевшее блюдо, залпом опустошила чашу с водой и упруго поднялась на ноги, вслед за ней вскочила и Ольга. Илта ударила в бубен — раз, другой — и под его ритмичный рокот застывавшие в неподвижности женщины задвигались в быстром и причудливом танце. От гибкой фигуры Йошико порхнули, рассыпаясь в воздухе разноцветные ленты, временами касающиеся лица Сун. На лице последней неожиданно отразилось сначала удивление, а потом искренняя радость, губы расплылись в улыбке, глаза засияли.

Откинув голову назад Йошико хрипло запела:

Икулэ екулэ екулэ
Потоп начался,
Вода поглотила все живое,
Одну только пару спасла Морская Львица,
Икулэ екулэ икулэ
так продолжился человеческий род.
Те кто остался под водой,
Стали подобны рыбам,
Икулэ екулэ икулэ
Взываю к тебе, Матушка Дэлигейаолинь!
С человеческим телом, рыбьей головой!
Икулэ екулэ
Девяносто моих костей извиваются.
Икулэ екулэ
Сияющей становлюсь
Икулэ екулэ,
С Богиней Восточного Моря в единое целое сливаюсь!

Рядом с ней плясала и Ольга — волосы ее растрепались, мокрая от пота рубахе, туго обтягивала все округлости ее соблазнительного тела. Мотая головой, вертясь на одном месте

как юла, Волкова вскидывала руки к небу, выкрикивая:

— Ой, чую! Ой, сходит! О чую, сходит! Мать Сыра Земля-Богородица! Чую — Мать Божья во мне! Дева Пречистая — во мне! Ой, сестрицы, чую, чую!

Змеей метнулась к ней Йошико, ее тонкие руки впились в белую рубашу Ольги, с неженской силой разрывая ее пополам, обнажая роскошное тело. словно ожидая этого Ольга подхватила с земли пучок розог и начала исступленно хлестать себя по грудям, животу и бедрам. Все яростнее слышатся голоса, все громче рокочет бубен, все жгуче, страстнее молятся обе женщины — и молитвы Богородице и Матери Даликэ сливаются в одну громогласную хвалу Богине. Шаманка, неустанно кланяясь на восток, брызгала изо рта чистой водой, танцуя с разноцветными (семицветными) лентами в руке, повторяя движения рыбы, которая то плывёт, то выпрыгивает из воды. Ольга вертелась, выкрикивая нечто нечленораздельное, в котором проступали отдельные выкрики: «Ой, Дух!.. Ой, Бог!.. Ой Царь-Дух!..». Илта поднялась на ноги, продолжая бить в бубен, пока еще сдерживаясь от того, чтобы пуститься в пляс, но уже чувствуя как безумие шаманско-сектантского радения захватывает и ее. Перед глазами ее все дрожало и расплывалось, будто она очутилась под водой. Рядом с танцующими женщинами проступают странные призрачные тени, похожие одновременно на зверей и людей. Они пляшут рядом с Йошико и Ольгой, прижимаясь к ним все ближе, сливаясь с ними. Илта не заметила, когда Йошико скинула одежды, но сейчас она плясала голой. Рокотал бубен и, слово в такт ударам колотушки, сквозь гладкую кожу маньчжурской принцессы прорастала темная мокрая шерсть. Лицо ее вдруг обернулось оскаленной пастью морского зверя. Вскидывающая руки Ольга представляла то белой орлицей, взмахивающей крылами, то вновь обращалась женщиной. Вот Йошико и Ольга, как по команде, слаженно метнулись к Сун, заставляя ее встать и подводя к Илте. Тело красной партизанки заблестело в свете огней множеством чешуек, а лицо расплылось и сплющилось, превратившись в рыбью морду. Выпученные глаза бездумно уставились на Илту, жабры двигались, захватывая воздух.

Илта швырнула бубен с колотушкой подхватившей его Йошико и выхватила из-за спины катану. Кружась в танце с мечом вокруг стоящей неподвижно рыбоженщины, куноити оказалась справа от нее. Клинок блеснул в свете костров и два бесформенных комка плоти шлепнулись в чашу, вовремя подставленную Ольгой. Сун продолжала стоять, не изменившись в лице, только чуть побледнев, пока Ольга собирала в чашу кровь, потоком хлещущую из ужасных ран, образовавшихся на месте сосков. Илта крутанулась вокруг своей оси, новый взмах меча — голова Сун, перекувырнувшись упала на алтарь. Черные волосы разом покрыли волной изображения трех богинь.

Священная Орлица. Священная Морская Львица. Рыбоголовая Матушка Дэликэ.

Ольга с поклоном поднесла чашу Илте и та, выловив отрубленные соски, один за другим отправила их в рот. Разжевывая трепещущую, теплую плоть, Илта глянула в чашу, полную крови. На нее глянули холодные выпученные глаза, открывался и закрывался рот рыбы-собаки. Видение продержалось совсем немного сменившись оскаленной мордой черной лисицы, затем собственное лицо Илты, затем снова рыба-собака, бурый фугу.

— И что было скрыто, то да поднимется вновь, — завывала Йошико, колотя в бубен, — кровь предков твоих в чаше сей, выпей и обретешь силу их всех. И да сойдутся Море Запада с Восточным Морем в Великом Море среди лесов и гор, священной родине нашей.

Ольга поднесла чашу с кровью к губам Илты и та, без промедления, осушила ее всю. Кровь Сун ударила в голову сильнее всякого ханшина — сбросив дэлэг, Илта привлекла к себе прерывисто задышавшую Ольгу, сливаясь с ней в жадном поцелуе. В этот момент на ее бедра легли тонкие сильные пальцы, к куноити прижалось обнаженное женское тело и, обернувшись, Илта увидела улыбающееся лицо Йошико Кавашимы. Обмениваясь поцелуями, три женщины опустили на залитую кровью траву, жадно лаская друг друга. Илта еще успела подумать, что странно, что она по-прежнему слышит рокот бубна, но в этот момент вокруг головы сомкнулись крепкие бедра, проворный язык коснулся ее влажной плоти и Илта, выгибаясь дугой, забыла обо всем, растворяясь в сладострастном безумии.

В очередной раз лязгнул замок и, перекрывая крик и визг всполошившихся обезьян, раздались шаркающие шаги. В ноздри ударил густой звериный запах и Наташа сморщилась от отвращения, когда над ней склонилась мерзкая харя, заросшая жесткой шерстью. Налитые кровью глаза похотливо рассматривали обнаженное тело девушки, губы раздвинулись, обнажая крепкие зубы. Раздался хрюкающий полусмех-полурык.

— Ай-яй-яй, — мягко пожурил чудовище Иванов из-за своих склянок и микроскопов, — разве так можно? Разве ты не видишь, что наша гостья боится тебя? Как можно делать общее дело, когда соратники не доверяют друг другу?

Несмотря на испуг, Наташа скрипнула зубами от злости: она уже успела возненавидеть этот укоризненно-вежливый тон которым Илья Иванов разговаривал с звероподобными недочеловеками в форме НКВД. Так же он говорил и с Наташей, когда обследовал ее — брал кровь и другие анализы, делал весьма болезненные уколы. Пару раз он спрашивал Наташу о здоровье, однако та гордо молчала, не желая ни в чем помогать уродливому существу, в которое превратил себя профессор. Того, впрочем, это не сильно расстраивало — общее состояние здоровья Наташи, он мог определить и без подсказок с ее стороны. Тем более, что прикованная к каталке девушка все равно не могла сопротивляться, когда чуткие, хоть и покрытые редкими волосами пальцы, лезли в самые интимные части ее тела, вводили зонд или стеклянную трубку. Поначалу Наташа кричала, щедро расходуя на профессора все имеющиеся ругательства, пыталась сжимать бедра, даже кусаться. Илья Иванов мягко, почти отечески пожурил ее и кликнул кого-то из коридора. Завидев как в лабораторию входят сторбленные твари, с необычайно длинными руками и уродливыми мордами Наташа обмерла от страха, из ее горла вместо крика вырвался какой-то сдавленный сип. Теперь она понимала, кто вел ее от лифта.

Спартак и Савмак — вроде бы так их называл Иванов, пояснивший для девушки, что это имена двух «царей рабов» в Древней Греции...или Рима. Античная история никогда не была сильной стороной Наташи, однако выбор имен ее не удивил — даже в этом адском подземелье подчеркивалось уважение к большевистскому «пантеону». Савмак был рыжим, а Спартак черным — как пояснил профессор, отцом первого чудовища был самец орангутанга, а второго шимпанзе. Кто были их матери, Илья Иванов не уточнил, однако Наташа уже поняла, какого рода опыты проводятся в этом мерзком месте. Теперь она сильно пожалела, что у нее не хватило смелости устроить побег где-нибудь на Зее — пуля от Алисы Барвазон казалась сейчас достойным концом.

Эти создания удерживали Наташу, пока доктор брал у нее кровь или иные анализы. Судя по всему, они не умели говорить, но хорошо понимали и слова профессора и оскорбления от Наташи. Последнее, похоже, их только забавляло. Чувство юмора в очередной раз

подчеркивало, что эти твари не были тупыми животными — в глубоко посаженных под мохнатыми бровями глазах светился злой разум, не уступающий человеческому. Казалось, что уродливая харя зверчеловека лишь маска, сквозь которую проглядывает что-то иное, куда более страшное.

Кроме ассистирования доктору, Савмак и Спартак приносили еду для обезьян и Наташи — мелко порезанные фрукты и хлеб в молоке. Чтобы накормить девушку ее приподнимали на лежанке, Савмак зажимал ей нос, а Спартак ложкой впихивал еду в раскрытый рот. Давясь и обливаясь молоком, Наташа проглатывала это месиво, после чего ее вновь заставляли улечься.

Пару раз обезьянолюди открывали клетки со своими неразумными родичами, накидывая на волосатую шею аркан и резко вытаскивая перепуганное, визжащее животное. После обезьян уносили — судя по скупым репликам Ильи Иванова в лабораторию по соседству.

Наташа не знала, сколько времени она провела здесь, слушая неторопливую болтовню Ильи Иванова и каждый раз обливаясь холодным потом при виде звероподобных верзил. Однако, сейчас вместо Савмака и Спартака в лабораторию вошли другие обезьянолюди — раза в два выше и массивнее. Безобразные морды покрывала жесткая черная шерсть, темные глаза бесстрастно рассматривали Наташу. Похоже, что эти твари были главнее Савмака со Спартаком — в петлицах виднелись сержантские знаки отличия. Сердце пленницы екнуло и бешено заколотилось: обострившееся за эти дни чутье подсказывало, что эти зверолюди пришли за ней.

— Не волнуйтесь, товарищ Севастьянова — подтвердел ее опасения профессор, — вы же космомолка! Относитесь к этому, как к партийному заданию, важному и ответственному.

— Да не пошел бы ты — зло бросила Наташа, — со своей партией! Тебе это так просто не пройдет, старый хрыч!

— Многие так говорили, дитя мое, — снисходительно усмехнулся Иванов, — ладно давайте.

На девушку набросили тонкое покрывало, после чего мощные лапы ухватились за ручки каталки и выкатили ее в открытую дверь. Как выяснилось, коридор шедший от лифта, был не единственным — слева и справа от лаборатории Ильи Иванова отходили широкие тоннели. Освещены они были слабо, но везущим Наташу тварям это было не в помеху. Раз или два девушка даже видела, как их глаза светятся во мраке. И вновь невольный трепет охватил Наташу — вряд ли умение видеть в темноте создания Иванова унаследовали от своих звериных предков: скудных знаний девушки по зоологии все же хватило для того, чтобы вспомнить, что ночь человекообразные обезьяны проводят, так же как и их разумные «родственники». Похоже здесь таилась очередная тайна — и Наташа предчувствовала, что разгадка ее будет столь же страшной и мерзкой, как и все прочее, что скрывает проект «Плеяда».

Эти места не пустовали — вокруг то и дело появлялись темные силуэты, в которых узнавались обезьянолюди. Иногда они перекидывались несколькими словами с провожатыми Наташи, которая тряслась от страха всякий раз, когда мерцающие красным светом глаза останавливались на ней. Глаза девушки уже привыкли к темноте и она видела, как от основного коридора отходили другие, более узкие. Оттуда несло острой звериной вонью — как и от провожатых Наташи.

Коридор уходил под уклон и все больше напоминая какую-то пещеру — которой он,

надо полагать, и был изначально. Стены носили следы лишь самой поверхностной обработки, каталка все чаще подпрыгивала на неровностях пола, на котором блестели небольшие лужицы. Ответвления здесь походили на темные норы оттуда слышались жутковатые звуки — урчание, утробный хохот, приглушенные вопли, вспыхивали и гасли красные глаза. Похоже здесь создания доктора Иванова легко вернулись к образу жизни обезьяноподобных предков человека.

Неожиданно до уха девушки донеслись новые звуки: отрывистые чеканные фразы, на смутно знакомом языке и вслед за ними — равномерный рокот, в котором Наташа безошибочно уловила топот множества ног. Вот коридор свернул за угол и Наташа невольно дернулась на своей каталке — справа от нее разверзся огромный котлован дальние стены которого терялись во мраке. Слева вздымалась сплошная скала, вдоль которой тянулась узкая дорога спускающаяся вниз. По ней конвоиры девушки и покатали ее каталку. Наташа же смотрела вниз, сейчас даже позабыв об испуге — ее захватило разворачивающееся внизу грандиозное действо.

Раньше это видимо была обычная естественная пещера, однако человеческие руки неплохо над ней поработали, превратив в глубокий котлован, с четкими прямоугольными очертаниями. В скальных нишах крепились большие прожекторы, заливавшие все тусклым светом. А на дне, словно на огромном плацу маршировали колонны солдат, одетые в хорошо знакомую Наташе форму. Девушка присмотрелась к марширующим и невольно охнула.

Внизу шли обезьянолюди: в форме НКВД, с соответствующими знаками отличия, довольно ловко держащие на плечах винтовки. Красные глаза поблескивали в свете прожекторов, а на уродливых мордах было не менее серьезное выражение, нежели у солдат РККА на параде.

Наташа перевела взгляд на щуплого человечка стоявшего на возвышении под одним из прожекторов и выкрикивающего команды в большой рупор. Форма на нем была явно не красноармейская, но в то же время смутно знакомая. Наташа напрягла память — и тут же вспомнила.

В похожую форму были одеты двое китайцев из повстанческого отряда незабвенного командира Порханова. Видно это и была форма китайских коммунистов, значит, и команды он выкрикивал на китайском. Советские и китайские коммунисты, теснимые по всем фронтам, все больше сближались, фактически происходило их слияние в очередной вариант Союза Социалистических республик. Однако Наташа не думала, что дело зашло так далеко, что китайцев допустили к столь секретному советскому проекту. Наташе даже показалось, что она узнает этого человека — одного из китайских военачальников, не так давно посещавшего столицу Советской Сибири и принятого самим генералиссимусом.

— Наплаво! Клугом! Шагом малш!

Со стороны китайское коверканье русского языка могло показаться смешным — вот только Наташу, при взгляде на старательно марширующие колонны зверолодей в форме красноармейцев совсем не тянуло смеяться. Чем-то уж слишком жутким веяло от этого зрелища, словно предвестие недалекого и страшного будущего. Внезапно Наташе привиделся совсем другой плац — не плац, огромная площадь — по которой недочеловеческие орды грохочут сапогами перед вынесенным из подземелий саркофагом.

Тем временем, спуск кончился и дорога, по которой везли Наташу, свернула в очередной туннель. Здесь внизу, вновь пошли тщательно отполированные стены и потолки, да и освещение было заметно ярче, чем наверху. Однако через сто метров коридор оборвался

перед массивной двустворчатой дверью из чистой стали. По центру ее красовался барельеф — ухмыляющаяся морда обезьяноподобного демона. Из оскаленной клыкастой пасти торчал длинный язык, вместо глаз красовались граненые шары из темно-красного стекла. В ином месте, подобная харя посреди коридора с электрическим освещением казалась бы странным курьезом, но здесь, в окружении обезьяноподобных тварей она выглядела более чем естественно. Один из конвоиров Наташи надавил на вытянутый язык, внутри жуткой образины что-то щелкнуло, тусклые глаза на миг осветились ярким светом и створки бесшумно разъехались. Двое обезьянолюдей вкатили внутрь каталку и дверь с лязгом захлопнулось.

Глазам Наташи открылась обширная пещера, по контрасту с предыдущим интерьером — оставленная почти в первозданно виде. Посреди пещеры текла небольшая речка, судя по шуму спадающая водопадом где-то вдалеке. От воды исходило зловоние, перебивавшее даже запах обезьянолюдей — видно сюда сливались сточные воды со всего Центра.

На берегу речки горел костер, возле которого стояли двое. Вернее один человек стоял, а другой сидел, скрестив ноги и, напевая заунывную песню, что-то бросал в огонь. Пламя от этого становилось ярче и меняло цвет, озаряя пещеру синими и зелеными вспышками. В них Наташе почудилось какое-то движение у стены, справа от закрывшейся двери. Новая вспышка осветила плоское скуластое лицо, узкие глаза, шапку с совиными перьями, небольшое зеркальце на груди, отразившее блеск колдовского пламени. Наташа бросила взгляд налево, потом опять направо — полукругом у стены, вдоль до потока с нечистотами неподвижно застыли фигуры в черных халатах.

Однако живые истуканы перестали интересоваться Наташу, когда ее подкатили ближе к костру. Сидевший на полу оказался тем самым шаманом, что присутствовал на ее допросе наверху. Одет он был в то же одеяние, разве что на груди его появилось медное зеркальце, а в руках — шаманский бубен. Он бросил равнодушный взгляд на Наташу и снова отвернулся к костру. Куда больше обрадовалась стоявшая тут же Алиса Барвазон. Издевательски улыбаясь, она махнула рукой черным образинам и те засуетились вокруг Наташи. Несколько раз повернулся ключ, освобождая ее от наручников, девушку стащили с каталки и поставили на ноги, накинув на плечи покрывало. Отвыкшие от ходьбы ноги почти не держали и Наташа оперлась о каталку, чтобы не упасть.

— Не на пользу тебе пошли буржуйские харчи, — хмыкнула Алиса, рассматривая девушку, — хилая совсем стала. Ну, на здешнем пайке глядишь поправишься.

Вид старой врагини испугал, но одновременно и разозлил Наташу, которую взбесила ехидно-торжествующая улыбка на лице чекистки.

— Если такой паек, какой там наверху давали, так вряд ли, — съязвила девушка, — поди отсюда эту бурду черпаете, — она кивнула на сточные воды, — да, похоже и сами жрете. А что, по-пролетарски так.

Вопреки ожиданиям Наташи, ее слова не разозлили Алису.

— Дура, — снисходительно усмехнулась она, — чтобы ты понимала! Такие как ты только дерьмо и могут видеть, о чем им еще можно рассуждать. Посмотри наверх, изменница.

Она вскинула руку и Наташа невольно проследила за ее движением. Очередная вспышка осветила свод пещеры и тут же погасла. Вместо этого вверху стало разгораться бледное сияние — сначала чуть заметное, потом все более яркое. На глазах у удивленной Наташи каменная твердь словно растворялась, наливаясь синеватой чернотой. В этом непроглядном

мраке разгорались маленькие огоньки, переливавшиеся множеством красок. Они распались на множество больших и малых, превращаясь в настоящие созвездия и Наташа окончательно поняла, что ей показывают.

— Планетарий, — резюмировала она, глядя как в «ночном небе» появляются знакомые звезды и планеты, — планетарий в канализации. То есть вы тут свихнулись окончательно.

— Не можешь сказать ничего умного, так молчи, — сказала Алиса, раздраженная тем, что эффект от ее «наглядного показа» вновь оказался не таким, что она рассчитывала, — корова деревенская. Гимн хоть наш помнишь, пролетарский? «Кто был ничем, тот станет всем» — это не забыла у империалистов своих? Сейчас надежда нашей страны на победу здесь — в подземельях сибирских гор, в этой пещере, среди сточных вод. Отсюда выйдет победитель, новый советский человек, который дотянется до звезд! Вот он, — она широким жестом показала на стоящих за спиной Наташи зверолодей, — будущее планеты стоит перед тобой. Не отягченные старыми предрассудками и отжившими свое традициями, «tabula rasa» на которой мы напишем новую, победоносную страницу в истории человечества. Вчерашние звери, полулюди сегодня, покорители звездных просторов — завтра! Из грязи — в князи, из дерьма — к звездам.

Алиса вещала с воодушевлением, глаза ее сверкали и Наташа невольно почувствовала, как ее захватывает волна фанатичного безумия. Может она и вправду чего-то не понимает. Вот и профессор Иванов говорил что-то похожее — может и он был прав.

Позади раздалась звучная отрыжка и мерзкая вонь разнеслась по пещере. Наташа словно очнулась от наваждения. Эти твари, ютящиеся в пещерах, марширующие по команде красных китайцев построят новый прекрасный мир? Эти фанатики, мечтающие о звездах на берегу сточной канавы, шаманы-расстриги, охранники-насильники, лицемеры-начальники — именно так видят свое «светлое будущее»? Да на кой черт оно нужно, такое?

— Можно и из дерьма выбраться к звездам, — спокойно ответила Наташа, — только вот от дерьма в душе все равно не избавишься. Вам мало землю говном залить, вы еще и небо готовы изгадить. Думаешь, коль вас на земле никто не ждет, так там примут?

— Мечит примет своих детей, — раздался негромкий, но сильный голос и Наташа с удивлением поняла, что это заговорил шаман, — если дети примут его у себя. Времени мало, Алиса. Может, начнем?

— Да, начинайте товарищ Сагаев, — Алиса величаво кивнула, кинув напоследок злой взгляд на Наташу, — ты же хотела знать, зачем нужны девки? Сейчас узнаешь!

Она кивнула и Наташу толкнула в спину сильная лапища, едва не сбившая ее с ног. Обезьянолюди толкали ее к реке нечистот, где обнаружился небольшой деревянный мостик, по которому ее перевели на другой берег. Вдоль него в двух-трех метрах от воды приподнимались возвышения, напоминавшие каменные скамьи...или надгробия, около двух метров в длину и чуть больше метра — в высоту и ширину. На них смутно белели какие-то предметы и Наташа поняла, что это даже раньше, прежде чем услышала негромкий стон полный страха и боли.

Пламя позади вспыхнуло — видно шаман опять подбросил что-то в костер — осветив и эту часть пещеры. На каменных возвышениях, больше напоминающих алтари, были распяты девушки, не старше самой Наташи. Тонкие запястья замыкали массивные кандалы, накрепко приковывавшие их к двум большим железным кольцам полуутопленных в каменной глыбе. В отблесках пламени Наташа насчитала шесть прикованных девушек — четверо русских или украинок, с белой кожей и светлыми волосами. Еще две были азиатками — одна китаянка,

вторая бурятка или якутка. Взгляд у всех них был испуганным, но никто не пытался кричать или хотя бы что-то сказать — слышался только чуть слышный тихий плач. Похоже, здешние конвоиры давно отбили у пленниц всякую волю к сопротивлению.

Седьмое ложе пустовало, к нему и подвели Наташу конвоиры. Легко сломив ее сопротивление, они повалили ее на камень, и приковали ее руки. Ноги оставили свободными и девушка успела несколько раз пнуть своих мучителей, однако те, казалось, даже не обратили на это внимания. Отобрав у нее покрывало, они оставили ее лежать обнаженной на камне. Через мгновение девушка услышала как под их ногами заскрипели доски настила — они остались на этом берегу одни.

Наташу приковали лицом к дальней стене и теперь она не видела ни реки, ни костра, ни тех кто сидел у него — только чуяла вонь, слышала гул падающей воды и видела тени, пляшущие на стенах. Да еще на потолке мерцали таинственным светом созвездия и планеты, какой-то неведомой техникой или колдовским искусством воспроизведенные здесь, в подземельях никогда не видевших солнечного или лунного света.

Отблески пламени освещали стену пещеры — теперь Наташа видела, что это не был сплошной монолит — то тут, то там скальную толщу рассекали по-меньшей мере с полдюжины узких, напоминающих расщелины, туннелей. Стены между ними покрывала искусная резьба. Резные фрески изображали мохнатых козлоногих чудовищ, напоминающих чертей, рядом с ними плясали многоголовые великаны, извивались чешуйчатыми телами змеевидные существа. Все это перемежалось строками смутно знакомого алфавита — Наташа припомнила, что подобное письмо ей встречалось на книгах, конфискованных из старых дацанов.

Страха почему-то не было и сейчас — лишь огромное чувство вины, прежде всего перед девушками которые стали ее товарками по несчастью. Она ведь тоже принимала в этом участие, это согласно ее врачебным заключениям, сотни, если не тысячи молодых женщин отправлялись в эту вонючую пещеру. И хотя, тех кого она же признавала негодными, ждал расстрел и общая могила под Титовской сопкой, сейчас глядя на мечущихся на месте прикованных девушек, на уродливые фрески на скалах, Наташа не была уверена, что участь расстрелянных была хуже, того, что ждет их здесь.

Да теперь она знала правду! И это перевешивало все — даже страх перед неизвестностью, перед мерзкими тварями, заполонившими здешние крысиные норы и людьми, что были страшнее и отвратительнее созданных ими чудовищ. Она не знала, но она была виновата в том, что творилось здесь, она виновата перед этими девушками, также как и многими другими. И то, что она сейчас угодила на их место, это лишь восстановление справедливости, той самой которую блюдет грозный Эрлэн-хан, покровитель Илты.

Страха у Наташи не было — было только сожаление, что рядом сейчас не лежит Алиса Барвазон и красноармейка Сун.

Позади вновь вспыхнул костер, озарив ярким светом пещеру и тут же она погрузилась в кромешную мглу. Зато сияние наверху становилось все сильнее, все ярче становился свет отдельных звезд. Иллюзия была совершенной — Наташа могла поклясться, что над ней простерлось ночное небо.

Оглушительно грохнул бубен — сначала один, потом к его бою присоединился второй, третий, четвертый. Гортанный голос хрипло запел протяжную песнь на бурятском языке, которую тут же подхватили другие голоса. Откуда-то — сверху ли, снизу, со всех сторон? — в такт ударам бубна послышался чуть слышный, постепенно нарастающий гул. И сразу же в

черных провалах входов что-то зашевелилось.

Широко распахнутыми от ужаса глазами Наташа смотрела, как из пещер выходят безобразные чудовища, покрытые черной шерстью. Это не были обезьянолюди, вроде тех, что привели ее сюда — эти существа больше были похожи на настоящих обезьян, да и передвигались они большей частью на всех четырех лапах. В то же время сам их размеры, выражение морд, относительно короткая шерсть говорила, что все же в их жилах течет и некоторая часть людской крови. Вразвалку они подходили к перепуганным девушкам, скаля огромные клыки. Могучие лапы перебирали длинные волосы, грубо мяли кожу, из пасти слышалось угрожающее ворчание.

Вновь зарокотали бубны и послышалось гортанное завывание, на стенах заплясали причудливые тени. Наташа не знала, что вытворяют шаманы за ее спиной, да и не хотела знать, но и она ощущала вокруг чье-то незримое присутствие. Чуть слышный шорох крыльев в спертom воздухе, чей-то вкрадчивый голос, нашептывающий ей на ухо всякие мерзости, прикосновения невидимых пальцев к обнаженному телу. Наташа вздрогнула, извиваясь всем телом, тщетно пытаясь избавиться от становящихся все более настойчивыми бесстыдных ласк. К своему стыду Наташа чувствовала, как возбуждается от этого. И видела, как раздуваются ноздри сидящих рядом обезьян, почуявших запах женских соков, как огромные лапы теребят наливающиеся алым отростки.

А над ними все ярче, все навязчивей мерцали неведомые созвездия. Особенно выделялись семь звезд, постепенно заслонявших остальные ночные светила. Даже свет от костра выглядел бледно по сравнению с ними. Обрывочные, наспех усвоенные когда-то знания по астрономии резко всплыли в голове у Наташи и подлинное значение имени проекта теперь открылось перед ней во всей своей жуткой истине.

— Нееееет!!! Не хочуууу!!! Мамочкааа!!!

Наташа скосила глаза — слева на возвышении билась в цепях молоденькая девушка, почти девочка, едва-едва достигшая совершеннолетия. Тело ее изгибалось дугой, ноги дергались словно пытаясь отбиться от кого-то невидимого. Крик ее тут же подхватила и лежащая рядом китаянка.

— Аааа!!! Пошел вон! Не хочу!!! — Наташа даже не сразу поняла, что это с ее уст раздается истошный крик, когда она изо всех сил молотила ногами по воздуху. Словно в ответ этим воплям с новой силой грохнул бубен и разнеслись в воздухе завывания. Сидящая на каменном полу обезьяна оскалила клыки и вдруг упругим скачком запрыгнула на каменное ложе. Наташа замолотила по зверю ногами, однако это было все равно, что лупить по дереву — под гладкой шерстью перекачивались сплошные мускулы. Обезьяна, не обращая внимания на ее потуги, встала на задние лапы и, задрвав голову вверх, издала пронзительный вопль, перешедший в утробный рык. Могучие лапы замолотили в широкую грудь, пока другие самцы запрыгивали к своим жертвам, оглашая воздух воинственными клыками. В такт им продолжали рокотать бубны и звучать шаманские песнопения, в которых все громче, все явственней слышалось одно, уже слышанное сегодня Наташей слово:

— Мечит-Мечит-Мечит-Мечит!!!

«Звезды» (или что там их заменяло в «небе») мерцали все ярче, струя свой свет на пугающие барельефы. Наташа подумала, что зрение ее подводит — в свете Плеяд стена дрожала как воздух в жару, фигуры в камне двигались, словно в причудливом танце, строя ужасные гримасы. А затем пугающие создания выдвинулись вперед, отделяясь от камня, и призрачные, темные тени метнулись, сливаясь с телами самозабвенно молотящих себя по

груди обезьян.

И все стихло — и удары бубнов и шаманские песнопения и животные крики. Даже девушки перестали рыдать и кричать, почувствовав, что вокруг них что-то изменилось. Наташа перевела взгляд на стоящего перед ней самца и невольно замотала головой: это была все та же обезьяна и в то же время — нечто совсем другое. Во всей его осанке, движениях, самих очертаниях тела было нечто совершенно отличное от прежнего животного, необъяснимо гадостное и до одури пугающее. Изменилось и выражение морды — в глазах светился явный разум и Наташа, несмотря на весь свой ужас, вспомнила, где она его уже видела. Именно этот злой ум был и в глазах обезьянолюдей, что конвоировали ее сюда. Вот значит, как создавались в Центре «люди будущего»! Додумать эту мысль Наташа не смогла — ее взгляд машинально скользнул вниз и ее глаза расширились от ужаса, из горла вырвался сдавленный хрип. Вместо прежнего «стручка» сейчас между ног чудовища вздымалось поистине устрашающее достоинство, которого не постыдился бы и конь. Но, что самое постыдное Наташа, уже возбужденная ранее, испытывала кроме ужаса и отвращения еще и мерзкое возбуждение, между ног у нее чуть ли не хлюпало от влаги.

Мощные лапы ухватили ее за лодыжки, задирая девичьи ноги и огромный член ворвался в нежное лоно. Все, что пришлось ей доселе испытать, даже насилие НКВД-шным охранником показалось пустяком по сравнению с этой мерзостью. Вонючая, волосатая туша навалилась сверху, сильные пальцы с грубой ороговевшей кожей, терзали нежные груди и жаркая слюна капала на лицо девушки из воняющей клыкастой пасти, пока огромный член раздирал ее лоно. Она выла, кричала, рыдала — пока не сорвала голос, она молотила кулачками по мускулистой туше, но чудовище словно и не обращая на это внимания продолжало насиловать молодую женщину.

Слева и справа от нее точно также кричали и бились под уродливыми тварями другие девушки. Позади вновь грохнул бубен и послышались шаманские песнопения, но Наташа уже их не слушала. В голове у нее мутилось, она готова была отключиться. Последнее, что она увидела, перед тем как потерять сознание — семь сияющих звезд слившихся в ухмыляющийся лик огромной обезьяны.

Эвенкская байдарка осторожно огибала водоворот, бурлящий перед лесистым островом, посреди широкой быстрой реки. Трое человек, стоя на коленях, энергично и умело работали веслами, направляя угловое суденышко из бересты мимо водной воронки, окруженной ключьями пены. Наконец опасное препятствие осталось позади и угловое суденышко, проплыв еще несколько метров ткнулось носом в берег. Стоявший впереди темноволосый коренастый мужчина в штанах и куртке из оленьей кожи, набросил веревку на ближайшее дерево и спрыгнул на землю. Вслед за ним на берег сошли черноволосая девушка с синими глазами и невысокий щуплый японец. И он и молодая женщина были одеты в потрепанную красноармейскую форму, через плечо японца висела новенькая Арисака. Пока мужчины затаскивали на берег байдарку, вынимая из нее нехитрый скарб, девушка стояла на берегу, положив руку на притороченный к бедру маузер. Она напряженно всматривалась в речную гладь, на которой отражался красный диск солнца, закатывающегося за левый берег — высокий и обрывистый, в отличие от пологого левого.

— Может, с ними все же что-то случилось? — не оборачиваясь, произнесла она, — как думаешь, Юра? Все-таки их четверо, а течение сильное.

— Не волнуйся, Илта — кержак Мирских встал рядом с куноити, — Ваня знает эту реку

как свои пять пальцев. Он вырос тут, на Витиме, помнишь, он говорил, что его брат золото мыл на Бамбуйке. Да и Сергей говорил, что бывал на Бодайбо...

— На Бодайбо Витим не тот, что здесь, — буркнула Илта, продолжая вглядываться вдаль.

— Ну, он говорил, что и здесь бывал, — пожал плечами старообрядец, — и Свицкий тут проходил. Так что места никому не чужие. Разве только этому, соплеменнику твоему...

— Наполовину, — Илта мимолетно поморщилась. Позади нее послышался хруст гальки и Илта обернулась, чтобы встретиться глазами с подходившим японцем.

— Зимовье и вправду рядом, — он уселся на ствол поваленного дерева и чиркнул спичкой, прикуривая, — дверь заперта на щеколду, снаружи. Дров полная поленица.

— Был там кто недавно, нет? — спросила Илта.

— Не позже зимы, — пожал плечами японец, выпуская колечко дыма, — пара кострищ, старых, зола почти в землю ушла. Ну и другие приметы есть. Давно тут людей не было, в общем.

Илта удовлетворенно кивнула — опыту Акиры Юсима можно было доверять. Уроженец Хоккайдо, привыкший к тамошним лесам, Акира стал ценным сотрудником разведывательной службы Квантунской армии. Регулярно уходя в рейды асановцев, он не хуже местных следопытов замечал мельчайшие детали, по которым можно было определять наличие в округе посторонних. Илта прошла с ним не один рейд и знала, что на чутье немолодого японского разведчика можно положиться. Знал это и старообрядец, также отмахавший не один десяток верст вместе с японцем по дебрям Забайкалья.

— Я же говорил, — сказал Мирских, — место самое то.

— Кто тут вообще его поставил? — спросила Илта, — старатели?

— Может и они, — предположил кержак, — или охотники, рыбаки. Много кто ходит по Витиму ходил, — добавил он с сожалением, — места-то нынче беспокойные.

Илта кивнула: да на Витиме сейчас было беспокойно. Кроме охотников и золотодобытчиков в последнее время эти места облюбовала и менее безобидная публика — бандиты, различные повстанческие группы — как действующие по указке Советов, так и анархизирующие шайки выступающие под лозунгов «ни японцев, ни коммунистов». Однако за время спуска по реке им еще не разу не доводилось встретиться с бандитами или повстанцами и наблюдения Акиры, позволяли надеяться, что так будет и сегодня.

— Вот они! — отвлек ее от раздумий голос Мирских. Илта вздернула голову — из-за ближайшего острова вынырнула еще одна байдарка, быстро идущая в их сторону. Стоящий на носу гуран Ваня ловко орудовал веслом, задавая направление остальным гребцам. Байдарка обогнула водоворот и причалила к берегу. Ваня и один из гребцов с азиатскими чертами лица вытащили лодку на берег. Еще двое направились к Илте.

— Что так долго? — спросила Илта у Василя Свицкого, одетого в красноармейскую форму — как и остальные кроме Юрия и Ивана, одетых по местному. Украинец пожал плечами.

— Этот паренек, — он кивнул в сторону гурана, — что-то ему там привиделось на реке. Черт его разберет, может какой мираж или еще что было. Говорят, тут на реке порой чудится.

— Не чудилось мне! — произнес Иван, как раз подходивший к остальным, — я ее видел!

— Кого? — недоуменно спросила Илта.

— Синильгу! — убежденно сказал парень, — Идущую-по-Воде.

— Ну, как-то так, — кивнул Свицкий, — я местных суеверий не знаток. В общем, что-то там ему привиделось за островом и мы угодили в водоворот. Чуть не потопли.

— Ван-нюша! — с угрозой в голосе произнес Мирских, разворачиваясь к напарнику.

— Да не чудилось мне! — убежденно воскликнул гуран, — чем угодно клянусь. Видел я ее. Девка тунгусская, голая по воде шла, а потом зашла за остров...

— Юра, когда вернемся, своди парня в хороший бордель — оборвала его Илта, — чтобы голые девки не мерещились где не надо. А если тебе Ваня, еще раз что-то привидется — пойдешь домой, причем пешком. Мне тут сопляки озабоченные и даром не нужны — в следующий раз еще лодку потопишь. В общем, пока за руль вместо тебя сядет Степанов.

Гуран отшатнулся, на его лице отразилось растерянность и негодование, но промолчал — крыть было нечем. Его спутник усмехнулся, оскалив крепкие, слегка пожелтевшие зубы под черными усами. Сергей Степанов, якут из Ленска пришел в Благовещенск пять лет назад. Таких как он было много — в Якутии, остававшейся под советской властью то и дело вспыхивали восстания, жестоко подавлявшиеся НКВД. Многие повстанцы бежали на юг и на восток, под защиту японцев или канадцев. В Благовещенске и Хабаровске Степанов зарекомендовал себя опытным следопытом, хорошо знающим районы, где орудовали большевистские банды. Илта никогда прежде не работала с ним, но приняла его в свою группу по настоянию Йошико, которой его в свою очередь рекомендовал начальник штаба «бригады Асано» Гурген Наголян. Йошико же ввела в группы Илты еще двоих — хорошо знакомого ей Акиру Юсима и совершенно неизвестного Матти Лехто.

— Ты же хотела познакомиться с соотечественниками по матери, — сказала маньчжурская принцесса, представляя Илте курносого блондина, едва ли старше самой куноити, — ну так вот тебе пожалуйста. Чистокровный финн, хоть пробу ставь.

Светловолосый парень приветливо улыбнулся красивой девушке, на что та ответила кислой улыбкой. Спору нет, она и впрямь хотела бы пообщаться с кем-то из народа матери и симпатичный голубоглазый финн был не худшей кандидатурой — только в иной обстановке. Предстоящее задание было слишком серьезным, чтобы набирать людей, исходя из каких-либо сантиментов — а никаких существенных доводов за ввод Матти, по мнению Илты, не было. Не то ефрейтор, не то сержант воевавший еще со времен советско-финской войны. Германия тогда еще не вступила в войну с СССР и Сталин шел в наступление в финских лесах. Под Суомуссалми полк, в котором воевал Матти Лехто был окружен и, после недолгого сопротивления, сдался в плен. Солдат разоружили и отправили по лагерям, причем Матти «повезло» особо — его отправили в Магадан. Там он и промышкался несколько лет, пока в Приморье не высадились канадцы с японцами и заключенные не подняли восстание, оказавшееся на редкость успешным. Вроде бы там Матти как-то отличился, что было отмечено оказавшимся там японцем — одним из доверенных лиц Доихары. Однако у Илты были огромные сомнения в том, что качества, отличившие Матти при восстании, пригодятся ему здесь. Резать плотки самодельной финкой растерянным вертухаям и продираться сквозь забайкальские дебри — все-таки разные вещи. То, что, по словам Матти, у него был немалый опыт боев в лесу, приобретенный еще в Зимнюю войну, Илту ничуть не убедило — вряд ли карельские леса зимой похожи на забайкальскую тайгу летом. Единственным несомненным плюсом финна была лютая ненависть к большевикам — но такое можно было сказать почти о каждом члене группы Илты. Поддавшись давлению Кавасимы и не желая отталкивать новоявленного «земляка» куноити нехотя согласилась взять

его с собой. Пока проблем с ним не было — но ведь пока они и не встречали особых препятствий, если не считать чисто природных — порогов и шивер в верхнем течении Витима. Что будет, если им придется вступать в бой с краснопузыми, как себя проявит этот симпатичный блондин, Илта могла только гадать.

Меж тем якут и гуран вытащили на берег лодки, тщательно упрятав их в кустах, остальные, закинув за плечи походные рюкзаки, двинулись через лес за японцем. Зимовье обнаружилось метров через тридцать: рубленая изба, полная дров поленица, небольшая банька. После нескольких дней хода по реке, ночевок на каменистых берегах или лесных опушках, этот зимник показался путникам настоящим дворцом.

— Экие хоромы! — воскликнул Юрий, подходя к двери, — ну-ка!

Замок был и впрямь незамысловатым — кержак сбил его одним ударом топора. Внутри обнаружили небольшую кухню с печью, комната, несколько лежаков, с матрасами набитыми соломой, кладовка.

На неказистом, но крепко сколоченном столе, Свицкий выложил нехитрую снедь: сушеную оленину, мелко порезанное сало, сухари, связку сушеных яблок. Вскоре подошли и Сергей с Иваном, причем парень нес с собой нанизанного на палку небольшого тайменя.

— Вот, острой зацепил, — сказал он, показывая рыбу главным образом Илте. Та усмехнулась про себя — чувства и переживания парня по его лицу читались легче легкого. Очень похоже, что пренебрежительные слова Илты, и впрямь уязвили Ваню и он теперь всячески старался реабилитироваться. Что, в общем, заслуживало поощрения.

— Молодец, Ваня — мягко сказала Илта, — я уже боялась, что придется есть сухомятку. Может и приготовить сможешь?

— А то нет! — выпалил гуран, — такую уху сварю.

Вскоре на печке уже стоял почерневший от накипи котелок, в которой весело бурлила вода. Ваня, постелив на столе, каким-то чудом заваливающую тут «Правду» еще сорокового года, умело разделывал на ней рыбу, остальные мужики рассаживались за столом. Свицкий достал небольшую бутылку с горилкой — Илта было восторгалась, но успокоилась заметив малый объем тары. По глотку на каждого не больше. Ваня, вынесший требуху подальше от избы, вернулся на кухню и принялся помешивать уху, не забывая добавлять соль нашедшуюся в большой жестяной банке. Наконец он в очередной раз попробовал уху, привезенной с собой алюминиевой ложкой, удовлетворенно кивнул и снял котелок с огня, поставив его на стол.

— Дальше как пойдём? — спрашивал Свицкий, делая глоток из бутылки и передавая ее дальше по кругу. Поморщился, закусил салом.

— Известно как, — кивнул Мирских, принимая бутылку и делая смачный глоток, — завтра еще до полудня будем у Бамбуйки.

— Причалим? — спросил Сергей, глядя на Илту. Та помотала головой.

— Некогда, — она с хрустом разгрызла сухарь, — да и незачем. Не удивлюсь, если оттуда все давно разбежались — это же не Зея, прииски охранять некому, кругом бандиты.

— Так тогда тем более остановится надо, — хмыкнул Юрий, зачерпывая наваристую горячую уху и осторожно дую, — вдруг где золотишко нашарим.

— Все, что там намыли, уже давно унесли, — покачала головой Илта, — чай не мы одни такие умные. А чтобы намыть чего, тут люди месяцами горбатятся. Тебе ли не знать. Вот будем назад возвращаться, там как хочешь, можешь и оставаться.

— А разве мы назад той же дорогой пойдём? — негромко спросил Матти и остальные

невольно вздрогнули, заслышав голос обычно молчаливого финна.

— Посмотрим еще, — уклончиво произнесла Илта.

По правде сказать, о возвращении она почти не думала. Пока и добраться до цели, уложившись в положенный срок казалось настоящей сверхзадачей. Илте оставалось надеяться только на свою счастливую звезду — она еще никогда ее не подводила.

— У Южно-Муйского хребта лодки оставляем, ты помнишь? — сказал Мирских, — дальше они не пройдут — вода быстрая, бурная, камней много. Да и если пройдем — дальше села густо пойдут.

— Помню, — кивнула Илта, — ну нам дальше и не нужно. По горам к Верхней Ангаре выйдем.

— Слава богу, больше по реке не пойдем, — усмехнулся Свицкий, — а то я после сегодняшнего случая уже боятся начал. Ладно, тут река спокойная, а если дальше шиверы такие же, как и в верховьях.

— Хуже, — усмехнулся Сергей.

— Ну вот, — продолжил Свицкий, — я как-то уверенней себя буду чувствовать на земле, чем на воде. А то хлопцу опять привидится...

— Хватит! — резко сказала Илта, заметив как вспыхнули щеки парня — перестань Василь. Ошибиться может каждый, а Ваня весь день за рулевого был.

— Не причудилось мне, — тихо, но упрямо сказал Иван, — я видел ее. Видел Синильгу.

— Насколько я помню это предание, — покачала головой Илта, — тебе бы и самому лучше ошибиться. Она ведь только тебе явилась, никому другому?

— Да, — повесил голову Иван, от лица его отлила кровь, — я помню.

— Слушайте, что это за Синильга? — подал голос украинец, — хоть знать из-за чего сыр-бор.

Илта и Мирских переглянулись затем, как по команде, посмотрели на Ивана.

— Старая байка, — нехотя сказал гуран, — мне дед рассказывал. Когда-то давно у одного тунгуса родилась дочь. Тогда шел снег и тунгус решил назвать дочь Синильгой, что по ихнему и означает — снег. Дочка выросла умницей и красавицей, но замуж ее никто не брал, потому что ее позвали духи и она стала шаманкой. Умерла Синильга совсем молодой, почему — никто не знает. По тунгусским обычаям, ее похоронили в выдолбленной из цельного ствола дерева колоде, но не оставили в лесу, а спустили на воду. Говорят, что и поныне неуспокоившаяся шаманка по ночам ходит по воде и выходит на берег, к домам одиноких мужчин, стучится к ним в окна. А если холостой парень, охотник или рыбак поддавался на её уговоры и просьбы о любви, то скоро умирал.

— Мне рассказывал наставник, — задумчиво произнесла Илта, — Синильга это му-шубуун, лесной дух в женском обличье. Черный шаман может поставить его себе на службу, но для обычного человек встреча с этим духом — верная смерть. В облике красивой девушки му-шубуун заманивает одиноких охотников и убивает своим железным клювом — пробивает им голову, а затем съедает мозг, печень и почки.

За столом вдруг стало тихо.

— Да ну, — неуверенно протянул Свицкий, — таких сказок...

— Может быть, — не стала спорить Илта, глянув на испуганного Ваню, — не всему в этих краях стоит верить. Скорей всего тебе привиделось, — она весело посмотрела на парня, — меньше нужно о девках думать. Вот вернемся — я сама с тобой в нормальный бордель схожу.

— Вот это дело, — прогудел Мирских, принимая уже почти опустевшую бутылку и залпом допивая остатки, — еще меня с собой возьмите.

Все рассмеялись, наперебой слышались шутки и предложения. Илта посмотрела на все еще бледного гурана и ободряюще подмигнула ему. Тот ответил слабой улыбкой, но выражение его глаз совсем не понравилось куноити.

На ночь сдвинули лежаки вместе, оставив один специально для Илты. Надо было поставить часовых, но за день все так устали и столь очевидно было, что в зимовье давно никто не бывал, что было решено обойтись без этого. Однако Илте почему-то не спалось. Слыша дружный храп нескольких мужских глоток, она ворочалась с боку на бок, то закрывала глаза, пытаясь заснуть, то открывала, лежа на спине и тупо уставившись в потолок. Наконец, она мысленно плюнула и, прихватив со стола пачку сигарет, вышла из избы. Устроившись на одном из бревен, она закурила, внимательно всматриваясь в ночную мглу. Вокруг была тишина, нарушаемая только плеском воды вдалеке и стрекотом цикад. Да и в лесу еще иногда вскрикивала ночная птица. Никаких посторонних, вызывающих опасения звуков не было — в этом куноити была уверена.

Илта еще раз прикинула их дальнейший маршрут, хотя уже казалось, знала его назубок — по картам и рассказам следопытов. Где-то через сутки они дойдут до мест, где им придется оставить лодки. И дальше в лес, в горы, совершенно ей неизвестные. Перед глазами неожиданно всплыло лицо Наташи — где там сейчас ее пленница-подруга, жива ли?

Позади слышалось легкое шуршание и Илта развернулась.

— Это я, госпожа Сато, — из темноты показалось смущенное лицо Вани, — вам тоже не спится?

— Да, — буркнула Илта, — тоже.

Она внимательно посмотрела на юного гурана, переминавшегося с ноги на ногу, явно собирающегося о чем-то заговорить, но знавшего как приступить к разговору. Впрочем, Илта и так примерно представляла, о чем пойдет речь — Ваня опять будет убеждать ее, что ему не привиделось, что он и вправду что-то видел. Но Илте эти разговоры уже поднадоели.

— Слушай, раз уж ты проснулся — сказала она, — пойди, глянь на лодки. И на реку заодно.

— Хорошо, госпожа Сато, — Иван издал вдох, в котором смешались разочарование и облегчение и исчез в лесу. Илта рассеянно посмотрела ему вслед, вновь погружаясь в свои думы. Восемь дней прошло с ее разговора с Исии Сиро и Илта помнила, что ей осталось меньше трех недель на то, чтобы принести папаше все, что она сможет нарыть по «Плеяде» или вспороть живот катаной. За ней, кстати, придется возвращаться в Хабаровск — в таежных условиях от меча не было толку совершенно, но и вскрываться охотничьим ножом она категорически не желала.

Размышления о способе собственного потрошения прервал странный звук. Звук совершенно непохожий на все ночные шорохи и Илта, еще не успев осознать, что это почувствовала, как ее спина покрывается холодным потом.

Тихий смех, даже скорее смешок раздался вновь, заставив Илту вспомнить все ее сны. Впрочем, этот смех, пусть и полный едкой насмешки, все-таки не казался злобным, как в ее видениях Мечита. До боли в глаза вглядываясь в ночную тьму, Илта сумела различить, как в полосе света отбрасываемом луной на ночной лес, что-то мелькнуло, тут же исчезнув в ночной тьме. И снова негромкий смех.

— Госпожа Саго, — голос Вани раздавшийся у нее почти под ухом показался ей почти криком, — Я посмотрел, там все порядке. Я еще...

— Тихо, — прошипела Илта, обернувшись к парню, — отойди к дому.

Сама Илта вынула из кобуры маузер и, крадущимися шагами скользнула в ночную тьму.

— Госпожа Илта, я с вами, — раздался позади нее голос уже метнувшегося за ней гурана.

— Нет! — Илта едва сдержалась, чтобы не выкрикнуть, — не смей! Иди в дом!

Она кралась меж высоких зарослей, осторожно ступая по высокой траве и держа маузер наготове. Левая рука привычно лежала на рукояти охотничьего ножа, в любой момент готовясь выхватить его из ножен и метнуть в противника. Однако что-то подсказывало Илте, что тот, кто смеется в ночи не испугается ни холодной стали, ни пули. Губы Илты шептали мантры, шаманские заклинания от недобрых духов. Делала она это скорее для успокоения — чутье ей подсказывало, что того кого она выслеживает не прогнать так легко.

Она осторожно раздвинула ветви кустов и шагнула на небольшую поляну, надежно укрытую густыми зарослями. Луна, доселе прятая за тучами, вышла, заливая поляну ярким светом и Илта замерла на краю, не желая выходить на освещенную местность.

Мелодичный, довольно приятный смех, разнесся по поляне.

— Не бойся меня, шаманка с юга, — послышался насмешливый женский голос, — я не причиню тебе вреда. Женщинам меня надо даже меньше бояться, чем тебя.

Илта холодно усмехнулась, не спеша выходить из тени и всматриваясь в заросли по ту сторону поляны. На нее вновь набежали тени — луну опять закрыли тучи.

— Кто ты? — негромко спросила она.

— Я думала, ты догадалась, — вновь смех, подобный журчанию лесного родника, — тебе надо больше верить своим людям.

— Синильга?

Что-то шевельнулось во тьме, тень, еще более черная, чем окружающие ее тени, странный силуэт, слабо напоминающий женскую фигуру.

— Так меня звали, — что-то неуловимое простым взглядом переместилось во мраке, — давно, когда еще твои предки пришли в земли лесных людей.

— Мои предки? — Илта усмехнулась, — ты ошиблась, их тут не было. Я не русская.

— Это неважно, — куноити словно наяву увидела, как ее невидимая собеседница небрежно отмахивается, — вы все пришельцы тут. Но у таких как я много имен — некоторые ты знаешь, другие известны твоим спутникам.

— Зачем тебе Ваня? — резко спросила Илта.

— Мне? — собеседница Илты звонко расхохоталась, — мне не нужен никто. Я не в ответе за те небылицы, что сочинили обо мне за пару веков. Это я нужна всем. Я бы не стала являться твоему мальчику, если бы он сам не хотел этого.

— Он хотел увидеть тебя? — спросила Илта, — с чего ты взяла?

— Не меня, нет, — снова смех, — но та к кому стремится его сердце, ему недоступна.

— Кто же это? — спросила Илта.

— Не лукавь сама с собой, шаманка с юга, — рассмеялась Синильга, — ты и сама прекрасно знаешь, по кому тоскует полукровка.

Илта медленно кивнула: да, она знала. Знала, еще там, у фанзы на берегу Амура, когда сидела у костра с тремя следопытами, вспоминая о былых рейдах. Молодой парень, русо-бурято-эвенк, ушедший в леса, после того, как красные партизаны вырезали его семью —

знал ли он вообще женскую любовь? Илта еще там у костра читала восхищение в глазах парня: перед ее красотой, отвагой, даже ее решительной жесткостью. Для молодого таежного охотника, Илта, уже повидавшая пол-Азии, побывавшая во дворце самого тэнно казалась существом из иного мира, прекрасным и удивительным — мудрено ли, что он втрескался в нее по уши.

И что самое неприятное — мало что могло быть более некстати сейчас.

— К тем, кто мается тоской и безответной любовью, прихожу я, — продолжала тем временем Синильга, — Одинокие зовут меня. Страдающие зовут меня. Жаждающие зовут меня. Они все хотят видеть меня, хотя и не подозревают об этом. И я прихожу к ним в том обличье, что они желают видеть.

— И видят они его перед смертью, — съязвила Илта, — говори как есть Синильга.

— Ты думаешь, он доживет хотя бы дотуда куда вы идете? — на этот раз в голосе из тьмы не слышалось и тени насмешки, — тем, кто живет в мире грез, трудно приходится в мире живых. Особенно в тайге!

Темнота зашевелилась и на поляну выступил ночной призрак. Илта жадно впилась в лицо легендарной Девы. Узкие темные глаза, красиво очерченные губы, нежная кожа. Стройную фигуру забирал шаманский кафтан — самасик, украшенный бахромой, покрытый бесчисленными вышивками, изображавшими духов-помощников шамана — как и немногочисленные подвески из металла. Змея, ящерица, лягушка, беркут, конь, медведь. Самая большая подвеска изображает лодка с веслами — основное средство передвижения между мирам. Черные косы девушки убраны под шапку — лэрбэки, напоминающую шлем, с которого свисают длинные ленты — символ змея-помощника эвенкийских шаманов.

Костюм был богатым, причудливо раскрашенным, но что-то в нем показалось Илте странным. Краски темные, словно расплывшиеся.

Синильга небрежно махнула рукой и несколько капель упало на лицо Илты. Теперь было понятно — костюм шаманки был насквозь мокрым.

— Успела приодеться, после того как показалась Ване, — усмехнулась Илта, стараясь побороть тревогу, — он говорит, на воде на тебе было меньше одежды.

— На воде, — Синильга усмехнулась в ответ, — я же говорю, что мужчинам я показываюсь иначе, чем женщинам. Особенно тем, кто сам идет ко мне.

— А если я не отпущу? — с вызовом сказала Илта. Дева пожалала плечами.

— Ты сама знаешь, что он только внесет разлад меж вас. Я же, перед тем как отправить его в царство Хирги, сделаю его счастливым.

— Ты же понимаешь, что я не просто так решила с тобой поговорить, — продолжала Синильга, — и не просто так ты пошла на мой зов, в ночную чащу. Тот, кому служим мы обе, хочет, чтобы ты дошла до Черного Колодца. Но путь этот опасен и не все, кто вышел с тобой с юга вернется обратно. Не все...

— А кто? — резко спросила Илта, — если я отправлю кого-то в Читу прямо сейчас.

— Он умрет, — покачала головой шаманка, — все вы умрете, если повернете обратно. Господин наш Харги и сам не может сказать, кто из твоих спутников дойдет до Хара-Худаг, а кто найдет смерть по дороге. Но Гончая должна добраться до логова Мечита. Поэтому я и была послана сюда. Смерть уже идет за вами, те, кто служат Небесной Обезьяне сами не ведая того, готовятся отправить вас в царство Харги.

Она говорила и Илта, застыв, словно каменная статуя, внимала словам ночного духа. Взор куноити словно пронизал сквозь ночную тьму и густые заросли, созерцая речную

гладь, залитую лунным светом. И Илта видела, как к острову причаливает большая лодка, с которой сходят на берег вооруженные люди в хорошо знакомой ей форме, с красной звездой на фуражке. Сейчас она видела — это не маскировка. Слишком уж характерным было выражение их лиц, слишком знакомый фанатичный огонь горел в маленьких глазках командира, ведущего отряд вглубь острова.

Илта очнулась, словно стряхивая наваждение, снова оказываясь на поляне.

— Ты можешь успеть, — сказала Синильга, — если поторопишься. Господин наш Харги не хочет, чтобы вы погибли здесь, но и он не может дать что-то даром. И за помощь сегодня придется заплатить свою цену.

При этих словах лицо Синильги исказилось в жуткой улыбке, обнажившей зубы восставшей из мертвых шаманки — белые, острые клыки. Лицо Синильги смазлось, поплыло, нос и рот вытянулись в зубастый железный клюв. Богатые одеяния сгнули — теперь тело лесного духа покрывали густые черные волосы. Упругие груди отвисли к самому пупу, пальцы скрючились, на них появились острые когти. Желтым огнем блеснули глаза, и здесь оставшиеся раскосыми.

Лютый холод на мгновение охватил Илту и Синильга исчезла во тьме, оставив после себя лишь горстку снежинок вспорхнувших в воздухе. Илта подставила ладонь и несколько снежинок упали на нее, исчезая на глазах. Но тая, они превращались не в воду — на ладони молодой женщины виднелись капли крови, казавшейся черной в лунном свете. Илта провела рукой по лицу, куда упали капли воды с одеяния Синильги — и на ладони отсыпался кровавый след. Илта вновь помотала головой и, сунув маузер в кобуру, побежала к избе.

Василь Свицкий спал на лежаке, обмотав, на всякий случай, вокруг руки ремень от винтовки. На лице украинца блуждала рассеянная улыбка: ему снились родные Карпаты и густые леса Волыни, тесные улочки старого Львова и гуцульские села.

Эти приятные сновидения были прерваны жестким тычком в бок.

— Просыпайся, — прошипел у него над ухом знакомый голос, — вставай же ну.

Свицкий недовольно разлепил глаза и увидел стоящую над ним Илту с карабином-пистолетом наготове. Лицо ее было встревожено, губы сомкнулись в тонкую линию.

— Вставай, — повторила она, — и остальных поднимай, в темпе.

— Что такое? — подкинулся рядом Мирских.

— Уходить надо, вот что! — сказала Илта, — буди остальных. И чтобы быстро, но тихо!

— Ваня где? — спросил кержак.

— Не знаю, — замялась Илта. Когда она вернулась, гурана на месте не было. Илта несколько раз позвала его, но без ответа, а устраивать поиски не было времени.

— Что вообще происходит? — спросил Юрий.

— Красные на острове, — выдохнула Илта, — будут здесь минут через десять.

Два раза повторять ей не пришлось, тем более, что проснулись уже все следопыты. Каждый подхватывал оружие и выскальзывал за дверь, стараясь не выходить на освещенные луной участки. Последним выходил финн, замешкавшийся на выходе. Илта уже хотела на него прикрикнуть, но затем увидела, что Матти растапливает печку.

— Пусть думают, что в доме есть кто, — пояснил он, выскальзывая за порог. Илта кивнула — решение было верным. Печка даст совсем небольшой свет, так что сложно будет разглядеть, сколько и где есть люди в доме. Однако будет ясно, что дом не пустует. Может, тогда красные меньше будут смотреть по сторонам.

Мимолетного видения на лесной поляне Илте оказалось достаточно, чтобы понять, где высаживались незваные гости и с какой стороны они могут появиться. Объяснив ситуацию в двух словах, она приказала отходить в густые заросли орешника, тесно обступившие с восточной стороны заимку. Оставалось только надеяться, что красные по своему обыкновению «пойдут другим путем».

Секунды ползли мучительно медленно, в ночи не слышалось ни одного постороннего звука и Илта, почти физически ощущала растущее молчаливое недоумение ее спутников.

— Так где же Ваня? — шепнул на ухо Илте подобравшийся со спины кержак.

— Не знаю, — девушка дернула плечом, — собирался пойти на лодки посмотреть, все ли там в порядке. Может там и...

Мирских явно хотел задать еще вопрос, но вдруг застыл, уставившись на что-то на другом конце делянки. Илта проследила за его взглядом и ее рука сама дернулась к маузеру. Тени в зарослях напротив сгустились и на поляну осторожно выскользнул человек. Даже на таком расстоянии мудрено было не опознать советскую гимнастерку и фуражку с красной звездой. За ним появился второй, потом третий, четвертый — выходившие из леса люди медленно окружали дом.

— Шестеро, — шепнул кержак, — ну...

— Это не все, — бросила через плечо Илта, — вон под деревом, видишь?

До боли в глазах вглядываясь в ночную тьму, Илта разглядела в зарослях смутные тени, замершие у самой земли.

— Еще семь или восемь в лесу, — прошептала куноити.

Она пошарила глазами по застывшим следопытам, наткнулась глазами на финна и, неожиданно для самой себя, подала ему знак. Может, если бы у нее было больше времени она выбрала кого-то, кому больше доверяла, но времени-то как раз не было — красные в любой момент могли обнаружить подмену. Бесшумной лесной кошкой Илта заскользила по краю поляны, не выходя на нее. Двигаясь вдоль часовой стрелки, она старалась держать в поле зрения и красноармейцев, вышедших из леса и тех, кто оставался в тени деревьев. За ней молчаливой тенью двигался финн.

Неизвестно сообразили, ли красные, что их надули или думали, что в доме кто-то есть вплоть до того момента, как прогремели выстрелы сразу из нескольких ружей. С поляны послышались крики и ругательства, несколько человек рухнуло сразу, остальные кинулись в лес. Из леса ударила пулеметная очередь, прошившая листья там, где только что стояли следопыты, предусмотрительно покинувшие прежнее место дислокации после первых выстрелов.

Красных было где-то вдвое больше, чем следопытов Илты, но внезапность нападения почти сравняла число противников. Вслед за первой пулеметной очередью последовала вторая, затем в воздухе просвистело что-то темное и тут же грохнул взрыв. Видно у кого-то из красных сдали нервы — граната была израсходована втуне, разорвавшись чуть ли не на середине поляны. Других гранат у большевиков или не было или они решили приберечь их до более удобного момента. Новая очередь пронзила листья, вслед за ней последовало несколько одиночных винтовочных выстрелов.

Илта подумала, что большевики вряд ли имеют большой опыт лесной войны — судя по всему на них напоролась одна из множества мелких групп, рассеявшихся по всему Забайкалью после разгрома оборонявшей Читу Девятой армии. Пальба сопровождалась отборным матом — видно, у красных не выдерживали нервы и они начинали пальбу по

любому кажущемуся подозрительным движению. В ответ раздавались скупые выстрелы — оружие своих людей Илта отличала на слух. Вот хлопнула берданка Мирских, а последовавшие следом более громкие серии выстрелов по две-три пули малыми промежутками, без сомнения трофейные «карабины Токарева» остальных. Пару раз им видимо удалось угодить в цель — до слуха Илты донеслись приглушенные крики, ругательства, после чего пальба начиналась с новым ожесточением.

Меж тем Илта и крадущийся где-то позади Маати зашли в тыл врагу. По вспышкам выстрелов Илта легко обнаружила первую жертву: лежащий на земле молодой парень, припавший к пулемету. Девушка хищно усмехнулась, убирая маузер в кобуру и выхватывая из-за спины британский «де Лизл». Красноармеец так ничего и не понял, когда пуля из бесшумного карабина вышибла ему мозги. Следующий выстрел пришелся почти наугад в чернеющее в кустах пятно — в тот момент, как пулеметная очередь осветила скорчившуюся в зарослях фигуру. Что-то судорожно метнулось в кусты и Илта выстрелила вслед. Крик боли подсказал ей, что выстрел был не совсем удачным.

— Братва, окружили! Англичане, братва! — раздался в ночи истошный крик. Несмотря на почти бесшумные выстрелы, кто-то из красных сообразил, что последние пули прилетели с фланга. Илта метнулась под нависшие слева еловые ветви. Вовремя — в этот же момент земля, где она только что стояла буквально взорвалась под градом свинца сразу из пулемета и нескольких винтовок. Вслед за этим Илта увидела, как три или четыре тени, скрывающиеся в шелестящих кустах — большевики хорошо знавшие бесшумные винтовки британских «коммандос» решили не испытывать судьбу и отходить к лодке... Куноити кинулась за ними — отпускать врагов живыми нельзя было ни в коем случае. Кто знает кому они могут рассказать по дороге о странной группедвигающейся вверх по реке.

Она давно потеряла из виду финна, надеясь только, что рассказы о способностях ее предков по матери воевать в одиночку, не окажутся преувеличением. Сама она бесшумно двинулась по лесу, всматриваясь в пляшущие на земле черные тени ветвей и сама прячась в них. Красных она тоже потеряла из виду, но это ее беспокоило меньше. Если она правильно помнила лодка, сейчас где-то у южного берега острова, а значит, ей надо успеть раньше, чем...

Несколько скупых выстрелов слева прервали ее мысли — похоже, вся группа двинулись в погоню. Илта, досадливо сморщилась — похоже у кого-то из следопытов тоже не выдержали нервы. В такой темноте немудрено перестрелять друг друга.

И в этот же момент она увидела одного из преследуемых.

Худой мужик с черной бородой, прятался в тени дуба, опасливо выглядывая из могучего ствола, в сторону противоположную от Илты. Она усмехнулась и навела на него карабин, плавно нажимая на курок. Большевик нелепо дернулся и осел на землю.

В этот же момент справа и слева от Илты послышался шорох и она краем глаза уловила выходящие из кустов фигуры. Почти не глядя, куноити, резко передернув затвор, пальнула влево, одновременно уходя с линии огня. Ей почти удалось: кувыркнувшись через голову, она услышала над ее головой звенькнула пуля, в то время, как повстанец справа, так и не выпустив винтовки, завалился в кусты. Однако, вскакивая на ноги, Илта зацепилась за лиану и, не удержавшись на ногах, упала на спину. Кусты смягчили падение, но сейчас она видела, как, спешно перезарядивший «Мосинку», коренастый повстанец, с двухдневной седоватой щетиной на впавших щеках, вновь поднимает ружье, направляя ствол на Илту. Однако выстрелить он не успел — что-то свистнуло в воздухе и красноармеец, завалился на бок,

судорожно схватившись за шею, из которой торчала рукоятка ножа. Илта повернула голову — из кустов не торопясь выходил Маати Лехто.

— Верткий попался «рюсся», — невозмутимо сказал он, — последние три патрона потратил. Пришлось по старинке пууко сработать, — он выдернул из шеи убитого нож с коротким лезвием, поклонился Илте и, развернувшись, исчез в лесу. Девушка, сощуриив глаза, проводила его задумчивым взглядом. Похоже, Йошико все-таки знала, кого направлять в группу.

Зарезанный финном большевик оказался последним — больше врагов следопытам не встретилось. Группа Илты насчитала только одну потерю, обнаружившуюся под утро у зимовья. Юрий Мирских нашел Ваню лежащим на небольшой опушке, лежащим сложив руки, в густой траве. Он был наг, как при рождении и кое-кто из следопытов невольно отвел взгляд, видя страшную рану под ребрами мертвеца. Лицо его было устремлено вверх, глаза широко распахнуты, а на губах еще сохранилась какая-то радостно-удивленная улыбка. Под головой мертвеца расплывалось пятно уже запекшейся крови.

— В затылок выстрелили, — сказал кержак, осмотрев тело, — сволочи! Ну убить, убили, а над трупом глумится зачем? Эхх, Ванька-Ванька.

Илта малодушно промолчала, не став вдаваться в подробности. Вообще-то круглая рана в голове убитого гурала не особо походила на пулевое ранение. И уже тем более, вряд ли кто из красных, выслеживая врага, стал бы тратить на то, чтобы вырезать у жертвы печень. Ей вспомнились слова Синильги — что же остается надеяться, что перед смертью Ване и впрямь было хорошо.

На рассвете, от берега отчалила одна большая лодка, позаимствованная у мертвых. В лесу на острове остались валяться неприбранные трупы красноюков, а у самого зимовья вырос холмик с грубо срубленным крестом. Ставший меньше на одного человека, отряд двигался вниз по Витиму.

Илта дремала на корме лодки — поскольку ночью ей вообще не довелось спать, мужчины, не сговариваясь, освободили до ее полудня от сидения на веслах. Красноармейская лодка была много больше эвенкских байдарок, упрятанных на острове, места было много.

— Эй, командир! — над ухом куноити раздался голос украинца, — просыпайся, тебе нужно на это взглянуть. С Бамбуйкой что-то неладно.

Илта рывком поднялась — собранная, будто и не спавшая. Судя по встревоженному голосу Василя здешние места приготовили очередной пакостный сюрприз.

Ниже по течению Витима виднелось устье реки Бамбуйки. Вбирая в себя коричнево-желтые воды своего притока, Витим замедлял свое течение и дальше неторопливо катил свои воды по котловине, называемой Бамбуйской. Вдалеке на севере виднелись пики Южно-Муйского хребта — Илта прикинула, что уже к вечеру они сойдут на берег.

Недалеко от устья Бамбуйки виднелся одноименный поселок, место промысла золотодобытчиков. Илта почувствовала, что кто-то толкает ее под руку и, обернувшись, увидела, как Акира протягивает ей массивный бинокль. Она припала к окулярам и с ее губ сорвалось ругательство.

— Черт!

Бамбуйки больше не существовало — вместо поселка старателей виднелись обгорелые развалины. Черные струйки дыма лениво таяли в синем небе.

— Давно заметили? — спросила Илта, не оборачиваясь. Василь пожал плечами.

— Да как увидели, так тебя и разбудили. Причалим? Там, похоже, нет никого.

— Да, — кивнула Илта, продолжая всматриваться в бинокль. Среди развалин и впрямь не наблюдалось никакого движения, — причалим. Как-никак это земли вассалов Империи.

Стоявший на носу Мирских, услышав это, хмыкнул, но возражать не стал, разворачивая нос судна к устью притока. Вскоре лодка поднималась по желтым водам Бамбуйки.

Минут через двадцать они остановились у чудом уцелевшего причала. Сейчас вокруг не было ни единой лодки, но на песке виднелись следы, свидетельствующие, что какие-то суда недавно втаскивали на берег, а потом вновь спускали на воду.

— Три лодки тут было, — произнес якут в ответ на вопросительный взгляд Илты, — причем побольше, чем та, что у нас. И, похоже, народу на каждой побольше было, чем вчерашних краснопузых. Чтобы целый поселок вырезать, сила немалая нужна.

— Да, — согласилась Илта, глядя на обгорелые развалины — и впрямь немалая.

— Сойдем на берег? — спросил Акира, перебрасывая через плечо «Арисаку».

Оставив кержака охранять лодку, пятеро людей, держась настороже, шли по улицам мертвого поселка. Кучи золы и обгорелых бревен, отмечали места, где некогда были дома. Огонь давно погас, только дым еще струился от пожарищ. Невыносимо разило гарью.

— Странно, что нет трупов, — сказал Василь, внимательно разглядывавший развалины, — все сожжено, а мертвых не видно.

— Увидим еще, — невесело усмехнулась Илта, — тут главное на живых не наскочить.

Живых в поселке старателей, судя по всему, уже не осталось, зато мертвые обнаружили быстро. Улица заканчивалась в центре поселка, где было что-то вроде площади. Посреди нее и лежали трупы — множество тел, сваленных в беспорядочную кучу поверх друг друга. В основном мужчины, но попадались и женщины и даже дети.

— Сигнали на площадь и расстреляли, — сказал Свицкий, — странно, неужели никто не сопротивлялся? Старатели — народ рискованный, просто так на убой их не погонишь.

— Может после боев тела в общую кучу бросили, — предположил японец, — или так много бандитов было, что решили не сопротивляться.

— Все равно, — покачал головой украинец, — если есть выбор — умереть с оружием в руках или покорно ждать, когда тебе пулю в лоб пустят, ты сам что выберешь?

— А может им предложили иной выбор? — сказала Илта, — думаешь, сразу сказали, что расстреляют? Думаю, их собирали тут так — мол расскажите, что нам нужно, в живых оставим. Наверное и впрямь много бандитов было, ослушаться не посмели.

— И что от них могли требовать? — хмыкнул Свицкий.

— Золото? — предположил Матти.

— Может и золото, — кивнула Илта, — скорей всего даже. Только вот сдается мне, что знали они тех, кто их расстреливал. Прав Свицкий, старатели народ рискованный, просто так жизнь не отдадут. Значит, были у них основания думать, что те, кто стогнал их, выполнят свои обещания. Ну-ка, посмотрите, что тут есть на площади.

Следующие полчаса Илта и другие следопыты осматривали площадь в поисках улики. Было найдено множество винтовочных гильз, сигаретные окурки и пара смятых пачек от «Нашей марки». Это уже было кое-что — во всех вооруженных формированиях более-менее лояльных войскам стран Антикоминтерновского пакта, редко можно было встретить любителей советских сигарет. Тем более, что вот уже года два, как всех здешних курильщиков исправно снабжали своей продукцией табачные

, Японии, Британии и даже Германии.

Еще семь или восемь в лесу, — прошептала куноити.

— Ну, ясно все, — громко сказала Илта, — возвращаемся.

Вернувшись на лодку, они все рассказали кержаку.

— Я слышал раньше, — сказал Мирских, направляя лодку вниз по течению, — раньше Бамбуйку крышевал Вовка Кузнецов, вожак партизанский. Слышала о таком, нет?

Илта кивнула — да, во всех розыскных листах Империи Ниппон Владимир Кузнецов, бывший политрук дивизии, числился как один из самых опасных красных командиров.

— Вовка-то на север уходить не хотел, — рассказывал Мирских, — удобно тут устроился. Вроде, как и партизанит против японцев, боевой командир все дела, от Советов почет, награды, да и оружие подкидывают время от времени. Но в здешних местах гадить не хотел. Бамбуйка для него как кошелек была — пришел и взял сколько хотел. Ну, а местные старались не злить, подкидывали золотишко. А вот с месяц назад все поменялось.

— Пала Чита, — кивнула Илта.

— Ну да, — кивнул кержак, — старатели тут с разных мест бывали, старались и нашим и вашим угодить. Мол, мы тут сами по себе. А как стало ясно, что Ось верх берет, так и решили послать кровососа красного подальше — я слышал он с них много брал, привык не отказывать себе ни в чем. А спускал, поди все равно в Хабаровске или Благовещенске. А как стало ясно, что Советы из Читы уходят — так народец и осмелел малость. Только силенок малехо не рассчитали местные — за что и поплатились.

— Ясно, — кивнула Илта, — ну ничего, вернемся — отправлю рапорт Семенову и Ямаде. Поселок отстроят, гарнизон поставят — ни одна красная гадина не сунется. Будет как в Зее.

— Хорошо бы, — усмехнулся Мирских, в его глазах мелькнуло лукавство.

— Надеешься подловить второго генеральского сынка? — спросила Илта и оба рассмеялись.

К вечеру они подплыли к отрогам Южно-Муйского хребта. Долина реки приобрела вид темного, глубокого ущелья, с крутыми, обрывистыми берегами, сплошь покрытыми осыпями разрушенных скал. Витим кипел и пенился на камнях, во многих местах заваливших русло, в реку живописными водопадами спадали горные ручьи.

— Дальше не пройдем, — сказал Мирских, когда группа, причалила к берегу не доходя до ущелья, — там шивер много, посадим лодку на камни и поминай как звали. Придется пешком, через горы.

Ночь провели в одном из ущелий, так, чтобы их не было видно с реки. Обсудив увиденное в Бамбуйке, пришли к выводу, что шайка Кузнецова, скорей всего, рыщет поблизости и придется постараться, чтобы разминутся с ним. Все же кержак рискнул развести костер, с величайшими предосторожностями упрятав огонь меж больших камней. На нем поджарили ошипанных куропаток, которых якут подстрелил еще днем, на несколько часов отлучившись в горы. Ночевали в одной из пещер, выставив часовых.

Наутро небольшой отряд двинулся в горы.

Южно-Муйский хребет поражал суровым величием, испокон веков надежно укрытым от людских глаз. Даже исконные жители этих краев, буряты и эвенки, были нечастыми гостями здесь. Горы то вздымались к небу вершинами исполинскими хребтов, то низвергались бездонными пропастями. Острые пики угрожающе поднимались, словно

кльки чудовищного дракона, распахнувшего громадную пасть. На склонах белели огромные сугробы, редко таявшие в короткое лето Забайкалья. Они питали бурные реки, несущие воды по узким ущельям, чтобы закончить свой бег в горных озерах с обжигающе холодной водой. А ниже, где альпийские луга высокогорий сменялись кедровым стлаником и хвойной тайгой, царили дикие звери редко сталкивавшиеся с человеком.

Однако в последниодоступные места.

Однако сейчас на вершину одного из скалистых утесов поднимался совсем другой отряд.

Группу Илты было сложно узнать — обветренные лица, потрескавшаяся от мороза кожа — во время одного из переходов, отряд попал в небольшую снежную бурю. По счастью, они взяли с собой теплую одежду, вплоть до каракулевых полушубков, изготавливаемых монгольскими умельцами. С едой тоже было неплохо — на одной из вершин Мирских подстрелил горного барана, мясо которого коптили на костре всю ночь. Воды же тоже было в достатке.

-Вовка-то на север уходить не хотел, — рассказывал Мирских, — удобно тут устроился. Вроде, как и партизанит против японцев, боевой командир все дела, от Советов почет, награды, да и оружие подкидывают время от времени. Но в здешних местах гадить не хотел. Бамбуйка для него как кошелек была — пришел и взял сколько хотел. Ну, а местные старались не злить, подкидывали золотишко. А вот с месяц назад все поменялось.

Вообще, Илта считала, что ей повезло — четырехдневный переход по малоизученной местности, через горы и бурные реки прошел, в общем, удачно: никто не обморозился, не сломал себе ногу, не заболел. Очень кстати прилась аптечка Илты, укомплектованная помимо стандартных препаратов несколькими пузырьками с целебными зельями, изготовленными по рецептам китайской и японской народной медицины. За все это время стрелять пришлось только дважды: первый раз в уже упомянутого барана, второй — в хищников: волк, волчица и трое сеголетов — целую ночь кружили вокруг стоянки отряда. Финн убил одного из молодых зверей, после чего остальные сочли за лучшее не связываться с людьми.

Следопытам удалось избежать встречи и с намного более опасным хищником — человеком. Хотя пару раз ночью, где-то вдали мерцали костры и осторожный Мирских, наутро уводил остальных, какими-то одному ему ведомыми тропками, подальше от врага. Из всей группы только он да Степанов более-менее знали эти места — Свицкий бежал с Бамлага несколько севернее, японец с финном и вовсе не бывали в здешних краях. Именно поэтому этих двоих Илта и послала разведать дальнейший путь.

Она оглянулась на лица оставшихся с ней людей, потом посмотрела за их спины и ее губы невольно раздвинулись в слабой улыбке. Позади поднимались массивные горные пики, среди которых выделялась одна, похожая на замок сказочного великана, на глазок — не меньше трех километров в высоту. Куноити, среди прочего занимавшаяся и топографией этой малоизученной местности, нанесла эту вершину на карту под названием «Пик Ямато». Если она когда-нибудь доберется до штаба, эта карта станет ценным пополнением для Квантунской армии.

В целом, Илта считала, что ей есть чем гордиться — всего за четыре дня ей удалось преодолеть эту дикую, мало кому известную страну, не потеряв ни одного человека. Конечно, в этом во многом была заслуга Мирских — это он находил в здешней мешанине гор и ущелий самые короткие пути. Но разве не она догадалась ввести его в группу, разве не

настояла на его полной амнистии в Японской империи? Теперь, после изматывающего тело и душу перехода по заснеженным вершинам, альпийским лугам и горным ущельям, дальше путь будет легче. Внизу расстилалась озерно-речная страна, перемежаемая лесистыми холмами. Видневшиеся вдаль отроги Северо-Муйского хребта выглядели значительно ниже гор оставшихся за спиной. Еще дня четыре ходу, а там рукой подать будет до Нижней Ангары, за которой будет Сынныр, цель их путешествия.

Вот только отрядов красноармейских — и «партизанских» и регулярных там будет не в пример больше — напомнила себе куноити. Хотя есть и поближе проблемы — в простиравшемся внизу лесу повстанцам не в пример удобнее хоронится, чем в оставленных позади горах.

Сзади послышался хруст камней под чьими-то сапогами и Илта резко развернулась, хотя и понимала, что вокруг свои и незаметно никто не подберется. Так и есть — на склон поднимается Юрий Мирских, в овчинном полушубке и теплых штанах, через плечо перекинута неизменная барданка.

— Ну что, нашел, где дальше идти? — спросила Илта.

— Пара мест есть, — кивнул кержак, — направо, если спуститься, будет ущелье — длинное, узкое, прямо в долину выведет. А налево, там по склону можно подняться немного, а потом с горы спустится. Спуск там, правда, крутой, можно и навернуться, но зато быстро — по ущелью идти дольше намного.

— Ясно, — кивнула Илта, — ну подождем Степанова.

Но и пришедший вслед за ними якут ничего нового не сообщил — назвал все то же ущелье. Спуск, названный Мирских он решительно отверг, сказав, что там «шею свернуть ничего не стоит». Кержак хмыкнул, пробормотав что-то нелестное о храбрости якута, но спорить не стал.

Вскоре они спустились в ущелье — узкое, темное, порой резко уходящее под уклон. Дело осложнялось тем, что по дну ущелья бежала быстрая горная река — то сужавшаяся небольшим ручейком, еле заметным под камнями, то вдруг выбивавшаяся могучим потоком из-под валунов, так что идти приходилось под самым берегом, прижимаясь к скользким от воды стенам. Японец, шедший первым, как самый легкий, один раз даже поскользнулся на скользких камнях и рухнул бы в воду, если бы в последний момент его не удержал бы за шиворот Свицкий.

Голые скалы над ними постепенно покрывались растительностью, появлялись и деревья — сначала редкие, потом все более частые, пока не пошла, наконец, сплошная стена леса. Илта поняла, что они почти у цели. Вот-вот, преодолеть последний крутой спуск — очередной обрыв, с которого речка водопадом стекает в небольшое озерцо, а дальше, за большим утесом до долины рукой подать — Мирских говорит, он видел эту скалу сверху. И хорошо, хоть пару деньков пройтись по ровной Муйской котловине, прежде чем опять карабкаться в горы — на этот раз Северо-Муйского хребта.

Акира, держась за выросший прямо из скалы куст, первым спрыгнул вниз, удачно приземлившись на широкий камень посреди озерца. Еще один прыжок — и он уже на берегу, шагах в десяти от заветного утеса.

Остальные уже собирались последовать примеру японца, когда ущелье вдруг огласил душераздирающий крик. Сначала Илта решила, что это вскрикнул японец, но тут же этому крику отозвался второй, потом третий, четвертый — во всех этих вполях смешались удивление и страх. Не успела Илта сообразить, что крики эти доносятся откуда-то спереди,

как тут же раздался выстрел — один, второй, третий, — вразнобой грохотала целая канонада, причем, как могла определить Илта стреляли из разных оружий. Стены ущелья вокруг них затряслись, сверху посыпались камни. Куноити мельком успела подумать, что если начнется обвал им даже некуда будет убежать. Словно в ответ ее мыслям послышался низкий, рокочущий рык — словно снежная лавина сходящая где-то вдалеке, но приближающаяся с каждым мгновением. Поначалу Илта и подумала, что эхо от выстрелов вызвало обвал, но потом поняла, что дело совсем в другом.

Крики вдруг стихли, затих и оглушительный рык, но вслед за ним послышался новый звук — хруст костей и громкое чавканье. А потом послышались негромкие, тяжелые шаги, приближающиеся с каждым мгновением.

Илта вскинула карабин, одновременно услышав, как позади нее щелкнуло несколько затворов. Японец внизу, все это время застывший словно статуя, тоже опомнился, вскинув карабин, в ожидании того, что неспешно шло к ним по ущелью.

Из-за утеса, служившего им ориентиром, медленно выплывала огромная черная тень. Могучее тело, поросшее длинной шерстью, несли огромные лапы с острыми когтями, маленькие глазки зло смотрели на людей, красный язык плясал меж оскаленных зубов.

— Матерь Божия — чуть слышно прошептал за спиной Илты Свицкий, забормотал молитвы и кержак. Якут и финн молчали, но Илта была уверена, что они впечатлены выходящим из-за скалы зверем не меньше, чем она. А она была и впечатлена и напугана. Дело даже не в размерах зверя, хотя он превосходил всех, когда-либо виденных ею медведей. Даже в самых безумных охотничьих байках ничего не говорилось о медведях двух, а то и больше метров в холке. Не слышала она и о зверях, чей мех был бы черным — не темно-коричневым, даже не черно-бурым — иссиня-черным, как у пантеры.

— Несколько ударов сердца люди и зверь мерялись взглядами, а потом вновь ударил выстрел, за ним второй — у Акиры первого не выдержали нервы. И вот тут Илте стало по-настоящему страшно. Дело было не в размерах и не в окраске зверя — в конце концов мало ли какое зверье могло обитать в этом почти неизвестном человеку краю. Но ведь японец стрелял и попадал в чудовище — Илта видела, как несколько пуль попало в оскаленную морду. Это был и не призрак — голова зверя несколько раз дернулась, однако на ней не выступило ни капли крови. Илта покрутила головой, прогоняя наваждение — ей почудилось, что медведь проглатывает пули. Зверь не издал какого-либо звука ярости или боли — с рокочущим рычанием, он двигался вперед, разбрызгивая воду ручья.

Похоже, и сам японец понял, что зря тратит пули, стреляя в неумолимо надвигающееся на него чудовище, неуязвимое словно в кошмарном сне. Лицо Акиры посерело, губы дернулись и он, неожиданно отбросив винтовку в сторону, рухнул на колени перед огромным зверем.

— Кааамуй! Цуриканда-камуй! Людоед гор, если тебе нужна моя жизнь — возьми ее!

— Не стрелять, — прошипела Илта, заметив, как слева от нее поднимается винтовка Свицкого, — не вздумай, Василь!

Несколько людей в ущелье замерли, глядя на застывшего на месте огромного зверя и бьющегося перед ним в поклонах японца, кричащего сразу на трех языках — русском, японском и еще каком-то, неизвестном даже куноити.

— Нупурикесунгуру, у подножия гор обитающий! Людоед «очень жестокий», не жду я от тебя пощады! Коль нужна тебе моя жизнь — возьми ее, без жалости, бог моих предков, но оставь в живых тех, кто следует за мной. Коль бесчестен я, заberi меня в Нитне Комуи

Мисири, мокрый ад, но дай путь продолжить тем, кто следует со мной. Коль смерть моя может стать жертвой — прими ее Горный Людоед.

Отвесивший очередной поклон Акира, поднялся на коленях, вскинув руки вверх и в этот момент, доселе стоявший неподвижно медведь качнулся вперед. Раскрылась зубастая пасть и огромные челюсти сомкнулись на теле японца. Илта не верила своим глазам — острые клыки разом перекусили пополам несчастного самурая, как она сама бы откусила от ломтика колбасы. Когда чудовище вскинуло голову, разжевывая и проглатывая куски мяса, на земле все еще стоял на коленях уродливый обрубок. Кровь изливалась фонтанами из перекушенных органов, бесчисленных вен и артерий. Зубы зверя перерезали тело Акиры ровно по пояс, так ровно, будто кусал не медведь, а гигантская акула. Проглотив куски мяса, чудовище вновь наклонило голову и в один присест заглотило оставшуюся часть тела.

За спиной Илты послышались узнаваемые звуки — желудок кого-то из ее следопытов оказался слишком слаб для такого зрелища. Трудно их винить — к горлу Илты тоже подступил комок. Медведь, проглотив последний кусок, оглушительно взревел — словно обрушилась, наконец, горная лавина — и поднялся на задние лапы. Сейчас медведь смотрел на людей сверху вниз — хотя они и стояли на обрыве, с которого падал двухметровый водопад. Маленькие красные глазки внимательно рассматривали членов группы Илты, словно прикидывая кого сожрать следующим.

— Илта! — вскрикивает сразу несколько голосов позади, чья-то рука хватает за рукав куноити. Легко вывернувшись, девушка соскакивает вниз — надо же именно на тот камень угодила, на который и Акира спрыгнул. В голове словно молоточки стучат, ноги гнутся, словно итальянское спагетти, по спине стекает холодный пот. Илта подходит к чудовищу и поднимает руки. С окровавленной морды еще падают красные капли, попадая прямо на стоящую внизу девушку. Она подставляет ладонь и растирает по лицу кровавый мазок. И страх уходит куда-то, голова проясняется, а на язык словно сами собой приходят нужные слова. Илта, вскинув руки, начинает нараспев произносить:

Бабаган-онгон!
Шингил шибэ газар.
Баруни тайгаха бухада,
Бар ехэ бабага
Бар тайга гудэл
Хуни мяхан хунхэн;

Разве только Мирских, много лет проведший бок о бок с таежными народами, мог слышать в звуках этого песнопения знакомые слова. Да и еще Степанов восторженно, словно услышав что-то знакомое — древнее, темное, как лесная чаща, полузабытое за годы безбожной власти, но все еще живое, притаившееся в сердце каждого таежного охотника.

Непроходимая тайга — бег,
Человеческое мясо — еда!

Огромный зверь слушал, слегка наклонив голову набок, в то время как тонкая девичья фигурка мечась перед его мордой, заламывала руки, выкрикивая снова и снова.

Бархан тагар эргилэб,
Бальширганар иде хэлэб!
Хуни мяхар хунхэ хэлэб;
Хульжиргэнэр иде хэлэб!

Даже не знающие ни слова по-бурятски языка финн и украинец, как-то необъяснимо понимали, что поет их атаманша-шаманка.

В медведя превратился
В непроходимых тайгах побывал,
Из бальширгана пищу сделал,
Из человеческого мяса харчи сделал!

И видно было, как гаснет злой огонек в глазах зверя и как медленно опускается огромная туша. Жуткая черная морда склонилась к Илте — даже на четырех лапах зверь был выше ее на несколько голов. Одурающим запахом крови и мяса пахнуло на девушку, но та с открытыми глазами смотрела на чудовище, несмотря на то, что ноги ее почти не держали, голова кружилась и она, почти не осознавая себя продолжала произносить слова шаманского песнопения.

«Хунн мяхая хунхэн
Хуни шухан ундан...»
«Человеческое мясо — харчи,
Человеческая кровь — питье...»

Чудовище покачало головой из стороны в сторону, потом издало короткий рык и развернувшись исчезло за утесом. Илта без сил опустилась, почти сползла по стене ущелья — хорошо еще, что прислонится успела, а то бы так и рухнула наземь. В голове шумит, как после хорошей попойки, тело бьет крупная дрожь.

Как сквозь туман доносятся слова.
— Госпожа Сато?

— Малая, ты как?

Поднимает глаза — перед ней стоят встревоженные Магги и Юрий, за их спинами маячит лицо Свицкого. Илта слабо кивнула и встала, опираясь руку финна: без его поддержки, наверное, тут же и упала. Якут стоял у воды, внимательно разглядывая то место, где стоял медведь. Видно, что не призрак — следы огромных лап Илта видела даже отсюда.

— Что это было Илта? — спросил украинец, протягивая девушке открытую пачку сигарет, — на возьми. Да осторожнее, не рассыпь.

Илта трясущимися пальцами взяла сигарету, прикурила от зажженной Юрием спички и с наслаждением затянулась, чувствуя, что постепенно успокаивается. Выкурив сигарету и бросив окурочек в воду, она коротко бросила.

— Пойдем!

Спиной она чувствовала недоуменные, а то и настороженные взгляды ее следопытов, почти слышала крутящиеся у них на языке вопросы. Им стоило некоторых усилий, двинуться вслед за девушкой, решительно направившейся к утесу, за которым исчез огромный зверь. Только сейчас Илта заметила, что утес необычайно схож с исполинским медведем, вставшим на задние лапы и задравшим огромную морду. Сходство было столь очевидным, что куноити поразились, как не заметила его раньше. Словно внутри камня был заключен исполинский зверь, рвущийся сейчас на волю.

«Заклучен»? Как там говорят русские? Не буди лихо, пока оно тихо.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Илта на мгновение прислонилась лбом к холодному камню и прошептала несколько слов. Вслед за ней, невольно поклонились жуткой скале и остальные следопыты — похоже, что не одна куноити заметила пугающее сходство.

За утесом продолжалось ущелье, по дну которого бежал ручей, вытекавший из озерца. С первых же шагов здесь ноздри Илты уловили хорошо знакомый запах — сладковато-тошнотворный, усиливающийся, казалось с каждой секундой. За ее спиной послышался взволнованный шепот — не учуять этого было невозможно. Вскоре послышалось и неумолчное, равномерное гудение, тоже усиливающееся с каждым шагом.

Еще один поворот — и перед ними открылся большой заболоченный луг, отделявший горы от начинавшейся в двух метрах от них стены леса. Здесь «их» ручей сливался со множеством иных, точно таких же, весело журча сбегаящих с гор. Чем дальше они отходили от скал, тем больше замедлялось их течение и струи чистой воды постепенно растворялись в застоявшихся лужицах и озерцах полных жидкости — слишком густой и слишком красной для того, чтобы быть простой водой.

С неожиданным для нее равнодушием смотрела Илта на сцену ужасной бойни. Заболоченный луг был переполнен загустевшей кровью. Каждая травинка, каждая кувшинка, казалось, теперь навеки окрасится в красный цвет, напитавшись жизнью множества убитых. Здесь же лежали и тела, вернее останки погибших, растерзанные в клочья, оторванные руки и ноги, вырванные внутренности. Многие части обломаны до костей, здесь же разжеванные, разможенные позвонки с высосанным костным мозгом.

Завороженная сценой ужасающей бойни Илта делает несколько шагов вперед, не замечая, что ее сапоги уже почти по щиколотку в кровавой грязи.

— Илта глянь! — куноити оглянулась на отклик, — надо же у ее людей еще сохранилось достаточно самообладания, чтобы начать осматривать останки погибших. Хотя что удивляться — как-никак, все тертые волки, на войне поди и не такое видали. Огромный

медведь был страшен именно своей неизвестностью, невозможностью, а вот следы его деятельности выглядели вполне привычно.

— Перекушена, — финн протягивал ей вытащенную из ближайшей лужи винтовку Мосина. На ней и впрямь виднелись следы огромных зубов, с легкостью прокусивших металл в месте затвора, так что пришедшее в полную негодность оружие держалось на нескольких полосках стали. Теперь Илта заметила множество металлических обломков, рассеянных меж ошметков человеческой плоти, обрывков формы, ремней, какой-то еще мелочи. Ранее всего этого хватило бы на то, чтобы обмундировать и вооружить, по меньшей мере, роту.

На небольшом возвышении, вроде кочки, выступающей из воды лежал труп, которому «повезло» остаться целее остальных. Вернее осталась верхняя половина — нижняя была просто отхвачена огромными челюстями и, наверное, проглочена на ходу. Оставшийся обрубок был почти целым — можно было даже разглядеть искаженное ужасом скуластое лицо. Рядом в воде медленно тонула фуражка с красной звездой.

— Узнаешь, — Илта обернулась к Мирских. Тот кивнул, не сводя глаз с головы.

— Два года назад, — медленно сказал он, явно подбирая слова, — окружил нас Кузнецов Вовка, под Каларом. Нас было двадцать, а их двести, почти всех наших там и положили. Мне повезло, пуля наискось прошла, только царапнула. Да еще и руку он мне прострелил, сука. Повязали и повели на расстрел — вот тут я его и хорошо запомнил. Если бы сам Гамов тогда со своими молодцами не накрыл их — там бы и остался в горах, а так сумел удрать в суматохе. Сам Вовка тоже с половиной банды ушел тогда, а потом к нему и новые людишки набежали, — он усмехнулся в лицо мертвецу, — ну что антихрист, не думал, что в следующий раз вот так свидеться придется?

Ночевали на вершине лесистого холма, подальше от заболоченного луга, превратившегося в Поляну Смерти. Перекусывали остатками копченой баранины, запивая обнаружившимся где-то у Мирских ханшином. Теперь в выпивке никого не ограничивали — после всего сегодня увиденного было необходимо хоть так снять напряжение.

— Почему он не напал на нас? — спрашивал подвыпивший Свицкий у Илты, — он столько людей разорвал, ему с нами справится раз плюнуть. Это твое колдовство, да? Но почему ты тогда не спасла Акиру?

— Колдовство, — горько усмехнулась Илта, — я не Бэлигте хар-боо, чтобы бороться с «медвежьим онгоном». Если он захотел нашей смерти, мы бы не дожили до ночи. Но «бабаган-онгон» удовлетворился тем, что растерзал бандитов Кузнецова, осквернивших его логово. Ну что же, теперь бамбуйцы отомщены.

— Нам тоже повезло, что это случилось, — подал голос финн, — если бы не этот — как ты его называешь, «бабаган»? — мы бы выскочили прямо в засаду.

— Так тут и золотишко, наверное, где-то валяется, — возбужденно поднялся Мирских, — может пошукаем. На обратном пути, тогда...

— Вот на обратном пути и будем думать, — отрезала Илта, — некогда нам по этой чаще рыскать. Матти верно говорит, повезло нам, что «медвежий онгон» убрал с пути красных.

— Странно это, — задумчиво протянул якут, — они сидели как раз на выходе из ущелья, будто ждали нас. Место-то для лагеря не самое подходящее.

— Угу, не самое, — кивнула Илта, — и все же сидели. Может и вправду — ждали.

— Да ну, ерунда, — махнул рукой кержак, — откуда они могли знать?

Илта покачала головой. Вообще-то некоторые подозрения насчет «откуда» роились у нее в голове, но пока четких оснований у нее не было.

— Все это хорошо, — вмешался в разговор украинец, — только вот меня больше эта зверюга беспокоит. Кто это вообще — бог, демон, дух лесной? И как ты Илта с ним договорилась.

Куноити покачала головой, глядя в пышущее перед ней пламя костра.

— Буряты рассказывают, — начала она, — в старые времена жил черный шаман, который после смерти сделался заяном. Раньше ему приносили человеческие жертвы, но потом Хормуста, небесный владыка, а черного шамана обратил в медведя и запретил принимать жертвоприношения человеком. После этого у бурят появился «бабаган-онгон», «медвежий онгон», дух-покровитель.

— Что-то тот медведь не похож на безобидного мишку, — хмыкнул Мирских, — я тоже слышал эту легенду. В ней говорится, что онгон с тех пор стал просто сосать лапу зимой и питаться смородиной. А этот зверюга...

— Те, кто рассказывают эту легенду, знают не все, — усмехнулась Илта, — . После запрета Хормусты, бывший шаман пришел к Эрлэн-хану — это ведь он создал медведя. Владыка закона облегчил наказание Хормусты — теперь бабаган-онгон принимает человеческие жертвы — но только в благодарность за те дела, что он совершает во имя Эрлэн-хана. Ну, вот, — Илта сделала неопределенный жест рукой, — собственно деяние.

— Так что же Акира, получается и был этой жертвой? — Мирских с опаской посмотрел на Илту, — за то, чтобы тут этих красных замочили? Цена не велика ли?

— По-твоему было лучше, если бы красные нас тут всех положили? — жестко глянула на него Илта, — Акира самурай и был готов умереть. А он еще и стрелял в «медвежьего онгона», не признав его сразу. А как понял свой грех — так и осознал, что иной дороги нет, что иначе мы бы все не вышли из этого ущелья. Там куда он попадет, ему зачтется.

— Погоди, какой грех? — недоумевающе спросил Василь, — Акира же не бурят, чтобы верить в монгольских духов? Знаю я, как японцы относятся ко всем местным суевериям.

— Он японец по отцу самураю, — кивнула Илта, — потомукни обнищавшего рода, переселившегося на Хоккайдо после революции. А его мать — айнка, тоже из рода каких-то тамошних вождей. Акира айнские легенды знал неплохо, всех их богов и духов. Айны медведей почитают за первопредков, а в «бабаган-онгоне» Акира признал Цуриканда-камуя, злого бога, в обличье медведя-людоеда. И понял, что если он сам не отдаст себя в жертву — Цуриканда-камуй нас всех вслед за краснюками растерзает.

— Так это, — спросил Василь, — кто же все-таки этот зверь? Бурятский черный шаман или злой бог айнов? Не может же он быть всеми ими сразу?

— Это ты у шаманов спроси — хмыкнула Илта, — кем он может быть, а кем нет. Разные народы придумывают имена «богу-медведю», а он...просто есть.

— Я уже запутался в этих ваших языческих суевериях, — передернул плечами кержак, — голова пухнет. Может, хватит уже? И так страшно все.

— Может и хватит, — кивнула Илта, — не думай много об этом. Помянем, давай лучше Акиру, который дал нам продолжить путь.

Она сделала крупный глоток ханшина и передала бутылку Василю. Быстро пустеющая бутылка ходила по кругу, пока Илта и ее следопыты справляли поминки по человеку, отдавшему себя в жертву Медвежьему Богу.

— Господи, да что же они так орут? — Наташа с отвращением поморщилась, отворачиваясь от окошка, забранного кованной решеткой.

— Жрать хотят, вот и орут, — меланхолично пожалла плечами сидевшая на соседней кровати Василиса — крупная рыхлая деваха, в белом халате, накинутом на голое тело. Под стерильно чистой тканью угадывалось раздувшееся чрево. Кроме Наташи и Василисы в небольшой палате были еще четверо девушек. Двух из них — высокую статную хохлушку и раскосую бурятку, Наташа видела в страшной пещере, где свершалось противоестественное насилие. Первую, как выяснилось звали Аленой, вторую все называли Таней — ее бурятское имя было слишком сложным для запоминания. Василису и еще одну товарку по несчастью Наташа видела впервые, но это не имело особого значения — в темной вонючей пещере, с ними произошло то же самое, что и с Наташей, Аленой и «Таней». Разве что случилось это парой месяцев раньше — поэтому их беременность была уже достаточно заметной. Выглядели пленницы совершенно безучастными ко всему, односложно отвечая на любые Наташины вопросы и, похоже, совершенно смирившиеся со своей участью. И самое страшное — Наташа чувствовала как это безразличие охватывает и ее саму.

Не так она себя вела три дня назад — когда, потеряв сознание в жуткой пещере, очнулась в камере с обитыми войлоком стенами. Жутко болело тело, особенно меж бедер, где все, казалось, превратилось в сплошную рану. Во рту ощущался горький привкус желчи.

В тусклом свете освещавшей камеру лампочки, Наташа увидела несколько кроватей, с которых на нее с сонным любопытством смотрели молодые женщины. Не успела Наташа заговорить с ними, как дверь распахнулась, и в комнату вошли два обезьяноподобных существа, волочащих под руки азиатку. словно куль с мешком они взвалили ее на оставшуюся свободной кровать. Один из зверюродов поднял ее веко, второй рывком раздвинул ноги, по-хозяйски запустив туда лапу и что-то внимательно рассматривая. В этих движениях не было ни похоти, ни садистского удовлетворения — уродливые твари просто проверяли состояние подопытного экземпляра. И вот от этого нечеловеческого безразличия, от осознания неправильности, уродливости ситуации, когда подопытное животное меняется с человеком местами, наконец, от недавно пережитого и все еще не оставившего ее страха и унижения в голове у Наташи лопнул какой-то предохранитель. Девушка сама не поняла, когда она, выкрикивая что-то нечленораздельное, повисла на спине уродливой твари, царапаясь и норовя вцепиться ногтями в глаза. В этот момент она сама напоминала дикое зверье из джунглей. Отпрянувшие по углам девушки наблюдали за ней со смешанным чувством страха и любопытства. Откуда-то снизу раздался оглушительный вой и хохот, тут же подхваченный полдюжиной голосов.

Бунт оказался недолгим — что-то острое вонзилось в бедро девушки, перед глазами у нее потемнело и Наташа безвольной грудой упала на пол.

Первое, что она увидела, очнувшись, была безобразная волосатая рожа, с которой заботливым, проникновенным взглядом на нее смотрели глаза Ильи Иванова. За его спиной маячили старые знакомцы — Спартак и Савмак.

— Ай-яй-яй, — укоризненно покачал головой профессор, и Наташа заскрежетала зубами, — как не стыдно, Наташа? Советская девушка, ведет себя как деклассированный элемент из Харбинских трущоб. А еще комсомолка!

— Да пошел ты! — девушка дернулась и с досадой обнаружила, что в очередной раз прикована к кровати. Профессор словно и не заметив ее рывка, продолжал разглагольствовать.

— Вы должны своим примером показывать товарищам настоящую большевистскую выдержку, быть образцом поведения для «хомо новуса», — он благосклонно посмотрел на Спартака и тот в ответ издал некий довольный звук — не то рык, не то хрюканье.

— У них и так перед глазами вечно дурной пример, — продолжал доктор, — вон полюбуйтесь на их собратьев, — он кивнул куда-то вбок и Наташа невольно проследила за ним взглядом.

Ее кровать стояла чуть ли не вплотную у стены, в которой, примерно на уровне ее головы, располагалось окошко, закрытое решеткой. За ней виднелся очередной темный провал, слабо освещавшийся от лампочки в палате. Вдали, среди мрака мерцали иные прямоугольные окошки, за которыми пару раз мелькнули чьи-то испуганные лица. Наташа сообразила, что это комнаты других пленниц. Всю скальную толщу усеивали пещеры, располагавшимися ярусами друг над другом, словно огромные соты. Где-то эти пещеры расширили, где-то заложили камнями, в верхних ярусах обустроили палаты с пленницами, служебные помещения, лаборатории. А вот внизу...

Что-то шевельнулось во мраке, блеснули красные глаза и послышалось злобное урчание. Наташа вскрикнула, увидев как в падающий на землю прямоугольник света, шагает очередное чудовище. Очередной представитель обезьянолюдей был на удивление малошерстным — только редкие пучки волос покрывали черную кожу, да с головы свисали грязные пакли. Широкая грудная клетка, мощные мускулы, сильные ноги — существо это выглядело вполне как человек, только что очень физически развитый... Наташа неожиданно поймала себя на мысли, что если бы не клочки шерсти, этот мускулистый торс вполне мог бы привлечь ее интерес. Затем на перевела взгляд выше — и все подобные мысли разом сгнули, уступив место страху и омерзению.

Даже обезьяны, насилуовавшие ее внизу, не выглядели столь безобразными. Толстые губы, две дыры вместо носа, мясистые бугры на лице. Выпученные темные глаза немигающе уставились на Наташу, губы раздвинулись, обнажая крепкие острые зубы, и тварь оглушительно взревела. Этот рев подхватили сразу несколько голосов из тьмы, в которой заматались неясные тени.

— Что, хороши красавцы? — усмехнулся доктор, привычным движением разводя ноги девушки, чтобы вставить очередную стеклянную трубку. Та дернулась от болезненного проникновения, но больше не сопротивлялась: во-первых, бесполезно, а во-вторых — она еще не отошла от увиденного.

— Это мои первые создания, — с гордостью произнес профессор, — первый блин, как и полагается, комом. Эксперименты начались еще во время моей работы во Французской Гвинее — было заключено соглашение между советским правительством и Французской Республикой. За сотню франков негры соглашались быть донорами спермы для самок обезьян. И потомство было, но — такое, какое вы видите перед собой: более-менее человеческая внешность, но совершенно звериный разум. Сколько я не бился, не пытался добиться лучших результатов — бесполезно. Но я говорил с тамошними колдунами и они рассказали мне кое-что весьма подсобившее мне в исследованиях. У них там есть свои ритуалы, обряды «смещения крови», жертвы Царю обезьян. Во всех этих суевериях обнаружилась масса интересного и это мне помогло, когда я...

Он замолчал, вынимая зонд и доставая из ящичка большой шприц. Однако Наташа и так уже поняла, о чем речь. Секрет преобразования профессора Иванова был замешан не только на его научных достижениях, но еще и на темных секретах Черной Африки. Соединенные со

всей мощью советской науки и тайными знаниями монгольских шаманов, семена, посеянные в душных джунглях, дали обильные всходы в забайкальской тайге.

— Мне пришлось уехать оттуда, — с сожалением произнес Иванов, — местные власти и так косо смотрели на мои исследования. Но с десятков моих созданий я вывез на советском сухогрузе. Двое подошло в дороге, зато остальных восемь я привез в СССР. Их спермой я оплодотворял и женщин и самок обезьян, смотрел, что получится, заставлял скрещиваться в самых разных комбинациях. Хорошо еще, что половая зрелость у них наступает много быстрее, чем у людей. В общем, рано или поздно мне удалось вывести то, что ты видела на плацу.

Он прервался, чтобы всадить шприц в бедро Наташи и та невольно вскрикнула. Внизу в ответ послышалось басовитое ворчание. Доктор, словно и не заметив, что его пациентке больно, продолжал болтать. Похоже, у него не часто тут находились новые уши, перед которыми он мог похвастаться своими достижениями. Наташа, с ее медицинским образованием, была для «товарища Иванова» настоящим кладом.

— Да вот так вот, Наташа, — рассуждал он, — методом проб и ошибок, я добился успеха. Но время от времени среди моих подопечных рождаются и такие безмозглые уроды. Эти на человека похожи хотя бы телом, в других камерах встречается совсем жуть. Приходится их изолировать. От них тоже есть польза — хороший семенной фонд, резерв для дальнейшего оплодотворения. Также на них можно ставить опыты, какие мне не позволят проводить на более развитых особях.

Говоря все это, доктор взял, наконец, все анализы, убрал образцы в ящичек и выпрямился.

— Ну, вот и славно, — произнес он, — вроде пока все в норме. Забыл сказать — обычно наши подопытные беременеют с первого раза. Забавно, но эти...сущности, с которыми имеет дело товарищ Сагаев, кажется, придают семени особую витальную силу. Так что поздравляю — очень скоро, я полагаю, вы познаете все радости материнства.

Улыбаясь ослепительно белыми зубами, Иванов перешел к другой девушке, а Наташа прижавшись лбом к спинке кровати беззвучно выла — от страха, омерзения и стыда. Она давно поняла, для чего ее похитили и как собираются использовать, но сегодня, после всего, что случилось и последующего пояснения Иванова, она чувствовала себя полностью раздавленной. Участь безвольного скота, живого инкубатора для выращивания омерзительных тварей, словно вышедших из ночного кошмара — было от чего свихнуться.

Снизу в ответ ее тихому плачу раздавался заунывный вой черных обезьян.

Прошло три дня с тех пор как Наташа впервые оказалась в своей камере-палате. Первые сутки она лежала прикованной к кровати: надо полагать, доктор понял ее состояние и решил не рисковать, отпуская — вдруг ценный подопытный материал наложит на себя руки. Кормили ее насильно, причем, судя по специфическому привкусу, в пищу добавляли какие-то лекарства. Кроме того, ей периодически делали разные уколы. В итоге уже на второй день на Наташу напала странная апатия — незавидная ее участь воспринималась без всякого трагизма, будущее представлялось в уныло-сером, но не страшном свете. Заглянувший к обеду Иванов внимательно осмотрел ее, задал несколько вопросов — на который Наташа безропотно ответила — после чего просиял и приказал своим подручным расковать ее.

— Просто прекрасно, моя дорогая, — произнес он, — вижу, вы уже полностью прониклись важностью возложенной на вас миссии. Грань между экспериментатором и

объектом эксперимента, на самом деле, невелика — разве мой внешний облик не лучшее тому доказательство? Великие ученые прошлого прививали себе оспу, чтобы проверить новые лекарства, а вы совершили прививку новой жизни — той, что достигнет звезд.

Он продолжал еще что-то плести, в то время как Наташа вяло гадала — вдохновенно ли он врет или и вправду верит в бред, который несет. Очень походило на второе, но и эта мысль не вызвала у девушки особенных эмоций. Их у нее сейчас вообще мало что вызывало — как впрочем, и у ее сокамерниц. Они редко говорили друг с другом, мало двигались, большую часть времени лежа на кровати и тупо уставившись в потолок, оживляясь только когда приносили еду.

Единственное, что могло вывести девушек из той апатии — это соседство с чернокожими обезьянами, то и дело завывающими из расположенной под ними пещеры. Тогда с пленниц спадало сонное оцепенение — по крайней мере, с тех, кто появился тут недавно.

Вот и сейчас девушки, опасливо озираясь, старались держать подальше от жуткой ямы за окошком. Наташа, преодолевая страх, все же глянула вниз, поморщившись от долетевшего даже сюда зловония. Собравшись в небольшой круг, пятеро или шестеро огромных существ, задрав вверх оскаленные морды, издавали улюлюкающий вой, молотя лапами себя в грудь. Наташу вновь поразили контраст перед почти человеческими, мускулистыми телами и безобразными животными харями, с сверкающими красными глазами. Особенно уродливая голова — совершенно лысая, в отличие от остальных — венчала женское тело, с полными черными грудями и пышными бедрами. Вращая белками глаз, твари завывали, словно выпрашивая чего-то.

Наташа не смотрела, как их кормили раньше, но соседки говорили, что черным великанам суют в щель под дверью миски с баландой. Сама дверь находилась внизу и открывалась очень редко. И до сих пор Наташа еще не слышала, чтобы эти твари так орали.

— Не смотрела бы ты, — послышался позади негромкий голос и Наташа обернулась, не веря, что кто-то с ней решил заговорить первой.

Это оказалась Василиса. Грузная девка сидела на кровати, свесив ноги и уставившись в голую стенку.

— Почему? — растерянно произнесла Наташа.

— Потому, — буркнула Василиса, укладываясь на кровать, — они так орут, когда их не кормят долго. А это тут делают только для одного...

— Для чего? — допытывалась девушка, но Василиса махнув рукой, отвернулась к стене. Наташа оглядела всех остальных — на лицах девушек прибывших одновременно с ней была растерянность и страх, у других — все то же безразличие.

Внезапно вой внизу смолк и вслед за этим послышался скрежет и лязг железного засова. Раздался жалобный крик, захлебнувшийся надрывным плачем. Ругая себя за несдержанность, Наташа все же, не удержавшись, глянула вниз.

В круге света, падающем из окон камер уже не было монстров — теперь там стояла на коленях девушка, в рваной белой сорочке. Темные волосы раскинулись по плечам, в округлившись глазах даже сверху было видно плещущиеся отчаяние и страх. Побелевшие губы дрожали, по щекам стекали слезы.

Раздался громкий щелчок и комнату озарил призрачный синий свет — где-то видно был спрятан мощный фонарь. Отчаянный крик сорвался с губ девушки, когда она увидела, что вокруг нее кружат, словно исполняя неведомый танец, черные великаны. В глазах их читался

лютый голод, алые языки облизывали полные губы, пальцы крючились, словно огромные когти. Особенно скотское вождение читалось на лице лысой самки — Наташа не могла назвать это существо женщиной.

Она не заметила, кто из кружащих вокруг девушки тварей издал гортанный вой, после которого они все метнулись вперед. Черные сильные пальцы вцепились в белую плоть, раздался истошный крик, переросший в нечленораздельный вой и хрип. Двое чудовищ разом вцепились в руку девушки, выкручивая ее из суставов и с треском отрывая от туловища. Еще один монстр вгрызся острыми клыками в белую шею. Женоподобная тварь запустила пальцы с длинными ногтями в промежность девушки, выдирая у хрипящей в предсмертных судорогах женщины капающий кровью кусок кожи, с одной стороны покрытый курчавыми волосами, с другой — обрывками плоти и комками жира.

В считанные минуты женщина была растерзана в клочья и твари, огрызаясь друг на друга, разбежались по углам, пожирая окровавленные куски. В этот же момент комната погрузилась во мрак. Наташа, широко раскрытыми глазами смотрела на все это — жестокость происшедшего пробудила даже ее чувства, притупленные успокоительным. Ничком она рухнула на кровать, забившись в рыданиях. В ушах девушки еще раздавались крики несчастной, хотя на самом деле снизу раздавалось только довольное чавканье и урчание тварей, насыщавшихся человеческой плотью.

Позже Василиса рассказала Наташе, что такая казнь предусмотрена для девушек, потерявших плод — неважно по своей вине или по неосторожности. Конвейер, поставивший рождение чудовищ на поток, не терпел холостых выстрелов, а между первым и вторым зачатием должно было пройти время, которого у большевиков было немного — в отличие от «подопытного материала». Считалось, что проще использовать другую «человекоденицу», которая почти гарантированно зачинала после первого изнасилования. Кроме того, подобные расправы яснее ясного демонстрировали пленницам, что их ждет при попытке устроить искусственный выкидыш. По словам Василисы, была и еще одна причина — созерцание подобных зрелищ, равно как и само нахождение рядом с ямами тварей, должно было оказывать некое влияние на рожениц и на плод. Василиса и сама не понимала этот момент, однако Наташа сообразила, что речь идет об очередной мистике и не стала ломать голову. Все и без того было слишком страшно.

Котловина, укрывшаяся между поросшими сосняком холмами, напоминала огромную чашу, в центре которой покоилось почти идеально круглое озеро. Берега водоема заросли камышом, скрывающим заболоченную землю и человека, не знающего дороги, в этой топи ждала верная смерть. Однако двое, сидевших на поваленной сосне у подножия холма, и не думали соваться в ставшую перед ними шелестящую стену, в которой оглушительно орали лягушки и зудели комары.

— А черт! — Василь с силой хлопнул себя по лбу, убивая комара, — этих двоих за смертью посылать. Может, стоило пойти с ними?

— Ночевать все равно будем тут, — пожал плечами Илта, — раз уже остановились. Зачем куда-то идти, все равно местность не знаем.

— А то финн знает, — буркнул украинец, — чего он тогда за Степановым увязался?

— Говорит, что привык, — ответила Илта, тщетно пытаясь разжечь от отсыревшей спички последнюю сигарету, — и похоже не врет. Ты сам видел.

Это было правдой — в заболоченной Муйской котловине финн чувствовал себя куда

увереннее, чем в горах или на реке. Наряду с якутом, привыкшим к болотам в родной тайге, он лучше всех определял на глаз безопасные пути, умея отличить безопасную зеленую лужайку от топкой трясины. Даже кержак — тоже не новичок в болотистых краях, признавал, что финн и якут лучше его разбираются в здешних местах.

Наличие опытных проводников, конечно, радовало — но в то же время и настораживало. После засады у Медвежьей Скалы, Илта стала все подозрительней поглядывать на своих спутников и чувствовала, что и они точно также все меньше доверяют друг другу. Может, конечно, это все было диким совпадением, может Кузнецов узнал об их группе из иных источников и, предвидя, примерно, где они будут спускаться с гор, устроил засаду. Однако в такие совпадения плохо верилось.

Тем не менее, она отпустила на разведку и Степанова и напросившегося с ним финна — как-никак, идти завтра наугад тоже было неохота. По ее расчетам им оставался хороший дневной переход до Северо-Муйского хребта, вершины которого сейчас казалось, начинались уже за следующим холмами. Увы, для того, чтобы добраться до них им предстояло преодолеть обширные пространства торфяных болот, местами покрытыми «пьяным» чахлым лесом. Куноити поджимало время — потратить целый день на поиск безопасных путей не хотелось, поэтому она и отправила якута — пусть завтра будет хоть какая-то определенность. Финн напросился с ним — и это тоже было хорошо, если один из этих двоих и предатель, другой присмотрит за ним. В Свицком она была уверена, также как и в Мирских, поэтому не возражала когда последний, взяв ружье, отправился к озеру, пообещав настрелять дичи к ужину. Первое время еще раздавались выстрелы, но вскоре и они стихли — похоже, сибиряку не везло с охотой. Он не боялся выдать себя — по словам всех трех проводников, они были далеко от обжитых мест. Ближайший населенный пункт — поселок старателей Таксимо — группа обогнула, сделав большой крюк, по словам Мирских там могли быть советские войска.

Неожиданно раздался выстрел — первый, второй, третий. Это явно было не юрина берданка. Степанов? Финн? Свицкий потянул руку за своим карабином и передернул затвор. Выстрелов больше не последовало, но Илта уже кожей чувствовала — что-то было НЕ ТАК.

— Что-то тихо стало — проворчал Свицкий.

Илта молча кивнула и подтянулась за унаследованным от покойного гурана СКТ.

— Черт!

В камышах вдруг оглушительно заорали лягушки.

— В лес! — выдохнул Свицкий, вскидывая к плечу оружие — быстро!

Тут же он открыл беглый огонь по мелкнувшим в зарослях теням, которых было явно больше двоих. В ответ загремели отдельные выстрелы и автоматные очереди.

Илта, не размышляя, сделала кувырок через спину, перекаtywаясь за ближайшее дерево и стала бить по вспышкам и легкому дымку в зарослях, прикрывая украинца. Тот скоро рухнул рядом с ней и, откатившись подальше в низкие кусты, заменил магазин.

— Цел? — не глядя в его сторону, бросила Илта, также сменив опустошенный магазин своего карабина.

— Почти, — скрипнул зубами Свицкий. Илта, посмотрела на него — украинец держался за бок, сквозь пальцы проступила кровь. Черт, как не вовремя!

— Зацепило только, — усмехнулся украинец в ответ на невысказанный вопрос Илты, — царапина, — добавил он, снова открывая огонь.

Град пуль из двух самозарядных карабинов смог на время заставить нападавших залечь,

но они быстро сориентировались. Стреляли явно профессионалы, причем хорошо вооруженные: характерным звуком трещали русские автоматы, к которым вскоре присоединился и ручной пулемет. Уже через пару минут Свицкий и Илта не могли даже голову поднять. Вокруг поднимались фонтаны земли, сверху сыпались выбитые пулями щепки и срубленные ветки.

— Уползать нужно пока не поздно, — опять меняя магазин, прохрипел Свицкий, — а то прижмут и гранатами закидают, или с фланга обойдут как ты тех мудаков на острове.

Внезапно стрельба стихла и наступила давящая на уши тишина.

— Эй, фашисты! — прозвучал веселый голос из камышей, — не скучаете? Мы тут на двоих ваших наткнулись. Одного, правда, замочить пришлось, зато вот второго скрутили. Выйдете по-хорошему — всем жизнь будет, не выйдете — хлопнем и его и вас за ним.

— Смотри, — опять прохрипел Свицкий.

Илта осторожно подняла голову и замерла. Камыши расступились и на открытое место вытолкнули скрюченного в три погибели человека, сильно избитого и глотавшего ртом воздух. Куноити выругалась сквозь зубы, узнав Степанова. Его руки были связаны за спиной, от запястий отходила длинная веревка, конец которой, похоже, держал кто-то из залегших в камышах красных.

— Думайте быстрее, — очередь подбросила фонтан земли рядом с якутом.

Илта закусил губу — она слишком хорошо знала своих врагов, чтобы верить их обещаниям. Но и оставаться в кустах она не могла — самурайский кодекс чести, причудливо смешавшийся в ее голове с понятиями детдомовской стаи, не позволял ей бросить соратника по оружию. В голове ее бешено неслись мысли: скорей всего ей все-таки не врут — она им нужна живой, как командир, как носитель полезной информации. Ее доставят в местный штаб, может даже в тот самый Центр — как раз туда куда нужно. В плену она как-нибудь догадается, как уйти живой — воспитаннице «Черного дракона» было не привыкать к таким поворотам.

— Я выхожу, — громко крикнула Илта, выходя из-за дерева — не трогайте его.

Со всех сторон зашуршали камыши и рядом с плененным Степановым, стали выходить диверсанты — высокие, крепкие мужики, с холодными глазами опытных убийц. Поверх формы были наброшены советские масхалаты, темно-зеленые с более светлыми пятнами (Илта припомнила, что тут их называют «березкой»), в руках они держали автоматы.

Вперед шагнул широкоплечий верзила, с черными кудрями, выбивающимися из-под буденовки, украшенной листьями и веточками.

— Оружие брось, — сказал командир, направляя ствол. Поколебавшись, Илта растегнула ремень с кобурой пистолета, повесила его на сук ближайшего дерева и шагнула вперед.

— А второй где? — спросил командир красных, с похотливой улыбкой рассматривая гибкую фигуру девушки.

Илта, не успела ответить, когда позади послышался шорох. Обернувшись, она увидела как поднявшийся из кустов украинец подходит к ней.

— Тут я! — проворчал он, рука его была, прижата к боку. Красный раздраженно дернул ствол, и украинец неохотно поднял руку вверх. Пальцы его были в крови, на боку также набухало красное пятно.

За спиной грохнул выстрел. Свицкий дёрнулся и Илта словно в замедленном кино увидела, как лицо украинца вдруг взорвалось страшной раной, как его тело медленно оседает

в заросли. Она обернулась — красноармеец глумливо ухмылялся.

— Нет времени, — сказал он, — тащить его по горам, еще подохнет по дороге. Ступай давай, пока я и этого не отправил следом.

Пред глазами Илты поплыла кровавая пелена, лютая, застарелая ненависть, копившаяся все время где-то внутри нее, поднялась мощной, все смыывающей волной. В висках застучали множество молоточков и она, уже не соображая, что делает, метнулась вперед, но ноги подкосились и девушка рухнула на землю, забившись в конвульсиях. Как сквозь стену где-то над ней слышались голоса.

— Эй, ты чего?

— Слышь, что с вашей узкоглазой?!

— Я-то откуда знаю!?

— Припадочная что ли? Рехнулась с горя?

— Подохнет еще тут!

Красноармейцы переговаривались, пятась к камышам, наводя стволы на бьющуюся на земле Илту. Та сейчас представляла зрелище не для слабонервных: глаза закатились под самые веки, изо рта текла пена, зубы клацали, каким-то чудом не откусывая язык. Руки куноити шарили по телу, тонкие пальцы рвали плотную ткань красноармейской формы, словно бумагу, обнажая безупречное тело.

— Ща, я ее успокою! — произнес командир, осторожно подходя и примечиваясь прикладом, — ишь распрыгалась, стер...

Он не успел договорить — тело Илты выгнулось дугой, так, словно в нем вовсе не было костей и она забилась на земле. Лицо ее исказилось, губы задвигались и с них темным пугающим потоком полились слова никому не ведомого здесь языка.

Лишь сгинувший непонятно где финн мог бы понять это песнопения:

Копья были там столбами,
Змеи были там жердями,
Их гадюками скрепили,
Ящерицами связали,
И хвосты у них висели,
С свистом головы шипели,
Череп вверху качались,
А хвосты мотались снизу.

Змеей вилась в грязи Илта, змеиное же шипение издавали ее уста, перемежая его словами заклинаний далекого северного народа.

Мать твоя ведь — людоедка,
Мать твоя — из глуби моря.
Мать твоя плевала в воду
И слюну пускала в волны.

Давно отвергнувшие и бога и черта, бледные как мел красноармейцы крестились, пытаясь шептать давно позабытые молитвы. Даже якут трясся, как банный лист, молясь одновременно и Христу и родным полузабытым богам, когда слышал слова незнакомого языка, странным образом становящегося все более понятным.

Из слюны змея явилась,
Вышла черная гадюка.
Из чего ей жизнь досталась?
Из углей, из груды Хийси.
У змеи откуда сердце?
Сюэтар дала ей сердце.

— Черт, да заткни ее, наконец! — нервно выкрикнул один из большевиков и командир, очнувшись от ступора, потянул с плеча винтовку. Но не успел — Илта вскинула голову, приподнявшись от земли — без помощи рук, прижатых к бокам, одно лишь тело. Меж жемчужно-белых зубов быстро-быстро высовывался язык и энкавэдэшник застыл словно загнипнотизированный разом изменившимися глазами Илты — желтыми, с вертикальными зрачками. Оглушительное шипение разнеслось над болотом и большевик не сразу понял, что исходит оно не только из уст одержимой финнояпонки, но и от множества тонких, извивающихся тел которые вдруг разом исторгли камыши, болота и окрестный лес. Терпкий мускусный запах заполнил воздух.

— Змеи, товарищ командир! — раздался крик, — везде гадюки!

Разом загрели выстрелы — впавшие в панику коммунисты палили по окружавшим их змеям, уже не думая, что на такой короткой дистанции могут поубивать друг друга. Пули разрывали извивающиеся тела в окровавленные опшметки, но на место каждой убитой змеи, болота и лес исторгали десять, двадцать — вся земля вокруг покрылась шевелящимся ковром из шипящих рептилий. Змеи — черные, коричневые, с узорами и без, гадюки и щитомордники. Они текли по земле, меж камышей, плыли в огромных лужах, приминали траву, обтекая бьющуюся на земле Илту, и их плавные движения странным образом попадали в такт с ее конвульсиями. А с губ девушки неслись жуткие словеса:

Что такое десны злобной?
Десны девы бога смерти.
А спина змеи ужасной?
То — печной ухват у Хийси.
Хвост откуда появился?
Из косы нечистой силы.
Из чего гадюки чрево?

То бог смерти дал свой пояс.

Красные уже не остреливались, потратив все патроны. Отчаянно ругаясь, они сбрасывали обвивавших их змей, топтали их ногами. Тщетно — словно вода в половодье, ковер из змей поднимался вокруг и новые гады упорно ползли вверх. Страшные крики оглашали поляну, когда наполненные ядом зубы впивались в руки и шеи НКВДистов и те, падали на землю, получая все новые ядовитые укусы. И посреди всего этого ада стоял трясущийся от страха якут, сам не знающий как ему удастся держаться на ногах, не упасть рядом с одной из шевелящихся груд, в которые превратились обвитые змеями тела чекистов. Попытки скинуть с себя рептилий становились все более вялыми, пока не прекратились вовсе.

Последнее слово сорвалось с уст Илты и она, дернувшись в последний раз, замерла вытянувшись на земле. И тут же схлынул змеиный потоп — также стремительно, как и появились, змеи расползались по камышам и болотам, словно впитываясь в исторгнувшие их стихию. Скоро в поле зрения якута не было ни одной змеи — только распухшие тела мертвецов, чьи лица были черно-красными от напитавшего их яда.

Степанов перевел взгляд на Илту — та неподвижно лежала на земле, ее высокие, покрытые грязью и мелкими царапинами груди, равномерно вздымались и опускались. В широко распахнутых глазах не было не единого проблеска мысли, но якут облегченно вздохнул, когда увидел, что они приняли обычный синий цвет. Преодолев внезапно нахлынувшую робость, следопыт подошел к девушке и присел на корточки. Рука его потянулась к обнаженному телу Илты.

— Не трогай!

Якут обернулся — из камышей выходил грязный оборванный Мирских, сжимавший в руках берданку. Ствол ее он направил прямо на Степанова.

— Отойди от нее! — крикнул он, — ну!

— Я только проверить хотел, — произнес якут, исподлобья глядя на кержака.

— Целее будет, если ты от нее подальше держаться будешь! — сказал Юрий, — финн где?

— Предатель твой финн! — сказал следопыт, угрюмо косясь на кержака, — хотел порешить меня, да я быстрее оказался. Совсем чуток он с «товарищами» разминулся. А ты сам-то, где отсиживался? Не вдвоем ли нас сюда завели?

— Ах ты мразь узкоглазая, — рявкнул Юрий, — да я тебя...

— Довольно! — послышался слабый, но твердый голос, — замолчали! Оба!

Бледная, поцарапанная Илта уже сидела на земле на корточках пристально глядя на разом замолкших спорщиков, смотревших на нее с плохо скрываемым страхом.

— Сейчас найдете мне одежду, — сказала она, — можете с краснюков снять, мне все равно. Потом пошарите по сумкам — в жизнь не поверю, что у целого отряда в сумарях, хоть одной фляги со спиртом не завалилось. А потом вы мне все расскажете.

Желающих возражать не нашлось.

Позже, все трое сидели на вершине холма, найдя уютную поляну меж разлапистых сосен. В углях, оставшихся от небольшого костра, запекались два, пойманных кержаком,

сазана. Юрий время от времени запихивал их палкой поглубже. Напротив него сидел на бревне якут, все еще не отошедший от всего, что пришлось ему пережить пару часов назад. Наконец прямо на земле, в сташенной с одного из мертвецов штанах и гимнастерке сидела Илта, держа в руке почти опустевшую фляжку, снятую с командира партизан. Тот оказывается не был чужд некоторого изыска — во фляжке плескался коньяк.

За все время, прошедшее с жуткой сцены у озера Илта сказала едва ли десяток фраз, почти полностью погрузившись в свои размышления. Вот и сейчас она сидела, молча глядя на двух оставшихся следопытов. Те же, напротив, говорили много и без того хорошо представляя, что от них хочет услышать Илта.

— Я как раз этих рыб поймал, — рассказывал Мирских, — повезло мне, там вода спала в озерце и они оказались отрезаны в большой луже. Собирался идти к вам — слышу, стреляют! Я хотел обратно бежать, да чуть на этих коммуняк и не напоролся. Хорошо еще что этот живорез стрелять опять начал, а потом орать — я в камышах схоронился, а потом потихоньку стал пробираться к поляне. Честно говоря, оттуда такое слышалось, что я духу набрался, чтобы вылезти, когда все стихло. Только и увидел, как змеи те расползаются. Вот, все так и было, Христом-Богом клянусь!

Он истово перекрестился, глядя на Илту. Та скупно усмехнулась и перевела взгляд на Степанова. Тот нервно сглотнул и начал рассказывать.

— Я это...ну когда мы вместе пошли, сразу понял, что тут неладное что-то. Финн чей-то уж больно разговорчивым стал, как подменили его. И смотрю я, он все время норовит не к северу, а к западу забирать, говорит, мол, там пройти проще. Я говорю, ты же тут первый раз, откуда тебе-то знать? Отвечал ерунду какую-то, вроде как видел с холмов куда лучше идти. Один раз я ему поверил, свернули, куда он сказал, потом смотрю — куда-то совсем не туда идем. Я этого финна останавливаю, говорю — куда ты меня завести хочешь? Он ничего не говорит, только лыбится так, нехорошо, дьиккэр! — выругался якут. — Я говорю — ты как хочешь, а я обратно пойду, поздно уже. Развернулся, только краешком глаза заметил, как он за кобуру схватился. Я винтовку сорвал, пальнул в него и он в меня, только он промазал, а я — нет. Только он свалился — смотрю, из леса краснюки выбегают, орут, оружие бросить велят. На землю повалили, избили — якут, поморщившись, коснулся налившегося над скулой синяка, — с собой повели. Ну, а дальше ты все видела.

Илта кивнула.

— Черт его знает, где он был завербован: может в Харбине, а может еще и с самого начала он шпионом был, — продолжал якут, — он и хотел сначала нас под Кузнецова подвести, да не срослось — медведь-абаасы красных раньше порезал. В Таксимо же отряд стоял, видать ждал Кузнецова, вместе с нами. А как не дождались, стали разведку высылать, ну где-то и стакнулись. Мы ведь, когда разведку высылали, часто с ним разминались, разные тропки искали. Видать неплохо здешние места знал, знал куда идти, урдуус! — якут сплюнул.

Илта медленно кивнула — да, это было похоже на правду, худо-бедно, но объяснявшую все последние сложности. Да и финн с самого начала вызывал у нее подозрения.

— Малая, что это было все-таки? — набравшись храбрости, спросил Мирских, — я знаю, что девка ты не простая, но это вот, — он запнулся, — как-то уж совсем жутко. И язык непонятный какой-то.

— Сама не понимаю Юра, — покачала головой Илта. Она и вправду не понимала, что именно пробудилось в ней, подняв змеиные орды. Словно ненависть к убийцам соратника,

сорвала ее с какого-то предохранителя, удерживающего страшные и страшные силы. На ум пришел проведенный перед походом ритуал на острове посреди Амура.

«Кровь предков твоих в чаше сей, выпей и обретешь силу их всех.»- всплыли в памяти слова Йошико. Но почему именно здесь?

— Не знаю, — повторила куноити, — нашло вдруг что-то.

— Старики говорили, — поднял голову якут, — раньше Саха здесь жили, там где сейчас Таксимо стоит. Говорили они, есть там озеро, на котором царь абаасы, злых духов, женился на деве-змее. И с тех пор озеро то и именуется, «Куел эриэн уон», «Озеро змеи».

— Удачно же мы место для ночлега выбрали, — передернул плечами Мирских, — нарочно не придумаешь. Даже не знаю, благодарить ли бога или нет, за эту случайность.

Илта горько усмехнулась про себя — нет, случайностью тут и не пахло. Эрлэн-хан берег свою Гончую, но и он не мог помогать ей просто так. Сегодня была взята очередная жертва — девушка очень надеялась, что последняя.

— Что дальше-то будет, Илта? — спросил Мирских, оглянувшись на темные стволы деревьев, вокруг которых уже сгустилась ночь. — Нас ведь только трое осталось?

Илта подняла голову и улыбнулась — словно оскалилась лисица.

— Дальше? — тихо сказал она, — дальше мы пойдём на Север.

Наташа не могла заснуть, вновь и вновь переживая очередное кошмарное зрелище. Сегодня в подземелье на растерзанье чудовищам швырнули еще парочку девушек — русскую и китайку, выглядевшими настолько изможденными, что не кричали, даже когда их разрывали на куски. Эти две ни в чем не провинились: просто, как любезно объяснил доктор Иванов, зашедший с очередным обходом, их настолько измучил адский конвейер, что они чисто физически были неспособны вынашивать звероподобных ублюдков. Они бы и так умерли, самое большее, через неделю, однако местное руководство решило не дожидаться смерти женщин. По какому-то очередному правилу, чернокожим тварям должна доставляться еще живая человечина.

— Для них это было актом милосердия, — заверил Наташу Иванов, переходя к другой пациентке. Тогда Наташа ничего не ответила — новая доза лекарственного препарата в притупила ее чувства и эмоции. Однако ночью воспоминания ожили в ней неожиданно ярко, словно кадры кинофильма. Как только Наташа смыкала глаза перед ее глазами вставали черные зверолоуды, разрывающие на части несчастных девочек, в ее ушах стояли их предсмертный хрип и урчание насыщающихся тварей. В этот момент она чувствовала, как ее чрево наливается свинцовой тяжестью, как пробуждается чуждая, враждебная жизнь, готовясь к тому, чтобы вырваться из окровавленного лона и влиться в недочеловеческую орду Великого Сталина.

В очередной раз отчаявшись заснуть Наташа лежала на спине с открытыми глазами. Тупо глядя в потолок она вновь и вновь перебирала все свои шансы — и понимала, что их у нее нет. Вообще. Ее участь сдохнуть тут, свиноматкой рожающей чудовищ, без всякой надежды на спасение. Она сама испугалась своим мыслям — куда это отступила сонная апатия овладевшая ею все это время? Неужели созерцание жуткой казни заставило ее как-то встряхнуться, прогнать царившее над ней оцепенение. Но как это может ей помочь?

Ее невеселые мысли нарушил неожиданный лязг внизу. Вновь вспыхнул свет — но не тот, что был днем, призрачно-синий — тьму рассеивали лучи нескольких фонарей. Послышался недовольный ропот и урчание просыпающихся чудовищ, отлеживавшихся по

углам после кровавой трапезы.

Черные великаны пятились в темные углы, когда вперед, освещая пещеру фонариками, ступило несколько человек. Впрочем, Наташа поняла, что людьми этих существ можно было назвать только условно: в свете фонарей мелькнули уже знакомые хари обезьянолюдей — тех, разумных. Направляя свет в глаза своим черным собратьям, они, тем не менее, не полагались на одни фонари — через плечо каждого свисал карабин. Один из нелюдей даже снял его и направил на тварей. Те, явно знакомые с оружием, не рисковали приближаться, отступая в разные стороны.

Однако ночные гости, были, напротив, заинтересованы в сближении. Один из обезьянолюдей держал в руках веревку с петлей, которую он ловко набросил на шею черного великана. Тот дернулся, стараясь вырваться, однако в этот момент, верёвка, брошенная другим обезьяночеловеком, оплела его ноги. В считанные минуты чудовище было опрокинуто на землю и связано по рукам и ногам. Однако Наташа заметила, что черная тварь не особо сопротивлялась такому обращению — видя с какой силой «первенцы» Иванова разрывали несчастных девушек, она не сомневалась, что в случае чего чудовище доставило бы немало хлопот своим пленителям. Здесь же все напоминало какую-то странную игру — явно привычную для ее участников.

За спинами чудищ в форме НКВД что-то зашевелилось и вперед шагнула тонкая фигура — Наташа с удивлением увидела, что это женщина, причем совершенно обнаженная. Свет фонарей осветил нос с горбинкой, тонкие губы, короткие черные волосы и темные глаза Алисы Барвазон, большевистской фурии проекта «Плеяда».

Наташа со злорадством отметила, что возраст дает о себя знать — груди Алисы обвисли, на животе виднелась не одна дряблая складка, на ногах просматривались вены. Лицо тоже странным образом выглядело старше — и от этого еще более мерзкой была читавшаяся на нем животная похоть. Единственный раз девушка видела такой взгляд комиссарши там, на берегу Гилюя, когда она, вместе с Сун пыталась Наташу. Сейчас Алиса, только что, не пуская слюни, смотрела на обнаженное тело черного великана.

Округлившимися глазами Наташа смотрела, как Алиса опускается на четвереньки, подползая к зверчеловеку. Пальцы ее пробежались по черной дубине из плоти, поглаживая по всей длине огромный ствол, покрытый мелкими чешуйками. Протяжный вдох вырвался из пасти плененного великана и ему отозвались взволнованные рыки из углов — остальные твари тоже возбудились от увиденного. Наташа бросила быстрый взгляд в темноту — во мраке угадывались характерные движения черных тел — собратья великана начали свою оргию.

Возбудив черного исполина, Алиса приподнялась на ноги и, широко расставив ноги, принялась гладить промежность, сопровождая это похотливыми стонами. Им вторили приглушенные звуки с пола, больше всего напоминающие хрюканье матерого борова. Подразнив чудовище, Алиса опустила на черный ствол. Протяжный стон сорвался с ее губ, когда она приняла в себя восставшую плоть, начав неистово скакать на черном чудовище. Уродливая харя твари скалилась в довольной ухмылке, обнажавшей огромные, как у кабана, клыки, достававшие почти до мясистого носа. И Барвазон и ее пленник-любовник, наслаждались соитием, но комиссарше этого было мало — не сбавляя темпа, она поманила двоих из провожатых. Те подошли, расстегивая штаны и доставая свои, не столь огромные, как у чернокожего, но все равно внушительные органы. Алиса ухватила за один из них, направив себе в рот, в то же время энергично онанируя второму. Попеременно она меняла

партнеров, пока те, закатив глаза и утробно ухая, не излились ей на лицо и грудь.

Наташа не могла сказать, сколько времени продолжалась эта мерзкая оргия: Алиса словно сорвавшаяся с цепи течная сука, неумоимо скакала на уродливой твари, одновременно ублажая руками и ртом менявшихся возле нее обезьянолюдей. Наконец она закатила глаза, вскинув голову, с ее губ сорвался протяжный крик, заглушенный ревом лежащего под ней черного гиганта. Пошатываясь, Алиса встала, с блуждающей расслабленной улыбкой, на искусанных в кровь губах. Небрежно утерев лицо и грудь поданной тряпкой, она развернулась и, пошатываясь, ушла во тьму. Наташа заметила, что комиссарша шла широко расставив ноги, каждый шаг давался ей с явным трудом. Один из обезьянолюдей, перерезал веревки на связанном обезьяночеловеке и отошел назад вместе с остальными. Лязгнул засов, погасли фонари и все внизу вновь погрузилось во тьму.

Этой ночью Наташе так и не удалось заснуть. Укрывшись с головой простыней, она содрогалась от ужаса и омерзения, думая о том, как много еще мерзости и гнуса таится в цитадели «самого справедливого в мире строя». И как много еще ей предстоит ее увидеть.

Она боялась, что очень скоро ей придется узнать это.

Холодный ветер, прозываемый в здешних местах низовым или кутлуком, налетал со стороны Байкала. Близость «славного моря» угадывалась и по разлившейся дельте испещренной многочисленными островами и протоками. По одной из них сейчас и пробиралась лодка, качаемая поднятыми кутлуком волнами. На веслах сидело трое — двое мужчин и молодая женщина.

— Заночевать надо бы, — сказал Мирских, озабоченно поглядывая на небо. И без того темнеющее к ночи, сейчас его заволакивали темные тучи. Холодный ветер стегал в лицо мелкими брызгами и пока еще редким дождиком. Однако вот-вот тучи могли разразиться настоящим ливнем, от которого не просматривалось подходящего укрытия — окрестные острова заросли густым кустарником.

— К берегу причалим? — спросила Илта, — Сергей, ты бывал тут? Знаешь где можно укрыться?

Якут задумался, на минуту перестав грести. Затем морщины на его лице разгладились и он кивнул Илте.

— Есть тут одно место, — сказал он — метров семьсот отсюда, может больше.

— Будем надеяться, что до той поры дождь не пойдет, — сказал кержак, вновь покосившись на небо, — эвон тучи какие. Ну, давай, показывай.

Якут кивнул и приналег на весла, также как и Юрий с Илтой. Хорошо еще, что небольшая байдарка была построена на совесть, явно в расчете на подобного рода форс-мажоры. Небольшое суденышко они украли в рыбацком селении выше по течению. Илте претили такие мелкоуголовные методы, но это было самое быстрое средство передвижения, которое им оказалось доступным на Верхней Ангаре. Они и так потеряли немало времени, переваливая через Северо-Муйский хребет. В планах Илты было спуститься как можно ниже по реке, бросить лодку и опять уходить в горы — Верхнеангарский хребет и Сынныр, к цели их путешествия. Спускаться к самому Байкалу она опасалась — в Нижнеангарске могли быть красные. Эти места и так были более людными, чем Илте хотелось — по берегам реки нет-нет, да попадались деревушки, которые они старались быстрее проскочить. Больше всего Илта боялась, что красные будут патрулировать реку — один катер с парой пулеметов с легкостью пустил бы их на дно. Однако на реке было тихо — видно красные никак не ждали

нападения с той стороны. И все равно, проплывать мимо деревень следопыты старались только дождавшись ночи.

В верховьях река была быстрой, порожистой, с чистой, прозрачной водой. Ниже начались острова, вокруг которых скапливались упавшие в воду деревья. Пробираясь мимо этих свалок стволов приходилось с большим трудом. Ниже по течению Ангары, простиравшуюся по ее берегам тайгу и песчаные пляжи, сменили топкие болота особенно разросшиеся, когда путники вступили в пойму — Верхнеангарский сор. Приходилось держаться подальше от основного русла реки, где могли быть рыбаки или кто похуже. Байдарка шла узкими протокам, редкими пространствами чистой воды посреди болот и островов, заросших кустарником и заваленными буреломом.

Байдарка обогнула очередной, заросший камышом, мыс и Илта невольно распахнула глаза — уж больно неожиданным было представшее ей зрелище.

Перед следопытами возник остров, с неожиданно ровной поверхностью, покрытой высокой травой. Лишь часть острова занимал густой ивняк, в тени которого стояла мельница — добротное, но очень старое строение. Массивные бревна потемнели от времени, там, где они соприкасались с водой виднелись темные космы водорослей. Дощатая крыша местами провалилась. Однако мельничное колесо было на месте, равно как и небольшой амбар, примыкавший к задней стене мельницы. Под колесом виднелся омут с глубокой и спокойной, почти черной водой.

Меж ивовых ветвей проглядывала крыша еще одного строения — небольшой избы, вплотную примыкавшей к мельнице, являвшейся одной из пристроек избы.

— Вот, — ответил якут, с гордостью показывая на берег, — все как обещал.

— Ааа, это откуда? — недоуменно спросила Илта, — тут что, живет кто?

Последние слова она произнесла с явным сомнением — оба строения выглядели донельзя ветхими, от них веяло глубокой стариной, место которой было по-меньшей мере в музее.

— Сейчас нет, — и девушка удивленно обернулась на звук голоса Мирских.

— Старое место, — произнес он, — давно уже я такого не видел. Такие дома строили еще когда в устье реки еще Верхнеангарский острог стоял. Тогда сюда народ шел из России, с севера — Архангельска, Вологды, иных мест. Кое где еще такие избы стоят и народ, что там живет, говорит тем же языком, что и поморы.

— Вот оно что, — протянула Илта, — но разве тогда кто селился вот так, на отшибе?

— Нет, — покачал головой Мирских, — сам не пойму, кому и зачем тут могло понадобиться.

— Дождь вот-вот пойдет, — сказаал якут, показывая на небо. На нем все больше сгущались тучи, ветер шел все сильнее и кап капли дождя падали все чаще. Илта оглянулась по сторонам и согласно кивнула.

— Исторические загадки оставим на потом, — произнесла она, — пошли в избу.

Илта и ее спутники не решились оставлять лодку возле небольшого причала, отходившего от мельницы. Небольшое, грубо сколоченное сооружение из порядком сгнивших досок, выглядело слишком хлипким, да и лодка таким образом оказалась бы слишком на виду. Поэтому байдарку завели под мельничное колесо, после чего вышли на берег обходя неказистую, но добротную постройку. Два окна с наглухо закрытыми ставнями — одно еще и непонятно зачем заколоченное. Плотно прикрытая массивная дверь, однако

была не заперта — и Илта тут же вспомнилась другая изба на другом острове и другой реке.

Внутреннее помещение было небольшим, состоявшим, по сути, из одной комнаты. В противоположной стене виднелась дверь, видимо, ведущая на мельницу, еще одна дверь, поменьше, сообщалась с амбаром. Обстановка была скромной, мебели почти не было: стол, пара табуретов, большой топчан, на котором валялись высохшие соломинки и куски истлевшей ткани — надо полагать когда-то это был соломенный тюфяк. В углу стояла русская печь, рядом с которой лежала даже стопка высохших от времени дров — тоже явно припасенных не меньше века назад.

— Экая архаика, — покачала головой Илта, вступая внутрь, — сможешь растопить, Юра?

— Конечно, — пожал плечами кержак, — ничего сложного.

— Этого не хватит, — произнес якут, кивая на дрова — я принесу еще.

— Успеешь? — спросила Илта, поглядывая на небо, — вот-вот дождь пойдет.

— Я быстро, — ответил Степанов. Илта кивнула и якут, поглядывая на небо, поспешил через луг и вскоре исчез среди ив. Илта растеряно посмотрела ему вслед, прошлась по комнате. Глаза ее уже привыкали к полумраку заколоченной комнаты и она заглянула сначала в амбар, потом на мельницу. В амбаре было хоть шаром покати, на мельнице, где было прорублено небольшое окошко, валялся лишь большой жернов. Илта уже хотела идти назад, когда ее взор привлекла крышка погреба на полу. С трудом приподняв ее Илта услышала плеск воды, на нее пахнуло сыростью и запахом тины. Пожав плечами, куноити захлопнула крышку и вышла в избу. Кержак уже наколот от дров несколько лучин и, подожгя их, в тусклом свете пытался разжечь печку. Илта одошла к незаколоченному окну и распахнула ставни. Свежий, холодный воздух ворвался в избу.

— Перестань, — послышался недовольный голос Мирских, — печь не разожгу никак.

— Темно ведь, — пожалала плечами Илта.

— Сейчас будет светлее, — заверил ее Мирских.

— Хорошо, — Илта кивнула, закрывая окно и отходя к топчану. Усевшись на него с ногами, девушка сначала смотрела, как кержак пытается растопить печку, потом легла на спину и прикрыла глаза. Усталость всего дня навалилась на нее тяжелой глыбой и девушка сомкнула глаза. Последнее, что она услышала, прежде чем провалиться в сон — убаюкивающий шум дождя снаружи.

Илта открыла глаза и резко села на кровати. Никогда не подводившее ее звериное чутье сработало и сейчас, заставив обвести настороженным взглядом избу. Все вроде бы в порядке: тихо топится печка, на ней дремлет кержак, подстелив под голову собственную куртку. На одном из табуретов лежит охапка дров — надо полагать Степанов все же принес их.

Вот только самого якута в комнате не было.

Илта внимательно огляделась по сторонам — двери и окна плотно закрыты, также как и прикрыта дверь на мельницу. Она поднялась, пройдя к окну, толкнула ставни и ее брови удивленно приподнялись: что-то тяжелое снаружи припирало их. Уже предчувствуя дурное, она подошла и толкнула дверь — ее тоже что-то держало снаружи.

И тут Илта поняла, что ее разбудило.

Кержак, разморенный спал на русской печке, когда был грубо растормошен куноити.

— Вставай! — шипела она, — Юра, ну вставай же!

— Ааа, что, — он повел глазами, — что-то случилось?

— Случилось, Юра, случилось, — Илта прижала палец к губам и кивнула в сторону двери на мельницу, — слышишь?

И кержак услышал. Сквозь шум дождя, лившего не переставая, слышался плеск воды и хлопанье лопастей.

Мельница работала.

— Что за черт?! — Юрий соскочил с печи, сонное выражение мигом исчезло с его лица, — как эта рухлядь...

— Это еще не самое хреновое, Юра, — тихо произнесла Илта, — ты видел Степанова?

— Он приходил, принес дров, — рассеяно проговорил кержак, — посидели немного за столом, чаю выпили. Потом он сказал, что покараулит, а я могу поспать, он сменит потом. Ну и так, в общем, я лег, он сидел за столом...

— А теперь его нет, Юра — тихо сказала Илта, — понимаешь? Окна закрыты наглухо, дверь тоже — он ее припер чем-то. А сам ушел.

— Черт! — вскинулся Юра, метнувшись сначала к окну, потом к двери, ломанул плечом, попытавшись открыть — раз, другой. Словно остервенев он колотился об дверь, ругаясь как черт.

— Хватит! — выкрикнула Илта, чувствуя, как заражается этим страхом зверя, попавшего в западню, — побереги себя.

— Вот же я дурак! — простонал Мирских, опускаясь на табурет, — так прошляпил!

— Мы оба дураки, Юра, — произнесла Илта, — даже удивительно, как легко он нас провел.

— Но почему он не пристрелил нас во сне? — недоуменно спросил Юра, — и что все это значит? — он кивнул в сторону двери, за которой работала мельница. Илта покачала головой, пытаясь подавить дикий, иррациональный страх, отголосок которого, как она сейчас понимала и заставил ее проснуться. Было что-то особенно жуткое, в том, что то, что днем казалось лишь устарелой постройкой, ночью обрело странную и, похоже, недобрую жизнь. На ум полезли пугающие китайские легенды о «цзи-гуань»- духах «неодушевленных» предметов, принимающих человеческое обличье.

Мельница работала все громче, шум воды и ударов лопастей все больше заглушал дождь. Илта и Юрий инстинктивно старались держаться подальше от двери, ведущей на мельницу. Илта вспомнила о погребе, но отогнала эту мысль — глупо надеяться, что подвал ведущий под ожившую мельницу приведет их к спасению. Скорей уж именно оттуда стоит ожидать наибольшей опасности. Она переглянулась с Юрием, перевела взгляд на дверь, затем снова на кержака. Все было ясно без слов — они ухватили стол и подтащили его к двери, приперев его топчаном и для, верности, сверху навалили оба табурета. Илта бегло осмотрела амбар — нет, толстые стены, сложенные из крепких бревен, не оставляли надежды на то чтобы выбраться.

Вернувшись обратно в избу, она увидела, что Юрий стоит возле печки, спешно перезаряжая берданку. Девушка прислушалась и тоже схватилась за маузер.

Дождь за стеной стихал, замолкал и стук жерновов мельницы. И в наступающей тишине Илта и Юра слышали, как за стеной приподнялась и тяжело опала крышка погреба. Вслед за этим послышались странные хлюпающие звуки — словно кто-то шагал по полу в сапогах полных воды. У Илты прошел мороз по коже — что-то переваливаясь за стенкой, колотилось об нее, шумно втягивало ноздрями воздух. А потом послышался протяжный вой,

напоминающий одновременно плач младенца и кваканье огромной лягушки. Что-то тяжело бухнуло в дверь.

— Что это? — Юрий перекрестился, — малая, это твои шутки?

— Нет, — Илта не сводила взгляда с двери. Новый удар, еще сильнее прежнего сотряс стену, один из табуретов рухнул на пол, расколовшись на части. За дверью раздались склизкие звуки — словно по полу прополз огромный червяк. Грохнул удар, второй, третий. Доски двери жалобно скрипнули, рухнул второй табурет, треснула ножка топчана, вклиненного между столом и стеной.

— Долго не продержится, — произнес Юрий, поднимая берданку, — ну, что малая, кликнешь чертей на подмогу?

Илта уже шептала заклинания от злых духов, вспоминая все мантры которые знала, однако натиск на дверь не ослабевал. И Илта знала в чем дело — ее умения были направлены на степных и таежных духов, а то, что пробивалось с той стороны, явно принадлежало к иным созданиям, подвластным другим заговорам. Со славянской нечистью Илта не сталкивалась, как защищаться от нее она не знала. Бэлигте хар-боо, наверное, что-нибудь смог сделать, но...она не Бэлигте.

Вновь последовал сокрушительный удар и жалобно затрещал стол. Еще пара таких ударов и то, что вышло из сырого погреба прорвется к двум людям. Юрий с надеждой посмотрел на Илту и та отрицательно покачала головой. Тогда кержак вскинул ружье и наугад послал пулю в дверь.

— Береги патроны, — бросила Илта, — сдается мне против этого, они не помогут.

Она лихорадочно осматривала двери и окна избы — неужели ничего нельзя сделать? Взгляд ее упал на второе окно, то, что было заколочено с самого начала. Она подбежала к нему, надавила, навалилась всем телом — ставни выдержали, но явственно скрипнули и девушка почувствовала, как под ее весом качаются гвозди.

— Юра! — крикнула она. Кержак, уже готовившийся выстрелить обернулся к ней и Илта показала ему глазами на топчан, потом на ставни. Больше подсказывать не потребовалось — рывком они вытащили топчан, вскинув себе на плечи.

— Давай! — рявкнул Мирских.

Импровизированный таран ударил в ставни. В избе было не так много места, чтобы разогнаться, да и Илте было нелегко удерживать такой вес. Ставни треснули от удара, гвозди выдернулись наполовину, но все еще держались. В этот момент последовал новый удар со стороны мельницы, почти отшвырнувший стол в сторону. По комнате разлился запах мокрых водорослей, тины и мертвой рыбы. Илта поняла, что вот-вот тварь из реки войдет сюда.

— Еще! — крикнула она, из последних сил, подхватывая топчан на плечо и разгоняясь вместе с Юрием. Топчан врезался в окно с такой силой, что Илта с Юрой выпустили его из рук. Раздался громкий треск и ставни распахнулись прямо в ночную мглу. Проржавевшие гвозди торчали из створок словно зубы большого волка.

Очередной удар отбросил в сторону стол до самой печи. Но Юрий уже подсаживал Илту, помогая ей выбраться в окно и сам спешно выбираясь вслед за ней. Случайно бросив взгляд назад, Илта увидела, как к окну метнулось нечто огромное, темное, смутных меняющихся очертаний. Огромные глаза полыхали алым огнем. Куноити развернулась, выпустив в окно чуть ли не пол-обоймы, вслед за ней выстрелила и берданка Юрия. Чудовище отшатнулось, но потом опять качнулось вперед. Однако Илта и Юрий уже бежали по узкой тропке меж ивовых стволов, не обращая внимания на хлещущие по лицу и рукам

гибкие ветви.

Метров через двести они выскочили на небольшую поляну, где и остановились — бег вымотал их, и без того чуть не надорвавшихся на таскании топчана. Тучи на небе расступились, открывая полную луну, в бледном свете которой ивы казались чудовищными ведьмами, тянущими лапы-ветви к беглецам.

— Оно идет за нами? — спросил Юрий, пытаясь отдышаться. Илта вскинула голову, прислушиваясь, потом покачала головой.

— Нет, — ответила она, — по-моему, эта тварь не отходит далеко от воды.

— Потрясающая догадливость, Илта, — послышался от кустов насмешливый голос, — но она тебе не поможет. Если вода не идет к врагу народа, то враг народа пойдет к воде.

Илта и Юрий одновременно потянулись к оружию, но враг в темноте оказался быстрее, — раздался выстрел и кержак осел с простреленной головой.

— Юра! — Илта обернулась на павшего товарища.

— Брось пистолет, сука! — в голосе из тени прозвучали жесткие нотки, — быстрее, пока я не прострелил бошку и тебе.

Глаза Илты сузились, но она повиновалась — куноити была полностью на виду, а врага надежно укрывала лесная тень. И надо же было им выскочить именно сюда. Медленно вытянув руку, она разжала пальцы, и маузер упал на землю.

— Что дальше, Серега, — громко сказала она, — застрелишь меня тоже? Как Матти?

— Наконец-то до тебя дошло, — раздался издевательский смех, — хотя я и не убивал финна. Он как увидел наших ребят, сразу кинулся в болото. Ему стреляли вслед, попали или нет, уже не поймешь. В трясину провалился твой Матти, собаке — собачья смерть. Не таким он и опытным оказался, как хвастался, таежные топи, это ему не финские болота.

— А потом был тот спектакль у озера, — сказала Илта, — представляю твой облом.

— Хорошо еще, что ты, прежде всего финна подозревала, — усмехнулся во тьме якут, — и я вовремя смекнул, во что ты можешь поверить. Да и роль пленника я сыграл хорошо — мне по скуле съездили от души, для правдоподобия. Но, по правде сказать, я тогда здорово перетрухнул, мысль даже мелькнула там во всем и признаться. Еще после того, как тот медвежонок растерзал группу Кузнецова, я понял, что девка ты не простая.

— Его ведь ты на нас навел? — спросила Илта, зорко вглядываясь в мельтешащие под ивами тени. Вроде где-то там угадывалась человеческая фигура.

— Его наведешь, — усмехнулся якут, — мне с ним удалось встретиться уже в горах только, куда он ушел со своими ребятами. Вернее не с ним, с разведчиками из его отряда. Ну и договорились, что я вас выведу как раз к засаде. Там и выбора особого не было, по правде сказать, мимо бы не прошли.

— Ну и дураки были, — Илта нашла в себе силы усмехнуться, — возле медвежьей скалы свои игры устроили. Счастье твое, что «медвежий онгон» еще и тебя не пригреб. А потом ты во время своей «разведки» дошел до Таксимо, верно?

— Верно, — Илта почти видела в темноте, как кивает якут, — не совсем до Таксимо, до ближайшего поста. Там связались с кем надо, обмозговали тот спектакль. Но после того, как и он провалился, я понял, что так просто на тебя управу не найдешь. Меня старики учили — если и убьешь шаманку, потом ее дух тебя все равно со свету сживет. Вот я и придумал, как это русские говорят, «клин клином».

— Завел нас в избу с чертовой мельницей, — произнесла Илта, — что хоть за тварь там?

— Чего жеты так, — рассмеялся Степанов, — там почти собрат твой обитает. Давно

еще, когда я охотился в здешних краях, местные старожилы рассказывали байку. Мол когда русские тут селились, оказался среди них сильный шаман, колдун по-ихнему. Откуда-то с Белого моря пришел, какой-то там Терский берег. Сильный был: много знал, много умел, с духами вод и лесов шибко дружил. За какие-то дела давние его и изгнали с родных мест, а он сюда подался, на отшибе и избу построил и мельницу завел. Много работников у него было, разбогател на омуле в Прибайкалье. Слово он знал какое-то, что у всех остальных рыба то есть, то нет, а он хоть в ясный день, хоть в непогоду, завсегда с полной лодкой улова возвращается. Ну и просили у него услуги всякой — на приворот, на порчу, на удачу в охоте. Разбогател, избу построил, мельницу — вон там где лужок сейчас, раньше поле его было. Только прежних повадок не оставил — все кто тут рыбу ловить или зверя бить вздумал, прежде должен был к нему с подарками идти. Иначе удачи тебе здесь не будет, а то и сгинешь ни за чих собачий. А как умирал русский шаман, работника позвал да сказал: «Как буду совсем недужен — вы меня в гроб положите, водой речной умойте, да так и пустите вниз по реке, крышкой не закрывайте, толко холстину чистую сверху накиньте. Жалую вам напоследок по полтора целковых каждому, а после смерти моей идите куда хотите. А кого встретите, тому скажите: хоть и мертв Ермил-ворогун, да сила его при нем осталась.» Так и ушел он под воду, водяным чертом стал, а повадок прежних не оставил. Кто захочет через его края пройти, рыбу тут ловить или еще что — сперва пусть жертву принесет. А кто в его избе да на мельнице заночует — так тот и вовсе пропащий. Идти ему теперь в слуги водяному...если только жертвой не отдарится, человеческой.

— Так вот ты как решил, значит, — сообразила Илта, — нами с Юрой откупится. То ты когда за дровами ходил, ты ведь еще и бревна подходящие высматривал, чтобы дверь да окно подпереть. Интересно, кто окно там заколотил?

— Да вот я и заколотил, — во тьме усмехнулся якут, — говорю же, охотился я тут раньше. С человечком одним, непогодой нас сюда загнало. Только больно сны поганые снятся начали, млится стало всякое, голос такой гнусный в ухо шептал. Я тогда встал, напарника оглушил и кинул в мельницу. Окно заколотил, на второе уж гвоздей не хватило, его я, как и сейчас бревном подпер. А как Ермил-водяной пришел он напарника моего под воду и уволок. Он мог бы и нас обоих там ухайдокать, да так не хочет — по нраву ему, когда жертвы приносят. Мол, не нечисть он болотная, а как бы и речной бог. Так что Илта, уж ты не взыщи, но придется тебе обратно возвращаться — коль уж с первого раза не получилось, пойдешь одна ты Ермилу в жертву. Меньше, чем я хотел, зато девка — ему их не часто дарят.

Тени в темноте зашевелились и наружу выступил Степанов. Глаза его казались уже чем обычно, лунный свет причудливо освещал лицо с глумливой улыбкой, делавшей его похожим на плохо сделанную маску. В руках он держал направленный на Илту СКТ.

— Ну уж не взыщи, что так именно твой поход кончился, — усмехнулся он, — шагай давай! До утра управится надо. И без глупостей, а то ногу прострелю, свяжу и за волосы отволоку. Так хоть руки свободны будут, когда Ермил-абаасы придет.

— Скажи, зачем тебе это нужно? — спросила Илта, — ведь не поверю, что ты за идею жизнью рискуешь. Знаю я большевистских фанатиков, ты на них не похож. Неужели ты не видишь, что Совдепия проигрывает эту войну?

— Зубы решила перед смертью позаговаривать? — подмигнул, оскалившись, якут, — не спасешься все равно. А сказать-то могу, мне не трудно. Я хоть в НКВД давно, еще при Ягоде начинал, да только нет у меня веры ни в коммунизм, ни в победу, ни в товарища Сталина. Да и мало кто там, если честно в это верит — уж кому как не мне о том знать. Все они

цепляются за власть да еще бояться, что если их в плен возьмут так и повесят на ближайшей елке. Потому и будут воевать, пока союзники до Новосибирска не дойдут. Только я не такой идиот, чтобы подохнуть с ними. Я же все это время с партизанами работал, типа Кузнецова. А они известно за счет чего живут — грабят прииски, старателей, а порой вон и как с Бамбуйкой получается. Мне за эти годы тоже немало перепало — поднакопил золотишка, думаю в Канаду, а оттуда в Штаты свалить. Семьи у меня в Якутии нет, никого нет — кто меня там найдет? Думал вот с Кузнецова содрать за тебя напоследок, да тут даже лучше получилось. Знаю ведь я где золото, что он в Бамбуйке взял, все мое теперь. Заживу в Америке как король. Ну что, хочешь еще спросить, что перед смертью?

— Знаешь Сергей, — спокойно сказала девушка, глядя прямо в глаза негодяю, — что меня всегда удивляло в ублюдках вроде тебя?

— Что? — брови якута сдвинулись, усмешку превратилась в безобразную гримасу, — хотя подергайся на прощанье, с меня не убудет. Только ногу я тогда тебе все-таки прострелю — помучаешься перед смертью.

— Больше всего меня в вас удивляет, — продолжала Илта, — что вы всю жизнь ходите оглядываясь через плечо, но забываете сделать это, когда за ним стоит смерть.

— Что? — якут недоуменно вскинул брови, потом снисходительно рассмеялся, — я не такой дурак, чтобы поверить в такую уловку.

— А зря! — позади раздался голос, от которого краска отхлынула от лица якута. Он дернулся обернуться, но мощный удар обрушился на него сзади и он ничком рухнул вперед.

Белокурый парень в рваной, вымокшей насквозь красноармейской форме перешагнул через бесчувственное тело, опуская дубину. Слабо улыбнулся Илте.

— Я не сразу вас нашел, — произнес он, — услышал только выстрел, а потом услышал, как он тут распинается. Вот потому я и решил, что пусть еще поживет — если все, что он говорит правда — просто так с острова не выберешься.

— Ты всегда был осмотрительным Матти, — усмехнулась Илта, едва держась на ногах, от всего пережитого, — именно это мне и рассказывали о родичах по матери.

— В тебе это тоже есть, Илта, девочка-ночь, — серьезно произнес финн, — мать дала тебя подходяще имя. Только меня зовут не Матти. Мое настоящее имя Лаури. Лаури Тёрни.

— Я давно подозревала, что ты не тот, за кого себя выдаешь, — махнула рукой Илта, — это неважно. Важно, что ты прибыл сюда почти вовремя — почти, если бы не медлил как настоящий финн, — она перевела печальный взгляд на лежащего ничком Мирских. Финн сокрушенно вздохнул, потом сдернул с пояса ремень и принялся вязать руки все еще лежащему без сознания предателю.

— Придется тащить, — обернулся он к девушке, — ты как?

— Нормально, — пожалала плечами куноити. Она храбрилась — даже ее подкосила эта безумная ночь, где один из соратников превратился во врага, второй стал мертвецом, а третий неожиданно воскрес. И теперь ей предстояло совершить последнее действие — достойное завершение всей этой фантазмагии.

Она помогла связать якута, после чего Илта и Лаури поместили тело Юрия в небольшую канаву, тщательно заложив тело ветками. Илта надеялась, что на острове нет хищных зверей, впрочем, она собиралась вернуться сюда и похоронить тело по-настоящему. Ей стоило некоторых усилий проследовать туда, откуда она чудом вырвалась недавно, но делать было нечего. Илта уже поняла, что притавшийся водяной не выпустит их отсюда и после восхода солнца — они же сами спрятали лодку под мельницей. Утлый челнок, на котором добирался

финн, дал течь у самого острова, так что последние метры ему пришлось преодолеть чуть ли не вплавь. Вымокшую одежду он без особых церемоний сменил на относительно сухую одежду якута, оставив его в одних трусах. Именно таким голым и связанным они и потащили предателя к чертовой мельнице.

Степанов очнулся у самого берега — Лаури и Илта уложили его так, чтобы голова и верхняя часть туловища оказались на песке, а ноги до пояса — в воде. При виде финна узкие темные глаза вспыхнули неприкрытой ненавистью.

— Столковался волк с лисицей, — он закашлялся, сплюнув кровавую слюну, — эх надо было получше то болото обшарить. И ты и она — одного проклятого семени, жаль вас Вождь еще в сороковом на ноль не помножил.

— Твой вождь знал нас лучше, — скупое усмехнулся финн, — поэтому и не пошел дальше в страну Суоми. Ты нас не знаешь, но я расскажу напоследок. Есть, например, у северян обычай — предателей и прочих ублюдков хоронят на кромке моря, между землей и водой. Там на грани между мирами людей и водяных духов образуется зазор и твари пучины приходят, дабы забрать свое.

Лицо якута посерело, но Лаури уже не обращал на него внимания. Он подошел к воде, встав в пяти метрах от знакомой избы. Окно по-прежнему зияло чернотой и оттуда веяло речной сыростью и гнилой рыбой. Вскинув руки к реке, он заговорил и Илте невольно стали казаться знакомыми его слова, обращенные к неким Ветехинену и Веден-Эме, которых Лаури призывал «прийти и взять свое».

Порыв ветра всколыхнул воду, послышался плеск воды и удары лопастей. Илта увидела, как закрутилось колесо, как над водой зароились зеленоватые блуждающие огоньки, а над крышей избы взметнулись язычки призрачного синего пламени. Чертова мельница снова заработала.

И вот вода взбурлила у самого берега и якут протяжно, надрывно закричал, увидев клочья зеленой тины, всплывающие на поверхность. Мерзкое зловоние исходило от разом потемневшей воды, в глубине которой быстро росло еще одно, совершенно темное пятно.

— Назад, — сквозь зубы проговорил Лаури и Илта поспешно отступила, уже понимая, что сейчас будет. Понимал это и якут, изо всех сил бившийся на краю берега, стараясь вырваться из своих пут, но тщетно — финн и куноити вязали на совесть.

Илта так и не смогла уловить момент, когда из воды появилось нечто — только что вода бурлила у самого берега, извергая клочья зеленой вонючей пены и вдруг, без всякого перехода, река оказалась спокойной и чистой. А над связанным якутом нависало жуткое существо — с зелеными волосами и длинной бородой, казалось состоящими из сплошной тины. Тело покрывала блестящая чешуя, наподобие рыбьей, руки и ноги напоминали лягушачьи лапы. Страшная личина, с горящими красными глазами приблизилась к лицу якута и жабий рот раздвинулся в довольной ухмылке.

— Что это? — Илта недоуменно помотала головой, думая, что у нее темнеет в глазах. Нет, все таки и было — из зеленой тины выскальзывали извивающиеся черные тельца, падающие на обнаженную кожу якута. Все больше и больше, непрерывным потоком, существа, похожие на жирных коротких червей, струились по волосам и бороде, уже казавшихся не зелеными, а черными. Водяной распахнул пасть и новый поток отратительных созданий выплеснулся прямо в распахнутый в крике рот.

— Это то, что я думаю? — прошептала Илта, глянув на финна. Тот кивнул.

— Да. Это пиявки.

В считанные минуты якут оказался погребенными под нависшими на нем гроздьями отвратительными тварями. Они проникали ему всюду — глаза предателя превратились в сплошные кровоточащие дыры, куда одно за другим втягивались черные тела. Еще больше их вползло в рот — сначала челюсти якута работали, размалывая пиявок в жидкую кашу, но вскоре Степанов просто не смог закрыть рта — струящийся из жабьей пасти черный поток казался неиссякаемым. Илта не верила своим глазам — облепленное гроздьями черных шариков, тело раздувалось на глазах. Живот, огромный словно у беременной женщины, бился и дергался, и под кожей угадывались извивающиеся червеобразные тела. Грудь якута тоже ходила ходуном, горло раздувалось, словно у огромной лягушки. А затем брюшина и грудная клетка треснули и оттуда заструился черный поток. Водяной протянул бороду и в зеленую тину, как в воду возвращались насосавшиеся крови твари, втекая в пасть чудовища. Водяной жевал их, с наслаждением прищурился красные глаза и кровавая жижа текла по его подбородку.

Насытившись, чудовище развернулось и, переваливаясь, двинулось в воду. В этот же момент последний раз вспыхнуло и погасло синее пламя над избой, угасли и зеленые огоньки над водой.

— Старый колдун принял жертву, — произнес финн, созерцая обескровленное месиво из плоти и костей, оставшихся от якута.

— А ты, это...откуда знаешь, как к нему обращаться? — невольно поинтересовалась Илта.

— Да знаю немного, — кивнул Лаури, — у нас в Карелии наступали, много было местных — и карел и поморов. Ну и на привале байки всякие рассказывали и о колдунах тоже: и наших с карелами и о русских говорили. Говорили, что многое умеют, что и с водяными духами на короткой ноге — чертями и русалками всякими. А на Терском берегу откуда и здешний колдун родом, говорят двое братьев-купцов даже разбогатели на том, что с водяной девкой сошлись и людей ей на съеденье отдавали. Один из тех рассказчиков сам был полукарел-полупомор. Он знал кое-что от деда-ворожея, вот и рассказал заговор один, а я и запомнил. Вот уж не думал, что пригодится тут.

— Пригодился, как видишь, — через силу усмехнулась Илта, — расскажешь потом?

— Расскажу, — сказал финн, — когда от этих мест отойдем подальше. Не стоит такие слова лишней раз тут произносить, сама видишь, откликаются тут на них.

Илта кивнула — да уж это ей было показано наглядно.

— А нам выбираться отсюда пора, — еще раз сказал финн, — где там говоришь ваша лодка?

Они покинули остров на рассвете — ночью ни Илта, ни Лаури не решились соваться под мельничное колесо. Заходить в избу они также поостереглись, проведя остаток ночи в лесу возле разведенного костра. Здесь же, используя найденные в избе заступы, они вырыли яму, в которой и похоронили кержака. Едва небо начало сереть Илта и Лаури спустили на воду байдарку и двинулись вниз по реке. Когда на горизонте появились первые дома Нижнеангарска, финн и куноити причалили к берегу и начали очередной подъем в горы — последний мощный бросок перед целью. Где-то там, в горной мешанине хребтов Верхнеангарского и Сынныра, среди голых скал, чахлах лесов и ледников было сердце проекта «Плеяда».

На одном из привалов, в укрытой от ветров долине, Лаури рассказал свою историю. Его

рассказ совпадал с тем, что рассказывал Степанов, разве что дополнился несколькими деталями. Они шли вместе с якутом по лесу, когда тот, задержавшись, чтобы поправить сапог, крикнул: «иди, я тебя догоню!». Видимо, это был условный сигнал, потому что финн пройдя несколько шагов, вдруг почувствовал, что вокруг уж как-то слишком тихо — если не считать характерных шорохов в кустах. Несколько лет провоевавший в лесу финн хорошо знал, что это значит, поэтому ласточкой нырнул в камыши, простирившегося рядом болота, буквально за несколько секунд до того, как прозвучали первые выстрелы. Одна пуля все же зацепила его — финн показал страшную рану в предплечье, по счастью уже почти зажившую. Скрыться от погони финну удалось не совсем привычным, но вполне действенным способом: нырнуть в более-менее глубокую воду, зажав в зубах полуую камышину. По счастью, у этого водоема было относительно твердое дно, так что через некоторое время финн все же смог вынырнуть. И все же он пережил несколько неприятных мгновений, ожидая, что его будет засасывать трясина.

— Все это время какая-то ерунда слышалась, — признался Лаури, — когда там лежал. Одно время, представь себе — даже строчки из Калевалы пригрезились. Что-то такое мрачное, про змей, про чертей, царство смерти — как раз в духе всего похода.

— А тебе и не пригрезилось, — усмехнулась Илта, — так оно и было.

Она коротко рассказала финну о том, что произошло на берегу Змеиного озера.

— Вот оно как, — Лаури вниательно посмотрел на куноити, — серьезное дело, однако. Думаешь, это от того, что вы какой-то обряд перед походом проводили?

— Больше неоткуда этому взяться, — пожала плечами Илта, — с чего бы во мне так резко память предков пробудилась? Я как-то листала книгу одного вашего ученого — Кастрен или Кестрен, не помню уже, он сто лет назад писал. Он считал, кажись, что предки финнов, тюрок, монголов, маньчжур и всех прочих как раз и вышли откуда-то из Забайкалья. Не знаю, в общем, может оно как-то и сработало в тех местах.

— Тебе обязательно надо будет съездить в Суоми, — убежденно сказал Терни, — ну, когда вернешься отсюда.

— Если вернусь, — невесело сказала Илта, — ну, рассказывай дальше.

Финн пролежал в болоте, пока не счел себя в безопасности. Больше всего он боялся того, что истечет кровью или подхватит гангрену — по счастью не случилось ни того, ни другого. Перевязав рану и приложив к ней разжеванный норичник, он всю ночь просидел у дерева. Утром он почувствовал себя лучше, направился к озеру, но группа уже ушла.

— Я тогда так и не понял, что произошло, — признался Тёрни, — видел только, что все красные мертвы, хотя и не понял от чего. А потом поднялся на гору и нашел вашу стоянку. Ну и решил попробовать вас нагнать.

Сняв одежду с одного из мертвецов и выбрав все полезное, что оказалось в карманах, Лаури кинулся по следам. Как и путники, он шел по горам, пару раз натыкался на следы их стоянок, убедивших финна, что он на верном пути. Несколько раз он сбивался с дороги, поэтому нагнать бывших соратников ему никак не удавалось. На Ангаре он также украл челнок в одном из селений, однако он оказался к хуже байдарки трех следопытов. На остров финн наткнулся, по сути, благодаря счастливой случайности, лишь чуть-чуть опоздав и не успев спасти Мирских.

— Ну ладно, с этим понятно все, — сказала Илта, — но ты мне не все рассказал, я же вижу. Простой ефрейтор или кем ты там представлялся, не прошел бы такое расстояние и не догнал бы нас — ты бы еще в горах загнулся. Ты уже признался, что ты не тот, кем

представлялся, но я чувствую, что ты многое недоговаривашь. Рассказывай уже все.

Лаури неподвижно сидел у костра и блики костра играли на его лице, придавая ему странно-отрешенное выражение.

— Меня и вправду зовут Лаури Алан Терни, — наконец начал он, — я получил звание лейтенанта еще в Зимнюю войну, когда участвовал в окружении советской дивизии при Леметти. Обучался у английских командос в Шотландии, потом в Германии, в батальоне «Нордхост». После обучения под мое командование дали роту егерей для разведки и диверсий в тылу противника, — он усмехнулся, — не хвастаясь, скажу, что попортил немало крови красным. Говорят, что за мою голову три миллиона наших марок предлагали. Но поймали все же, скрутили на девке в одной деревне. Хорошо еще, что я успел книжку выбросить, представился рядовым. Разбираться Советы особо не стали — не до того было, весь фронт рушился. Отправили в Магадан лес валить. А потом уже когда освободился, я вашему Доихаре и представился. Сказали — эту миссию выполню, помогут добраться до родины. Там говорят, сейчас дел полно.

Он потянулся и улегся на подушку из мха, прогретую костром. Илта помотав головой, постелила куртку и легла рядом, думая о человеке который шел сейчас рядом. Самокритично она заметила про себя, что давно еще так не ошибалась в людях. Однако это было и к лучшему — сейчас, когда рядом с ней остался только один человек, можно было утешаться тем, что это был лучший из всей группы.

Наутро они продолжили свое шествие. Лиственничная тайга с березовым подлеском сменялась кедровым стланником, а тот безлесыми вершинами-гольцами, увенчивающие крутые скалистые хребты. Спускались путники и в речные долины, с их озерами и старицами, где охотились на водоплавающую птицу, ловили рыбу.

На третий день, после того как Илта и Лаури покинули Нижнюю Ангару, они дошли до цели. С вершины одного из гольцов они созерцали огромное озеро, ровная гладь которого порой прерывалась небольшими островками — бывшими вершинами скал. Посреди озера виднелся остров, напоминающий чашу — уютная долина со всех сторон огороженная циклопическими бетонными валами, стенами и блоками, сдерживающими водную массу. На выходе из долины шла массивная дамба, разделяющая искусственное море, направляя его потоки в новые русла — даже на вершине гольца Илта и Лаури слышали шум турбин и грохот рукотворных водопадов. Дамба, по сути, являлась и единственным мостом соединившим долину-остров с внешним миром. Поверх бетонных стен тянулись сотни метров колючей проволоки, виднелись вышки с часовыми, светили прожектора.

— Да, — финн покрутил головой, — сила. И как туда пробраться?

— Хороший вопрос, — задумчиво сказала Илта, — надо осмотреться.

Остаток дня и всю ночь они посвятили поиску подходов к загадочному Центру. Результаты не обнадеживали: дамба надежно охранялась, а остальные подходы к долине были затоплены. Связь же с «Большой землей», судя по всему обеспечивалась в основном по воздуху — несколько раз в долине садились и поднимались разные самолеты.

К утру путники вновь пришли туда откуда они впервые увидели здание Центра — огромному гольцу, нависавшему над долиной и окружившим ее водохранилищем.

— Горы не моя стихия, — признался Лаури, когда они спустились к подножью скалы, туда где плескались воды искусственного озера, — ума не приложу, как туда подобраться.

Илта молча покачала головой, улыбаясь каким-то своим мыслям.

— Скоро светает, — обронила она, — поищем укрытие.

На эту пещеру они наткнулись случайно. Бродя у подножия гольца, почувствовавший жажду, Лаури, недолго думая, наклонился, зачерпнуть воды из журчащего под ногами ручейка. Почти сразу же финн почувствовал, что вода необычно теплая для горного источника, почти горячая. Заинтересованный он поднялся выше по течению ручья, пока не уперся в заросли кустарника, обступившие скалы. Зайдя за них финн, увидел зияющий черный провал — вход в пещеру.

— Илта! — он махнул рукой, привлекая внимание молодой женщины. Подбежав к своему напарнику, она увидела его находку и на ее лице проступила радостная улыбка.

— Лаури!!! Ты чудо! — она поднялась на цыпочки и неожиданно прервысито поцеловала финна в губы, — это то, что надо! Пойдем, посмотрим!

Она ухватила за руку оторопевшего от неожиданной ласки следопыта и повлекла его за собой. Тот, последовал за ней, в этот момент, как никогда чувствуя себя ожившей карикатурой на «типичного финна».

Пещера оказалась сырой, с низким потолком, хотя и широкими стенами. Тут было темно, но финн включил небольшой фонарик, осветивший уходящий вглубь горы туннель. По полу бежал ручеек, от которого исходило заметное тепло.

— Где-то тут должны быть горячие источники, — произнес Лаури. Илта согласно кивнула, вспоминая рассказы черного шамана. Если где-то там в глубине и впрямь находится ход в царство Эрлэн-хана, неудивительно, что оттуда течет именно эта вода — горячая, с легким сернистым запахом.

Они прошли метров двести, когда их глазам открылся просторный грот. Финн поднял фонарик повыше, освещая белые сталактиты и сталагмиты, по которым стекала вода. На полу она сливалась в небольшое озерцо, естественный бассейн, переполненный до краев. Переливавшиеся через него струйки воды и сливались в ручеек приведший сюда Лаури и Илту.

— Вот это здорово! — искренне воскликнула Илта, — тут можно помыться.

— Придется тебе плавать в темноте, — усмехнулся Лаури, — тут спрятаться негде.

— Лаури, что за глупости — возмутилась Илта, — еще скажи, что ты голой девушки никогда не видел! У нас на родине все такие ханжи?!

Она быстро скинула с себя одежду и шагнула вперед, застыв на краю «бассейна».

— Нет, — медленно произнес финн, освещая стройную фигурку, — не все.

Илта рассмеялась и змейкой соскользнула в теплую воду.

— Скидывай свои тряпки и залазь сюда, — сказала она. Видя, что финн, смущенно усмехаясь, не торопится последовать ее примеру, строго добавила, — и это приказ!

— Ну, раз, приказ — финн закрепил фонарик на одном из сталагмитов и принялся раздеваться. Илта в свою очередь тоже с удовольствием рассматривала его мускулистое, пожарное тело, с только что не светящейся во мраке белой кожей.

— Именно приказ, — повторила она, подплывая к краю бассейна и положив локти на камень, — давай, спускайся!

Лаури подошел ближе и Илта поднялась по пояс из воды, обхватив руками мужские бедра Егеря застонал, почувствовав как вокруг его затвердевшей плоти сомкнулись алчущие губы и язык Илты запорхал по напрягшемуся стволу. Ласка длилась недолго — неожиданно Илта отстранилась от финна, ее пальцы сомкнулись вокруг члена следопыта, заставляя его опуститься в воду рядом с девушкой. Сплетаясь в объятиях, они жадно целовались, сильные

руки блуждали по телу Илты, обвинившей ногами его мускулистый торс. Финн, прижав Илту к камню, пронзал ее клинком из плоти, пока куноити, откинув голову, кусала губы и стонала от возбуждения. Раз за разом сплетались скользкие тела, раз за разом Лаури изливал семя в терзающую его спину девушку, испытывавшую один оргазм за другим. Сейчас они старались получить, наконец, компенсацию как за прошедшие дни воздержания, лишений и испытаний, так и за то, что им предстоит впереди.

Насытившись друг другом, Илта и Лаури вылезли на берег, решив, что пора утолить и обычный голод. Финн, выйдя из пещеры, принес охапку хвороста и разжег костер, на котором поджарил остаток утки, подстреленной Лаури накануне. Наевшись и сполоснувшись еще раз, они вновь обратили внимание друг на друга. Илта обнаженная лежала на теплых камнях, а финн жадно целовал ее тело от шеи до ступней. Его язык ласкал влажную щелку, и куноити громко стонала, зажав бедрами голову партнера и впившись пальцами в белокурую шевелюру. Когда она кончила, финн высвободился из плена сильных ног, подтянулся на руках и снова вошел в Илту, жадно слизывавшую с его лица свои соки. Безумная, неистовая оргия продолжалась, молодые люди сходились и на камнях и в воде, пока, наконец, усталые и довольные не заснули в объятьях друг друга.

Лаури не знал, сколько он спал — когда он открыл глаза, костер уже догорел и было темно как ночью. Финн протянул руку, чтобы обнять лежавшую рядом девушку, но к своему удивлению и тревоге обнаружил рядом пустоту. Сняв со сталагмита фонарь и включив его он бегло осмотрел пещеру — девушки нигде не было. Наспех одевшись Лаури, кинулся к выходу.

Выскочив из кустов, загораживающих вход в их ночное убежище, финский диверсант застыл на месте. Перед ним плескалась водная гладь искусственного озера, за которым виднелся край заходящего солнца — они провели в пещере весь день. И на фоне закатного неба, словно статуэтка, выточенная резцом талантливого скульптора, стояла Илта. Финн невольно засмотрелся на ее безупречное тело, каждая черточка которого подчеркивала его застывшую чувственность. Слегка расставленные сильные, стройные ноги, переходили в круглые ягодицы, еще больше подчеркиваемые идеальной формы талией. Отросшие за время блуждания темные волосы красиво спадали на стройную спину, когда Илта, откинув назад голову, вскинула вверх руки, как-то странно сложив пальцы. Финн расслышал негромкие слова, похожие на молитву.

— Илта, — выкрикнул он, словно опомнившись от эротического наваждения — что, черт тебя дерит, ты делаешь?

Девушка медленно обернулась, с грустной улыбкой глядя на финна.

— Твой поход окончен, Тёрни, — сказала она, — дальше я иду одна.

— Одна в этот вертеп!? Не время для вашей самурайской шизы!

— Нет, — молодая женщина покачала головой, — у меня было время все обдумать. У меня там будет хоть и маленький, но шанс. У тебя шансов нет. Тебе и так было дано больше, чем другим — ты выжил и ты должен вернуться.

— Черт возьми, нет! — помотал головой Терни.

— Ты должен вернуться, — в голосе Илты появились нотки, одновременно командира и религиозного фанатика, — ты смог больше остальных. Не испытывай терпение Владыки.

— Но... — финн замолчал поняв, что убеждать дальше бесполезно.

— Там в пещере я оставила конверт с письмом, — продолжала Илта, — в нем написано

кому и куда его доставить. Если ты поторопишься — мы еще сможем закончить эту миссию.

С этими словами Илта развернулась и зашагала в воду. Лаури смотрел, как тонкая фигурка опускается и плывет навстречу солнцу заходящему за скально-бетонную махину нависающую над водой. Финн смотрел ей вслед, пока черная голова Илты не стала совсем незаметной в сгустившихся сумерках. Затем он развернулся и зашагал в пещеру.

Часть четвертая: В логове Красной Обезьяны

— Ааа черт! — невысокий плотного сложения шатен выругался, когда большой омуль, которого он почти вытащил из воды, в последний момент сорвался с крючка и, блеснув на прощание чешуей, плюхнулся обратно.

Старший сержант НКВД Роман Лунев досадливо сплюнул в воду и потянулся к жестяной банке, в которой лежали хлебные катышки, вперемешку с кусочками котлеты — остатки сегодняшнего ужина. Кормили охрану «Центра», так же как и весь обслуживающий персонал: сытно, но однообразно, что вкупе с монотонностью здешнего быта изрядно утомляло. Напрочь отрезанные от всех центров цивилизации, здешние солдаты и офицеры всячески изошрялись, что хоть как-то скрасить серые будни. Одним из таких способов и была рыбалка — Лунев, уроженец Прибайкалья частенько, в нарушение устава, брал небольшую надувную лодку, чтобы попытаться счастья на искусственном озере. У него уже было излюбленное место — груды бетонных блоков оставших после строительства дамб и стен, причудливо нагроможденных на какую-то полузатопленную скалу. Через несколько лет после постройки Центра, стекавшиеся отовсюду реки и ручьи, вымыли строительный мусор и образовавшееся тут искусственное озеро потихоньку наполнилось рыбой. Рома, заядлый рыбак, частенько ловил здесь омулей и хариусов, шедших на стол не только сослуживцам Лунева, но и более высокому начальству. Потому на его вылазки чаще всего смотрели сквозь пальцы, хотя это и шло вразрез с требованиями безопасности. Но кого тут опасаться, на территории отделенной от ближайшей суши сотнями метрами воды, а от ближайшего жилья — километрами лесов и гор?

Позади послышался какой-то шум от чего рука Романа невольно дернулась к кобуре, укрытой под брезентовой накидкой. Тут же он нервно рассмеялся — из скал, недовольно крича, взлетела большая гагара, на мгновение заслонившая Луну. Видать, птица прикорнула меж камней и бетонных обломков, да и заснула, пока ее не разбудила досадливая реплика Романа. Сержант усмехнулся и перевел взгляд на раскрытую брезентовую сумку, в которой трепыхались два омуля и крупный таймень — не считая рыбешки поменьше. В принципе, можно уже сворачиваться — рыбы достаточно. Сегодня можно будет засолить рыбку — соли набрали из столовой — и к вечеру устроить небольшое застолье.

— Ну, по последней! — пробормотал под нос Роман, насаживая на крючок последний катышек и закидывая удочку. Тут же он почувствовал как на конце лески повисла заветная тяжесть и, то ослабляя, то натягивая леску, принялся выводить рыбу.

— Ну, давай еще моя хорошая, иди ко мне, — бормотал себе под нос Роман, — еще чуть-чуть, давай. Вот так!

Последние слова он сопровождал рывком и на камни плюхнулся крупный хариус. Обрадованный Лунев снял рыбу с крючка и отправил в сумку. Вот теперь можно и собираться.

Позади снова послышался шорох. Гагара что ли вернулась? Лунев поднял голову и его глаза расширились от удивления, с губ сорвался удивленный возглас.

На вершине скал и бетонных блоков, подперев коленом подбородок сидела молодая голая девка с черными волосами. Лунный свет окутывал ее фигуру серебристым ореолом в котором неожиданная гостья казалась призрачным, нереальным видением. Раскосые глаза, казалось, светились в темноте собственным синим цветом.

Роман дернулся к кобуре, но девушка приложила палец к губам, покачав головой и сержант НКВД замер на месте, так и не вынув оружие. Девушка, лениво потянувшись, поднялась, демонстрируя столь соблазнительное тело, что Лунев, давно не бывший с женщиной, почувствовал как мужское начало жадно требует свое. На губах девушки появилась понимающая улыбка и она, покачивая бедрами, подошла к застывшему Луневу. Тот и опомнится не успел, как вокруг его шеи сомкнулись тонкие, но сильные руки и мокрое жаркое тело прижалось к нему. Их губы слились в жадном поцелуе, в то время как тонкие пальцы поглаживали шею мужчины, слегка царапая кожу острыми ноготками. Вторая рука, тем временем шарила у него в паху, расстегивая ремень. Сам Лунев жадно мямл соблазнительные округлости ночной гостьи.

Сильные пальцы в снова пробежались по его шее, плавно, как бы невзначай легли на горло и резко надавили на сонную артерию. Глаза Лунева закатились, в горле что-то заклекотало и он, упал спиной в воду, со спущенными штанами.

— Надеюсь, товарищ, тебе было также хорошо, как и мне, — Илта презрительно сплюнула на камни и присела рядом с мертвецом. Раздев труп догола, она аккуратно сложила снятую с него одежду в вытасченную на камни резиновую лодку. Туда же она положила и сумку с рыбой, оружие и все вещи. Затем Илта опустилась на четвереньки и стала медленно подползать к трупу, выгнув спину словно кошка. Её глаза лихорадочно сверкали, ноздри возбужденно расширялись как у волчицы почуявшей добычу. Вот её вытянутые руки коснулись ступней, пальцы сжались, прочертив на бледной коже глубокие борозды. Обхватив лодыжки трупа, Илта начала медленно подниматься вверх, приюхиваясь и целуя мертвеца, стараясь прочувствовать каждый сантиметр мертвой плоти, до мельчайших подробностей впитать в себя его запах — кожи, крови, волос, половых органов. Наконец она легла сверху на труп, вжимаясь в мертвую плоть своей — живой, трепещущей от внезапно накотившего возбуждения. Волоски на коже Илты встали дыбом, соски затвердели, между ног захлопало от влаги. Илта лихорадочно целовала мертвеца в лоб, глаза, губы, нос, терлась пахом о его промежность. С ее губ срывалось непрерывное бормотание, древние мантры и заклинания черных шаманов «похищающих душу».

Внезапно Илта выпрямилась, продолжая сжимать бедрами торс мертвеца, ее рука метнулась к его сумке, доставая с бокового кармашка охотничий нож. Удачно, что жертва решила захватить его с собой. Острое лезвие прочертило по телу глубокую рану, потом еще и еще — в исступлении Илта кромсала тело, вскрывая брюшину и погружая лицо в обнажившиеся внутренности. Затем снова серия беспорядочных ударов ножом и снова — сладострастное упоение остывающей плотью. Вот Илта ухватила с земли осколок камня и с силой опустила его на голову мертвеца, раскалывая ее как гнилой орех. С томным всхлипом куноити погрузила лицо в омерзительную кашу из крови, волос и мозга, её тело конвульсивно вздрагивало, из-под спутанной массы волос доносились невнятные звуки. Наконец Илта со сладострастным стоном отвалилась от трупа и упала на спину. Выглядела она жутко: свалявшиеся волосы, почти утратившие свой изначальный цвет, лицо все в крови и мозгах, от этого казавшееся чудовищной маской. Глаза её закатились так, что были видны лишь белки, тело сотрясалось мелкой дрожью, с губ срывались нечленораздельные звуки. Любой, кто наблюдал бы сейчас за ней со стороны, решил бы, что рехнулся: очертания тела Илты текли и расплывались, лицо также смазывалось, менялось. словно причудливая маска напознала на лицо девушки, также как и ее тело, казалось, покрывалось новой плотью.

С протяжным стоном Илта поднялась на ноги — нет уже не Илта, на ноги вставал

Роман Лунев, голый как в день рождения. Равнодушно накинувшая морок куноити поглядела на мертвеца, затем ухватив его за истерзанную руку, подтащила труп к краю скально-бетонного нагромождения и столкнула в воду. После этого сполоснулась и принялась одевать чекистскую форму.

Через двадцать минут в сторону возвышавшейся над озером стены двинулась резиновая лодка, в которой умело гребла закутанная в плащ-дождевик фигура. Позади нее на дно искусственного озера медленно погружался труп Лунева. К нему уже плыли хищные рыбы, радующиеся неожиданной поживе.

Илта погружала весло в воду, направляя лодку вдоль стены и привычно удивляясь, как всплывают в голове украденные у мертвеца познания и воспоминания. Надо причалить вон к тому сооружению — наподобие куба, покоящегося на бетонных сваях, где-то в полтора метра над водой. Главное чтобы не снесло — там течение сильнее, утащит еще к дамбе. Ага, вот и черный проем — распахнутая дверь в караульное помещение. Перед глазами Илты всплыла небольшая комнатка, лежанка с протертым покрывалом, пара стульев, стол с пепельницей полной окурков, двое человек — хмурый, с ранней сединой в черных волосах и второй, помоложе — щуплый парнишка с крысиной мордочкой, заискивающим взглядом и жидкими рыжими волосами.

Эти двое ждут ее, ждут с трофеем.

Вот и брюнет — стоит у приоткрытой двери, от которой спускается небольшая лесенка. На воде качается парочка лодок — не резиновых, моторных. Роман — точнее Илта в его обличье, — привязала рядом хлипкое суденышко и, перекинув сумку через плечо, поднялась в караулку.

— Ну, как улов? — спросил «Лунева» стоящий в дверях человек. В петлицах его гимнастерки виднелись ромбы старшего лейтенанта.

— Хорошо товарищ, — вовремя всплыла фамилия, — Рыков. Два омуля, таймень, хариус.

— «Товарищ», — передразнил его лейтенант, — говоришь, как на ковре у Свечкарева.

Илта выругалась про себя: ну да, можно догадаться, что у них не официозная атмосфера, на посту всего три бойца, поди, давно друг друга знают. Она выдавила усмешку в ответ, озирая каморку. Щуплый паренек, дремавший на кушетке встрепененулся при виде сослуживца, на его лице появилась довольная улыбка.

— О, Ромка пришел, — радостно произнес он, — как улов?

Илта не утруждаясь ответом, тряхнула сумкой, одновременно стараясь как можно незаметней осмотреть комнату. Внутри было все ровно так же как ей «вспоминалось» во время плавания — хотя чужая память и изобиловала провалами. Много говорить опасно, но опасно и молчать, а про то, как говорить с этими чекистами, ничего не вспоминалось. Хотя контингент и так, в общем, знакомый.

— А кстати, — Рыков подозрительно посмотрел на сослуживца, — чего у тебя форма мокрая?

— Упала... упал, — ответила Илта, — когда в лодку садился, поскользнулся на камнях.

— Раззява, — раздраженно сказал лейтенант, — отпуская тебе одного. А если бы утоп там? Ладно, в казарме переоденешься.

— Спать не хочешь? — спросил рыжий, — всю ночь же на камнях просидел.

— Хочу, — кивнула Илта, хотя на самом деле ей не особо хотелось — выспалась перед

началом путешествия. Но притворится спящей — мысль неплохая, это избавит ее от необходимости общаться с «сослуживцами». Она шагнула к лежанке и рыжий чекист — тоже сержант судя по петлицам — уступил место «товарищу».

— Может, накинешь что сухое? — спросил он. Илта покачала головой, повалившись на кушетку и закрыв глаза. Сквозь полуприкрытые веки она наблюдала, как лейтенант заваривал кофе на старенькой «буржуйке». Его младший товарищ, которого Рыков называл просто Витькой, разложив рыбу на газете, потрошил ее охотничьим ножом... Судя по фразам, которыми они обменивались, через час-полтора троицу должны были сменить и они с нетерпением ждали момента, когда смогут вернуться — рыжий Витя и сам Лунев в свои казармы, а Рыков — в офицерскую комнату. Судя по всему, караульная служба тут считалась совсем спокойной и здешние караульные вконец расслабились.

— Неплохой улов Ромка приволок, — сказал сержант, закончив потрошить и выкидывая требуху в окно, — когда начнем, сегодня?

— Ага, — кивнул лейтенант, прихлебывая кофе из большой кружки, — в соль только положим. Спирт я достал, семь литров, так что всем хватит. Даже Фрол в накладе не останется.

— Опять его звать будем, — Илта услышала нотки недовольства в голосе энкавэдэшника, — по этой мразоте самому лагерь плачет.

— Да кто же спорит, — лейтенант, судя по звуку, достал папиросу и чиркнул спичкой, — зато он обещал, что у него можно будет посидеть спокойно — его напарник траванулся чем-то в столовке, говорят компотом, — лейтенант хохотнул, — знаем, какой они там компот у себя хлещут. С той бормотухи и концы отдать как нефиг делать. В общем, он сейчас один дежурит, так что можно у него будет окопаться. У нас-то того и гляди набегут «соседи» делится придется — и рыбкой и бухлом. А потом Фрол сказал, что на днях им новых девок привезли. Парочку уже забраковали, так что будет с кем и развлечься.

— О, вот это дело! — обрадовался Виктор, — за него и Фрола потерпеть можно. Лишь бы не оказалось страшко, как в прошлый раз — мне потом та рябая рожа почти неделю снилась.

Они принялись оживленно обсуждать девичьи стати, не обращая внимания на спящего, как им казалось, «Романа». А если бы посмотрели, то решили бы, что сержанту Луневу снится что-то очень приятное, коль уж на его лице блуждает легкая улыбка.

Илта и впрямь была довольна — то, что она услышала потверждало, что она на верном пути. Женщины, которых привозят, судя по обрывкам фраз, для каких-то медицинских целей — именно то, что нужно для проекта. Осталось добраться до этого Фрола и выбрать местечко, чтобы обстоятельно с ним побеседовать.

Через некоторое время лейтенант глянул на часы и кивнул Вите. Тот протянул руку и потряс за плечо лежавшего «Романа». Илта зевнула, продирая глаза и старательно изображая сонного, недовольно взглянула на «сослуживца».

— Время уже, просыпайся, — усмехнулся чекист, — вон слышишь, смена идет.

За дверью и впрямь раздавались шаги — кто-то поднимался откуда-то снизу. Дверь распахнулась и в комнату вошло трое мужчин в форме и знаками отличия НКВД. В комнатке сразу стало тесно, запахло мужским потом и табачным дымом, лейтенант вновь поставил на плитку кофейник. Илте пришлось проявить максимум непринужденности, отвечая на реплики, обычные между старыми товарищами. Пару раз она, видно, прокололась — судя по удивленным взглядам вновь прибывших.

— Ладно, Ромка что-то и вправду сегодня устал, я смотрю — хмыкнул Рыков, — ум за разум заходит. Ты не заболел там?

— Нет! — поспешно ответила Илта. Не хватало еще чтобы ее отправили в здешний лазарет, — нет, устал просто. Не выспался.

— Ну, иди, отдыхай, — сказал старший лейтенант, — уж рыбу мы и без тебя засолим. Дорогу не позабыл еще?

Видимо это была шутка, на которую Илта была вынуждена ответить деланным смешком, выскальзывая за дверь. За ней обнаружили широкие ступеньки, уводящая вниз. Видно было, что эту лестницу прорубили прямо в горной породе, в тех самых скалах, на которых и построили некогда здания Центра. Метров через тридцать лестница кончилась, выходя в широкий коридор.

Отчасти Илта «помнила» дорогу — из глубин украденной памяти всплывали отдельные картинки: проходная, где сидели двое энкэвэдэшников, проводивших их равнодушным взглядом, коридор с рядами дверей из которых то и дело выходили парни в форме, небрежно здоровавшиеся с сослуживцами. Шедший рядом Витя болтал без остановки, вспоминая общих знакомых и забавные эпизоды службы. Илта односложно отвечала, думая, что делать дальше. Разоблачения пока можно не опасаться — как бы не удивлялись сослуживцы убитого Лунева изменениям в его поведении, все же вряд ли они догадаются о подмене. Однако Илта помнила, что где-то здесь в Центре скрывается шаман Сагаев, изменивший Эрлэн-хану. Уж он то без труда разгадает столь незамысловатое колдовство, также как и иные шаманы.

Была и другая проблема — прием, с помощью которого Илта украла внешность у убитого Лунева, действовал недолго. Она и сейчас чуть ли не наяву слышала негодущий вопль, несущийся откуда-то из Нижнего мира, навязчивый крик души, требующей вернуть украденное. На него, конечно, плевать, но долго удерживать чужой облик не получится — самое большее, через сутки Илта обретет свой обычный облик. А заменить его на что-то иное не выйдет — такое колдовство опасно применять слишком часто, так недолго и до одержимости. Оставалось надеяться, что морок продержится хотя бы до начала местной пьянки. А там на месте, она что-нибудь придумает.

С такими мыслями Илта и очутилась перед дверью, которую она чуть не прошла мимо — вовремя всплыло очередное воспоминание. Она уверенно толкнула дверь и шагнула вперед. К счастью, в казарме больше никого не было. Девушка прошла к койке и, завалилась на нее, уставившись в потолок. Сейчас ей оставалось только ждать.

«Отдай! Отдай! Отдай!»

«Что, черт возьми, тебе нужно!? Исчезни дрянь!»

«Отдай! Отдай! Отдай!!» — продолжал бубнить в голове Илты бесплотный голос. К вечеру убитый ею сержант, как и положено всякому неуспокоенному мертвецу резко активизировался, требуя вернуть украденный облик. Хорошо, еще, что днем он молчал — Илте и без того было нелегко находиться в казарме, среди пяти или шести «сослуживцев». А тут еще и это.

Голос слегка притих, словно отдалившись, но продолжал бубнить.

«Отдай, отдай, отдай».

— Эй, Ромка, ты чего такой квелый?! Давай наливай!

В небольшой коморке вокруг грубо сколоченного стола толпилось человек двадцать —

мужчины в возрасте от двадцати до пятидесяти лет торопливо разбирали стаканы со спиртом. Кто-то был одет по форме, при петлицах и даже фуражке, только придя со смены, другие успели переодеться в штатское. Таймень и хариус уже были выпотрошены и разобраны буквально по кусочкам, еще два омуля лежали на краю стола, дожидаясь своей участи. Рядом лежал нарезанный хлеб и стояла полуоткрытая банка с солеными огурцами. Впрочем, закуской товарищи чекисты оскорблялись редко, лишь занюхивая рыбой слабо разбавленный спирт.

«Рома» — Илта, выбранная разливающим, вновь наполнила стаканы. Объемистая бутылка с спиртом быстро пустела, однако вслед за ней уже поспежала «тяжелая арттиллерия» — в углу пылился большой баллон с мутной жидкостью. Как поняла Илта из усмешек окруживших ее «товарищей» это и был тот самый самогон, из которого, предположительно, траванулся напарник Фрола.

Впрочем, его участь, похоже, не пугала ни сгрудившихся возле стола чекистов, ни самого Фрола — уродливого рыжего бугая с петлицами лейтенанта на энкавэдэшной форме. Вообще, за здешним столом собралась в основном офицерская компания — сержантами были только Рома и Витя, вообще непонятно за какие заслуги приглашенный к «офицерскому» застолью. Чем быстрее пустела бутылка со спиртом, тем больше развязывался язык у энкавэдэшников, громко рассуждавших на разные темы — в основном о войне. Ее итоги, как с удивлением отметила Илта, представлялись с каким-то шизофреническим оптимизмом, возможно объяснимым тем, что большинство присутствующих были кем угодно, но не боевыми офицерами. Илта поняла это через полчаса пребывания в данной компании. Судя по всему, здешний персонал подбирался в основном из охранников ГУЛАГА, что было закономерно, учитывая место расположения Центра. Однако полное отсутствие боевого опыта не мешало им уверенно рассуждать на тему военных действий и разгрома противника. Больше всех шумел некий майор, старший по званию и по возрасту — мордатый мужик лет пятидесяти, с кителем накинутым поверх тельняшки, похоже знавшей еще русско-японскую войну. Видимо так и было — подвыпивший энкавэдэшник громко вспоминал о бурной революционной молодости в Петрограде, уверенный, что и сейчас как тридцать лет назад советский народ погонит империалистов отовсюду.

— Пусть не думают, б...и п...глазые, что их взяла! — валяжно развалившись на мягкой койке, рассуждал он, — гнали раньше мы врага с земли советской и сейчас погоним. И англичанка им не поможет — сметем к чертовой матери в Тихий океан и самураев и англичан, а немчуру проклятую в ее проклятом Берлине сожжем.

— Верно, говоришь, товарищ Смирнов! — поддержал его уже хмельной Рыков, — так и будет!

— Пусть не думают япошки и за Амуром отсидется, — продолжал Смирнов, — с товарищем Мао вышвырнем их и из Китая и из Кореи и самого микадо за яйца повесим прямо в Токио. А потом и в Берлин и в Лондон наведемся.

В запале он ударял рукой со стаканом по плечу сидевшего рядом Вити. Спирт вылескивался чуть ли не в лицо молодому сержанту, однако, тот, похоже, даже не помышлял о том, чтобы нарушить субординацию и хотя бы пересесть. Впрочем, это и так было непросто сделать — сдвинутые вокруг стола три койки, в обычное время, видимо, предназначенные для арестантов, сейчас были наглухо забиты пьяными чекистами.

— Так и будет товарищ Смирнов, — поддакнул рыжий Фрол, скаля желтые зубы, — зря что ли сидим в этой глуши? Погодите, еще юшкой фашисты умоются, еще сами драпать до

своего Токио будут. Выпьем за Победу!

— Хорошо сказал, — майор благосклонно кивнул и поднялся из-за стола, — давайте товарищи! За победу! За нашу победу!

Вокруг раздался одобрителный гул и офицеры начали опрокидывать стаканы. В считанные минуты покончили с тайменем и хариусом, товарищи офицеры принялись за омуля, бросая на пол обсосанные кости. Илта украдкой выплеснула спирт на пол и потянулась за огурцом. Внезапно она встретилась взглядом с майором, смотрившим осоловелыми глазами и недоуменно мотавшим башкой.

— Ты...это, — он передернул плечами, — черт, неужели белая уже? Вроде и выпил немного.

— Что-то не так, товарищ майор? — внутренне подобравшись спросила Илта.

— Херня какая-то видится, — буркнул в ответ Смирнов, — бабы какие-то узкоглазые. Эй Фрол, — обратился он к охраннику, — ты нам вроде девок обещал?

— А то как же, — кивнул в ответ охранник, — щас приведу.

— Девки то хоть ничего? — подозрительно спросил рябой мужик с петлицами капитана государственной безопасности, — здоровые? С чего бы их забраковали?

— Да не бойтесь, товарищ Смирнов, не заразные, — усмехнулся Фрол, — просто там у них чей-то неладно не то с яичниками, не то с маткой — хрен их поймешь, застудили что ли. Раньше еще в Чите отсев шел, а сейчас стали прямо здесь освидетельствовать. Этим двум и так не жить, пусть хоть с мужиками настоящими побудут напоследок.

— Слышал я, что там, в Чите их тоже девка обследовала, — сказал Смирнов, — изменницей оказалась. Я ее видел раньше — красивая такая врачиха. Ее бы оприходывать.

— Подстилка японская, — пренебрежительно ответил Фрол, — но здоровая как лошадь, так что отправили вниз. Но эти две тоже ничего, вот увидите.

— Ну ладно, веди уже, — махнул рукой майор, вальяжно повалившись на кровати и закинув руку на плечо Вити, — да пошевеливайся, а то уж плоть требует, понимаешь. Не ровен час, не дождусь, нарушу революционную законность прямо с пареньком. Как в прошлый раз, помнишь Лещев? — он подмигнул Вите и, не стесняясь положил руку ему на колено. Парень нервно рассмеялся, бросая умоляющие взгляды на старших по званию.

— Не надо, товарищ Смирнов, — сказал Рыков, — оставили бы пацана. Лещев и так после прошлого раза два дня отходил, хорошо еще в казарме не узнали.

— Чего!?! — проревел Смирнов, — ты с кем разговариваешь, салага?! Сгною! — он налил себе спирта и залпом выпил. Несколько успокоившись он развязно продолжил, — И вообще пацан не против, правда Витька!?! — он подтолкнул плечом прячущего глаза сержанта.

— Сто пятьдесят четвертую тоже еще не отменили, — не сдавался Рыков.

— Статью не про нас придумали, — усмехнулся Смирнов, еще крепче обхватывая за плечи парня, — а для тех, кто нюх совсем потерял. Все можно, если осторожно. Как иначе врагов народа выявлять, если не на живца ловить, как всяких заграничных дипломатов-депутатов за жабы брать? Хитрость такая военная, понимаешь? Так что ты меня статьей не пугай — у меня с двадцать второго по тридцатый год три «тетки» сменилось, — он заржал, — почти жены, все как один. А знаешь почему таких как я не трогают? Да потому что все, что делаем — для блага социалистического отечества. Думаешь, как Ежова раскололи, что он вражина? А вот на том и поймали, понимаешь, что «графинюшек» привечал, а те все под петлицами ходили. Вот и сдали его, когда Хозяин велел. Так что ты

поторопись Фрол, а то уж больно старое хорошо вспомнилось.

— Будет сделано, товарищ майор, — оскалился Фрол, — сейчас приведу. До ветру схожу только, а то уж спирт наружу просится.

— Давай, — кивнул Смирнов запрокинув руку на плечо съезжившемуся парню, — да ты не тушуйся Витька, все путем будет. В прошлый раз тебе же вроде и понравилось. Эх, знал бы ты как оно было в двадцатых. Сам Чичерин там бывал, куда я вхож был...

— Товарищ лейтенант, — вполголоса обратился «Рома» к Рыкову, — мне бы тоже выйти.

— Иди, — буркнул тот, угрюмо смотря на майора, — ишь раздухарился старый кокодес. Выскальзывая за дверь Илта услышала, как позади опять подняли тост «за победу».

Илта выскочила вовремя — грузная фигура Фрола уже исчезала в одном из боковых коридоров. Куноити немного нервничала — все шло, в общем-то, по плану, но, что называется «на грани фола», в любой момент грозя обернуться самым скверным образом. Она из последних сил удерживала чужой облик, все громче слыша голос из преисподней, требующий «вернуть ему лицо». Один раз ему это даже удалось, к счастью, только на мгновение. Это становилось слишком опасным, чтобы продолжаться дальше. Завернув за угол Илта содрогнулась всем телом, словно собака, выходящая из воды и прошептала мантру. Что-то неуловимо изменилось, замолк навязчивый голос, что-то с чуть слышным свистом соскользнуло на пол и просочилось сквозь камень. Куноити лишилась чужой личины. Теперь ей оставалось надеяться только на скорость.

Оправившись Фрол Астахов застегивал штаны, когда позади стукнула дверь. В этот момент охранника больно схватили за волосы и он почувствовал на горле холодное лезвие.

— Пикнешь — зарежу как свинью, — ласково произнес ему на ухо женский голос.

— Ттты, кто?! — выдохнул разом протрезвевший охранник.

— Тот, у кого есть вопросы. И кто ждет от тебя ответы, красная свинья. Сядь!

Что-то больно ударило Фрола под колено и он покорно уселся на унитаз. Та, кто разговаривала с ним сейчас, неуловимо переместилась за его спину, так что охранник даже не успел как следует рассмотреть девушку, все это время не убиравшая ножа от его горла.

— Что ты хочешь от меня? — вновь спросил Фрол, — ты понимаешь, во что ввязалась?! Живой отсюда ты не вы... — он вновь замолчал, чувствуя как лезвие еще сильнее вдавилось в шею.

— Вопросы буду задавать я, — расставил приоритеты голос над ухом, — Расскажи о той девчонке из Читы.

— Ка...какой девчонке? — выдохнул Фрол, — из Читы тут много кто.

— Той, что работала в Центре, а потом перебежала к японцам. И не вздумай врать.

Фрол уже понял, что влип, но продолжал надеяться — рядом комната полная офицеров НКВД, кто-то из них в любой момент мог захотеть в туалет. Но попытки тянуть время и отвлекаться на малозначительные детали быстро пресекались — уже не уколами ножа, а быстрыми движениями пальцев, причинявшими невыносимую боль. Потный и задыхающийся, Фрол выложил все как на духу: как Наташу поместили в одну из местных камер, как он изнасиловал ее, а потом отвел ее к местному начальству.

— И больше я ее не видел, как перед богом клянусь! — выдохнул он.

— Богом говоришь? — усмехнулась Илта, — разве вам не запрещено в него верить?

Снисходительный тон девушки немного успокоил охранника. Он не видел как застыло

ее лицо пока Фрол рассказывал, как надругался над Наташей. На свою беду он оказался слишком красноречив. Илта в любом случае не собиралась оставлять чекиста в живых, но до своих откровений он мог хотя бы рассчитывать на быструю смерть.

— Куда они ее повели потом, — спросила Илта, — как думаешь?

— Дык в «обезьянник», куда же еще — пожал плечами Фрол, — туда всех девок ведут, ну кроме тех, что брак.

— «Обезьянник»? — спросила Илта, — где это?

— Ну, нижние пещеры, где сидит Доктор, — объяснил Фрол.

— Кто?

— Ну, профессор Иванов, — объяснил Фрол, — весь этот Центр под него, считай, делали.

Фрол не мог видеть какая довольная улыбка расплылась на лице Илты.

— Я туда не спускаюсь никогда, — продолжал он. Мерзкое место, гнусные твари.

— Отсюда можно туда попасть? — спросила Илта. Свое мнение о том, кто тут был самой гнусной тварью она решила озвучить чуть позже. Совсем чуть-чуть.

— Можно, — торопливо ответил Фрол, — в конце коридора лифт, самая нижняя кнопка.

— Очень хорошо, Фрол, — сказала Илта и охранник невольно вздрогнул от мурлыкающих ноток в ее голосе, — ты рассказал, что мне было интересно. А теперь я расскажу, то, что будет интересно тебе.

Фрол замолчал, все его массивное тело сотрясала мелкая дрожь. Он никогда не был на фронте: вечный тыловик из лагерной охраны, получивший место за усердное вылизывание комиссарской задницы. Меньше всего ему хотелось сейчас быть героем.

Лезвие ножа убралось с шеи и в этот момент его тело пронзила невероятная, парализующая боль, скрутившая Фрола в три погибели. Его пленительница шагнула вперед, усевшись перед охранником на корточки. Ухватив чекиста за подбородок, она заставила его встретиться с ней взглядом. С удивлением Фрол понял, что эта фурия молода и красива — он ожидал увидеть фурию вроде Барвазон. Но в синих глазах читалось нечто более страшное, чем фанатичное безумие комиссарши.

— Когда твоя душа отправится к Владыке, — тихо сказала Илта, — пусть передаст Ему, что ты будешь первым из здешнего гадюшника, кто заплатит за горе причиненное моей девушке. Скажи, что Гончая просит подобрать для всех вас ядовитое болото, полное змей и скорпионов. Понял меня?

Из глаз Фрола текли слезы страха, он кивал, словно заведенный, не понимая и половины сказанного, но уже готовый сделать все сказанное этой фашисткой. Илта улыбнулась и ударила основанием ладони его под носдри. Непроизвольно он опрокинул голову и откинулся на спинку унитаза. В этот же момент острый нож распорол штаны Фрола, цепкие пальцы ухватили его гениталии. Вновь сверкнуло лезвие и истошный крик вырвавшийся изо рта охранника, был заглушен кроточащим обрубоком, впихнутом в распахнутый рост. Рука с ножом тем временем кромсала жирное брюхо, выпуская блестящие кишки, жирными змеями свивавшимися на полу. Бьющийся в агонии насильник свалился с унитаза. Илта, на всякий случай подрезала ему сухожилия на ногах, затем сняла с пояса Фрола толстую связку ключей и вышла вон, оставив подыхать на полу сортира хрипящего в предсмертных муках чекиста.

На свое счастье никто из «сослуживцев» пока не озадачился вопросом: куда

запропастились Фрол и «Рома». Вряд ли кто услышал и оборвавшийся крик охранника — в данный момент участники застолья с трудом слышали даже собутыльников. Похоже, чекисты таки добрались до фроловской бормотухи.

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут!

В этом шуме никто не услышал как повернулся ключ в замке, запирая «товарищей» в камере. Это позволяло Илте выиграть время — никто раньше утра их не спохватится, так же как и Фрола. Пусть сидят без девок — те хоть проживут подольше. Впрочем, у майора по крайней мере есть сержант госбезопасности Виктор Лещев.

Из-за двери доносился нестройный рев:

Но мы подыдем гордо и смело
Знамя борьбы за рабочее дело

Илта пожала плечами и почти бегом устремилась по коридору.
У нее по прежнему оставалось очень мало времени.

Покойный Фрол не обманул — лифт обнаружился именно там, где он указал. Металлические створки распахнулись, после того как Илта нажала небольшую кнопку в стене. Войдя в кабину, куноити бегло осмотрелась — единственным цветным пятном на стенах была панель с белыми и черными кнопками. Нажав самую нижнюю Илта почувствовала как кабина дернулась и со скрипом двинулась вниз. Девушка прислонилась к стене и устало прикрыла глаза — прошедший в чудовищном напряжении день подкосил даже боевую машину «Черного дракона». Запоздало Илте пришла в голову мысль, что с убийством Фрола она поторопилась — следовало подробнее расспросить его о «гнусных тварях» внизу. Но слишком много на нее навалилось там — опасение, что кто-нибудь застанет ее за допросом, нахлынувшая ненависть к ублюдку, как само собой разумеющееся рассказывавшего, как он насилует заключенных, опьянение, недавняя «контролируемая одержимость».

«Соберись!»- мысленно приказала себе Илта. Ее задание, по сути, только начинается, пусть она уже вплотную подобралась к цели. Раскиснуть в логове Мечита — проще сразу вскрыть живот, чтобы потом не мучиться. Хотя бы ножом Лунева, который Илта носила с тех пор как прибыла с водохранилища. А, кстати, что еще у нее есть? Илта бегло осмотрела свое снаряжение. Одета она по-прежнему в форму старшего сержанта НКВД — гимнастерка, штаны с широким ремнем, сапоги. Форма была на пару размеров больше, но пока Илта носила личину убитого чекиста это никому не бросалось в глаза. Илта туго затянула ремень, запихав под штаны полы гимнастерки и несколько раз обвернув штанины вокруг ног. Со

стороны это выглядело, наверное, нелепо, но так, по крайней мере, одежда меньше сковывала ее движения. Илта проверила карманы — нож и связка ключей от Фрола, кроме того, еще оттягивал пояс пистолет. Уже что-то — во всяком случае, она встретит опасность не безоружной. Другое дело, поможет ли ей обычное оружие там внизу?

Пока Илта шарила по карманам, движение кабины замедлилось, что-то проскрежетало наверху и лифт мягко ударился о пол. Илта шагнула к начавшимся раскрываться дверям, но тут же замерла, предчувствуя новую угрозу.

Он даже не сразу поняла в чем дело но чутье, никогда не подводившее ее раньше, сейчас кричало в голос об опасности. Куноити почти не глядя, просто из инстинкта самосохранения, стукнула по первой попавшейся кнопке.

В открывшийся на мгновение проем, пахнувший сыростью и гнилью, был виден темный коридор, с мерцавшими у потолка лампочками. И по этому коридору, буквально в паре метров от лифта подходили...Илта даже не могла себе толком объяснить, кого она видела. На первый взгляд это были все те же энкавэдэшники в своей обычной форме, но в то же время было в них что-то...неправильное. Илта не рассмотрела толком — беглый взгляд оставил впечатление не то слишком густой растительности на лицах, не то вообще темной как у негров кожи. Да и черты лица казались странными. Илта не могла себе объяснить, в чем эта странность, но, безусловно, она БЫЛА.

И кем бы ни были те (люди?) шли они прямо к лифту, так что единственное, что оставалось сделать Илте — нажать на кнопку. Оставалось надеяться, что те внизу, решат, что неожиданный посетитель ошибся этажом.

Кабина лифта вновь остановилась — оказалось Илта поднялась только на этаж выше. Открывшийся коридор выглядел пустым, хотя и более освещенным. Осторожно оглядываясь по сторонам, Илта шагнула вперед и двери лифта закрылись за ней.

Памятуя о том, что странные типы внизу могут подняться следом, Илта быстро зашагала вперед. Не может быть, чтобы с нижним уровнем сообщался только этот лифт, наверняка тут есть и другие лифты или лестницы, ведущие вниз.

Стены, так же как и пол и потолок коридора были выкрашены в белый цвет, придающий этому месту стерильно-безликий вид. С потолка ярко светили кварцевые лампы — Илта мельком подумала, что ей будет нелегко укрыться, если кто-то попадется по пути.

«Тем хуже для него» — философски подумала куноити, которой порядком надоело прятаться. Впрочем, сейчас здесь было пусто, — логично, учитывая, что по подсчетам Илты наверху давно наступила глубокая ночь. Вдоль стен тянулись серые прямоугольники дверей и по табличкам на них Илта быстро определила, чем занимаются на этом уровне: от названий типа «лаборатории биохимии» или «патологоанатомическое отделение» рябило в глазах. Судя по всему, научная база Центра ничем не уступала «Отряду 731» — если не превосходила его. Будь у Илты побольше времени, она бы обязательно попыталась проникнуть за одну из тех дверей.

Однако времени как раз и не было.

Коридор тем временем начал разветвляться, чего-то похожего на лифт или лестницу по-прежнему не просматривалось и Илта всерьез задумывалась: не вернуться ли обратно, пока она не заблудилась окончательно. Не будут же ее там караулить внизу?

— Семнадцать часов сорок три минуты!

Уверенный, радостный голос показался в этой тишине пресловутым раскатом грома. Любой дикий зверь позавидовал быстроте реакции, с которой Илта развернулась,

выхватывая пистолет и наводя его на источник звука. Оказалось, что стрелять пока неоткуда — голос шел из небольшого коридора, не сразу замеченного Илтой. Держа курок на взводе, Илта бесшумно скользнула туда.

— Это полный успех, товарищ Ланькова! Правота профессора Иванова доказана полностью и неопровержимо. Это полный переворот в медицине!

В отличие от центрального коридора, боковой аппендикс почти не освещался — над потолком тускло мерцала лишь одна фиолетовая лампа. Впрочем, этот коридор и был небольшим — метров пятнадцать всего с одной дверью в конце. Из-за нее лился свет, слышались оживленные голоса.

— Значит, эксперимент закончен? — послышался женский голос, в котором тоже угадывались возбужденно-радостные нотки.

— Маша, вы еще спрашиваете?! Конечно! Вы же сами видели — раны у всех троих, несовместимы с жизнью. Переливание крови могло продлить их существование от силы на пару часов — что и произошло с тем, кому мы переливали человеческую кровь. Тот, кому переливали кровь шимпанзе, умер через полчаса.

— Но третий...

— Семнадцать часов сорок три минуты! — вновь послышался торжествующий голос, — вы представляете? Не знаю, что такое в крови этих полуобезьян, что позволило подопытному так долго цепляться за жизнь — но факт налицо! Представляете, какие перспективы это открывает?!

— Товарищ Кумаев, я просто не нахожу слов...

Заинтригованная Илта припала к светящейся щели приоткрытой двери. Ее глазам предстало помещение, сильно напоминающее давно забытую лабораторию в Чите: шкафы с множеством книг и медицинских приборов, стеллажи, уставленные колбами и трубочками. Но центром всего этого были три больших операционных стола на каждом из которых лежал человек. Вернее, как следовало из разговора восторженных экспериментаторов, лежало три трупа, небрежно накрытых простынями, бурными от засохшей крови. Над мертвыми телами в специальных держателях закреплялись пакеты, на дне которых еще виднелись остатки красной жидкости — надо полагать переливаемая кровь. От пакетиков тянулись прозрачные трубочки, исчезавшие под простынями.

Спиной к Илте стоял высокий мужчина в белом халате и с черными волосами. Напротив него стояла молодая стройная женщина, примерно одного с Илтой возраста. Из-под белой медицинской шапочки выбивались черные волосы, медицинский халат подчеркивал сочную фигурку.

«Все-таки советские женщины куда симпатичнее их мужчин»- мелькнула мысль у Илты.

— Вот здесь — рука доктора хлопнула по папке, лежащей поверх на одного из трупов — журнал наблюдений и кое-какие результаты опытов. Профессор Иванов просил меня предоставить ему эту документацию, после смерти последнего из испытуемых. Отнесите, Маша?

— Конечно, товарищ Кумаев, — с готовностью кивнула красавица, — только вот...

— Не знаете, как туда пройти? — спросил доктор, — ну да, вас же недавно перевели. Выйдете отсюда, дойдете до инфекционной лаборатории — ну, прямо за уборной, знаете? Там будет лестница — вниз спуститесь и идете до конца коридора.

Как выглядит профессор, знаете?

— Нет, — мотнула головой Маша, — нам его лекции давали в записи. Я видела его портреты до того как...

— Он с тех пор сильно изменился, — хохотнул доктор, — впрочем, я думаю, вы его ни с кем не спутаете. Тем более, что из всех ему подобных он один может членораздельно говорить. Надеюсь, его вид вас не сильно шокирует.

— Вот уж на новусов я насмотрелась, — с чувством произнесла девушка, — и знаю как вести себя с ними. Думаю, поладим и с их создателем.

— Поладите, конечно, — рассмеялся Кумаев, — партиец партийца не обидит. Ладно Маша, вы идите, а я буду писать отчет для Свечкарева — это до утра. Надо будет еще подготовить для Иванова образцы тканей и крови от каждого подопытного. Кровь этого новуса запустила в организме любопытную патологию — жаль, что он уже при последнем издыхании находился, очень жаль. Там есть очень интересный фермент, я описал его в журнале.

Еще минут десять доктор сыпал разнообразными медицинскими терминами, из которых Илта понимала хорошо если треть. Докторша — надо полагать местный аналог Наташи — поддерживала разговор, но было видно, что он ее утомлял. Наконец Кумаев выговорился и, небрежно бросив, «Я позвоню, предупрежу доктора» — потянулся к телефону. Маша двинулась к двери — Илта еле успела отпрянуть в темный угол. Открывшаяся дверь заслонила куноити, пока Маша, цокая каблучками изящных сапожек, вышла в главный коридор. Вслед за ней кралась Илта. Все ее умение двигаться бесшумно пригодилось ей сейчас — находясь в двух шагах позади девушки, она ни звуком не выдала себя. Конечно, если бы докторша обернулась Илте бы не поздоровилась, но похоже она даже не подозревала, что идет по коридору не одна. Что было закономерно — в «Кокурюкай» учили множеству способов оставаться незамеченной. И все же Илта не теряла осторожности — когда девушка вдруг остановилась, куноити плавно отступила в боковой коридор. Однако Маша всего лишь зашла в уборную.

«Опять сортир» — поморщилась Илта, заходя следом. В уборной было три кабинки, в одной из которых виднелись женские ноги в бежевых чулках и черных сапожках. Послышалось характерное журчание, потом звук смываемой воды. Не дожидаясь пока Маша выйдет, Илта распахнула дверь кабинки. Девушка удивленно подняла взгляд на открывшуюся дверь и ее карие глаза широко распахнулись. Она раскрыла рот, чтобы закричать, но Илта слегка ударила ее по горлу, затем по солнечному сплетению.

— Тихо сучка! — произнесла она, — где бумаги!?

Маша что-то промычала, что могло расцениваться и как попытку рассказать, равно как и гордый отказ. Однако Илта уже заметила папку, на бачке.

— Ага, ну гляну позже, — сказала она, — ну-ка встань!

Докторша из НКВД (наверняка она была в каком-то звании, вряд ли сюда допустили кого-то со стороны) попыталась что-то сказать, но Илта не дожидаясь этого ухватила ее за пышные кудри и вздернула на ноги, разворачивая спиной к себе. Попытки сопротивляться были прерваны ударом по пояснице — скорее простым шлепком, — но от него Машу скрючило в три погибели и девушка уже не сопротивлялась когда ее уложили грудью на бачок. Спущенные до колен трусы и юбка съехали до щиколоток, позволяя Илте запустить руку между ног девушки. Та ойкнула и попыталась убрать нахальные пальцы.

— Перестань, — поморщилась куноити. Согнув свободную руку в локте, Илта с силой надавила на крестец, заставив Машу вновь всхлипнуть от боли. Тем временем Илта быстро и

умело освободила ее от халата, блузки и нижнего белья.

— Они тебе больше не понадобятся, — пояснила Илта, закидывая одежду на спинку кабинки.

— Бо...больше? — выдохнула Маша, но тут же с ее губ сорвался приглушенный стон: Илта вновь запустила руку ей между ног лаская и массируя клитор. Второй рукой она ухватила Машу за подбородок, заставив вздернуть голову. Зубы финнояпонки прикусили мочку уха советской женщины, удерживая голову задранной, в то время как освободившаяся рука Илты уже ласкала набухшие соски. Природа брала свое и страх и недоумение уступали место похоти пробуждаемой унастойчивыми ласками. Трепещущее тело извивалось в руках куноити, ожесточенно тершейся пахом о зад девушки. Сама Илта так и не удосужилась раздеться, оставаясь в осточертевшей форме давно съеденного рыбами Лунева. Получать удовольствие в таком облачении да еще и без помощи рук было весьма затруднительно, однако Илта все равно возбудилась от полузабытого ощущения покорного женского тела извивающегося под ней. Поэтому кончили обе одновременно — Маша, застонав, рухнула на унитаз, содрогаясь в сладостных судорогах. Над ней встала довольная Илта.

— Ну, как-то так, — произнесла она, вытирая пальцы о штаны, — понравилось?

— Пошла ты! — послышался в ответ злобное шипение.

— Как грубо, — рассмеялась Илта, — а я ведь была такой нежной.

— Откуда ты взялась!? — спросила Маша, ощупывая прокушенное ухо, — кто ты, черт тебя возьми, такая?!

— Девушка, у которой давно не было девушки! — хмыкнула Илта — устраивает такой ответ? Я надеюсь, тебе понравилось? Мне, например, очень.

— Пошла ты!

— Повторяешься, — Илта вновь надавила локтем в крестец, выдавив из Маши очередной стон боли, — а еще врешь! Я же видела, что тебе было приятно. Вы красные привыкли получать все на халяву, но там, откуда я пришла за удовольствие принято платить.

— Что тебе нужно?

— О, вот это дело! Нужно мне немного — кое-какая информация об этой богадельне.

— Думаешь, изменницу нашла? — презрительно кинула Маша.

— Слушай, мне некогда точить лясы. Если ты не начнешь говорить, — Маша дернулась почувствовав на лице холодное лезвие, — тебя приласкает мой друг. Начну с левого глаза, а там посмотрим, — может второй глаз, может нос или ухо.

Вскоре Илта знала все, что можно. Ее пленницу звали Мария Ланькова, она была одним из множества врачей Центра, месяц назад еще получившим петлицы капитана НКВД. После этого ее и перевели на нижние уровни, где находился медицинский персонал, сотрудничавший непосредственно с научным руководителем проекта «Плеяда». Обязанностей у докторши была масса, среди прочего, ей вменялось и предварительное обследование поступивших в Центр девушек, прежде чем отправлять их к загадочному Доктору. О нем Маша тоже рассказала — о гениальном ученом, тридцать лет занимавшимся гибридизацией людей и человекообразных обезьян, добившись поразительных результатов.

— Вот оно что, — присвистнула Илта, — вот кого я видела внизу.

Она сама удивилась тому, как спокойно она восприняла сказанное — почти как должное. Видимо подсознательно она ожидала чего-то в этом роде.

— И вы надеетесь с их помощью выиграть войну?

— Вроде того, — буркнула Маша.

— Что своих солдат уже не хватает?

— Новусы быстро растут, — пожала плечами Маша, — в полтора-два раза быстрее человека достигая половозрелости. Они послушны, неприхотливы. При правильном обучении из них можно получить вполне сносных солдат. Есть какие-то программы на повышение их боеспособности, меня как раз должны были ввести в курс дела.

— Да, рановато я тебя выцепила, — протянула Илта, — ну что поделаешь. А про шаманов бурятских что расскажешь?

— Про кого? — в голосе Маши послышалось столь неподдельное изумление, что Илта не стала продолжать вопросы. Похоже этой девчонке рассказывали далеко не все.

— А этих троих — тоже ты отбирала?

— Ну да, — кивнула Маша, — мне это доверяют. А ты что, видела нас с Кумаевым?

— Угу. Очень познавательно. Так кто эти подопытные?

— Враги народа, кто же еще. Тот, кому переливали человеческую кровь — вредитель на производстве — не то гвозди в муку подмешивал, не то толченное стекло, не помню уже.

— Правда подсыпал? — небрежно поинтересовалась Илта.

— Так написано в обвинении, — Маша попыталась пожать плечами, — остальные не лучше. Тот, кому обезьянью кровь переливали — троцкист, пригрели вражину. А третий — кулак, лютый причем. Недаром так за жизнь цеплялся — кулачья порода она такая!

— Да, — протянула Илта, — такая. Слушай, а ты не знаешь в Чите у вас был филиал или что-то в этом роде? Там еще девушка одна работала, блондинка.

— Наташка? — пренебрежительно сказала Маша, — обычная изменница. Пыталась сбежать, недавно ее поймали, сюда привезли. Наверное, уже понесла от новуса. А что?

— Нет, ничего, — заверила ее Илта.

Маша не успела понять, что допрос окончен, когда сильная рука вновь ухватила ее за подбородок, заставляя задрать голову. Острое лезвие черкнуло по белому горлу и, истекающая кровью докторша упала, содрогаясь в предсмертных судорогах. Илта хмыкнула и вытерла нож о рукав.

Чтобы скинуть с себя надоевшую форму, переодеться в машину одежду и накинуть сверху халат Илте понадобилось меньше минуты — также как и переобуться в сапоги докторши. Аккуратно подхватив папку и сунув ее под мышку, она бросила последний взгляд на истекающее кровью голое тело и вышла из уборной, плотно прикрыв дверь. Уборная женская, так что можно было не опасаться, что сюда заглянет доктор Кумаев. А наутро когда найдут труп, советский эскулап будет первым на кого падут подозрения.

Перепрыгивая через две ступеньки, спускаясь по лестнице, Илта очень надеялась, что к тому времени она уже четко будет знать, как отсюда уходить.

Первого новуса (если не считать тех, на которых она чуть не выскочила из лифта) Илта увидела, спустившись по лестнице и пройдя около тридцати метров по слабо освещенному коридору. Свернув за первый поворот, она услышала глухое, угрожающее рычание и тут же волосая лапища преградила ей путь. Недоверчиво блеснули красные глаза, толстые губы раздвинулись, обнажая острые клыки.

— Я к профессору Иванову, — сказала Илта, поднимая папку с бумагами так, чтобы обезьяночеловек ее увидел. Ей удалось сохранить на лице спокойствие, хотя момент был рискованный — если у этих уродов принято по-другому называть безумного ученого...

— Урггххрр, — обезьяноподобное существо в форме НКВД отодвинулось, давая пройти Илте. Оно даже махнул лапой, указывая путь. Илта небрежно кивнула в ответ и зашагала к светящемуся прямоугольнику двери. Возле нее слонялось еще несколько обезьянолюдей, исподлобья смотревших на подошедшую девушку. Однако, завидев папку в ее руках, они расступились. Илта перевела дух про себя — пока дела шли неплохо. Но расслабляться не стоит — в любой момент она могла наткнуться на того, кто знает настоящую Ланькову. Несмотря на безобразный облик эти твари явно не были безмозглыми животными — в низко посаженных глазках под мохнатыми бровями, светился злой, явно не звериный ум. Впрочем, Илте случалось водить за нос и народ похитрее, чем мохнатые тролли Хара-Хутага. Посмотрим, как получится здесь.

Илта толкнула массивную железную дверь и шагнула вперед.

Почти сразу же ее оглушил многоголосый рев, визг, истерический хохот. В ноздри ударила жуткая вонь — смесь запахов крови, шерсти и экскрементов. Илта оглянулась по сторонам, с любопытством рассматривая клетки за которыми бесновались обезьяны.

— Что-то вы долго милочка, — послышался сбоку недовольный голос, — заблудились?

Илта обернулась на голос и едва удержалась от удивленного возгласа при виде сгобленного обезьяноподобного существа с ежиком седых волос на макушке. Существо вышло из-за стола и вразвалку подошло к куноити.

— Вы же Мария Ланькова? — спросило ее подошедшее чудовище. Илта машинально кивнула, — давайте папку.

Илта протянула ему папку с документами, хотя и не без сожаления. Перед глазами ярко всплыла картина — ребро ладони, ломающее торчащий кадык. Убить его сразу здесь, забрать папку, поискать другие документы. А там уже подумать и как выбираться отсюда.

Нет. Слишком рискованно. Она не знает где лежит все, что интересует Исии Сиро, понадобится время, чтобы найти нужные материалы. А за дверью несколько обезьянолюдей, которых вряд ли так же легко убивать голыми руками, как людей.

И к тому же — она до сих пор не знает где Наташа.

Илья Иванов, не догадываясь о ее терзаниях, просматривал документы в папке и, судя по всему, был очень доволен тем, что видел. С его губ то и дело срывалось «восхитительно!», «чудесно!», «это даже больше, чем на то, что я рассчитывал». Илта тем временем осматривала лабораторию, понимая, что попала в святая святых «Плеяды». Взгляд ее зацепился за портрет на стене и Илта невольно вздрогнула от сходства глаз седоватого ученого и уродливой твари стоявшей на расстоянии вытянутой руки.

Наконец, Илья Иванов захлопнул папку, положив ее в отделение шкафчика, где лежали разные документы (Илта постаралась запомнить полку) и повернулся к девушке.

— Поздравляю с удачным окончанием эксперимента, коллега, — широкая улыбка придавала полуобезьяней личине особенно жуткий вид, — значение этого открытия трудно переоценить. Уверен, что это только начало нашей совместной работы, которая без сомнения будет весьма плодотворной. А вы как считаете, товарищ Ланькова?

— Почту за честь работать с вами, товарищ Иванов, — ответила Илта.

— Думаю, будете, — заверил ее доктор. — Мы с вами знакомы, так сказать, заочно — я видел ваши заключения по нашим подопытным. Собственно именно поэтому, я и попросил ваше руководство перевести вас сюда. Сами понимаете, у нас много женщин на сносях и мне не мешает толковый гинеколог.

Он говорил что-то еще, сыпля медицинскими терминами, Илта кивала и поддакивала,

старательно делая вид, что все это ей знакомо и понятно. Ее обучили оказывать первую помощь, были у нее и кое-какие хирургические (и даже паталогоанатомические) навыки, но вот женские дела были практически неизвестны кунюити. Ей еще не приходилось иметь дело с беременными — если не считать мимолетных сексуальных контактов, — а саму Илту неплохо натаскали на тему способов предохранения от возможной беременности и ликвидации ее возможных последствий.

— Так, когда начнем? — умудрилась вставить она словечко в излияния доктора.

— А прямо сейчас, — Иванов рассмеялся каким-то кудахтающим смехом, — привыкайте, тут у нас ночная жизнь. Сегодня я не буду вас особенно напрягать — просто ознакомьтесь с обстановкой, войдете в курс дела. Ну, а завтра начнете полноценный рабочий день.

Говоря все это, Иванов непрерывно расхаживал от стола к шкафчикам, не обращая внимания на обезьян, пытающихся поймать полу его халата. Илта тем временем мучительно пыталась решить, что ей все-таки делать. Ей уже начинало казаться, что убить Иванова — не самая плохая идея, когда он, ухватив со стола связку ключей, решительно двинулся к двери.

— Идемте, товарищ Ланькова, — сказал он, распахивая дверь, — вы же тут недавно работаете, насколько мне известно?

— С полгода, — бодро ответила Илта, то, что ей рассказала покойная Маша, — из Иркутска перевели, прямо с медакадемии.

— Если вы первый раз на нижнем уровне, то считайте, что вы еще ничего тут не видели, — усмехнулся Иванов, — пойдёмте, я покажу вам настоящий Центр.

Они шли по слабо освещенным коридорам, в которых узнавались бывшие пещеры.

— Многие помещения остались чуть ли не в первозданном виде, — пояснял Иванов, — а нижние ярусы практически не обследованы. Но оно и к лучшему — в такой обстановке новусы чувствуют себя уютней.

Глядя на трех обезьянолюдей, шедших следом, Илта не могла не согласиться с доктором — мало кто выглядел здесь настолько на своем месте как зверолюды. Вправо и влево от коридора отходили боковые проходы в которых угадывалось шевеление, слышалось негромкое урчание, которому провожатые (а иногда и сам Иванов) отвечали негромким рыком. Здесь больше чем где-либо в Центре, ощущалось, КТО выбрал пристанищем эти пещеры. Эти подопытные обезьяны, звероподобные твари в чекистской форме, наконец, само пугающее создание, шедшее рядом — все это выглядело коллективным воплощением Мечита. Илта грезила наяву — в каждом шорохе, каждом звуке, раздававшемся из пещер, чудилось ей мерзкое хихиканье из ее кошмаров, в каждом смутном силуэте, мелькавшем во мраке виделась ей заживо освежеванная обезьяна.

«Ты Гончая Эрлэн-хана».- всплыли в ее мозгу слова старого шамана. Она поняла, что у нее не получится просто так взять документы и уйти, не вступив перед этим в схватку с врагом Владыки Закона.

Коридор петлял, то, сужаясь, то расширяясь, от него по-прежнему отходили разные ответвления, временами в стенах попадались и двери. Пару раз коридор даже переходил в небольшой мостик, перекинутый через большие провалы, на дне которых Илте тоже чудилось какое-то шевеление, уродливые согбенные тени. А выше чуть ли не над самым потолком виднелись светящиеся прямоугольники, за которыми мелькали испуганные лица.

За мостиком обнаружился очередной туннель, метров через восемь, выходящий в

небольшой зал. От него отходило несколько небольших коридоров. Иванов широким жестом указал Илте на один из них.

— Начнем отсюда, доктор Ланькова, — церемонно произнес он, — может, узнаете кого из своих пациенток. Можно сказать, будете работать со знакомым материалом.

Илта вздрогнула — вот об этом она не подумала. Черт, ведь и вправду доктор Ланькова должна знать многих здешних пациенток. Правда она говорила, что не одна занимается обследованием женщин, перед отправкой их на опыты, но все же...

Однако отступить было поздно и Илта, чуть помедлив, проследовала за профессором.

— Ну, как ты тут? Не скучала без меня?

Алиса Барвазон, щеголяя выглаженным и вычищенным кителем, сидела на койке, закинув ногу на ногу и надменно разглядывая Наташу. Согнанная ею с кровати бурятка «Таня» робко жалась у стены, кидая боязливые взгляды то на саму комиссаршу, то на стоящих у двери могучих обезьянолюдей, вошедших вместе с майором Барвазон.

— Что, неужели не скучала? — вскинула брови Алиса, — как же так?

— Что тебе надо? — глухо спросила Наташа, с бессильной ненавистью глядя на давнюю мучительницу, — поглумиться пришла?

— Нужна ты больно, — пожалала плечами комиссарша, — ты себя уже и так наказала порядком. Веришь или нет, но я и вправду захотела тебя проведать — много ведь и впрямь вместе пережили. Помнишь ведь Зею?

Наташа горько усмехнулась — и хотела бы забыть тот безумный марш-бросок через тайгу да где там. В то, что у Алисы проснулись какие-то сантименты девушка, разумеется, не верила — напротив, очевидно было, что она пришла глумиться.

— Сюда, конечно, я по служебным делам спустилась, — продолжала Барвазон, — но потом решила и тебя проведать: вдруг раскаялась, поняла, наконец, где правда в этой войне?

— Где тут правда еще не поняла, — покачала головой Наташа, — а вот неправду вижу хорошо. Черт возьми, одного человека бы убрать в свое время и не было всего этого.

— Ты про Гитлера? — улыбнулась Алиса.

— Не, про Николашку, — мотнула головой Наташа, — распустил, понимаешь, всю сволоту, сам страну обезьянам красно...ым сдал, а такие как я или Илта расхлебывают.

С лица Алисы исчезла улыбка, в глазах мелькнул гнев, но она сдержала себя.

— Дурой была, дурой и осталась, — пренебрежительно сказала она, — ну да ладно. Как тут тебе: хорошо, спокойно, сытно? Все как ты и хотела.

— Все хорошо, товарищ майор государственной безопасности, — бодро рапортовала Наташа, — кормят, лечат, даже синема показывают. Только скажите начальству, чтобы репертуар сменили, а то уж больно паскудные картины пошли, смотреть противно.

— Синема? — недоумевающе спросила Алиса.

— Ну да, — ответила Наташа, кивая в сторону решетки, — вот такое. Все как у империалистов проклятых с этим, как его...Конгом, вот! Обезьяны девушек то жрут, то насильничают, а те, бесстыдницы такие, еще и сами на них прыгают. Срамота буржуйская, одним словом.

Раньше бы она испугалась, глядя как перекосилось лицо Барвазон. Но Наташа уже устала бояться — поэтому она открыто усмехалась в полыхавшие ненавистью черные глаза.

— Ты, — выдавила из себя комиссарша, — все еще не успокоилась, гадина?! погоди, вот только роди — самолично тебя в яму кину.

— До моих родов еще дожить надо, — хмыкнула Наташа, — так что ты угрозы свои в задницу засунь еще месяцев на шесть. А то глядишь еще появиться на свет недоносок какой или и вовсе выкидыш у меня случится, от волнения. Ты же палач, а не врач, куда тебе понять, а вот Иванов не обрадуется. Да и Свечкарев тоже — а он тебя уже на заметку взял, я помню.

Алиса от злости даже потеряла дар речи и Наташа даже подумала — не перегнула ли она палку? Остальные девушки смотрели на их диалог с ужасом, даже стоявшие у стены обезьянолюди подались вперед. Алиса, справившись с возмущением, собиралась что-то еще сказать, но тут хлопнула дверь и все повернулись к входу.

— Вот, товарищ Ланькова, и ваши первые, пациенты, — сказал доктор Иванов, — знакомьтесь, пожалуйста. Если вы уже не знакомы, разумеется.

В этот же момент Илта поняла, что знакомы и даже очень хорошо. Глаза Наташи и Алисы одновременно округлились, с губ почти синхронно сорвались возгласы.

— Ты!?

— Взять ее!

— Всем назад! — послышался в ответ громкий окрик.

Наташа и остальные девушки только изумленно моргали — иной реакции на столь быстро развивающиеся события от них ждать не приходилось. Обезьяноподобные новусы рассерженно ворчали, а их создатель натужно хрипел придавленный зажимом локтя Илты, отпрянувшей в угол. Дуло выхваченного пистолета упиралось в висок профессора.

— Один шаг и я вышибу ему мозги, — спокойно сказала куноити.

— Ты понимаешь, что будет с тобой, если ты его убьешь? — спросила Алиса.

— Вполне, — усмехнулась Илта, — вторую пулю я пушу себе в висок. И у тебя будет два трупа — один мой, второй — этого яйцеголового, без которого ваш Центр — просто груда бетона. Подумай — кого твое начальство сочтет виновным в этом. Задумайся над тем, что будет с ТОБОЙ!

На лице Алисы мелькнула бессильная злоба. Она узнала черноволосую женщину с которой видела Наташу в Харбине, от своей же пленницы зная, кто она такая. Удар достиг цели — слишком уж ценной фигурой был старый профессор.

— Что все это значит? — наконец подал голос Иванов, — товарищ Ланькова, вы...

— Старый идиот, — с чувством произнесла Алиса, — кого ты привел!?

— Что?! Кого!?

— Вам привет от доктора Исии, — усмехнулась Илта, все сильнее вдавливая курок в висок профессора, — вы, правда, не знакомы, но думаю, понравились друг другу. Эй, комсомолка, — она кивнула Алисе, — скажи своим уродам, чтобы отошли к стене.

— Что тебе нужно? — с ненавистью прошипела Барвазон, после того, как зверолюды ворча оступили к решетке. В провале за решеткой слышался рев черных тварей.

— Для начала я хочу забрать то, что ты украла, — отрезала Илта, — Наташа, подойди ко мне!

«Она пришла за мной! Она спасет меня!»

— Черта с два, — выдохнула Алиса. В ее руке что-то блеснуло и Наташа нервно сглотнула почувствовав у горла холодное лезвие.

— Ее жизнь за жизнь профессора, — иронично подняла бровь Илта, — думаешь, ваша партия сочтет это равноценным обменом? Наташа, иди ко мне.

Алиса неохотно посторонилась и девушка, все еще не веря всему происходящему, осторожно двинулась к Илте.

— погоди! — сказала кунюити, — у нее есть ключи? — она кивнула в сторону Барвазон. Наташа неуверенно покосилась в сторону комиссарши лицо которой, казалось, превратилось в застывшую маску.

— Она вроде как своим ключом дверь открыла, — неуверенно произнесла она.

— Слышь ты, — Илта кивнула Алисе, — достань ключики. Ага, а теперь брось на пол.

Брошенная со всей силы связка ключей зазвенела по полу. Наташа быстро подняла ее и кинулась к Илте. Та кивнула, и вдруг вскинула пистолет, чуть ли не наугад стрельнув куда-то вбок. Наташа посмотрела в ту сторону — охранник-обезьяночеловек медленно заваливался в угол, выпуская из рук почти снятую с плеча винтовку.

— Не нужно этого, — холодно произнесла Илта, вновь приставляя дуло пистолета к виску Иванова, — Наташа, встань мне за спину.

— Я еще доберусь до вас обеих, — прошипела Алиса Барвазон, пальцы ее непроизвольно сжимались и разжимались, — жизнь положу, но...

— Жизнь положить это легко, — кивнула Илта, — может и вправду встретимся.

По-прежнему удерживая Иванова в заложниках, девушки медленно вышли из камеры.

— Закрой ее, — скомандовала Илта и Наташа, с трудом захлопнув дверь, заскрежетала ключом в замке. Закончив с этим, она развернулась в сторону Илты и неожиданно разрыдалась, уткнувшись в плечо девушки. Весь ужас, все унижения и пытки последних недель вырвались наружу, едва Наташа получила надежду на освобождение.

— Ну-ну, перестань, — бормотала смущенная Илта, — не видишь у меня обе руки заняты.

— Илта...мне было так страшно, — всхлипывала Наташа, — это место ад, нет, хуже ада. Если бы ты знала...

— Потом ты мне все расскажешь, — пообещала кунюити, — сейчас не время. Черт!

За дверью загрохотали выстрелы, потом послышались раздраженные крики.

— Пошли отсюда, — Илта немного грубо стряхнула с плеча Наташу.

— Куда? — вытерев слезы, спросила девушка.

— А вот это нам товарищ Иванов покажет, — усмехнулась Илта, — покажите ведь, профессор?

— Почему вы думаете, что я вам буду помогать? — выдавил профессор.

— Наверное потому, что даже обезьяна хочет жить — хмыкнула Илта, — и потом, разве вам не хочется вернуться в свою лабораторию. Я так просто жажду услышать продолжение рассказов о ваших гениальных открытиях.

— Сиро Исии, говорите? — прищурившись, спросил Иванов, — Я слышал, что на развалинах читинского филиала видели японцев с эмблемами биологической защиты.

— Считайте это обменом научными данными, профессор, — кивнула Илта, — нехорошо скрывать их от коллег из-за такой мелочи, что наши страны сейчас воюют. Вы сейчас проведете нас обратно в лабораторию и покажите мне все, что я попрошу.

А потом поможете выбраться отсюда — и поверьте после этого ни я, ни Наташа не приблизятся к вашему проклятому Центру и на пушечный выстрел. Договорились?

— Я бы сказал, что меня не устраивает в этом плане, — деланно усмехнулся доктор, — но пистолет, увы, не у меня. Так что договорились...

— Отлично, — произнесла Илта. Она, наконец, освободила шею доктора от своего захвата и тот, наклонился, закашлявшись. Илта безглаголиво стряхнула серые шерстины с халата.

— Идемте, профессор, — она ткнула пистолетом в его спину, — и давайте без геройства. Вы ведь ученый, а не солдат.

— Советский ученый, прошу заметить, — Иванов гордо выпятил грудь, что при его обезьяноподобной внешности выглядело комично.

— А вот об этом вы мне не напоминайте лишний раз, — сухо сказала Илта, — как говорят наши немецкие друзья — «шнелль, роттен швайн»!

За дверью слышались выстрелы и крики — похоже оставшиеся в заточении обезьянолюди вместе с Алисой пытались подать знак остальной охране. Наташа, Илта и Иванов быстро прошли по коридору, выходя в небольшой зал через который профессор и куноити и прошли к камере.

— Шагайте профессор, — Илта вновь подтолкнула его пистолетом в спину, — и не вздумайте запутать след. Я запомнила дорогу, не сомневайтесь.

На самом деле она блефовала, но Иванов похоже поверил. Зло зыркнув на Илту он засеменял по коридору. За ним шла куноити, держа пистолет у левого бока профессора. Замыкала шествие Наташа, то и дело оглядывавшаяся назад.

Они вышли на небольшой мостик под которым — теперь Илта это видела четко — металась в яме черные образины. Они тыкали пальцами в стоящих наверху людей, издавая нечленораздельное рычание. Илта так засмотрелась на них, что едва не пропустила движение в одном из светящихся окон наверху. Но все-таки заметила.

— Назад! — крикнула она Наташе, падая на пол сама и опрокидывая профессора. Пули свистнули у нее над головой, когда куноити, откатываясь обратно, пальнула вверх почти наугад. Сверху послышался протяжный вой боли, которому снизу в несколько голосов отозвались черные твари.

— Цела? — крикнула Илта.

— Кажется? — отозвалась Наташа.

— Агхххрррр!!! — покрытое шерстью тело в белом халате навалилась на Илту, подминая ее под себя. Серая лапа прижала к полу руку держащую пистолет, клацающие челюсти с острыми клыками рвались к горлу девушки. Из распахнутой пасти капала горячая слюна, в налившись кровью серых глазах не было уже ничего человеческого. Словно пленение и последующая перестрелка разом высвободили звериную часть сознания профессора, вытеснившую все человеческое. Теперь не яйцоголовый интеллектuala с забавной внешностью, но обезумевшее животное атаковало девушку. Куноити была застигнута врасплох — она знала много смертоносных приемов, гарантированно отправивших бы на тот свет любого человека, но в грубой силе она уступала нависшей над ней твари. Все что она успела — вцепиться пальцами свободной руки в горло твари. Пальцы куноити сжали кадык и чудовище заметалось, ухватилось лапой за душащую его руку. Густой волос спас профессора: он отцепил пальцы Илты, отводя ее руку в сторону. Чудовищная пасть устремилась к незащитному горлу девушки.

— Аааа, — сверху на профессора упало что-то растрепанное, кричащее, вцепившееся в волосы. Профессор отшвырнул Наташу в сторону, но этого промедления хватило Илте, чтобы, собрав все силы, высвободить руки и ударить ладонями по ушам зверочеловека. С криком боли тот схватился за голову, меж волосатых пальцев выступила кровь. Удар ребром ладони по сонной артерии был страшен: в иное время Илта может и попыталась только оглушить, но сейчас ей было уже не до ценного пленника — со стороны моста уже слышались крики и топот.

Иванов словно мешок повалился на Илту. Высвободившись из-под трупа, она подала руку Наташе, пытающейся подняться у стены.

— Как ты?

— Ребра ударила, — девушка страдальчески поморщилась, — но, кажется ничего не сломано.

— Хорошо, — несколько пуль ударилось над их головой о стену, — пора уходить.

По мосту уже бежало с десятков обезьянолюдей — в форме НКВД, вооруженных досками. Подхватив с пола пистолет и сделав пару выстрелов — надо же только сейчас она стреляет из оружия Лунева, — Илта кинулась по коридору, увлекая за собой Наташу.

Они вновь выбежали в залу, откуда шли ходы в палаты-камеры, наугад нырнув в один из коридоров. Через несколько метров он уперся в очередную закрытую дверь.

— Конец? — обреченно произнесла Наташа.

— Посмотрим, — сквозь зубы произнесла Илта, — дай ключи.

Наташа вслепую сунула ей связку и Илта поспешно перебирая ключи, нашла подходящий к замочной скважине. Еще минута и девушки влетели внутрь, запирая дверь.

Внутри было темно, но Илта нащупала выключатель и комнату залил свет.

— Таак, — оглядываясь, произнесла Илта, — и где мы теперь?

— Похоже на палату, где я жила, — сказала Наташа, оглядываясь, — только эта какая-то странная. И пустая.

Палата и вправду пустовала — и вправду была странной. Несколько кроватей стояли как попало, чуть ли не перевернутые, как и стулья. Постельное белье было разорвано в клочья, перья от подушек равномерно покрывали пол и стены. А на полу виднелись лужи темной жидкости.

— Кровь! — Наташа отшатнулась, — что за...

— Вот что, — Илта кивнула на окно. Кованой решетки не было — вместо нее зияла огромная дыра, по бокам торчали железные шпильки. Илта подошла к ним и внимательно осмотрела.

— Перепилены, — произнесла она, кивая на окно, — погоди, а это что?

В ноздри ударил запах крови. Девушка пригляделась — на железных отрезках виднелись ошметки плоти, словно кого-то с силой протащили наружу.

Что там вообще такое? — вслух спросила куноити.

Только быстрая реакция спасла Илту, когда из темноты вынырнула черная волосатая рука, попытавшаяся схватить ее за лодыжку. Наташа взвизгнула, когда куноити сделав немислимый кульбит отпрянула в сторону, открывая высунувшуюся из провала черную голову. Злые глаза обвели двух девушек, из приоткрытого рта вырвался злобный крик. Над ухом Наташи раздался выстрел, в покато лбу чудовища проклюнулось аккуратное отверстие и тварь тяжело рухнула вниз.

— И что это? — почти спокойно спросила Илта. Наташа сбивчиво объяснила.

— Много там таких?

— У нас было пять или шесть — ответила Наташа, — Илта, но как...

— Ты меня спрашиваешь, — удивилась куноити, — самой непонятно. Видать кто-то из здешних шишек недооценил свое детище. Это пилили не один день, видно ночью, когда девки спали. Наверное сегодня еще обхода тут не было — вот их и поймали сонными.

Наташа вздрогнула от ужаса, представив черных тварей лезущих в комнату к спящим

девушкам. Илту больше беспокоил другой вопрос — как скоро их начнут искать? Вряд ли у Алисы и доктора Иванова был один комплект ключей — тем более, что с мертвого профессора Илта-то как раз и забыла снять связку. Первое, что сделает охрана — освободит комиссаршу и охранников, затем станет искать беглецов. И найдет, конечно — Алиса расскажет, что у нее отобрали ключи. Да и в любом случае — долго тут оставаться не стоит.

Илта еще раз подошла к окну и осторожно глянула вниз. На дне темной ямы толпилось несколько чудовищ, с голодным вожделением глядевших вверх. В ногах у них лежали груды истерзанной, окровавленной плоти в которой сложно было опознать отдельные тела.

— Четверо — Илта отошла обратно, — скажи, а там есть выход?

— Из камеры нашей был, — кивнула Наташа, — Алиса заходила снизу.

— Зачем? — полюбопыствовала Илта. Наташа, немного покраснев, объяснила. Илта покачала головой — экий вертеп.

— Будем надеяться, что у них тут один ключ на все двери, — сказала куноити, вставая.

— Ты...ты хочешь спуститься туда? — с ужасом спросила Наташа, — одна?

— Это единственный выход, — пожалала плечами Илта, — если мы выйдем в коридор, нас тут же сцапают.

Словно в подтверждение ее слов за дверью послышались отдаленные голоса, приблизились чьи-то шаги, однако, не дойдя до двери, повернули обратно.

— Вот видишь, — Илта повернулась к Наташе, — делать нечего.

— Но...но ведь там темно, — выдавила Наташа, — сколько у тебя патронов?

— Как раз четыре, — спокойно произнесла Илта, подходя к окошку. Черные твари все еще стояли в круге света, злобно плясая вовне.

— А если промахнешься? — спросила Наташа. Илта пожалала плечами.

— Возьми ключи если что, — сказала она, кинув девушке связку. Затем подошла к окну и осмотрев хорошенько все внизу, начала осторожно, головой вперед, выползать наружу, стараясь не зацепиться за обломки решетки. Скорчившись на краю окна и держась на одних только пальцах, она еще раз оглядела будущее «поле боя» и спрыгнула.

Наташа сидела на кровати, дрожа как банный лист и прислушиваясь к звукам снизу. Едва Илта исчезла в черном проеме как поднялся многоголосый вой и рев, раздался выстрел — один, второй, третий, четвертый. На минуту все стихло и вдруг — снова оглушительный рев, полный ярости и боли. Он резко оборвался, после чего воцарилась совсем могильная тишина. Наташа сидела у двери не жива, не мертва не в силах даже пошевелиться, чтобы встать и отпереть дверь. Страх настолько парализовал ее, что она не могла сдвинуться с места и чуть не умерла от страха, когда в черном проеме окна что-то зашевелилось.

— Все-таки их было пятеро, — сказала Илта, вползая обратно, — один дрых в углу, обожравшись человечины. Он проснулся, когда я начала стрелять — а что удобно, на виду, почти мишень. Хорошо еще, что я услышала, как он заходит сзади.

— И как ты его убила? — спросила Наташа. Илта усмехнулась.

— Ну, во-первых, я никогда не ношу оружие только с одной обоймой, — сказала она, перезаряжая пистолет, — еще там наверху я в дополнение к этому пистолету, свистнула обойму у одного из «сослуживцев».

— Но выстрела было четыре! — воскликнула Наташа, — ты что убила двоих одной пулей?

— Нет, — усмехнулась Илта, — и перезарядить не успела. Просто, — она подбросила в руке трофейный нож, — я еще не научилась метать эту штуку.

Наташа с восхищением смотрела на финнояпонку. Сейчас ей казалось, что ее подруга может справиться с любым врагом, выйти из любой, даже столь безвыходной ситуации.

— Уходить надо, — сказала Илта, — выстрелы наверняка услышали.

Наташа спустилась с большим трудом — помогла веревка из обрывков ткани, протянутая вдоль стены. Заканчивалась она крюком, зацепленным за решетку. Крюк был сделан погнутого железного прута, а веревка, похоже, из обрывков одеяний тех, кого приводили чудищам на съедение. Илта представила как долго, кропотливо должны были эти твари пилить решетку (интересно чем?), дожидаясь пока пациентки заснут. Кто знает где и до чего могут додуматься еще эти создания жадные до человеческой плоти. Наташу бросило в жар, когда она подумала о чудовищах живших под их собственной палатой.

Огибая тела черных обезьян и растерзанных ими людей, затаив дыхание от невыносимой вони Наташа и Илта подошли к железной двери. На их счастье ключ и впрямь подошел — дверь со скрипом распахнулась, открывая очередной коридор. Сжимая в руке пистолет Илта выглянула наружу, осторожно оглядываясь, потом махнула Наташе.

«Верное» направление в коридоре определить было непросто — в обе стороны тянулся одинаково темный сырой тоннель, слабо освещенный тусклыми лампами.

— Пойдем, — Илта кивнула, наконец, направо.

— Почему именно туда? — спросила Наташа.

— У тебя есть лучшие варианты?

Вариантов не нашлось и они пошли в предложенном Илтой направлении. Однообразный, как и все здешние закоулки, коридор вел, казалось, в никуда — только мерцающие под потолком лампы, да железные двери в стенах показывали, что тут все же присутствует какая-то цивилизация. За дверями слышался шорох, приглушенные вопли, иногда что-то гулко ударялось о железо. Наташа понимала, кто таится за этими дверями и невольно ежилась при мысли, что где-то одна из них окажется незапертой. Илту же сейчас больше тревожило то, что они, видимо, окончательно заблудились. Похоже, они выбрали неправильную дорогу — коридор плавно, но достаточно заметно шел под уклон. С другой стороны он становился шире и как-то благоустроеннее — даже лампы над потолком светили ярче. Впрочем, учитывая, где они находились, это вряд ли могло считаться хорошим знаком.

Неожиданно впереди от стены отделилась черная тень — Наташа едва подавила испуганный крик. Илта же молча метнулась вперед, выхватывая нож. На свое несчастье, подземный страж оказался спиной к девушкам — что его и погубило. В самый последний момент он услышал шорох позади и обернулся, срывая с плеча винтовку. Однако поднять ее он не успел — Илта прыгнула ему на грудь, сбивая с ног. Поднялся и опустился нож и поднялся вновь — уже красный. Илта хищно ощерилась, слизывая кровь с лезвия.

— Как ты можешь? — несмотря на всю сюрреалистичность окружения, Наташа не могла удержаться от брезгливой гримасы.

— Это не обезьяна, — усмехнулась Илта, — хотя наши британские союзники и не видят разницы. Посмотри, — она отошла в сторону.

Наташа склонилась над мертвым — да, это был человек. Низкорослый китаец в форме НОАК равнодушно пялил в потолок узкие глаза, в которых еще сохранялось удивленное выражение.

— По крайней мере, мы разжились еще одним оружием, — Илта бесцермонно обыскала китаец, — ага, фонарь пригодится. Стрелять умеешь?

— А...я? — запинаясь спросила Наташа — да, немного. В Чите были учения.

— Держи, — Илта кинула ей винтовку, — лучше, чем ничего. Глянем, откуда он вышел.

Боковой коридор — узкий, с низким потолком — кончился очень быстро. Уже через десять метров две девушки оказались в небольшой комнате — или вернее пещере, освещенной лишь тусклой «летучей мышью» над потолком. В ноздри ударила просто невыносимая вонь, похожая на ту, что была в пещерах черных чудовищ.

— Черт, что это? — Илта приподняла взятый с китайца фонарь освещая пещеру. Грубые каменные стены, небольшие лужицы на полу, пучки соломы, куча какого-то тряпья в углу.

— А это что? — Илта посветила перед собой и увидела очередной проход выходящий из пещеры. Что-то в нем показалось Илте странным и она выключила фонарь.

— Смотри! — она протянула вперед руку. Из прохода перед ними лился чуть заметный, голубоватый свет. Смутные воспоминания зашевелились в голове Наташи: где-то она уже видела этот свет, где-то совсем недавно.

— Постой, — сказала она, чувствуя все большую тревогу, — кажется это...

Куча тряпья рядом с Илтой зашевелилась, тяжело задышала и вдруг взревела, поднимаясь в полный рост, гремя железными цепями. Илта не успела среагировать — как волосатое чудовище, быстрое даже в оковах, мигом скрутило ее, приподняв от земли. Мощная лапа держала ее за горло, вторая поползла вверх, разрывая в клочья медицинский халат, который Илта не успела заменить на что-то более подходящее. Вот толстые пальцы проникли между ног, срывая трусы. Над ухом Илты послышалось басовитое рычание, кожу обожгло горячее дыхание.

— Натааааашшш, — сдавленный хрип вырвался из уст куноити. В голове застучали молоточки, перед глазами поползли красные круги.

Над ухом послышался негромкий хлопок, что-то свистнуло мимо лица Илты. Грозный рык сменился визгом боли и куноити почувствовала, как ослабла мертвая хватка стиснувшая горло. Она извернулась так, как, наверное, не рискнула и змея, побоявшись сломать позвоночник. Куноити буквально выдавила себя из стальных объятий. Упав на землю, Илта перевернулась на спину, выхватывая пистолет. Перед глазами мелькнули маленькие налитые кровью глазки, черный нос с плоскими ноздрями, слюнявая клыкастая пасть, в которую и выстрелила Илта. Жуткая тварь повалилась на землю.

— С тобой все в порядке, — Наташа подбежала к Илте, помогая ей подняться на ноги.

— Бывало хуже, — через силу усмехнулась Илта, поднимаясь на ноги, — а ты молодец.

Даже в царившем вокруг полумраке было видно, как зарделась Наташа, все еще держащая наперевес винтовку. Обе девушки подошли к поверженному чудовищу, лежавшему в куче соломы, испачканной нечистотами. Это была огромная обезьяна — правда некоторые детали внешности показывали, что у этого зверя есть примеси крови и более высокоразвитого существа. Помимо развороченной пасти, на теле твари виднелась и кровоточащая рана в плече. Именно туда пришелся выстрел Наташи.

— А это что такое? — спросила Илта, внимательно разглядывая чудовище.

— Совсем не тот парень, с которым стоит знакомиться девушке, — удивительно, но Наташа еще находила в себе силы шутить, — мне, правда, навязали это знакомство.

Она коротко рассказала Илте обо всем, что предшествовало ее появлению в палате наверху, особое внимание уделяя противоестественному насилию в пещере. Илта молча слушала не перебивая, лишь пару раз задавая наводящие вопросы.

— Что же теперь все более-менее понятно, — она покачала головой, — стоило догадаться, что сердце «Плеяды» не спрятано среди шприцов, пробирок и микроскопов.

Значит там, — она кивнула в сторону узкого прохода, — подлинная обитель Мечита?

— Что? — спросила Наташа, тут же вспомнившая где она слышала это имя, — о ком ты?

Илта не успела ответить — из коридора, которым они шли, послышались встревоженные крики на русском и китайском языках, к которым примешивалось взволнованное рычание обезьянолюдей.

— Они нашли китайца, — сказала Илта, — и наверняка слышали выстрелы. Быстрее.

Она схватила за руку Наташу и обе девушки продолжили бег по коридору — еще более узкому и зловонному чем все, что они видели раньше. Вскоре девушки стояли в огромной пещере, рядом с черными ложами-алтарями перед рекой нечистот. Сейчас каменные изваяния пустовали — и возле мостика на противоположном берегу не горел костер и сама пещера выглядела пустой. Но с пещерного свода по-прежнему мерцали яркие звездочки планет и звезд и их призрачное сияние освещало изображения чудовищ на скале перед алтарями.

— Шулмасы, чутгуры, лусы, — бормотала Илта, рассматривая фрески, — интересно.

— Илта! — громким шепотом обратилась к ней Наташа, — слышишь?

Из оставленного ими коридора слышался громкий топот.

— Они идут сюда! — воскликнула девушка, — что будем делать?

— Спокойно, — бросила куноити, — где тут выход?

— Там, — Наташа указала на противоположный конец пещеры.

— Пошли!

Они перебежали по неказистому мостику, направляясь к выходу. Но сделав несколько шагов Илта застыла, затравленно озираясь по сторонам. Все ее обостренные инстинкты, развитая годами интуиция кричали о западне. И опасность шла не сзади, от шедших по их следу охранников — нет, она окружала их со всех сторон.

— Что? — недоуменно спросила Наташа, но тут вокруг словно включили свет — «звезды» вдруг засияли в десять раз сильнее, будто кто-то невидимый подкрутил регулятор яркости. Илте и Наташе не надо было смотреть вверх, чтобы понять, что ярче всего светят семь уже хорошо знакомых им звезд — личины и обители древнего мерзкого Духа.

— Старый мошенник Бэлигте побоялся прийти сам, — послышался от дверей насмешливый голос, — и послал девчонку.

Тени с разных углов сгустились и из них выступил бурят в черном шаманском одеянии. Тонкие губы кривились в усмешке, глаза горели злобным торжеством.

— Пятнадцать лет, — мерно говорил Сагаев, шагая вперед, — пятнадцать лет я ждал возмездия от Эрлэн-хана. И вот сейчас, когда, он, наконец, решился посчитаться со мной, его верный пес смог прислать лишь развратную девку чужой крови, — шаман-изменник хохотнул, — похоже я сильно переоценил Владыку Закона.

Илта навела на Сагаева пистолет и нажала на курок. Шаман даже не изменился в лице — всего лишь мотнул рукой и пуля с звонким щелчком ударила о пол.

— Ты плавать умеешь? — сквозь зубы произнесла Илта, не оборачиваясь.

— Я...что? — лепетала испуганная Наташа, пятясь назад и цепляясь за плечи Илты.

— Я спросила, умеешь ли ты плавать? — вновь процедила Илта не отводя глаз от неспешно приближавшегося шамана и медленно отступавшая в сторону шумящего водопада.

— Немного, да, — всхлипнула девушка, — Илта, мне страшно.

— Мне тоже, — призналась куноити. Сейчас ей и вправду было страшно — столь

неотвратимо грозно выглядела эта приближающаяся фигура. Сейчас она понимала, что именно Сагаев был душой и пружиной творящейся тут мерзости.

На противоположном берегу появились новые действующие лица: преследующие девушек охранники высыпали на берег и застыли, не решаясь вмешиваться. Один начал было поднимать винтовку, но Сагаев, не поворачиваясь, выкрикнул каркающую фразу, одновременно сделав непонятное движение рукой — и солдат с криком боли отбросил оружие. Больше черный шаман не обращал на них внимания, — взгляд его властных глаз был устремлен на Илту. Она еще несколько раз выстрелила, но скоро поняла, что патроны лучше побережь для того кто будет воспринимать их более серьезно. Медленно она отступала назад, а над ними все сильнее сияли, заливая все холодным светом, Плеяды.

— Ушло время закона и его Владыки, — мерно произносил шаман, — ты и твой учитель всего лишь нелепый пережиток, рабы ослабевшего господина. Миром будет править новый хозяин — Мечит и его воля будет единственным законом. Покорись ему или умрешь!

— Шулмуса лысого тебе в печень, урод! — выкрикнула Илта, — бааанзааай!!!

Она вскинула пистолет, но шаман выбросил вверх руки — словно черный ворон расправил крылья. Из ниоткуда над ним появился черный бубен, который сам, без прикосновения рук начал отбивать ритм. Вокруг него заплясали темные тени, дерганые, будто изломанные силуэты, кривляющиеся и извивающиеся в воздухе. Илта кинула взгляд вправо — изваяния на стенах тоже пришли в движение, заматавшись в безумном танце. Охранники — люди и зверюды — отошли обратно в туннель, не желая видно находится в месте где правит бал нечисть. Бубен подымался все выше над головой черного шамана, руки его тряслись, фигуру окутало призрачное сияние, лившееся от семи колдовских звезд. И все больше, все чернее становились кружащиеся над ним тени.

Илта обернулась — оказывается, они подошли совсем близко к бурлящему водопаду. Она уже видела брызги и облако пара, исходящее с места, где зловонный поток устремлялся в неведомую бездну.

— Прыгай! — крикнула она.

— Я не могу, — замотала головой Наташа, — я боюсь!.

— Прыгай, черт тебя побери! — рявкнула Илта.

— Хар-Мечит! — гортанно выкрикнул шаман и черные тени слились в одну исполинскую, огромным нетопырем метнувшуюся в сторону девушек. Илта подсечкой сбила с ног Наташу, сбрасывая ее в бурлящую воду. Она хотела прыгнуть за ней, но не успела — уже в прыжке в ее плечи вцепились цепкие обжигающе-холодные пальцы. Тьма застила ей глаза, закутала уши, закрутила в бешеной пляске, заворачивая в многослойный черный саван. В уши ударил многоголосый торжествующий хохот и Илта ухнула в разверзшуюся в ее голове бездну беспомощности.

Она стояла на вершине исполинской скалы состоящей из сплошного, ослепительно белого камня, поднимавшегося из искрящегося моря серебристого огня. Огонь это был странным — он не грел, но жег всепроникающим пронзительным холодом, пробирающим до костей. В небе переливалось всеми красками мерцающее сияние, то и дело, расцветавшее вспышками разноцветных огней, напоминающих исполинские цветы. И каждый новый «цветок» испускал всепроникающий холод.

Справа и слева, впереди и сзади из моря серебристого пламени вздымались такие же ослепительно белые скалы. И на их острых пиках, кривляясь и скаля рожи, выплясывало в

безумном танце множество отвратительных созданий — получертей-полуобязьян с содранной кожей. С блестящих красных тел в разные стороны разлетались капли крови, когда чудовища огромными прыжками, перемещались с одного пика на другой.

Вот одно освежеванное чудовище плюхнулось совсем рядом и прорычало сквозь оскаленные клыки.

— Я убью ее!

Она проснулась. Кошмар проходил тяжело, рассасываясь как густой туман.

— Я убью ее! — повторили рядом, — проклятая сука, она мне заплатит за все!

Голос был полон такой злобы, что Илта дернулась встать и чуть не взвыла от невыносимой боли, пронзившей все тело. Открыв глаза, она увидела искаженное дикой злобой лицо чекистки, с размаху хлестнувшую пленницу по лицу.

— Очнулась сука?! — если бы голосом можно было убивать, Илта уже лежала бездыханным трупом, — быстро не умрешь, не надейся! — она подняла руку для нового удара.

— Хватит, товарищ Барвазон, — послышался позади негромкий голос.

— Да эта сука...

— Алиса!

Комиссарша бросила злобный взгляд поверх головы Илты, но, тем не менее отошла в сторону. Илта тем временем попробовала оглядеться, что оказалось нелегким делом — сейчас она не могла пошевелить и пальцем.

Ее обнаженное тело крепко-накрепко перекручивали желтые ленты, глубоко врезавшиеся в плоть. Вдоль лент тянулись закорючки монгольского письма, в котором куноити опознала шаманские заклинания, связывавшие злых духов. Как будто этого было мало, руки и ноги девушки заводились за узкую длинную скамью, и скованы там.

Сама куноити находилась внутри небольшой комнаты, при взгляде на убранство которой она живо вспомнила юрту Бэлигте хар-боо: на стене висели бубны, стояли шесты, с навешенными на них амулетами, стены покрывали замысловатые изображения. Правда если они и изображали духов-защитников, то выглядели они довольно однообразно — все те же обезьяноподобные чутгуры. На отдельной подставке красовалась скульптурная композиция «сандзару» — только в отличие от классического изображения, одна обезьяна отнимала руки от зажатого рта, вторая от ушей, третья, расстопыривала пальцы, будто подглядывая сквозь них. Символизм был понятен — в пику буддийским монахам, здешние хозяева собирались видеть, слышать и говорить о зле. А еще — и творить его. Антагонизм «сандзару» видимо отображал сам Мечит. Он тоже здесь присутствовал: в виде исполинского барельефа выступающего из стены — обезьянья личина искаженная дикой злобой. Морда уродливого мертвеца преисполняла та же ненависть, что проступала сквозь барельеф — словно одна и та же сущность смотрела сквозь каменную и плотскую морду. Когтистые пальцы вздернутых лап скрючились, слово хватая что-то.

Перед барельефом было каменное возвышение, на котором лежало скрюченное тело, поросшее седой шерстью. Илте не потребовалось много времени, чтобы опознать труп убитого ею Ильи Иванова.

Рядом с ним, как и во всем помещении чадили масляные светильники выполненные в форме головы опять-таки обезьяны — электрического освещения тут, видно, не признавали. Светильники стояли и в специальных углублениях в каменной стене, вдоль которой протянулся длинный диван, накрытый черным шелковым покрывалом. На нем и восседала

комиссарша, смотревшая на Илту с ненавистью.

— Что довольна, тварь!? — она кивнула на мертвого профессора, — шалава японская, да сотня таких как ты и мизинца его не стоили. А теперь...

— Перестань, Алиса, — вновь послышался голос позади и кто-то шагнул мимо Илты загородив от нее свет. Иван Сагаев сел на диван в черном шаманском одеянии и головном уборе из обезьяньей шкуры. В отличие от кипящей злостью комиссарши он неплохо владел собой.

— А наша гостья не проста, — с некоторым даже удовлетворением произнес он.

— Я уже поняла, — огрызнулась Алиса, — по всему Центру трупы валяются. Вертухай да докторша — черт бы с ними, невелика потеря. Но она ведь и Иванова пристукнула, тварь.

— Вообще-то он сам напросился, — подала голос Илта.

— Заткнись!

— Ты только не прибедняйся — подмигнул ей Сагаев, — я уже понял, как ты проникла сюда. Все же я был неправ — Бэлигте знал кого посылать. Если бы ты так по-глупому не привязалась к этой русской дурочке — может и ушла бы. А так она стала живцом, хоть и не ведая об этом. Ты думала, что спасешь ее, столкнув в водопад? Глупая, там она умрет столь страшной смертью, что даже тебе не пожелал бы. Тебе впрочем, легче не будет.

— Она сдохнет, это понятно! — повернулась Алиса к шаману, — речь сейчас не об этом. Послезавтра из Новосибирска прилетает Свечкарев, после доклада об успехах в Центре. Насколько мне известно, после этого ожидается, что сюда приедет Лаврентий Павлович или сам Вождь — посмотреть на новых солдат. А то, что сейчас будет это же полный провал, это катастрофа! — она посмотрела на Илту, — все из-за тебя фашистская сука!

Алиса была «на взводе», слова лились из ее уст потоком, она только что пеной не исходила от ненависти, досады и, похоже, страха.

— Эти твари же видели смерть Иванова, — она почти кричала, — видели, ты понимаешь, Иван? Я не догадалась вовремя изолировать их от остальных, а теперь — уже поздно, слухи ползут среди новусов и они боятся. И бесятся со страху! Когда лейтанант Лю попробовал загнать свой взвод в казарму, они просто разорвали на части его и двоих рядовых. В ответ китайцы застрелили пятерых, новусы тоже схватились за оружие. Пришлось посылать наших, чтобы разнять их. В других частях тоже волнения, а твари в ямах просто взбесились — я туда сейчас и с целым взводом не войду.

Сагаев бросил на Алису предостерегающий взгляд, видно предупреждая, чтобы та не откровенничала при Илте. Однако комиссарша, находящаяся под сильным впечатлением от всего увиденного, не могла остановиться. Илту она уже не числила в мире живых, а Сагаев, судя по всему, остался тут единственным человеком, с кем она могла поделиться своей тревогой.

— Все учения пришлось отменить, — говорила Алиса, — китайцы боятся, говорят, что новусы одержимы демонами. Наши тоже напуганы. Если так дело пойдет дальше — будет бунт!

— Демоны? — Сагаев обернулся к Илте, — слышишь, это по нашей части. Впрочем, я бы знал, если это чутгуры.

— К вашей монгольской чертовщине я уже привыкла, — махнула рукой Алиса, — тут другое. Я когда все это началось, пошла в лабораторию Иванова — ну, когда ключи сняли с этой девки. Там у него кое-какую документацию почитала, поняла, что к чему. Умный был,

собака, и хитрый — не так уж и не от мира сего, как казался. Все эти твари, так или иначе, происходят от тех первых черных, которых профессор еще в Африке вывел. Там он использовал знания местных мракобесов — она осеклась, поглядев на иронично ухмыльнувшегося Сагаева, — ну, знахарей или колдунов. В общем как-то сочетая все это, он смог не только измениться сам, но и завязать на себя всех новусов.

— Это как? — Сагаев выглядел по-настоящему изумленным. Илта тоже насторожилась.

— Да не знаю я!!! — выкрикнула Алиса, — я же говорю, хитрый был гад! Хочешь, считаешь потом эту муть — я документы там оставила, лаборатория под замком, — Алиса хлопнула себя по карману, в котором звякнули ключи, — Что там он писал про то, кем стал для новусов — «первопредок», «отец-прародитель», кто их разберет? Яйцеголовые, что сидят выше, может, поймут больше. Как я поняла из написанного все обезьянолюди чувствовали с Ивановым связь — все до одного, все время. И он чувствовал, когда они умирали и теперь они чувствуют, что умер он. Представляешь, что это значит?

— Примерно, — кивнул Сагаев, — ничего, Алиса, все будет хорошо. Даже лучше, чем было.

На его лице блуждала улыбка, от, которой похоже, было не по себе даже Алисе — не то, что Илте. Длинные тонкие усы поднимались вверх, обнажая крепкие белые зубы, глаза лихорадочно поблескивали. Если бы у тигр мог сойти с ума, наверное, он выглядел так.

— Ты это о чем? — неуверенно спросила Алиса, — как это лучше?

— Кто нам мешал, теперь поможет, — он посмотрел на Илту и его хищная улыбка стала еще шире, — даже если и не хочет этого. Кем бы ни был им по крови Иванов, но у новусов еще есть и родство по духу — от чутгуров, что я призвал.

— Ты что, собрался подчинить их заклинаниями? — спросила Алиса.

— Нет, — рассмеялся Сагаев, — даже мне это не под силу. Зато под силу Тому, от кого идет моя сила. Раньше я не решался провести этот обряд, но теперь, я чувствую, время пришло! — он резко встал с дивана и зашагал по комнате, — когда на алтарь в большой пещере прольется кровь посланницы Эрлэн-хана, дух Мечита снизойдет в меня и все сыны его склонятся перед нами!

Он хлопнул в ладони и в команту вошло четверо невысоких узкоглазых людей в черных одеяниях — не похожие на китайцев, скорей буряты или сойоты. Поклонившись шаману, один из них протянул ему большой нож с искусно сработанной рукояткой в виде скрюченного скелета. Вдоль лезвия тянулась насечка, причем, похоже, даже не монгольским, а тибетским письмом. Остальные азиаты присели возле скамьи с Илтой, ухватившись за ножки, потом резко поднялись, взваливая ее на плечи и двинулись к выходу. Сагаев уже не обращая на нее внимания обратился к Алисе.

— Чтобы подчинить себе этих волосатых тварей, нам нужно обратиться к тем же методам, которые использовал Иванов, — разглагольствовал шаман-расстрига, — ты говоришь, что он учился у африканских колдунов? Я слышал там в ходу те же обычаи, что были у монголов во времена Темуджина, что там верят в то, что съев сердце и печень убитого врага, перенимаешь его силу и мужество.

— Сагаев, ты сошел с ума?! — воскликнула Алиса, — это же дикость!

— В нее верил, тот, кого звали Дамбижанцаном и перерождением Амурсаны, — сказал шаман, — а еще красный командир, что убил его и съел его сердце. Ты еще не убедилась, что наши обычаи — это не то, чем можно пренебрегать. Он был для них Прародителем — мы перейдем его силу.

На этот раз Алиса ничего не ответила и Илта увидела как Сагаев с поднятым ножом подходит к телу Иванова. И уже вынесенная из комнаты куноити услышала хлюпающий звук, с которым острое лезвие вошло в мертвую плоть.

Молчаливые азиаты пронесли скамью с привязанной к ней Илтой по очередным катакомбам и поставили ее на полу небольшой каморки с железной дверью. Потом, так и не проронив ни звука, они вышли наружу. Здесь было холодно, сыро и темно — только небольшой светильник в коридоре хоть немного освещал эту камеру. По стенам ползали насекомые, из углов доносился крысиный писк.

У дверей остался только один из узкоглазых стражей, внимательно наблюдавший за девушкой — опасаясь при этом смотреть ей в глаза. Илта очень осторожно попробовала еще раз ослабить путы, но те, кто ее связывал, знал свое дело: и в связывании и в заговорах.

Осознав тщетность своих усилий, Илта расслабилась и закрыла глаза.

Сейчас ей оставалось только ждать.

Бурлящая, холодная и до омерзения зловонная вода сомкнулась над головой Наташи, Молодая докторша умела плавать, но на какой-то страшный миг ей показалось, что она не сможет вынырнуть: ее швыряло в разные стороны, тащило куда-то вглубь, пару раз даже ударило о камни. Вокруг была непроглядная тьма хоть с закрытыми, хоть с открытыми глазами — причем едва открыв глаза девушка тут же зажмурилась от невыносимого жжения. Однако Наташа успела разглядеть перед собой что-то похожее на свечение и вслепую рванулась туда, загребая руками воду. Ее грудь уже распирало от недостатка воздуха, в голове застучали молоточки, когда она вынырнула, жадно глотая ртом воздух.

Течение несло Наташу прочь от оглушительно шумящего водопада почти пятиметровой высоты. Там, откуда спадала вся эта масса воды, виднелось светящееся пятно — надо полагать та самая проклятая пещера. На фоне светлого пятна мелькнула темная фигура.

— Илта!? — крикнула Наташа. В ответ загрели выстрелы — вслед за первой фигурой появилось еще несколько, перепрыгивающих с камня на камень, спускаясь вниз. Илта набрала воздуха и нырнула вновь, проплывя еще метров десять в зловонной воде. Несколько раз она ударилась о камни — хорошо еще, что выставленные перед собой руки помогали смягчить удар. Возле одного из валунов, выступающих из воды она вновь вынырнула, стараясь быть как можно больше незаметной. Впрочем, в окружавшем ее мраке это было нетрудно.

Быстрая, но узкая река несла воды меж каменистых берегов и, судя по грохоту впереди, обрывалась очередным водопадом. Плыть дальше было бы почти самоубийством, но и лучших вариантов не просматривалось. Остаться на месте тоже чревато — сверху на берег уже спускалось несколько человек — и не только человек. Судя по характерным движениям и звукам, чуть ли не половина преследователей Наташи состояла из обезьянолюдей. Вот один из них что-то гортанно выкрикнул и в ответ послышалась людская речь. Вслед за этим вспыхнул яркий свет фонаря. А вот это совсем плохо.

Вскоре оказалось, что может быть и хуже — с противоположного берега послышался ответный возглас и тоже зажегся фонарь. Кто-то прыгнул на торчащий у воды камень и луч света побежал по воде, нащупывая цель.

Наташа глубоко вздохнула и с головой ушла под воду.

Река оказалась неглубокой — где-то чуть больше метра, может полтора, однако быстрое течение сносило Наташу в сторону водпада. Цепляясь руками за все, что можно было нащупать на дне, чуть ли не прижимаясь к нему животом, девушка быстро двигалась

навстречу движению светового пятна над ней. Вот оно дернулось и черный силуэт метнулся вперед — преследователь опять прыгнул с камня на камень. Наташа, вновь чувствуя как в голове стучат маленькие молоточки метнулась вверх, молясь всем известным ей богам, чтобы сверху не оказался обезьяночеловек.

Перепрыгнувший с камня на камень чекист никак не ждал, что в его ноги мертвой хваткой вцепится вынырнувшая из воды беглянка. Он издал изумленно-испуганный вопль и рухнул в воду. Течение подхватило его, понеся в сторону водопада, в то время как Наташа изо всех сил рванулась к противоположному берегу. Позади послышались крики, пуля ударила о камень рядом с ней, но девушка уже выбегала на берег. Она увидела, как над вторым водопадом взметнулись руки, раздался крик, тут же заглушенный грохотом воды. Сожалеть о судьбе чекиста было некогда — Наташа уже скатывалась по грязному обрыву, спускавшемуся параллельно водопаду вглубь пещеры.

Как ни странно, при падении фонарь не разбился и даже продолжал светить. Его владельцу повезло меньше: незадачливый чекист приложился головой о громадный валун и теперь бурная вода вымывала мозги из расколотого черепа. Сама река утекала вдаль в огромную пещеру, вдоль которой тянулись узкие полоски берега. В каменных стенах виднелись ответвления от главной пещеры, откуда вытекали ручьи и небольшие речки впадавшие в главный поток.

Вновь загремели выстрелы и Наташа, пригнув голову, метнулась вперед. Она видела, как на противоположный берег спрыгивают преследователи, отчаянно матерясь и угрожая беглянке всеми возможными карами. Что плохо — здесь река то и дело прерывалась бесчисленными шиверами, порогами, порой даже небольшими островками. При известной ловкости тут вполне можно было перебраться на другой берег. Видимо эта же мысль пришла в голову и чекистам, потому что они начали перепрыгивать с камня на камень, продолжая стрелять на бегу. Хорошо еще что было темно и стреляли чекисты наугад — но рано или поздно везение Наташи должно было кончиться. Понимая это, она свернула в подвернувшийся туннель.

Ей казалось, что она уже и не знала иной жизни — только сырые и темные коридоры, в которых ее всегда кто-то преследует. Наташа бежала, разбрызгивая воду чувствуя, как ее сердце ледяной рукой сжимает отчаяние — она не знала куда бежит и где укрыться, мрак обступал ее со всех сторон и она продвигалась почти вслепую, нащупывая стены руками.

Позади послышались выстрелы, по стенам зашарили белые кружки — ей светили в спину. Посыпались угрозы и ругательства, рядом с ней пули выбили искры из камня, но свет фонарем осветил и черный провал рядом — очередную пещеру или туннель. Обезумевшая от страха Наташа метнулась туда.

Если ей и казалось до этого, что хуже ее положения быть ничего не может, то тут же выяснилось, что она ошибалась. Пробежав метров десять, девушка с размаху врезалась в стену. Руки ее лихорадочно шарили по мокрому камню, в поисках хоть какого-то прохода, порой даже проваливались в пустоту — чтобы метром дальше вновь уткнуться в стену. Это был тупик и Наташа обреченно обернулась, чтобы встретить свою судьбу.

Впереди забрезжил свет, становящийся все сильнее, послышались шаги.

— Куда делась эта сука? — громко спросил злой голос.

— Туда вроде свернула.

— Ага, ну только попадись мне она в руки. Погоди, — тональность голоса вдруг изменилась, став менее уверенным, — ну-ка посвети. Ах, ты же мать твою! Стреляй, блин

Сергея стреляй быстрее. Ааааа!!!

Наташа стояла почти не дыша, когда в туннеле загрохотали выстрелы, послышались крики, полного смертельного ужаса. В ответ раздался устрашающий хохот, сменившийся оглушительным верещанием, перешедшим в свою очередь, в детский плач. А потом выстрелы и крики стихли, сменившись звуками от которых у Наташи захолонуло сердце: чавканье, урчание, хруст костей и — что казалось особенно страшным — шаркающие шаги, приближающиеся к месту где девушка сидела, стараясь не дышать.

Фонарь, видимо откатившийся во время схватки и почти не светивший, ныне вновь освещал стены коридора, приближаясь к входу в туннель, в котором замерла Наташа. Вот яркий свет ударил ей в лицо, и она невольно подняла руку, заслоняясь. В проеме появился темный силуэт, свет приближался, приближались и шаги шаркающие по каменному полу — медленно, неотвратно как смерть. Холодный пот тек по спине Наташи, ноги ее подкашивались и она крепко зажмурилась, в ожидании неминуемой кончины.

Шаги остановились совсем рядом с Наташей, сжавшейся в комочек у стены. В ноздри ей ударил сладковатый запах гниющей плоти и еще чего-то, не менее тошнотворного. В этот же момент свет стал менее ярким, словно фонарь отвели в сторону.

— Пойдем, — раздался негромкий голос, от которого у Наташи вновь пробежали по коже мурашки, — пойдем, тебе не причинят вреда.

Что-то холодное, слизкое легло на плечо девушки и та, собравшись с силами, открыла глаза и не смогла удержаться от того, что бы заорать в голос при виде нового союзника.

.....

Время в подземелье тянулось медленно и Илта не могла бы сказать, сколько на самом деле она пролежала в этой камере, прежде чем за ней пришли. На этот раз, кроме прежних сойотов, пришел бурят или монгол, в черном удэле и шапке — майхабши, с шаманскими атрибутами на одеянии. Войдя в камеру, он простер руки и начал что-то бубнить под нос.

— Шаманы, оставшиеся верными Эрлэн-хану, ныне сидят по левую руку от него в почете и славе, — негромко сказала Илта, — а что даст тебе Мечит, когда ты сдохнешь?

За шаманской шапкой не было видно, как отрегировал на эти слова прислужник Сагаева, не сбился он и при чтении заклятий. Но простертые над Илтой ладони слегка дрогнули.

Закончив, шаман махнул рукой и стоявшие у стены азиаты, подхватили вновь скамью, вынося Илту из камеры, дабы принести ее пред ликом Небесной Обезьяны.

.....

— Сколько вас тут?

Она сама удивилась тому, сколь спокойно, почти равнодушно прозвучали эти слова, как будто она обращалась к коллеге по работе. Раньше ей было страшно — когда она впервые увидела обезьяноподобного профессора и его мерзких созданий, когда слышала рев черных чудовищ в яме, наконец совсем недавно, после всего, что произошло в пещере наверху и позже, после падения в водопад. Однако сейчас, столкнувшись с чем-то, куда более ужасным, чем все виденное ранее, она поняла, что ей уже не страшно.

Она просто устала бояться.

Наташа, прижавшись спиной к большому камню, сидела на берегу большого озера, дальние берега которого она не могла разглядеть, несмотря на светящуюся зеленую слизь покрывавшую стены исполинской пещеры. Такая же слизь, казалось, плескалась и в озере вместо воды, вперемешку с ошметками чего-то бледно-розового, издающего одуряющее

зловоние. И во всей этой жиже, воняющей нечистотами и мервечиной, словно черви в гниющем трупе, непрестанно ползали, плавали, перепрыгивали с камня на камень отвратительные существа.

— Кто считает? — про человека бы сказали, «пожал плечами», но у собеседника Наташи плечи можно было бы найти с большим трудом, — каждый день прибывают новые.

Наташа посмотрела на жуткое существо рядом и с трудом удержалась от гримасы отвращения. Даже обезьяноподобные новусы не вызывали у нее чувства такой гадливости. Тощее тело с выступающими ребрами, мертвенно-бледная кожа, покрытая темными пятнами, как у змеи или лягушки, длинные лапы с когтистыми пальцами и с перепонками между ними. Гладкая, как яйцо, голова наоборот была непропорционально огромна: лицо пухлого младенца с прищуренными желтыми глазками и огромным ртом полным острых как иглы зубов. Завершали картину торчащие кверху уши, две дыры вместо носа и жаберные щели, шевелящиеся на шее.

Но по сравнению с существами, кишущими в переполненной луже или тяжело переливающимся по берегу, собеседник Наташи выглядел более-менее привычно глазу. Здесь попадались твари вообще непохожие на людей, выглядевшие как хаотичное сочетание различных живых существ. Другие были схожи с людьми лишь отчасти, вернее отдельными частями тела. Из их уст, пастей и клювов раздавались лай, шипение, идиотский смех, детский плач и отборная ругань.

Наташ раз за разом задавалась вопросом — не умерла ли она, не попала в тот самый Ад, в который никогда не верила? Однако ее убеждали, что она жива, а место, что она именует Адом — предмет мечтаний любого из ползающих перед ней созданий — для них закрыто.

— Так кто же вы? — допытывалась у своего собеседника Наташа.

— Нас называют по-разному, — бесстрастно, словно вода, капающая с пещерных сталагмитов, отвечал ее собеседник, — но народ шамана, пленившего нас, именует таких как мы, шухдерами или чутгурами.

Наташа припомнила — чутгуры, злые духи в сувериях монголов и бурят, что-то вроде чертей. Порой ими становились души людей, умерших «неправильной» смертью.

— Да, — ответил чутгур и Наташа испуганно посмотрела на него, — да это мы. Души тех, кто умер до срока там, наверху. Женщины, погибшие от родов, дети, родившиеся мертвыми, те на ком ставили опыты, замученные, расстрелянные, удушенные газами, заключенные умершие от голода и болезней при строительстве Центра. Даже лабораторные животные — у них ведь тоже есть душа, заслуживающая перерождения. Но нам не дано ни переродиться, ни даже служить Господину нашему, Эрлэн-хану. Шаман удерживает нас в подземелье, заставляя служить себе силой Мечита, Небесной Обезьяны.

— Погоди, — растерянно сказала Наташа, — но разве вы... духи?

Она перевела взгляд на снуюущю перед ней массу. Несколько тварей рвали на части чей-то труп, парочка существ непонятного пола сплеталась друг с другом в сладострастных объятиях, еще несколько вырывали друг у друга куски омерзительной пищи. Все это выглядело на редкость тошнотворно и никак не напоминало житие неуспокоенных душ.

— Не веришь? — из пасти чудовища вырвалось нечто похожее на смешок, — смотри!

Он прошептал что-то, сделав странный жест. Черты его «лица» поплыли и смазались, запах мертвечины усилился в разы, кожа и плоть разлагались на глазах, отслаиваясь кусками, обнажавшими голые кости. Наташа отвернулась, но тут же зажмурилась — озеро перед ней превратилось в бессвязное месиво гнилой плоти, в котором ворочались

рассыпающиеся на глазах скелеты.

— Мы проклятые души, которым нет доступа даже в царство Повелителя, — мерно произносило чудовище, — у нас нет тел, кроме тех, что дают нам Мечит и подвластные ему шаманы. Ты видела фрески шулмасов и чутгуров в Звездной Пещере, — Наташа кивнула, — именно они дают нам возможность принять обличье, в котором мы должны были служить Эрлэн-хану. Здесь же мы берем себе тела из всего, что идет в отходы в лабораториях: из крови, плоти, спермы, последов, ампутированных конечностей и смытых мозгов. Вся эта слизь, мокрота и ошметки плоти, все что сливается в канализацию и попадает сюда — из этого проклятые души создают себе тела, в тщетной попытке найти ту плоть, что имели при жизни.

Шухдер снова провел рукой и Наташа даже обрадовалась когда он обрел прежний облик.

— Почему...почему ты помогаешь мне? — запинаясь, сказала она, — что вам нужно от меня?

Шухдер замолчал, потом начал говорить, выдавливая из себя слова.

— Тому есть две причины. Та, кто пришла за тобой — Гончая. Ее ведет Эрлэн-хан и она творит Его волю — как и ты теперь. Вы двое — единственные, кто поможет нам снять заклятие Мечита и воссоединиться с нашим Отцом.

— Как? — горько усмехнулась Наташа.

— Узнаешь, — ответил шухдер, — все узнаешь.

— А вторая, — помолчав, спросила Наташа, — вторая причина какая?

— Ты несешь в себе новую жизнь, — оскалился в улыбке шухдер, — жизнь зачатую кем-то из нас. Пока ты беременна, мы все — единая плоть и должны держаться друг друга.

Наташа нервно сглотнула — из всех возможных причин, услышанное было, пожалуй, наименее желательной. Но хоть в чем-то пригодился проклятый ублюдок. Она перевела взгляд на тварей беснующихся внизу и вдруг заметила, что они все больше оставляют свои занятия, собираясь возле них. Множество глаз неподвижно уставились на них.

— Чтобы спасти свою подругу и спастись самой, — начал шухдер, — надо сделать так...

.....

Наташа шла по темному туннелю, покрытому светящейся слизью. Каменные стены покрывали причудливые фрески, подобные тем, что были в пещере, через которую она попала в обиталище шухдеров. Теперь Наташа знала для чего нужны эти изображения и старалась держаться середины коридора, чтобы даже случайно не прикоснуться к заточенным в камне демонам. Единственное, что придавало ей сейчас сил и уверенности, — новенький самозарядный карабин Симонова, оттягивающий приятной тяжестью плечо. Пусть и снятое с одного из растерзанных шухдерами энкавэдэшников, это было простое честное оружие, без всякой колдовской мути, которую девушка уже успела возненавидеть.

Вскоре к гнилушечному свету исходящему от слизи, начало примешиваться некое алое сияние, шедшее спереди. А затем Наташа услышала мерный бой барабанов, с каждым ее шагом раздававшийся все сильнее.

Коридор заканчивался идеально круглым выходом, подсвеченным красным. И там, загораживая проход, сидела, припав на корточки, чья-то несуразная фигура. Наташа инстинктивно метнулась в сторону, но, приглядевшись, облегченно вздохнула — отблеск

света играл на ноздреватом камне. Осторожно, словно шагая по битому стеклу, девушка подошла к идолу. Вблизи он выглядел отталкивающе — мерзкая рожа с тремя глазами и оскаленной пастью; когтистые лапы, лежавшие на коленях ладонями кверху, торчащие острые уши. Вместо ног идол опирался на клубок змей, гады потоньше заменяли волосы. Желто-зеленый камень истукана резко контрастировал с темно-серым базальтом стен коридора. Казалось, уродливый кумир, подобно огромному грибу, сам пророс через каменный пол. Преодолев брезгливость, Наташа ухватила за плечо идола и осторожно взглянула на то, что находилось за ним.

Ее взору открылась огромная пещера — или даже искусственно созданный зал, наполненный красным светящимся туманом. В каменных стенах, виднелись черные отверстия, словно пчелиные соты — очевидно такие же проходы, как и коридор, из которого выглядывала Наташа. В иных виднелись идолы — одни напоминали монгольских, тибетских, китайских богов, другие — были непохожи ни на что вообще. Преобладали, разумеется, всякого рода обезьяноподобные твари. Наташа, конечно, не знала, что огромная черная обезьяна с хищно оскаленной пастью и длинной верхней губой демон-людоед Хихи из японских легенд, а пожирающие человеческое мясо краснолицые твари на фресках — шазадонмар, сыновья ведьмы Багрин-мо и царя обезьян Багрин-по — Демона и Демониц Ущелей. Но и она чувствовала злую силу, буквально истекавшую от всех этих изображений, наполняя пещеру.

Впрочем, в пещере хватало не только каменных, а самых что ни на есть плотских обезьян — внизу не было ни одного свободного квадратного метра — все занимали мохнатые твари, которых Наташа ненавидела всем сердцем. Но кроме ненависти был еще и страх — только сейчас она видела, как много новусов родилось в Центре. Пожалуй и вправду — еще немного и недочеловеческая орда вырвется из недр Хара-Хутаг, дабы крушить все на своем пути.

В самом конце пещеры из стены выступал исполинский идол раз в десять выше человеческого роста — не каменный, но словно отлитый из темно-красного, полупрозрачного стекла или кристалла. Выглядел он также чужеродно в базальтовой толще, словно прорастая сквозь нее. Изнутри его и исходило сияние, освещавшее всю пещеру. Идол изображал огромное существо одновременно уродливое и величественное, с мощным мускулистым торсом и ликом безобразной обезьяны. Огромные лапы лежали на бедрах, обезьянья рожа скалилась в идиотской ухмылке, обнажая огромные клыки и длинный язык, вывалившийся до подбородка. Помимо двух глаз из красных кристаллов (Наташа не могла поверить мысли, что это могли быть рубины) у чудовища был и третий глаз на лбу, закрытый. Наташе не нужно было подсказок, чтобы понять, что это и был сам Мечит, Небесная Обезьяна.

Перед идолом находилось возвышение — плоский алтарь, подобный тем, на которых насиловали Наташу и других девушке огромные антропоиды. И сейчас этот алтарь не пустовал — на нем, раскинув прикованные руки и ноги, лежала молодая девушка, при взгляде на которую Наташа почувствовала, что ее будто разом ударили под дых. В глазах предательски защипало — на алтаре лежала ее спасительница, наставница, любовница — Илта Сато. Такая смелая, умная, красивая — сейчас она выглядела такой маленькой и жалкой, перед изваянием чудовища с дальних звезд. Как такое могло вообще случиться, как это можно было допустить?!

Наташа pokrutila головой — Илта сейчас не нуждается в ее жалости, ей нужна помощь

бывшей комсомолки! Она, пришедшая сюда, чтобы спасти Наташу — и спасая в конце концов — тоже будет освобождена.

Вот только как?!

Перед алтарем, на трапецевидном возвышении стояло несуразное создание — с распущенными черными волосами, лицом покрытым густым слоем белил. На ней было странное одеяние, резко контрастирующие со всем убранством зала и напоминающее кожаный комбинезон. Что-то показалось девушке знакомым в этом нелепом существе, через мгновение она поняла, что именно — горящие фанатичным блеском глаза черные глаза. Наташа непроизвольно сжала кулаки, с трудом сдерживаясь от того, чтобы не выстрелить в Алису Барвазон.

За спиной комиссарши, у ног огромного идола угадывалась неподвижно сидящая черная фигура. Не узнать ее тоже было мудрено — кому же еще быть ближе к Небесной Обезьяне, как главному проводнику ее воли, шаману-предателю Ивану Сагаеву.

Вниз от возвышения, рядом с алтарем и идолом, спускались ступени на которых стояли курительницы из человеческих черепов, закрепленных в серебряных подставках. Из них поднимался красный дымок. Между курительниц на циновках восседали черные шаманы. Зеркала на их груди отражали красное свечение, в их руках гремели бубны и в такт их ударам «новусы» вздымали лапы, закатывая в экстазе глаза и выкрикивая что-то нечленораздельное. На стенах справа и слева от идола висели большие бронзовые гонги, рядом с которыми стояли черные твари, покрытыми редкими клочьями волос. В лапах они держали огромные молоты. Один Мечит знал как Сагаеву и Алисе удалось подчинить черных чудовищ из ям, но сейчас они вели себя почти как разумные создания. Наташа вспомнила страшную палату с пропиленной решеткой — может они уже давно оказались умнее, чем их считали.

Грохотали шаманские бубны, тряслись на полу в экстазе новусы, оглашая воздух громкими завываниями, доходя до высшей степени иступления. Но вот Барвазон вскинула руку и черные твари, по ее знаку, занесли свои молоты. Удары от множества гонгов наполнили пещеру, перекрывая все остальные звуки. На мгновение все стихло — и в этой тишине Наташа увидела, как что-то зашевелилось сбоку от возвышения. Из невидимых с Наташиного места расположения боковых проходов стали появляться гибкие черные фигуры. Вновь загрохотали бубны, вновь заголосили обезьяноподобные чудовища на полу и вновь удар за ударом гремел об бронзовый гонг. И в такт этой безумной мелодии черные фигуры, сбегали на нижние ступени, задержавшись в причудливом и непристойном танце. Наташа узнала их — самки черных тварей из нижних ям, выглядевшие почти по-человечески, с тонкими талиями, но пышными формами. Мельком Наташа увидела лицо одной из танцовщиц и тут же отвела взгляд — торчащие из слюнявой пасти клыки, дыры вместо носа и белые бельма глаз. Точеные ступни черных танцовщиц с необыкновенным проворством переступали между курительницами из черепов, ухитряясь не задеть ни одной. В руках они вращали некие предметы, поблескивающие в красном сиянии. Наташа долго не могла понять, что это, а когда поняла — едва сдержала истерический хохот.

Серпы. Большие и острые серпы.

Ну, а что еще ждать от советского секретного объекта?

Серп и молот. Идеологически выдержанный ритуал, ага.

Пока Наташа боролась с совершенно неуместным тут смехом, послышался новый удар гонга. И новая процессия двинулась из других коридоров, мимо коленнопредклоненных новусов.

Этих тварей Наташа раньше не видела. Самую многочисленную группу, выходящую из ворот в противоположном конце пещеры, возглавлял исполин: со спины напоминавший огромную обезьяну, но на болезненно-бледной коже не было ни волоска. Из одежды чудовище могло пощеголять лишь повязкой из звериной шкуры, охватывающей мощные бедра. Через плечо твари была перекинута толстая цепь, удерживаемая огромной лапищей. За белым великаном шли скованные люди — сторбленные, со скованными руками. Десять человек прошло, перед глазами пораженной Наташи, а затем из тумана вынырнула еще одна тварь, также ведущая десяток пленников. И еще. И еще — пять чудовищ конвоировало по пять несчастных жертв. Большинство пленных были женщинами, вернее молодыми девушками — бурятки, русские, китайки. Изможденные, со впавшими щеками они обреченно оглядывались вокруг.

Обезьянолюди расступались перед ними, издавая нечленораздельные вопли, рокотали бубны и шаманы трясясь на ступеньках выкрикивали очередные заклинания, в окружении крутящихся в экстатическом танце черных танцовщиц. Под эти звуки бледнокожая обезьяна ступила на первую из ступеней, преклонив колени перед комиссаршей, шаманом и огромным идолом. Затем бледнокожий великан обернулся — Наташу поразили его острые зубы хищника и почти человеческий взгляд — и потянул цепь, вынуждая скованных пленниц подниматься рядом с ним. Мускулы перекатывались под безволосой кожей, словно огромные валуны. Вот и следующий монстр поднялся на вершину исполинского жертвенника, поклонился королеве и потянул за собой девушек. Вскоре большинство процессий поднялось на возвышение. А прочие замерли на месте, не дойдя до вершины двух или трех ступеней.

Алиса шагнула вперед, вскинув руки и тут же все стихло.

— Слышите! — крикнула она, — слышите Зов?!

Оглушительный удар гонга сопровождал ее слова и вслед за ним среди новусов раздался приглушенный, но все нарастающий гул.

«Мечит-Мечит-Мечит».

— Слышите ли вы голос Его!?! — исступленно заламывая руки выкрикивала Алиса, — прекрасен он! И далек! Далек он, но и прекрасен! Слышите ли вы зов Его!!??

— Мечит-Мечит-Мечит!

— Милостив к нам будь! Жесток к нам не будь!

— Мечит-Мечит-Мечит!

— Прекрасен он и далек! Слушайте голос Его! Меееееечиинииит!!!

Последний выкрик потерялся в вое тысяч глоток и грохоте бубнов, перекрытых ударом гонга. Словно об наковальню ударили о гонг молоты черных чудовищ и в бешеном танце кружились танцовщицы, играя серпами. Вот безволосая обезьяна разомкнула оковы на ближайшей пленнице и швырнула ее на камень. Блеснуло лезвие, раздался крик, и острый серп в руках черной танцовщицы рассек грудь щуплой эвенкийки. Просунув тонкую руку в зияющий надрез, танцовщица пружинистым движением вскочила, сжимая в кулаке вырванное сердце. С громким хохотом она впиалась зубами в окровавленный комок плоти. В тот же миг два гиганта подхватили труп и, раскачав, швырнули вниз. Послышалось рычание новусов разрывающих тело на части.

Остальные пленницы запричитали, осознавая, что их ждет, несколько рванулись назад, но их грубо, ломая кости, повалили на камень. Женские крики смешивались с грохотом шаманских бубнов, создавая чудовищную, противоестественную мелодию. И под нее

извивались черные танцовщицы и острые серпы вспарывали грудные клетки пленников и молот ударял в гонг. И на все это словно упивающаяся кровью гарпия надменно взирала Алиса Барвазон, а над ней все ярче разгорался кровавым сиянием идол огромной обезьяны.

Впрочем, со временем багровое свечение охватившее пещеру менялось — сначала чуть заметно, почти неуловимо простым глазом, потом все более явственно. Сквозь красный свет, разлитый по всему залу, пробивался иной — холодные, голубые лучи, лившиеся сверху. Наташа проследила взглядом за их направлением и увидела уже знакомую, пугающую и грандиозную картину. Свод пещеры наливался крошечной чернотой и в ней, одна за другой, загорались светящиеся точки — созвездия, планеты, кометы. Больше и ярче остальных сияли, уже ненавистные Наташе, Плеяды — семь звезд, изливавших бледный свет на внезапно притихшее сборище. Этот свет словно поглощал, впитывал красное свечение, подменяя его собой и постепенно огромный идол также засветился изнутри серебристым светом. Замолк шум бубнов, черные шаманы отступили в тень, одна за другой преклоняли колени звероликие танцовщицы, кладя на пол окровавленные серпы. Рядом с ними медленно опускались черные молотобойцы.

Сама Алиса тоже медленно отошла от алтаря, уступая место выходящему из тени черному шаману. Сагаева можно было только угадать — лицо закрывала черная шапка, на которую наброшена все та же обезьянья личина, всевозможные обереги и фигурки идолов обвешивали его с ног до головы — Наташе даже показалось, что она слышит как они брякают в наступившей тишине. Он простер руки над обнаженной Илтой и начал нараспев произносить какие-то слова. Наташа не понимала ни слова, но и Илте лежащей у алтаря они были совсем незнакомы — это был не русский, не монгольский, не китайский — вообще ни один из известных ей языков. Тембр голоса Сагаева изменился, став низким, утробным и совершенно нелюдским. Это был голос бездны — неизмеримой, вселенской пропасти, лишь ничтожную часть которой составляли звезды и планеты, теряющиеся на фоне непроглядной космической тьмы. И оттуда поднималось то нечто, грязное и мерзкое существо, обманчиво укрытое под именем персонажа из баек монгольских скотоводов. Странно изменилось все вокруг — стены и пол коридора словно отступили, заставляя всех присутствующих чувствовать себя повисшими в черной бездне. Наташа почувствовала как у нее резко тяжелеет низ живота, как в нем почти ощутимо, дергается и бьется поселившаяся в ней чуждая жизнь, чувствующая приближение Праотца. Голова Наташи пошла кругом, она невольно оперлась о стенку туннеля, но отпрянула как от раскаленной плиты.

Стены двигались!

Наташа с ужасом смотрела, как дергаются в камне заточенные чудовища, не желая и все таки стремясь вырваться наружу. Вспомнив о том, что ей говорили в пещере, она кинулась ничком на землю, закрыв глаза. Многоголосый вой, рев, лай, карканье ударили ей в уши, ругательства на дюжине различных языков сменились детским плачем и истерическим хохотом. Могучий, горячий ветер сотряс стены пещеры, коснулся спины девушки и все стихло. Выждав пару минут, Наташа открыла глаза.

Из всех ходов и пещер протянулись черные вихри, воронки которых тянулись к огромному идолу. Стоны, рык, проклятия, хохот наполнили пещеру, отдельные черные тени выскальзывали из крутящихся вихрей, втягиваясь в извание Мечита. Стоящий под ним Сагаев иступленно выкрикивал что-то на незнакомом никому языке, черные шаманы вновь загремели бубнами, вновь послышались выкрики «Мечит!». Теперь он и впрямь спускался к своим детям — огромное изваяние окуталось полупрозрачной черной дымкой, струи

которой потекли вовне, окутывая фигуру шамана. Илта не верила своим глазам — он словно становился больше и выше, напиваясь черными клубами, глаза его шаманской шапки испускали лучи ослепительно белого света. Таким же светом мерцало и зеркало у него на груди, а ленты вокруг шапки извивались, словно клубок змей.

Наташа застонала — даже находясь в заточении, она не чувствовала себя столь бессильной. Тогда она была пленницей, но противостояли ей люди и уродливые твари, еще глупее человека. Сейчас Наташа была свободна, но противостояла невиданной, исполинской мощи перед которой чувствовала себя муравьем на пути горной лавины. Она бросила взгляд на карабин — может у нее и получится выстрелить, но будет ли от этого толк? Она вспомнила слова шухдера об «оке Мечита»- в самом деле, во лбу чудовища открылся сияющий белым светом «третий глаз», куда уходил черный туман. Но сколь жалкой и ничтожной сейчас выглядела Наташа с ее оружием против этой поистине космической силы, готовящейся воплотиться в теле черного шамана.

Сагаев вскинул голову и издал протяжный вопль — крик огромной обезьяны из душных джунглей Африки. В его руках блеснул острый нож, занесенный над телом Илты. Уже не соображая, что делает Наташа вскинула карабин и выстрелила прямо в полыхающий белым пламенем глаз.

Илта не испытывала страха, гнева или ненависти при виде беснующейся Алисы, выкрикивающей свой безумный речитатив. Словно сработал некий предохранитель, отсекавший куноити от ужаса и безнадежности ее положения, от чего она смотрела на все происходящее с отстраненным любопытством. Ей было интересно — и причудливое одеяние Алисы, — что-то среднее между комиссарской кожанкой и комбинезоном — и белила на ее лице, сквозь которые проглядывали бешеные глаза и гибкие танцовщицы с уродливыми лицами и рокот бубнов со всех сторон. Илта понимала, что эта церемония — предвестник ее скорой смерти, но сейчас она ее не пугала. Куноити сделала все что могла и готовилась предстать перед Эрлэн-ханом.

Но вот Алиса отошла в сторону и вперед шагнул шаман. С неба полились лучи белого-голубого света, леденящего душу и тело, чуть ли не вмораживающего Илту в алтарь. Вокруг нее кружились черные тени, слышался хохот, вой, плач, ее тела касались бесплотные пальцы, в ушах слышался навязчивый шепот. Илта чувствовала бездну боли, страданий и бессильной злобы исходящей от множества сознаний, плененных могучей безжалостной силой и действующей по ее воле. Куноити глянула в глаза Сагаева и вот теперь ужаснулась — по-настоящему, почти до обморока испугалась того, что глядело на нее из глаз шамана. Это было что угодно, но не человеческий взгляд. Багрово-алый свет, лившийся из «обычных» глаз идола все больше затемнялся ослепительно-белым пламенем полыхающем в третьем оке Мечита. И точно такое же пламя разгоралось и в глазах шамана. Илта увидела блеснувший в его руке нож и, неожиданно для себя, слабовольно зажмурилась, ожидая прикосновения острого лезвия к груди

Но этого не произошло — раздался громкий звон, казалось потрясший пещеру до основания и тут же — оглушительный рев, преисполненный поистину космического разочарования. Со всех сторон грянул торжествующий злорадный хохот из сотен бесплотных глоток. Леденящий, парализующий душу и тело холод отступил, словно опали неведомые оковы, и Илта раскрыла глаза.

Красные глаза Мечита все еще горели алым огнем гнева, но жуткий третий глаз уже не

попыхал белым пламенем — вместо этого из него непрерывным черным потоком неслась огромная стая, крылатых существ, похожих одновременно на ворон, летучих мышей, драконов и стрекоз. Карканье, шипение и оглушительный стрекот разнеслись по залу, где металась из стороны в сторону испуганные новусы. Но Илта этого не видела — ее внимание было приковано к черному шаману перед ней. С ним тоже было что-то не так: под черным одеянием происходили какие-то метамозы, странно изменившиеся руки били по воздуху, — отгоняя круживших вокруг шамана крылатых тварей словно назойливых комаров. Вот страшные лапы вцепились в черный халат, разорвав его как гнилую тряпку. Илта едва сдержала изумленный крик, увидев жуткое существо, в которое превратился шаман. Впрочем, оно не было незнакомым — исполинская обезьяна, в два человеческих роста, с обдранной наголо кожей, истекающая кровью из всех жил. Мечит не до конца воплотился в своем слуге, но и того Присутствия, что было в нем, оказалось достаточным, чтобы преобразить Сагаева в подобие Красной Обезьяны. Когтистые лапы рвали на части подлетающих духов — Илта уже узнала давних знакомцев по юрте Бэлигте — однако те, все большими стаями облепливали чудовище.

«К ней!» — раздался откуда-то (извне? из глубин подсознания) негромкий, но сильный голос и Илта затрепетала от восторга, осознав, КТО отдал приказ скопищам шухдеров и шолмосов. Черные твари метнулись к ней, облепив Илту сплошной шевелящейся массой, множество лап перебирали по ее телу, острые клыки клацали, вгрызаясь в железо, словно в живую плоть. Вот, наконец, оковы распались жалобно звякнув на камне. Илта вскочила на ноги и страшно, безумно расхохоталась в лицо попятившемуся чудовищу..

Огромный зал бесновался — черные твари металась над головами обезьянолюдей, усаживаясь на уродливые головы и в следующий момент — неуловимо сливаясь с ними. Обезьянолюди рвались в боковые пещеры, откуда слышались пулеметные очереди — видимо там Алиса расставила оцепление из людей, если что-то пойдет не так. Но вал одержимых обезьянолюдей уже было не остановить — мохнатая орда неудержимым потоком перла вперед и вскоре то одна, то другая очередь захлебывалась прерываясь отчанными криками раздираемых на части энкавэдэшников.

Черные молотобойцы и танцовщицы с серпами, спасаясь от кружащих над ними демонов, спрыгивали с возвышения, вливаясь в стадо беснующихся новусов. Там же металась и обезьяноподобные белые гиганты. Куда-то пропала и Алиса Барвазон в своем одеянии. Но на ступенях все еще сидели черные шаманы и рокот их бубнов не ослабевал, словно вливая новые силы в красное чудовище перед алтарем и все еще мерцали алым светом глаза обезьяноподобного идола. Зарычав, тот, кто был недавно Иваном Сагаевым двинулся к Илте, расставив свою страшные лапы, чтобы разорвать ее на части. Но девушка уже чувствовала, как вливается в нее новые силы, как энергия Нижнего Мира, проникает в каждую клеточку, в кровь, в жилы, в самую суть куноити. Трещат мускулы и сухожилия девушки, челюсти вытягиваются, обрастая клыками, а сквозь кожу начинает прорастать черный блестящий мех.

С протяжным воем опустила Илта на четыре лапы, оборачиваясь черно-бурой лисицей, величиной с крупного волка. Яростные желтые глаза уставились в покрытые красными прожилками зенки Мечита.

— Эрлэн-хан передает тебе свой привет и свое напущение, — хриплый лающий голос вырвался из зубастой пасти, — сдохни предатель!!!

Чудовище, зарычав, метнулось вперед, но в этот же момент черно-бурое тело взвилось в

воздух, сбивая с ног Мечита-Сагаева. Огромные лапы со страшной силой сжали бока лисицы, вырывая клочья густого меха, но острые зубы уже впились в его безобразное лицо, прогрызая плоть и хрящи. Последний сиплый рык вырвался из пасти Красной Обезьяны, но в тот же момент клыки вонзились в извивающийся красный язык, вырывая и проглатывая его с корнем. Следующий удар острых клыков взломал черепную коробку. Илта-Унэгэн подняла окровавленную морду и, несмотря на куски мозга, забившие пасть, издала торжествующий вой. И отголоском послышался оглушительный рев, затихающий где-то вверху. Ярким светом полыхнули семь звезд на своде пещеры и тут же погасли. Вместе с ним потухли и красные глаза идола Мечита.

Лисица-оборотень издала торжествующий лай и прыгнула вниз, туда, где еще сидели в оцепенении шаманы Небесной Обезьяны. Острые зубы рвали глотки предателей, лиса сбивала их с ног, чтобы повалить и растерзать. Вот последний из шаманов пал с прокушенным горлом, из пасти лисицы вырвался лающий хохот. По ее телу пробежала крупная дрожь, шерсть крупными комками осыпалась с ее тела, пока она вставала на задние лапы. Вскоре уже человек — Илта Сато, обнаженная и вымазанная кровью, стояла на ступенях и в ее синих глазах светилось шальное веселье.

Как-то незаметно исчезли после изгнания Мечита и крылатые бестии, но в зале все еще бесновались, терзая друг друга новусы и было видно, что многие еще одержимы. Зачатые при участии демонов Нижнего мира, тела обезьянолюдей представлялись удобными вместилищами для шухдеров. Впрочем, и они не находя уже в пещере ничего интересного, рассасывались по коридорам в поисках людей. Где-то еще звучали одиночные выстрелы и крики, но, судя по всему, сопротивление охраны было сломлено. Озирая разгромленную пещеру, Илта заметила меж бестолково мечущихся волосатых тел, тонкую фигурку с развевающимися золотыми волосами и с автоматом в руках. Этот некто целеустремленно проталкивался к алтарю. Куноити откинула голову назад и от души рассмеялась.

— Наташа! — весело сказала она, шагая вперед, — ты где пропадала, сучка?!

— Сама такая! — выкрикнула в ответ докторша, — я думала, как спасти твою задницу!

Один из мечущихся вокруг новусов развернулся раскрывая клыкастую пасть, но Наташа почти не глядя выстрелила — и обезьяночеловек рухнул с дыркой во лбу.

— Ты теперь настоящий командос, — рассмеялась Илта, протягивая руку, — как сказали бы англичане. Настоящий боец, хоть завтра в следопыты.

— Ай, скажешь тоже, — махнула рукой Наташа, — следопыт. Я в эту образину красную чуть ли не всю обойму запустила, прежде чем в глаз попасть. И сюда еле спустилась...

— погоди, — спросила Илта, — в какую образину? В какой это глаз?

— Да вот в этот, — Наташа вдруг оборвалась на полуслове, глядя на что-то за спиной Илты. Почувствовав неладное куноити оглянулась.

Огромный идол дрожал, по нему пробегали змеящиеся трещины, разраставшиеся с каждой минутой. Мелкие осколки отваливались от статуи, падая на пол.

— Бежим! — крикнула Илта, ухватив Наташу за рукав. Обе метнулись в один из боковых проходов, по которым к святилищу проходили черные танцовщицы. За их спиной статуя Мечита накренилась и с шумом рухнула, погребая под собой оказавшихся слишком близко обезьянолюдей.

— Ну, теперь куда? — отдышавшись, спросила Наташа. Илта оглянулась — в ста метрах позади вход, через который они вбежали в туннель, полностью завалили обломки статуи.

Девушки стояли в узком коридоре, едва освещавшимся мерцавшей над потолком тусклой лампочкой — единственной непогасшей. Впрочем, и она могла погаснуть в любой момент.

Пройдя по коридору, Наташа и Илта остановились на развилке. Илта шагнула влево, когда оттуда послышались выстрелы, за ними крики и приглушенное рычание. Где-то в отдалении мелькнули уродливые тени.

— Туда — Илта кивком указала направо. Наташа послушно шагнула в указанном направлении и Илта обратила внимание, что девушка все еще держит автоматический карабин.

— Ну-ка, дай сюда, — сказала она. Быстро проверила оружие — пять патронов, не густо.

— Держи, — кивнула она, вручая оружие Наташе, — тебе нужнее.

— А ты? — испуганно спросила русская девушка.

— Поищу себе что-нибудь получше, — усмехнулась Илта, — пошли.

Она припустила по коридору, сверкая в полумраке обнаженными ягодицами — с тех пор как куноити соскочила с алтаря, у нее не было времени хоть что-то накинуть. Наташина одежда выглядела немногим лучше — еще в пещере шулмусов она раздела убитого чекиста, но его форма оказалась настолько рваной и вонючей, что у девушки кружилась голова от резкого запаха, а кожу неприятно саднило.

— Ага, вот и обновка, — словно в ответ мыслям Наташи прозвучал радостный голос Илты. Наташа проследила за ее взглядом — среди коридора валялось три трупа, под которыми растекались лужи темной жидкости. Двое из них были растерзаны буквально в клочья, но у третьего — невысокого щуплого парня была лишь свернута шея. Илта быстро стянула с него серую форму и облачилась в нее, затем тщательно осмотрела все вокруг.

— Оружия нет, — озабоченно сказала она, — видно, тот, кто это сделал забрал с собой.

— Может, вернемся? — спросила Наташа.

— Нет, — покачала головой Илта, — только время потеряем. Пошли вперед.

И вновь бег по темным коридорам, неотличимым от природных пещер, если бы не мерцающие кое-где над потолком лампочки. Ходы все больше забирали вверх, пару раз даже девушки поднимались по вырубленным в камне ступеням. По дороге попадались тела растерзанных в клочья бойцов — китайцев и русских, перемежаемые волосатыми тушами убитых новусов. Илта подобрала с одного из трупов острый кортик, но все огнестрельное оружие, что ей попадалось было или полностью разряжено или настолько изуродовано, что не могло быть использовано. Судя по всему, обезумевшие новусы разбежались по коридорам, устроив отчаянную мясорубку с охраной. По следам побоищ было не ясно, кто берет верх, однако Илте с Наташей приходилось опасаться любой из сторон.

Впереди забрезжил тускулый свет и Наташа с Илтой увидели, что коридор по которому они шли, выходит на каменный мост, подобный тем, что они видели в других местах. Девушки хотели выйти на него, когда из-за угла раздались выстрелы, яростная брань и глухое рычание. Илта и Наташа едва успели прижаться к стенам туннеля, когда в проем с диким визгом влетело истекавшее кровью мохнатое тело и рухнуло на пол. Снова затрещали выстрелы, послышалось громкое рычание, чей-то предсмертный крик и вдруг в туннель ввалился целый клубок из тел — людей и обезьянолюдей. Наташа пальнула в обернувшуюся к ней оскаленную морду, но метнувшаяся в агонии тварь сбила девушку с ног, подминая под себя. С трудом выбравшись из под мохнатой туши Наташа увидела как у стены Илта сошлась в рукопашной с тремя людьми в форме НКВД — двумя русскими и одним китайцем, не

успевавшими выхватить оружие — столь неожиданной и яростной была атака куноити. У ног ее валялась подыхающая тварь, ввалившаяся в туннель первой — видно охранники уходившие из пещеры, столкнулись с обезумевшими обезьянолюдьми вступив с ними в жестокую схватку.

И тут на Наташу с диким криком накинута разъяренная фурия.

— Ты! Ты! Ты! — истерически выкрикивала Алиса Барвазон, метаясь в лицо девушки острыми ногтями, — это вся из за тебя шлюха, фашистская тварь, сука!!! Умри, мразь!!!

На ней был все тот же странный комбинезон, уже изрядно потрепанный, волосы растрепались и в них как никогда ясно виднелась седина. Черные глаза горели сумасшедшим огнем, на губах пузырилась пена — похоже, происшедшее в пещере, окончательно надломило и без того неустойчивую психику комиссарши. Она даже не пыталась пустить в ход закинутый на плечо автомат, желая растерзать голыми руками ту, кого он считала причиной всех сегодняшних бед.

Наташа в последний момент перехватила руки Алисы, но та отчаянно вырывалась, по чем свет стоит матеря девушку. Отступая, Наташа поскользнулась в крови новуса и рухнула на пол, инстинктивно подставив руки. Сверху на нее навалилась Алиса, схватившая Наташу за волосы и пару раз ударив ее о пол.

— Умри, сука! — орала она, — умри!!!

Собрав все силы, девушка дернулась, выворачиваясь из-под насевшей комиссарши. Ей почти удалось, но Алиса ринулась за ней, снова целя в глаза. Так царапаясь и деря друг друга за волосы, они покатались по наклонному полу, вываливаясь на мост. Снизу послышался оглушительный рев — не всех черных тварей Сагаев взял в Пещеру Мечита. Сейчас внизу металось три обезьяночеловека — с горящими желтыми глазами, оскаленными клыками они жадно смотрели на дерущихся женщин.

Алиса вновь навалилась сверху, целя ногтями в глаза Наташе. Та из последних сил попыталась ударить противницу в нос, однако Алиса прижала левую руку Наташи к полу. Свободная рука комиссарши скользнула к поясу и Наташа увидела, какой опасности подвергается ее жизнь — на бедре Алисы висел нож. Все решали доли секунды — изо всех сил вцепившись свободной рукой в запястье противницы, она наклонила голову и ее зубы вцепились в проглядывающую через прореху в комбинезоне плоскую грудь Алисы. Та завопила, отдернувшись назад и стараясь стряхнуть повисшую как бульдог Наташу. Воспользовавшись удобным моментом девушка резко выкрутила руку Барвазон и та, не выдержав двойной боли, разжала пальцы. Нож со звоном покатился по каменным плитам. Алиса нечеловеческим усилием воли вырвалась, пачкая кровью свой комбинезон и метнулась к ножу. Однако Наташа, вскочив на ноги со всех сил врезала коленом, «поймав» им Алисин подбородок и добавила носком в низ живота комиссарши. Выпучив глаза от боли, глотая воздух, Алиса скорчилась на моста. Наташа подхватила с пола свалившийся с плеча чекистки автомат и направила его на пытавшуюся встать комиссаршу.

— Ну, стреляй тварь! — Алиса сплюнула с кровью слова, — я встречу тебя в вашем Аду.

— Ад слишком хорош для тебя, — презрительно бросила девушка, — отправляйся в свое будущее, сука!

Глаза Алисы округлились от ужаса, когда она поняла, что это значит. Наташа нажала на курок и пуля ударила Алису в плечо, сбрасывая ее в пещеру, в которой метались черные твари. Алиса не успела долететь до пола: несколько мощных лап ухватило ее поперек туловища, могучая сила швырнула ее вверх, перед Наташей мелькнуло искаженное лицо

комиссарши, тут же исчезнувшей под грудой мохнатых тел.

— Ну, ты даешь, — раздался голос. Наташа рывком обернулась — по мосту шла Илта, держа в руках второй карабин. Рваная форма была мокрой от крови, под глазом наливался большой синяк, на лбу тянулась рваная ссадина, но синие глаза светились весельем.

— Эта кровь не моя, — ответила она на невысказанный вопрос Наташи.

— Ты убила их? — спросила Наташа.

— Угу, — она подошла к краю пропасти и заглянула вниз, — это что ли она там?

Наташа глянула вслед за ней — в яме трое чудовищ с рычанием терзали нечто красно-розовое, ничем не напоминающее человеческое тело.

— Ага, — кивнула девушка, поворачиваясь к Илте, — товарищ Барвазон.

— Ты молодец, — повторила куноити, — ну-ка, погоди!

Она подняла карабин и несколько раз выстрелила вниз. В яме воцарилась тишина.

— Подержи, — Илта сунула Наташе карабин и, прежде чем докторша успела открыть рот, куноити цепляясь за неровности в стене, быстро спустилась вниз.

— Что ты делаешь? — вскрикнула Наташа. Илта махнула рукой, подходя к трупам и с трудом отваливая в сторону тела. Склонившись над останками Барвазон, Илта сосредоточенно копалась в них, затем выпрямилась, держа в руке что-то блестящее. На ее лице светилась торжествующая улыбка.

— Стой там, — крикнула Илта, — я сейчас приду.

Она подбежала к двери, повернулся ключ в замке и девушка быстро вышла наружу. Наташа зябко передернула плечами и отошла обратно в туннель, не желая маячить на открытом пространстве.

Ждать пришлось недолго — через полчаса из туннеля послышались быстрые шаги и перед Наташей появилась улыбающаяся Илта.

— Ну вот, все долги отданы, — она улыбнулась Наташе, — кроме одного.

Она подбросила на ладони звякнувший предмет и Наташа увидела, что это связка ключей.

— Что это? — поинтересовалась она.

— Ключи от лаборатории Иванова, — ответила Илта.

— Ты с ума сошла!?! — воскликнула Наташа, — ты еще можешь думать об этом.

— Я об этом все время думаю, — серьезно ответила Илта, — я отдала долги Эрлэн-хану. Теперь остался долг перед Империей и Сиро Исии.

— Ты хоть помнишь куда идти? — тоскливо спросила Наташа.

— Примерно, — кивнула Илта, — ну, пойдём?

Наташа неохотно кивнула и обе девушки исчезли во тьме туннеля.

Илта сама удивлялась тому, как много она, оказывается, запомнила из их недолгого «обхода» с покойным профессором Ивановым. Повороты и переходы всплывали в ее в памяти так четко, будто перед ней прокручивали замедленную киносъемку. Наташа едва успевала за свой напарницей, почти бегущей по коридорам, будто забыв о том, что пещеры Центра по-прежнему кишат обезумевшими новусами и сражающимися с ними охранниками. То и дело рядом раздавалась пальба, слышались крики боли и гнева, мелькали уродливые тени. Мигающие под потолком лампочки освещали растекавшиеся по камню лужи крови и изуродованные трупы — следы недавних побоищ. Один раз беглянки даже напоролась на одно из них — трое китайцев отстреливались отседавших десятерых новусов.

Обезумевшие твари были необычайно живучими — даже изрешеченные пулями они пытались дорваться до глотки врага — и порой им это удавалось. Когда Илта с Наташей подоспели к месту побоища, новусы были мертвы, но и среди их противников на ногах стоял только один, пошатывающийся от слабости, весь в крови. Нового врага он заметил слишком поздно — Илта, не сбавляя темпа, сбила китайца с ног, рысью прыгнув ему на грудь. В руке ее блеснул нож мигом окрасившийся кровью, брызнувшей из перерезанного горла.

Бегло осмотрев автомат убитого, она выщелкнула три патрона, потом достала еще по одному из автоматов других красноармейцев и вновь устремилась в безумный бег по коридору.

Дверь лаборатории Иванова появилась неожиданно — свернув за очередной угол, девушки почти в упор наткнулись на нее. Здесь царила могильная тишина — похоже, что безумие творившиеся внизу еще не добралось сюда.

— Странно, — подумала вслух Илта, — неужели Алиса не оставила у дверей охрану?

— Может они где-то здесь? — настороженно огляделась по сторонам Наташа, — тогда они услышат, как мы отпираем дверь. Ты уверена...

— Да, — отрезала Илта, — поглядывай по сторонам.

С этими словами она подступила к двери лаборатории. Перебрав с пяток ключей она, наконец, нашла нужный и вставила в замочную скважину.

Из раскрывшейся двери послышался многоголосый обезьяньий вой.

— Давай я тут постою — предложила Наташа, — вдруг кто появится.

— Нет, — покачала головой Илта, — ты мне нужна внутри. Ты врач, ты лучше меня разбираешься во всем этом.

С этими словами куноити решительно шагнула вперед и Наташе ничего не оставалось, как последовать за ней. Стараясь не обращать внимания на мечущихся к клеткам обезьян, она помогала Илте разбирать документацию по «Плеяде».

— Вот это тоже пригодится, — Илта достала из шкафчика сразу несколько папок, выбрав из них одну, самую тонкую, — это результаты опытов с переливаниями крови.

— Какими переливаниями? — вскинула брови Наташа.

— Потом расскажу, — отмахнулась Илта — глянь там нет еще чего?

Блондинка хмыкнула, заслышав это «потом», но промолчала. Наташа бегло просмотрела остальные папки: нет, тут не было ничего существенного — по крайней мере такого, что стоило тащить с собой. Она хотела было бросить их на пол, как делала Илта с ненужными документами, но привычка к аккуратности победила: Наташа открыла дверцу шкафчика, чтобы поставить папки на место. Неожиданно она обнаружила, что Илта достала оттуда не все — в глубине шкафчика лежала невзрачная записная книжка в коричневом переплете, с явным расчетом, чтобы не попасть на глаза посторонним. Наташа потянулась за ней, открыв наугад, и тут же недоуменно нахмурилась при виде выведенным аккуратным убористым почерком букв чужого алфавита.

— Что там у тебя? — заинтересовалась Илта.

— Не пойму, — покачала головой Наташа, — похоже, это по-французски. Хотя, вот погоди.

Она нахмурилась и стала читать.

«Двенадцатое января 1927 года. Сегодня исторический день — Лулу родила своего первого детеныша. Наверное, его стоило бы называть ребенком, но я пока не могу этого сделать — все же он слишком похож на шимпанзе, да и гвинеец, согласившийся стать

донором спермы для самки не отличается красотой. И все же это ОН!!! Дитя новой эры очередное торжество разума над старыми предассудками и тьмой невежества. Конечно рано говорить, что будет дальше, но пока малыш выглядит здоровым и крепким. Думаю, что я напьюсь этой ночью — это событие стоит того, чтобы отметить».

— Что это? — заинтересованно спросила Илта.

— Дневник — подняла глаза Наташа, — записи его экспериментов в Африке.

— Это ведь там он начал свои опыты? — уточнила Илта. Когда Наташа кивнула, Илта неожиданно шагнула к ней и, обняв, крепко поцеловала.

— Ты просто молодчина!!! — взволнованно произнесла она, — черт, если бы не ты, я бы могла и проглядеть его.

— Там дальше все по-французски, — напомнила зардевшаяся Наташа.

— Это ничего, — отмахнулась Илта, — я знаю этот язык. Ну-ка, дай почитать.

Она пролистнула несколько страниц, зацепилась глазами за какую-то фразу, прочитала ее до конца и присвистнула. Глаза ее тут же приобрели серьезное выражение.

— Исии Сиро должно понравиться, — пробормотала она, — но прежде надо дать это почитать Бэлигте хар боо.

— Что там? — поинтересовалась Наташа.

— Потом расскажу, — ответила Илта, захлопывая дневник Иванова, — ну что, похоже больше ничего интересного нет?

Наташа не успела ответить — сверху вдруг послышался глухой удар. Стены лаборатории содрогнулись, посыпалась штукатурка, замигала лампочка. Успокоившиеся было обезьяны, вновь зашлись в истошном крике. Наташа глянула на Илту — ее лицо наполнили одновременно радость и тревога.

— Надо выбираться отсюда, — произнесла куноити.

— Что это!?

— Бомбардировка!

Еще пара ударов сопроводили ее слова.

— Центр бомбят?! — не веря своим ушам, спросила Наташа, — кто?

— Канадцы, — ответила Илта, — они успели чуть раньше, чем я рассчитывала. Если мы не поторопимся нас затопит как крыс.

Дежурные у экранов радиолокационных станций «Редут» ПВО Центра засекли приближающуюся воздушную армаду на расстоянии более ста километров. Завыли сирены, объявляя воздушную тревогу. Нападение застало советских врасплох: после многих лет проведенных в отдалении от основных фронтов, в сибирской глуши, сотрудники, охрана и само руководство Центра поверили, что враг нескоро прознает про засекреченный объект в сибирской глуши.

В свою очередь японо-канадское командование ВВС, получив от Илты подробнейшую карту объекта решило нанести удар без предварительной воздушной доразведки, чтобы не испугнуть противника. Потому удар достиг стратегической внезапности — о заблаговременной эвакуации «Центра» не могло быть и речи.

Скоро и наблюдатели на передовых постах ВНОС заметили, как в ясном небе появились черные точки, умножающиеся с каждой секундой. Над долиной разнесся ровный гул, подтверждая, что на Центр движется несколько эскадрилий, воздушный флот, вроде тех, что бомбили Читу и Владивосток.

Истребительная авиация «Плеяды» была невелика — все мало-мальски крупные силы были задействованы на Иркутском фронте, в основном надежды возлагались на тройное кольцо противовоздушной обороны, размещенной на ближайших сопках и на дамбе. Она включало даже стомиллиметровые корабельные зенитные установки и самые современные советские радиолокационные станции РУС-2 «Редут». Но даже эта защита оказалась недостаточной перед надвигавшейся с юга мощью союзной авиации.

И все же Центр ответил! Его летчики были не чета местным вертухаям — прошедшие мясорубку Дальневосточного и Забайкальского фронтов, закаленные бойцы воздушной войны приняли бой.

Под вой сирен воздушной тревоги в небо взмылись Ми Ги с красными звездами на крыльях, поддержанные противоздушной артиллерией. Также срочно было оповещено командование с требованием как можно скорее прислать истребители со всех ближайших аэродромов «Большой земли».

Но даже с ПВО силы защитников были неравны — японские истребители «Накадзима» Ки-84 «Хаяте» и канадские «Темпесты» настолько превосходили противника числом, что на каждый сбитый советскими истребителями самолет приходилось не менее пяти «сталинских соколов». Один за другим Ми Ги и «Лавочкины» падали в воду, разбиваясь об острые камни. Пока японцы из элитных первого и двадцать второго истребительных полков-сентаев поддержанные канадцами, расчищали небо от советских самолетов, канадские истребители — бомбардировщики — «Тайфуны» и «Москито» штурмовали позиции радаров и зенитной артиллерии обрушив на них фугасные бомбы, ракеты и баки с напалмом, обстреливая их из бортовых пушек. От огня зенитной артиллерии канадцы и японцы несли наибольшие потери, но рано или поздно установки ПВО замолкали одна за другой, перемешанные с землей и камнем, а уцелевшие остатки расчетов нещадно загонялись обратно в убежища.

Тем временем сентай четырехмоторных японских бомбардировщиков «Накадзима» Г-8Н «Рензан» прорываясь сквозь убийственный зенитный огонь, нанес первый удар по Центру двухтонными бомбами. Именно этот удар и застал Илту с Наташей в лаборатории. Это их спасло — ибо потом, когда сопротивление врага было подавлено — на горизонте появились другие эскадрильи — канадские тяжелые бомбардировщики «Ланкастер». Командование Королевских Канадских ВВС бросило в бой всю шестую бомбардировочную группу, причем часть самолетов несли бомбы глубокого проникновения — 5448-килограммовый «Тэллбой» и даже 9988-килограммовый «Грэнд Слэм».

Казалось, содрогнулась сама земля когда первые бомбы обрушились на дамбу защищавшую Центр от окруживших его вод.

Над Хара-Худагом разверзся Ад.

— Ну, что там?! — прокричала Наташа, стараясь перекрыть грохот разрывающихся бомб.

— Пока не знаю, — крикнула в ответ Илта, — но здесь оставаться нельзя!

Наташа быстро накинула на себя белый халат, нашедшийся в кабинете Иванова и бросились к лифту. Как ни странно он еще работал, хотя и так трясся от раздвавшихся сверху ударов, а лампочки на его потолке так опасно мигали, что девушки решили выйти, не дожидаясь пока они застрянут, а то и рухнут вниз. Чуть ли не наугад Илта с Наташей выскочили на этаже, откуда обе начали знакомство с Центром — тюрьме для узниц, готовящихся к отправке в подземелья. Сейчас эти коридоры пустовали — местная охрана,

как и все прочие стремились перебраться в безопасное место.

— Интересно тут есть кто-нибудь? — прокричала Наташа, показывая на двери камер вдоль коридоров, — они же умрут.

— Чем мы им поможем? — хмуро ответила Илта.

Новый сокрушительный удар потряс здание, оглушительно орала сирена, но в редкие мгновения затишья из-за дверей не доносилось не звука. Илта, помедлив, шагнула к одной из них и толкнула. Дверь распахнулась, открывая пустую камеру.

— Где... — растеряно произнесла Наташа.

— Помнишь девушек в пещере Мечита? Вот там.

Очередная серия ударов, казалось, сотрясла центр до основания — сверху посыпалась штукатурка, по потолку зазмеились трещины.

— Выходить наружу — самоубийство! — крикнула Наташа.

— Остаться тут — вот это действительно самоубийство, — ответила куноити, — бежим!

В Центре царила суматоха — военные, ученые, техническая обслуга и партийное начальство сбивались с ног не зная, что делать и куда бежать. Еще не было подавлено окончательно ПВО Центра и советские самолеты еще бились в воздухе с врагом, но уже было очевидно, что все кончено. Лишь немногие осознавали, что спускаться вниз — верная смерть: инстинкт самосохранения оказался сильнее и люди, набивались в кабинки лифтов, сбивая ноги спускаясь по лестницам, надеясь то, что бывшие пещеры Хаар-Худага станут надежным бомбоубежищем. Они еще не знали о смерти профессора Иванова, о грандиозном жертвоприношении затеянном Сагаевым и Барвазон и о столь же грандиозном его провале. На самом деле не так уж много людей в Центре хорошо представляло себе, что находится в нижних ярусах — знали только о громадных подземельях, где надеялись укрыться от падающей с небес смерти.

Они не знали, что внизу их уже подстерегает иная смерть.

— Спокойнее товарищи, спокойнее, — скороговоркой повторял Андрей Петренко, — не волнуйтесь, все пройдут.

Молодой лейтенант был бледен, по его лицу стекали капли пота, что и было немудрено — нападение врага застало его врасплох так же как и всех остальных. За его спиной стояли подчиненные — несколько солдат-срочников, еще более испуганных чем лейтенант госбезопасности. Они стояли возле небольшой проходной, за которой открывалась шахта лифта, только что отправившая вниз очередных беглецов с поверхности. Лифт оказался на несколько человек перегружен, но Петренко считал, что это ерунда — по сравнению с той массой народа, что толкалась в коридоре, стремясь как можно скорее укрыться в безопасности древних пещер от подбирившихся все ближе глухих разрывов. Петренко не повезло особо — ему наспех доверили эвакуацию местного партийного начальства — по крайней мере, некоторой его части. Пока большая часть персонала, сбивая ноги, задавливая друг друга насмерть сбегала вниз по лестницам, здесь готовился секретный лифт, предназначенный для быстрой отправки верхушки в надежное убежище.

Все эти люди, в обычное время и не замечавшие, таких как Петренко, сейчас глухо ворчали, ругались, нервно переговаривались между собой, женщины тихо всхлипывали.

— Долго нам еще ждать?! — слышался откуда-то из толпы раздраженно-истеричный

голос.

— Нет, — поспешно ответил Петренко, с облегчением услышав внизу скрип лебедки, — следующие десять человек, проходите.

В толпе завязался спор, кто-то кому-то горячо доказывал, что именно он должен пройти раньше, когда за спиной лейтенанта с легким щелчком встал лифт и раздвинулись двери. Возмущенные возгласы в толпе стихли и Петренко увидел, как на лицах беглецов проступает гримаса крайнего ужаса. Недоумевая, он развернулся и замер, пораженный, парализованный страхом.

Кабина лифта была залита кровью — стены, пол, даже потолок. По углам валялись оторванные конечности, в обшивке виднелись следы от пуль. А в дверях кабины стояло безобразное чудовище, напоминавшее огромную обезьяну, поросшую густым рыжим волосом. В огромной лапе тварь держала за волосы оторванную голову в глазах которой еще светился дикий ужас. На переносице чудом сохранились очки в золотой оправе, по которым Петренко опознал убитого — совсем недавно отправленного вниз партийца, успевшего выговорить лейтенанту, что тот якобы задерживает эвакуацию.

Опомнившись от первоначального страха Андрей потянул с плеча СКС, но чудовище оказалось быстрее — огромная лапа вырвала из рук человека оружие и в этот же момент вокруг его головы словно сомкнулись могучие тиски. Лейтенант закричал от невыносимой боли, чувствуя как рвутся мышцы и сухожилия, как трещат шейные позвонки и все вокруг застилает тьма.

Ближайший солдат успел выстрелить в плечо чуду, но только раздражил его. Тварь равнулась вперед, терзая обидчика зубами и когтями, а в толпу ворвались иные создания, ранее скрываемые широкой спиной — поросшие черным мехом создания, вооруженные дубинами и пожарными топориками. Крики терзаемых людей сопровождались злобным рычанием обезьянолюдей и все это перекрывалось нараставшим наверху грохотом разрывающихся бомб.

Кошмар разрастался, приобретая совсем уж дикие формы. Схватка новусов с охранниками в недрах подземелий закончилась победой обезьянолюдей, задавивших численностью деморазированных людей. Уничтожив их, обезумевшие от жажды крови, чудовища устремились вверх, где и столкнулись со спасавшимися от бомбардировок людьми. Мгновенно завязалось множество боев — там где у спасавшихся было хоть какое-то оружие — или кровавых боев, там где безоружных людей встретили клыки и когти созданий безумного профессора. Многие ринулись обратно — прямо под бомбы «Рензанов» и «Ланкастеров». Впрочем, бомбардировки велись в основном по окружавшим долину дамбам и по самому Центру. В самой долине их почти не велось и те, кто сумел сюда прорваться, могли временно чувствовать себя в безопасности.

Могли бы — если бы не устремившиеся вслед за беженцами новусы. Кровавое безумие вырвалось из подземелий в долину, где стремительно исчезало всякое подобие организации и дисциплины — Центр стремительно превращался в стадо обезумевших, озлобленных существ, озабоченных лишь одной задачей — выжить. В этой суматохе уже никто не обратил внимания на двух молодых женщин, вместе со всеми выбежавшими из разрушенного здания. Илта лихорадочно оглядывалась по сторонам, думая о том, как выбраться отсюда — и не находила выхода.

— Мы умрем, да? — как заведенная повторяла Наташа, озирая разверзшийся ад, — мы утонем?

— Не каркай, — процедила сквозь зубы Илта, — ну — ка, держи.

Она сунула в руки Наташе папку с документами и дневник профессора.

— Не вздумай потерять — убью, — скупно сказала она.

— Да что ты говоришь! — Наташа истерически расхохоталась — как страшно, ха-ха.

— Прекрати! — Илта с силой хлестнула Наташу по лицу и та замолчала, схватившись за щеку, на ее глазах выступили слезы.

— Ну ка, в темпе! — жестко сказала Илта, хотя сердце ее обливалось кровью. Она помотала головой и она устремилась вперед, прямо сквозь толпу метавшихся людей. Наташа, прижимая к себе драгоценную ношу, кинулась за куноити, стараясь не отставать. Пару раз прямо на них налетали беглецы — и тут же отлетали в сторону с лицом искаженным от невыносимой боли. Наташа вспомнила сколь смертоносными могли быть пальцы Илты и могла только посочувствовать несчастным — впрочем, Илта была милосердней, чем новусы. Наташа видела как черная тварь с редкими клочками шерсти сбила с ног одного из убежавших и, подхватив с земли бетонный обломок, со всего маху раскроила ему череп. Как метался из стороны в сторону звероподобный исполин с болезненно-бледной кожей, кроивший черепа ударами твердых как железо костяшек пальцев. Его изрешетили выстрелами, но он все равно успел вцепиться огромными клыками в голову напавших на него солдат, разом прогрызая ее. Чуть поодаль отчаянно вопила женщина в белом халате, разрываемая на части рыжими обезьянами. Отстреливаясь от новусов Илта быстро израсходовала нехитрый запас патронов и отбросила бесполезный автомат. Теперь они могли полагаться только на ноги и боевые искусства куноити.

Рокот авиационных моторов вдруг резко усилился — приближалась очередная волна «Ланкастеров». На этот раз удар пришелся прямо по комплексу зданий Центра разрушая его до основания. Десятитонные бомбы «Грэнд Слэм» пробили себе путь в подземелия и рвались там открывая черные проломы, поднимая над землей огромные облака дыма и пыли.

В воздухе стоял ужасный грохот и свист а земля ходила ходуном как при землетрясении.

Прорываясь через все это, Илта и Наташа выбрались на территорию, где шли поля местных подсобных хозяйств и стояли домики обслуги. Тут же тянулись и аэродромы, ныне почти пустующие — все военные самолеты поднялись в воздух. Обломки связных и транспортных самолетов догорали после штурмовки «Тайфунами», также дым пожаров поднимался над полуразрушенными ангарами и бензохранилищами. Однако на окраине стоял и небольшой У-2, явно для сельскохозяйственных целей. Вокруг него суетились несколько человек в форме НКВД.

— Что вам надо? — выкрикнул один из них, завиде приближавшихся девушек — пошли вон!

На плечах его виднелись петлицы капитана госбезопасности.

Видя, что девушки по-прежнему бегут к нему, он потянулся к кабуре, но Илта не дала вынуть пистолет — рука ее дернулась и капитан повалился набок, вцепившись в торчащую из шеи рукоятку ножа. Остальные офицеры тоже потянулись за оружием, но было поздно — Илта уже была среди них. Умения, преподанные ей Ёшико, как никогда пригодились — скупые меткие удары сеяли смерть, направо и налево, губы Гончей Смерти кривились в холодной улыбке, а глаза напоминали кусочки синего льда. Через пару минут все было кончено. Илта сорвала с пояса капитана пистолет и выстрелила в лоб высунувшемуся из кабины пилоту.

— Залезай! — бросила она Наташе.

— Я...а ты что, умеешь? — пролепетала докторша.

— Умею. Залезай, нет погоди.

Илта привлекла к себе Наташу, приобняв за талию и приблизила свои губы к ее.

— Илта, ты что!? Здесь!? Сейчас!?

— Тссс! — произнесла Илта, приложив палец к губам девушки — совсем как в день их первого знакомства — и жарко поцеловала ее. Руки куноити смяли белый халат Наташи, обмякшей в объятиях подруги, и тут же резким движением Илта сдернула его с девушки.

— Ты что!?

— Так надо! — сказала Илта, — давай залезай!

Этот приказ она сопровождала чувствительным шлепком по голому заду и Наташа беспрекословно полезла в кабину. Илта, расстелив халат на земле и, стараясь не обращать внимания на рвущиеся все ближе снаряды, выдернула нож из шеи убитого капитана. Начертив на белом халате круг, она принялась быстро замарывать его кровью.

— Вот держи, — сказала она, запрыгивая в кабину, — выстави его из окна, чтобы развеялся.

— Но что это?

— Наш пропуск в жизнь, — усмехнулась Илта, заводя мотор.

Еще какая-то группа людей, размахивая руками и крича что-то нечленораздельное, бежала по летному полю к самолету, но уже заработал мотор, Илта потянула на себя штурвал и самолет сначала медленнее, а потом все быстрее побежал по взлетной полосе. Голая Наташа, сжавшись на сиденье рядом с ней, держа за оба рукава выброшенный из иллюминатора халат с расплывающимся на нем кровавым пятном. Несколько пуль свистнуло у ее уха, но самолет уже взлетал в воздух, оставляя внизу терзаемую бомбами землю. Два снаряда пронеслись совсем рядом, причем один разорвался чуть ли не прямо под самолетом, переваливавшему через стену дамбы. Неказистый биплан тряхнуло так, что казалось, он вот-вот развалится на куски, Наташа стукнулась головой о стенку кабины, едва не выронив из рук халат.

— Держись! — не оборачиваясь, крикнула Илта, с трудом выровняв самолет. Мотор угрожающе чихнул и Илта выругалась — вот это совсем плохо!

Наташа, сумев преодолеть испуг, высунулась из окна, стараясь держать расправленным белое полотнище с красным кругом — жалкая имитация японского флага и довольно наивная уловка, как с кристальной ясностью понимала сейчас она. Каждую минуту любой из мечущихся в воздухе истребителей мог разнести самолетик в щепки. Впрочем, бой подходил к концу: редкие советские истребители еще бились в воздухе с союзниками.

Внизу простиралось искусственное озеро, вода в котором кипела от сбрасываемых бомб и рушащихся самолетов. Один за другим гремели взрывы на дамбе, покрывающейся сетью расплывшихся черных трещин.

— Берегись! — вдруг выкрикнула Илта и Наташа, посмотрев перед собой, испуганно ойкнула. Прямо на них мчался «Темпест» с эмблемой канадских ВВС. Он пока не стрелял но один только залп из пушек изрешетил бы советский биплан.

Неожиданно самолет ушел в бок, показав брюхо, и тут же ударил очередь из всех своих пушек. Наташа зажмурилась, почти чувствуя, как пули входят в ее тело, но, открыв глаза с удивлением обнаружила, что все еще жива. Она обернулась — позади кувыркнулся сбитый Ми Г, оставляя за собой дымный шлейф. С ужасным шумом он разорвался прямо на дамбе к которой, держась необычно низко над водой приближались несколько

«Ланкастеров», несшие на этот раз не канадские а британские опознавательные знаки. Эти самолеты сбросили большие, странные, похожие на бочки бомбы которые, прыгая по водяной поверхности, устремились к дамбе. Поднятые взрывами столбы воды опять на мгновение вскрыли дамбу и та, пойдя трещинами, стала осыпаться. Сквозь расширявшиеся трещины с шумом хлынула вода.

«Темпест», сделав круг, прошел рядом с бипланом — так что можно было видеть лицо летчика, белозубо улыбавшегося Илте с Наташей. Куноити тоже его узнала и подняла два пальца — «Victory». Но тут же она сосредоточилась на полете — двигатель стучал и чихал, вот-вот готовясь отдать концы.

«Темпест» союзников шел рядом, с другого борта к нему присоединился еще пилот, также сопровождавший биплан.

Мотор окончательно отказал, когда Илта сажала биплан на гору с относительно плоской вершиной. Судя по всему, раньше она использовалась как взлетная площадка для советских самолетов, но сейчас она пустовала. Самолет проехал несколько метров, подпрыгивая на каких-то неровностях и наконец, затих. Илта расслабленно откинулась на спинку кресла.

— Вырвались, — потянувшись, сказала она, — срывай к чертовой матери эту тряпку.

Нежные руки обвили ее шею и, не успела Илта опомниться, как к ее губам приникли теплые губы.

— Эй-эй, — рассмеялась Илта, отвечая на поцелуй, — ты чего?!

— Люблю, люблю, люблю! — лихорадочно произносила Наташа, пролезая на колени Илты и целуя свою подругу в губы, щеки, нос — если бы не ты...я бы...если бы — она прижалась лицом к груди куноти и расплакалась.

— Ну-ну, успокойся, — Илта похлопала ее по спине, — ты тоже молодчина. Забыла что ли, кто выстрелил в глаз этому чудищу. Да если бы не ты, ох... — Илта зажмурилась, отгоняя мысли о том, чтобы случилось, если бы этого не произошло.

— Один раз только и то случайно, — улыбнулась успокоившаяся Наташа, — а так сидела бы в той каталажке, рожала...ой.

Она помрачнела, положив руку на живот, занывший уже знакомой болью. Все увиденное и услышанное за эти две недели разом всплыло в ее голове. Илта сочувственно посмотрела на девушку и накрыла ее руку своей.

— Все будет хорошо, — сказала она и ободряюще улыбнулась Наташе. Та подняла глаза и робко улыбнулась в ответ. Илта потянулась поцеловать девушку, когда за окном послышался нарастающий рев моторов. Илта выглянула наружу — один из «Темпестов» продолжал кружить вокруг горы, а второй опускался рядом с ними. Следом приземлился «Норсеман» — легкий канадский транспортный самолет прозванный «кустарниковым» — за способность легко приземляться или взлетать и с гораздо худших полос чем эта, часто использовавшийся для заброса диверсантов или спасения сбитых летчиков. Когда он остановился, открылись дверцы и шестерка вооруженных автоматами «коммандос» с фантастической быстротой покинув машину заняли позиции и залегли, обеспечив периметр, не обращая не малейшего внимания на Илту и Наташу. Пилот истребителя тоже открыл фонарь и выпрыгнул наружу.

— Хай герлз, — высокий светловолосый летчик вскинул руку в приветствии, — все в порядке?

— Да, все нормально, Питер, — крикнула в ответ Илта. Она обернулась к Наташе — ты

помнишь его? Когда мы отдыхали в Харбине, за соседним столом сидели летчики из Канады. К нам от них еще тогда Маккинес подсел.

Наташа, торопливо накинувшая на себя халат, кивнула, смущенно улыбаясь в ответ белозубому ван Гельту.

— Здесь упомянули мое имя всеу? — из кабины «Норсемана» послышался недовольный голос.

— Маккинес?! — ахнула Илта, увидев, как на землю спрыгивает старик в форме летчика.

— Черт, возьми, Илта! — журналист покачал головой, — я даже не знаю что сказать. Когда я узнал о том, в какой ты заднице я понял, что мне обязательно надо посмотреть на все это. И вот она — он обвел рукой долину за их спинами, — у меня просто нет слов. Ты мне должна будешь все-все рассказать — черт, я потребую от редактора два...нет, три разворота!

— Расскажу, — сказала Наташа, — ну, все, что не запрещено подпиской о неразглашении. Долго вы нас искали?

— Сказать по правде, Илта тебе стоило надрать задницу, — пробурчал ван Гельт и, заметив, как Илта вскинула на него недоуменный взгляд, пояснил, — за твои игры с секретностью. Ты думаешь, если у меня такая фамилия, так мне можно писать на голландском? Мои предки с колониальных времен в Новом Свете, я по-голландски знаю только с пяток ругательств, которые говорил дедушка когда хватал лишку. Хорошо еще что у нас есть несколько самолетов с Голландской Ост-Индии в рамках союзного долга, один летчик и перевел. Сама-то где так язык выучила?

— Там и выучила, — усмехнулась Илта, — в той самой Голландской Ост-Индии.

Она легко спрыгнула с самолета, подала руку Наташе и подошла к краю горы.

— Скоро наши ребята отбмомбятя — говорил за ее спиной Ван Гельт, — хорошо еще, что недавно к нам перебросили из метрополии 617-ю специальную эскадрилью. У них есть специальные бомбы и большой опыт по плотинам на Волге. А вот вам пора домой, а — то спасателям еще наших сбитых искать.

Он говорил еще что-то, но Илта уже не слышала замороженная открывшейся ей величественной и страшной картиной.

Центра больше не было — бомбардировки окончательно разрушили дамбы и искусственное озеро, нависавшее над долиной, беспрепятственно извергалось в казавшуюся бездонной пещеру. Мелело дно, обнажая старые скалы и колоссальный поток словно щепки нес обломки сбитых самолетов, унося их в глубины Черного Колодца. Исполинский водоворот кружился над пещерами и Илта почти наяву слышала крики утопающих — людей и полужверей, вместе с которым смывалось в преисподнюю безумные надежды, амбициозные планы и последний иллюзии большевиков. Эрлэн-хан брал свое и дети его, томившиеся в сырых подземельях наконец воссоединялись со своим Отцом. И где-то (в небе? в отдаленных уголках мозга) слышался беззвучный вопль ярости и досады — вопль чудовища, изгоняемого с земли. Девушка подняла глаза к небу — показалось ли ей или там и вправду ярко вспыхнули и погасли семь звезд?

И только Илта видела как над крутящимся водоворотом встает черный силуэт с бычьими рогами, только она слышала торжествующий хохот разносящийся над Хара-Худагом.

Проект «Плеяда» завершен.

Что-то коснулось ее руки, сжав ее. Илта обернулась и увидела Наташу, вместе с ней смотрящей на бурлящие внизу мутные воды.

Эскадрильи «Тайфунов» и «Ланкастеров», уже разворачивались над долиной, уходя на юг мимо скалы, где стояли Наташа и Илта.

— Пойдем, — сказала девушка, сжав руку подруги, — пора возвращаться домой.

Тонкие пальцы ласкали влажную плоть, смуглое и белое тела сплетались на простынях, жадные губы покрывали поцелуями девичье тело от задранного подбородка и подставленной белой шеи до пальцев ног. Прерывистые вздохи были слышны даже в коридоре и молчаливые узкоглазые слуги, торопились быстрее пройти мимо дверей комнаты, выделенной гостю атамана Семенова и ее подруге. Те же, забыв обо всем, погрузились с головой в море нежности и страсти, в которых обе старались найти избавление от недавних кошмаров.

После спасения из Хара-Худаг, канадская эскадрилья развернулась до Читы — откуда был совершен беспримерный по дерзости и дальности полет. Там, в столице Забакалья, они с Наташей остановились на один день — отдохнуть от всего пережитого, успокоить расстроенные нервы. Большого они себе позволить не могли — Илта помнила, что буквально на днях истекает срок данный ей Исии Сиро на выполнение задания. В Харбине куноити ждала и принцесса Айсин Гёро и Лаури Терни, с которым Илта разминулась в Чите всего на день — финна вызвали зачем-то в Хабаровск. Егерь, тем не менее, оставил записку Илте, где предлагал встретиться в Харбине, перед его отъездом на родину. На встречу напрашивался и Петер ван Гельт, чья эскадрилья сейчас базировалась в Чите. Илта не хотела обижать двух храбрых парней, про себя решив, что обязательно удовлетворит просьбу обоих — потом. Сейчас же ей хотелось быть только с Наташей.

Они ласкались до иступления, до искусанных до синевы губ и расцарапанных в кровь тел, раз за разом ввергая друг друга в сладостное безумие. Илта исхитрилась в Чите найти китайский искусственный фаллос и сейчас, закинув Наташины ноги на плечи, имела им русскую девушку на простынях, мокрых от пота, крови и любовных соков. И лишь через несколько часов, когда они вдоволь насладились друг другом Наташа сомкнула глаза, провалившись в глубокий сон, без сновидений.

Илта не спала — она лежала рядом со спящей подругой, уставившись в потолок. Вздохнув, она положила руку на живот подруги, ощутив его заметную округлость. Покачав головой, она резко поднялась с кровати. На столике рядом лежала пачка папирос и спички — куноити черкнула и закурила, пуская колечки дыма. Подняла со столика папку и пролистнула несколько листков — и ее лицо стало совсем мрачным.

Если верить записям Иванова Наташе осталось от силы пару месяцев до родов. И это тревожило Илту, ибо она знала, что Исии Сиро не упустит возможности получить в руки «отродье Мечита». Записи записями, но живой образец опытов существенно ускорит исследования и практическую их реализацию — что рано или поздно станет главной целью «папаши». Проект «Плеяда» возродится — на этот раз под эгидой Японской империи.

«Мечит не нуждается в почитании, но можно воспользоваться его силой, если творить что-то приятное Обезьяне», — всплыли в ее голове слова старого шамана. Уж кто-кто, а Сиро Исии, старая обезьяна найдет чем ублажить Мечита, умея причинять боль и страдания ничуть не хуже большевиков. И Небесная Обезьяна охотно найдет себе новое пристанище — на этот раз в лабораториях «Отряда 731». Нет, Илта не боялась — она помнила и другое,

сказанное Бэлигте хар боо: о том, что можно заставить Обезьяну сделать что-то во благо, если принести жертву тем, кто удержит Мечита в узде. Империя — это не безумные красные фанатики, отвергнувшие всех богов и духов, чтобы пойти в рабство к монстру с далеких звезд. Пока есть Лхамо-Аматэрасу на небе, ее потомок-тэнно на земле и главное — Эрлэн-Эмма в Нижнем Мире, Мечит и его отродья будут служить во славу Империи и Красная Обезьяна станет Желтой.

Но вот Наташа...Илта перевела взгляд на лицо безмятежно посапывающей девушки и сама удивилась тому, как вдруг защемило сердце от жалости и тревоги.

Ее Мечит не выпустит из когтей — это его добыча, помеченная его клеймом. И Сиро Исии пойдет ему навстречу — что для него, ежедневно отправляющего на смерть десятки и сотни людей, какая-то русская пленница? Он не выпустит добычу из рук — даже когда Наташа родит, она останется в плену у Сиро Исии, который поставит на ней сотню опытов и, когда ее роль будет исчерпана, расчленит ее на части, разберет на органы, чтобы досконально изучить все изменения, совершенные вторжением чуждой жизни в ее организм. Наташа обречена — если только Илта в очередной раз не спасет ее от смерти.

Илта искоса посмотрела на девушку, потом аккуратно сложила в папку документы и принялась одеваться. У нее оставалось еще несколько часов до отъезда и она собиралась потратить оставшееся время с наибольшей пользой для всех.

Исии Сиро сидел в своем кабинете, за столом из черного дерева, дописывая четвертую страницу доклада генералу Ямаде. Время от времени он бросал взгляд на висящие на стене часы, но больше для очистки совести — от ушедшей в сибирскую тайгу посланницы «Черного Дракона» не было ни слуху ни духу. Генерал-лейтенант уже не сомневался, что он никогда не увидит странную девушку с голубыми глазами — о чем он в глубине души даже где-то сожалел. Он, конечно, не думал, что Илта перебежала к врагу — скорее всего она сложила голову где-то там в большевистском логове, в отчаянной попытке реабилитироваться. Печально, но ему сейчас стоит думать не о мертвых, а о живых. Например о себе — этот провал мог изрядно подпортить карьеру начальнику «Отряда 731». От того Исии Сиро и изощрялся сейчас в формулировках, стараясь переложить как можно больше ответственности сейчас на Илту Сато, Йошико Кавасиму и генерала Кэндзи Доихару.

Стукнула входная дверь и Сиро Исии недовольно поднял взгляд — кто это отрывает его от написания рапорта. Тут же глаза его округлились, ручка со стуком выпала из пальцев.

— Вы?!

— Привествую, Сиро-сан, — Илта Сато, в новенькой японской форме поклонилась сложив руки, — я кажется не опоздала? — она посмотрела на часы.

— Нет...вроде бы, — Сиро Исии быстро восстановил самообладание, — вы пришли за своим наказанием Сато-сан?

— Наказанием? — Илта заломила бровь, — напротив, Сиро-сан, совсем напротив. Я пришла доложить об успешном выполнении задания, — папка с документами чуть более сильно, чем следовало хлопнулась о стол, — вот здесь все, что я смогла собрать по проекту «Плеяде» плюс мой подробный рапорт. Надеюсь, что вы в этой биологическо-медицинской тарабарщине разберетесь быстрее меня.

Исии Сиро какое-то время тупо смотрел на девушку, потом поднял папку и пролистнул несколько страниц. Чуть ли не с первых строк он понял, что рапорт Ямаде придется переписывать полностью — из смиренно оправдывающегося неудачника он вновь предстает

тримуфатором. Широкая улыбка расплылась по лицу великана-японца.

— Империя может гордиться вам, Сато-сан, — гаркнул он, — это неопиcуемый успех, я...у меня просто нет слов. Вы полностью искупили свою оплошность — о которой, смею вас заверить, теперь никто и не узнает. Напротив, я обязательно упомяну в рапорте о необходимости присвоения вам очередного ордена и повышения.

— Спасибо, сансэй, — Илта поклонилась, пряча легкую усмешку.

— Ну, а сегодня, — продолжал Сиро Исии, — я бы хотел пригласить вас в ресторан, чтобы мы могли отпраздновать очередную вашу победу...с продолжением на базе.

— Благодарю, Сиро-сан, — вновь поклонилась куноити, — но у меня категорически нет времени. Меня включили в охрану наследника престола на время его визита в Европу. Планируется посещение Хельсинки, так что у меня сейчас совершенно нет времени — приходится днями и ночами учить язык предков. Приказ от Ямады будет уже сегодня вечером. Так что, если вы не против, я удалюсь.

Она поклонилась и развернулась, чтобы выйти, Сиро Исии раздосадованно пожевал кончик черного уса.

— Одну минуту, Сато-сан, — крикнул он.

— Да сансэй? — Илта развернулась к «папаше».

— Я только хотел спросить — что с вашей подопечной?

Лицо куноити оставалось бесстрастным.

— Она погибла, — равнодушно сказала она, — случайная пуля. В рапорте все написано.

— Мда, печально — Исии Сиро дернул кустистой бровью, — ну ладно, идите.

Илта вновь поклонилась и вышла из кабинета. Исии Сиро молча проводил ее взглядом, потом пожал плечами и, распахнув вновь папку, углубился в чтение.

Полная Луна за окном иллюминатора струила свой бледный свет, освещая внутренность небольшой каюты и светловолосую девушку в белой пижаме сидевшую за небольшим столиком. Поджав ноги, она сосредоточенно дописывала что-то на большом листе бумаги. По правую руку от нее лежала стопка точно так же исписанных с обеих сторон листков.

— Мисс Севастьянова, — послышался стук в дверь, — не хотите прогуляться по палубе? Ночь просто чудесная.

— Сейчас, мистер Маккинес, — крикнула в ответ Наташа. Она дописала последнюю строку, поставив точку и положила листок в стопку к остальным. Скинув пижаму, она одела дамские брюки, кофту, накинула сверху теплую шаль и, сложив листки в большую папку, направилась к двери.

— Илта просила передать это вам, — говорила Наташа, стоя у поручней рядом с одетым в твидовое пальто Маккинесом, — в этих записях краткое описание проекта «Плеяда», ну и всего...что было там. Она сказала, что это может быть интересно канадскому правительству. И еще она сказала, что вы... — Наташа запнулась.

— Я не брошу вас, мисс Севастьянова, — успокаивающе произнес Роберт Маккинес, — мисс Сато просила позаботиться о вас, а ее друзья — мои друзья. Она очень хорошая девушка.

— Да, — задумчиво произнесла Наташа, — очень.

Она смотрела на океанскую гладь, посеребренную лунным светом и пенный след, оставляемый исполинским лайнером «Куин Уоллис» полным ходом идущим в Ванкувер из Николаевска, куда Наташу под огромным секретом доставили из Читы. Впереди была

незнакомая Канада, позади — война, кровь, японцы, партизаны, Сиро Исии и...Илта.

— Интересно, как она там? — вслух спросила Наташа.

— Я думаю, с ней все в порядке, — откликнулся стоящий рядом Маккинес, — с ней всегда все в порядке. Она удивительная девушка.

— Да, — Наташа невольно сглотнула, чтобы голос ее предательски не вздрогнул, — удивительная, — она отвернулась, пряча слезы.

— Знаете, меня всегда поражала ее независимость, — после недолгой паузы произнесла Наташа, — ее решимость, ее умение идти вперед, получать в зубы, вставать и снова побеждать. У меня, наверное, никогда не получится так...как она. За меня всегда решали другие — сначала отец, потом Борсоев, Барвазон, Илта. И, если честно, мне страшно сейчас.

— Чего же вы боитесь? — спросил Маккинес.

— Этой вашей Канады, — выпалила Наташа, — понимаете, я же буду совсем одна в чужой стране. То есть, вы будете рядом, но ведь у вас там своя жизнь, семья, работа — вы не можете уделять мне все свое время. И теперь мне страшно — что там будет со мной?

— Понимаю, — помолчав, сказал Маккинес, — знаете, мне это знакомо.

— Правда, — вскинула глаза Наташа.

— Да, — кивнул седовласый поэт, — я ведь приехал на Юкон из метрополии когда мне было почти столько лет сколько и вам. В память о том времени я написал стихи...хотите я почитаю их вам.

— Почитайте, мистер Маккинес, — кивнула Наташа, — я с удовольствием выслушаю.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Маккинес откашлялся и начал читать:

Вы бежали сюда отыскать Покой, от отцовского камелька,
Среди белых гор, и болот, и озёр, что закатом обагрены;
Поиск трудным был, поиск нудным был, но, похоже, что цель близка:
Говорят, что Бог схоронил Покой в сердце Северной Тишины.

Вы всю жизнь свою провели в бою, непритворен был этот бой;
Там, где тайны спят у Незнамых врат, вы монарший подняли стяг;
Но пора отдохнуть, завершая путь, утомившись в борьбе с судьбой...
И теперь туда, где ждёт Пустота, нужно сделать последний шаг.